

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

4(179)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1986

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,

чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *В. И. Кузицин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
д. и. н. *Л. П. Маринович*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

С. Г. Кошурников

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДИЛЬБАТА В ПРАВЛЕНИЕ I ВАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ

История I Вавилонской династии (1894—1595 гг. до н. э.) является хронологическим стержнем для изучения истории всего старовавилонского периода. Стабильность династии на протяжении трех столетий при наличии подробных списков датировочных формул (своеобразных кратких хроник) дает прекрасную хронологическую канву данного периода. Однако эти датировочные формулы весьма лаконичны, и далеко не всегда их можно сопоставить с данными других исторических источников.

Большую часть старовавилонских табличек составляют юридические и хозяйственные документы. Письма также составляют значительную часть текстов, однако подавляющее большинство их не имеет никакого исторического интереса, так как не может быть датировано, да и содержание их часто весьма однообразно (содержат просьбы купить, отправить или доставить что-либо и т. п.). Письма вавилонских царей известны нам в основном от времени правления Хаммурапи (1792—1750), Самсу-илуны (1749—1712) и их преемников. Именно в правление Хаммурапи и Самсу-илуны Вавилонское царство достигает наибольшего могущества, при преемниках же Самсу-илуны оно начинает постепенно приходить в упадок.

Наибольшие трудности для изучения представляет период до Хаммурапи¹. Основным источником по истории этого периода являются датировочные формулы вавилонских царей и их соперников.

В начале правления династии Вавилонское царство занимало незначительную территорию. Южная граница царства проходила примерно в 30 км от Вавилона. У южной границы был расположен город Дильбат, из которого до нас дошла значительная часть старовавилонских документов. Подавляющую часть этих документов времени правления первых пяти царей династии составляют таблички семейного архива. Большинство из них является контрактами купли — продажи недвижимости². Стандартно составленные, они на первый взгляд представляют интерес лишь в плане изучения хозяйственной деятельности семьи. Однако именно однородность материала и значительное количество текстов³ при вни-

¹ Наиболее интересная работа, посвященная данному периоду: *Edzard D. O. Die zweite Zwischenzeit.* Wiesbaden, 1957.

² См. обзор купчих из архива и библиографию: *Кошурников С. Г. Семейный архив старовавилонского времени из города Дильбата.* — ВДИ, 1984, № 2, с. 123—133. К обзору литературы можно еще добавить издание 19 копий табличек из Дильбата В. Леемансом: *Leemans W. F. Old Babylonian Legal and Administrative Documents.* Leiden, 1954—1964 (далее — TLB, I), S. 232—250.

³ Всего мне известно 68 документов (не считая конвертов) из Дильбата времени правления предшественников Хаммурапи. Из них 53 таблички относятся к архиву Иддин-Лагамали и его сына Нахи-илума. В их число входят и 6 табличек из Ашмолеанского музея (АМ) при Оксфордском университете, копии которых любезно предоставил мне д-р Норман Йоффе.

матерьялом рассматривают совершенно неожиданный материал по истории Вавилонского царства начала правления династии Хаммурапи.

Нужно учитывать, что события, связанные с историей Дильбата в эту эпоху, особенно в правление Суму-ла'эля (1880—1845), имели огромное влияние на судьбу самого Вавилонского царства, так как Дильбат располагался на полпути между Вавилоном и городами Марадом и Казаллу — серьезными соперниками Вавилона в этот период. Дильбатские таблички говорят и о тесных хозяйственных контактах с городом Кишем, с которым Дильбат непосредственно связывала общая сеть каналов ⁴. Такое положение Дильбата делало его форпостом царства на юго-востоке, а богатство нив в его окрестностях ⁵, несомненно, привлекало внимание соседних правителей Киша, Казаллу и Марата.

Ключом к пониманию динамики социальной жизни города и событий данного периода могут служить формулы клятвы в контрактах и других документах архива. В совокупности с датами на табличках, списками датиловочных формул ⁶ и данными просопографического анализа (т. е. исследований семейных связей и идентификацией лиц, указанных в документах) формулы клятвы дают достаточно объективный, хотя и весьма лаконичный материал по истории правления первых царей I Вавилонской династии и прежде всего Суму-ла'эля.

Данные по формуле клятвы сведены в таблицу.

Документальный материал из Дильбата от начала правления династии представлен в основном табличками архива Иддин-Лагамалы и его потомков. В 1978 г. С. Симмонсом были опубликованы документы (YOS, 14), три из которых (44, 124, 131) проливают свет на происхождение семьи Или-амранни (отца Иддин-Лагамалы). Табличка 44 интересна только печатью «Или-амранни, сын Убай». Документ фиксирует заём кирпичей у некоего Игмиль-Сина, сына Дамканума. Табличка, несомненно, происходит из Эшнунны, так как тот же Игмиль-Син упоминается в документе времени правления Ибаль-пи'эля II, царя Эшнунны, современника Хаммурапи (YOS, 14,7).

Имя Или-амранни уникальное. Нигде в опубликованных текстах, кроме как в документах архива Иддин-Лагамалы и указанных выше табличках, оно не упоминается. Печать же, по-видимому, была использована не самим владельцем, так как его нет ни среди участников сделки, ни среди свидетелей. Либо она попала в Эшнунну в результате ряда перекупок, либо была оставлена в Эшнунне самим Или-амранни или же была им там утеряна. По контракту YOS, 14,124 продавцом недвижимости является сам Или-амранни. В клятве упоминается бог Лугаль-Марата и Алумбиуму, что указывает на город Марат во время правления Алумбиуму, современника Суму-ла'эля. К сожалению, в контракте не указано отчество Или-амранни, однако уникальность имени, время составления документа, а также близость города Марата к Дильбату позволяют предполагать, что в документе упомянут именно отец Иддин-Лагамалы, хорошо известного нам по семейному архиву из Дильбата. Или-амранни, видимо, был амореем ⁷. Он поселился в Марате еще до правления Суму-абума, так как его

⁴ Документы из Дильбата и его окрестностей, датируемые временем правления преемников Хаммурапи, свидетельствуют о более тесных контактах с Кишем, нежели с Вавилоном. Между Дильбатов и Кишем располагался целый ряд городков (Кундум, Илип и другие), связанных с обоими центрами. Вообще же география севера Вавилонии еще нуждается в детальном изучении.

⁵ На это указывает сам Хаммурапи во введении к Законам (ЗХ, III, 18—23). Последний перевод на русский язык см.: Дьяконов И. М. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980, с. 153.

⁶ Ungnad A. «Datenlisten». — RIA, 2, S. 164—192. Данная статья достаточно устарела, однако недавняя диссертация по хронологии I Вавилонской династии Д. Хорнелла (D. Horsnell) из Университета Торонто пока недоступна.

⁷ Его внук носил «акадизированное» аморейское имя Нахи-илум (из Нахи-эль)

Дата ¹	Документ ²	Формула клятвы ³
2/3 S-a	Gautier, 1	V ₄ ^d Uraš ù <i>Su-mu-a-bi</i>
... S-a	YOS, 14, 131	10' ^d Uraš 11' ù <i>Sa-mu-a-bi-im</i>
2/2 S-I	VS, 7, 1	13lugal-lá-bi ù ^d [Uraš]
2/5 S-I	VS 7,2	14 ^d Uraš ù LUGAL-šu
3/5 3 ⁴	AM, 1951.6.	15 ^d Uraš
6/9 S-I	YOS, 14, 347	13 ^d Uraš 14 [ù] <i>Su-mu-la-èl</i>
6/11 S-I	PSBA, 29, 275 +TLB, I, 244	15 ^d Uraš 16 ù <i>Su-mu-la-el</i>
7/3 S-I	Gautier, 2	V ₄ ^d Uraš ù <i>Su-mu-la-èl</i>
7/4 S-I	Gautier, 40	...
(8)/... S-I ⁵	Gautier, 9	R ₁₁ ^d Uraš ù <i>Su-mu-la-èl</i>
(8)/... S-I ⁵	TLB, I, 232	19' ^d Uraš ^d AMAR.UTU 20' ^d ù <i>Su-mu-la-èl</i>
8/6 S-I	Gautier, 3	V ₁ ^d AMAR.UTU-KA ₂ ù ^d <i>Su-mu-la-èl</i>
kkk/11 Alum ⁶	TLB, I, 233	...
11/... S-I	Gautier, 8	R ₁₄ ^d Uraš ù <i>Su-mu-la-èl</i>
12/4 S-I	Gautier, 7	—
13/8 S-I	Gautier, 4	R ₁₅ ^d Uraš ù <i>Su-mu-la-èl</i>
14/4 S-I	Gautier, 5	...
15/11 S-I	Gautier, 6	R ₁₄ ^d Uraš ù <i>Su-mu-la-èl</i>
... S-I: TLB, I, 234, 249		— ^d Uraš ù <i>Su-mu-la-èl</i>
31/3 S-I	TIM, 5, 33	17 ^d Uraš 18 ù <i>Su-mu-la-èl</i>
5/12 Sabi	Gautier, 10	V ₁ ^d Uraš ù <i>Sà-b[i-um]</i>
11/6 Sabi	TCL, I, 57	14 ^d Uraš ù <i>Sà-bi-um</i>
AS: 6/9 — Gautier, 15; 10/12 — Gautier, 16; 13/5 — Gautier, 12; 13/5 — AM, 1951.3; 13/6 — Gautier, 13 + TLB, I, 245; 13/12 — Gautier, 14; 17/5 — Gautier, 34; ... — Gau- tier, 17 — ^d Uraš ù <i>A-pil</i> - ^d EN + ZU		
1/4 S-m	Gautier, 25	V ₈ ^d [Ur]aş ù ^d EN + ZU-m[<i>u-ba-lí-i</i>]-t
1/6 S-m	Gautier, 23	B ₁₅ ^d Uraš ù ^d EN + ZU-mu-ba-lí-i-t
1/7 S/m	Gautier, 31	V ₃ ^d Uraš [ù ^d EN + ZU-mu-ba-lí-i]-t
1/10 S-m	VS, 7, 3	16 <i>Sin-mu-ba-lí-i-t</i> 17 ù ^d Uraš
2/10 S-m	Gautier, 18	V ₃ lugal-bi in-bi ⁷
2/11 S-m	AM, 1951.4	18 ^d Uraš ù ^d EN + ZU-mu-ba-lí-i-t
S-m: 3/4 — TLB, I, 242; 3/5 — AM, 1951.7; 6/4 — Gautier, 19; 7/11 — TLB, I, 237; 8/9 — Gautier, 20; 11/6 — TLB, I, 238; 11/9 — Gautier, 21; 14/7 — Gautier, 22; 14/12 — AM, 1951.2; 17/4 — Gautier, 26; ... — TLB, I, 236, 241; ... — YOS, 14, 154; ... — VS, 7,4 — ^d Uraš ù ^d EN + ZU-mu-ba-lí-i-t		
2/11 H	VS, 7,5/6	22 ^d Uraš ù <i>Ha-am-mu-ra-pí</i>
13/1.12 H	VS, 7,8/9	23 ^d [U]raš ù <i>Ha-am-mu-ra-pí</i> lugal
27/9 H	VS, 7,10/11	22 ^d Uraš ù <i>Ha-am-mu-ra-pí</i>
36/20.12 H.	TLB, I, 248 + 248a	21 ^d AMAR.UTU ^d Uraš ù <i>Ha-am-m[u-ra]-p[i]</i>
15/5.6 S-i	BIN, 7, 206	12 ^d Uraš ù <i>Sa-am-su-i-lu-na</i> lugal-e
29/12.11 S-i	VS, 18, 16	17 ^d AMAR.UTU ^d Uraš ù <i>Sa-am-su-i-lu-na</i>
«к»/12... A-e	YOS, 13, 255	21 ^d Uraš ^d AMAR.UTU ù <i>A-bi-e-šu-uh</i> lugal-e

Примечания к таблице: ¹ Первая цифра — год, вторая — месяц (или — день и месяц через точку). S-a — Суму-абум (1894—1881), S-I — Суму-лаэль, Alum — Алумбуму, Sabi — Сабум (1844—1831), AS — Апил-Син (1830—1813), S-m — Син-мубалит (1812—1793), H — Хаммурапи, S-i — Самсу-илуна, A-e — Аби-эшу (1711—1684). Даты указаны согласно датировочным формулам на табличках.

² Gautier — Gautier J. E. *Archive d'une famille de Dilbat*. Caire, 1908; YOS 13 (14) — Yale Oriental Series, V. 13, 1972 (14, 1978); VS 7 (18) — Vorderasiatische Schriftdenkmäler, H. 7 (18 — Neue Folge 2); AM — Ashmolean Museum (неопубликованные таблички). PSBA 29, 275 — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, V. 29, p. 275; TIM 5 — Texts in the Iraq Museum, V. 5; TCL I — Thureau-Dangin F. *Lettres et contrats de l'époque de la première dynastie babylonienne*. P., 1910; BIN 7 — Alexander J. B. *Early Babylonian Letters and Economic Texts*. New Haven, 1943.

³ Формула клятвы: «именем (имя бога или богов) и (имя царя) он(и) поклялся(сь)» (mu... in-pád-dè-meš/). В скобках указан номер строки (R — лицевая сторона, V — оборотная сторона).

⁴ В тексте неизвестная датировочная формула, по-видимому, одного из соперников вавилонского царя (Алумбуму?).

⁵ Точная дата неизвестна.

⁶ Индекс года (kkk) указан по Simmons S. *Early Old Babylonian Tablets from Harmal and elsewhere*, JCS, 1960, 14/3, p. 86.

⁷ Вместо in-pád-dè-meš («они поклялись»).

сын впервые упоминается в документе из Дильбата от 2-го года правления этого царя (Gautier, 1). Его путь предположительно шел через Эшнуну, что вполне согласуется с одним из путей переселения амореев в Вавилонию.

Положение Дильбата в начале правления династии Хаммурапи, по-видимому, было неустойчивым. У нас нет уверенности в том, что город все время находился под контролем Суму-абума. Один из двух документов этого времени из Дильбата датирован 2-м годом его правления (Gautier, 1), на другом дата разбита (YOS, 14, 131). Судя по датировочным формулам, уже в самом начале своего правления Суму-абум был вынужден укреплять стены самого Вавилона, а во 2-м году (формула 3-го года) он закрепился в городе Кибальмашда (отождествлен Э. Райнер с городом Илип⁸). Э. Райнер относит город Илип (или Кибальмашда) в окрестности Сипшара, однако город этот располагался, видимо, где-то между Дильбатом и Кишем. На это указывает архив пастуха Син-иддинама, сына Адад-раби (YOS, 13: 243, 246, 253, 254, 279, 281, 287, 316, 317, 370; TCL, I, 156). В двух документах (YOS, 13, 281 и 317) прямо указано, что Син-иддинам «проживает» в Илипе. Другой документ (YOS, 13, 287) указывает на деловые связи с неизвестным чиновником Или-икишамом⁹, хозяйственная деятельность которого была связана с Кишем, Дильбатом и их окрестностями. Еще один документ (YOS, 13, 254) упоминает царских чиновников, сыновей Ана-Набиум-луштемика, выделяющих Син-иддинаму землю как пастуху дворцового хозяйства. Среди них упомянут и Син-ибни, известный нам по аналогичному документу из Дильбата (VS, 7, 51), согласно которому он также выделяет царскую землю подручному пастуха.

Таким образом, граница Вавилонского царства при Суму-абуме проходила в непосредственной близости от Дильбата. И действительно, в 8-м году (формула 9-го года) своего правления он был вынужден укреплять стены города, а в 12-м году (формула 13-го года) разрушил город Казаллу, расположенный к востоку от Дильбата.

Преемник Суму-абума Суму-ла'эль уже в самом начале своего правления столкнулся с сильными соперниками. Одним из них был Алумбиуму, правитель Марада или Казаллу. Об Алумбиуму известно мало. После опубликования В. Леемансом табличек из коллекции де Лиagre Бёля (TLB, I) из даты на контракте 233 стало известно, что Алумбиуму захватил Дильбат, а так как сам документ был составлен в Дильбате и является купчей Иддин-Лагамалья, сына Или-амранни, стало возможным установить примерные временные границы этого события. Разбору возможных вариантов Лееманс посвятил небольшую статью¹⁰. В ней, опираясь на документы архива Иддин-Лагамалья, он указал два периода, когда Алумбиуму мог захватить Дильбат: от 5-го месяца 2-го года до 11-го месяца 6-го года или же от 6-го месяца 8-го года до 8-го месяца 13-го года правления Суму-ла'эля. Однако эти даты можно уточнить, пользуясь просографическим анализом архива Иддин-Лагамалья.

Согласно неопубликованному контракту 1951.6 из Ашмолеанского музея, Иддин-Лагамаль купил совместно с неким Ильшу-бани 53 гина (примерно 33 кв. м) жилой площади у Нурии и Илини, сыновей Хамбии. Соседями являются Амбум-вакар и Иштар-рабиат: R_1 5/6 sar 3 gín é-dù-a gda A-bu-um-wa-gar gù da Ištar-ra-bi-a-at 4sag-bi sila-dagal 5ám-til-la-

⁸ Reiner E. The Year Dates of Sumu-jamūthā. — JCS, 1961, 15/4, p. 124. В недавно вышедшем томе RIA, 5 повторена неточность отнесения этого города к окрестностям Сипшара (статьи «Iip», S. 52, и «Kibalmašda», S. 586 f.).

⁹ Об этом чиновнике, «муэрруме персонала дворцового хозяйства» (gal-unken-na erén-ká-é-gal), см. Yoffee N. The Economic Role of the Crown in the Old Babylonian Period. Malibu, 1977, p. 88—111.

¹⁰ Leemans W. F. King Alumbiūmu. — JCS, 1966, 20/1, p. 48—49.

ni-šè 619 gín kù-babbar in-na-lal 7ki Nu-ri-ja ù I-lí (!)-ni 8dumu^{meš} (!) Ha-bi-ja 9^mI-din^aLa-ga-ma-al 10ù Il-šu-ba-ni 11in-ši-in-š[ám] (далее — ссылка на обряд передачи собственности, формула клятвы, состав свидетелей и дата) — «15/6 сара 3 гина жилой площади 2рядом с Абум-вакаротом 3и рядом с Иштар-рабиат, 4ее передняя сторона — широкая улица. 5В качестве ее полной цены 619 сиклей серебра они им отвесили — 7у Нурии и Илини, 8сыновей Хамбии, 9Иддин-Лагамаль 10и Ильшу-бани 11(эту площадь) купили».

Важно то, что сам Иддин-Лагамаль не указан среди соседей. Иштар-рабиат нам хорошо известна по таблетке, опубликованной Пинчесом и Джонсом (PSBA, 29,275). Там Иштар-рабиат и ее брат Сассум, дети Хамбии, продают 30 гинов (18 кв. м) жилой площади Иддин-Лагамалю, причем Иддин-Лагамаль указан и среди соседей вместе с неким Анни-илумом. В неопубликованном документе (AM 1951.6) дата не имеет аналога среди датировочных формул Суму-ла'эля; опубликованный же Пинчесом и Джонсом документ датирован 11-м месяцем 6-го года правления Суму-ла'эля.

Нам известны еще две купчие Иддин-Лагамалья на жилую площадь: (Gautier, 4) — от 13-го года правления Суму-ла'эля у Анни-илума, соседа по купленной в 6-м году жилой площади, и TLB, I, 233 — от года, в котором Алумбиуму «захватил Дильбат», у Син-нацира, очевидно, того самого, который в 7-м году правления Суму-ла'эля продал вместе с братьями наследственную долю поля, возможно, тому же Иддин-Лагамалю (Gautier, 40). Короче говоря, сначала у Иддин-Лагамалья не было своего дома в Дильбате, и он его покупает вместе с Ильшу-бани у Нурии и Илини, сыновей Хамбии, до 6-го года правления Суму-ла'эля. Показательна здесь роль Ильшу-бани. Нигде более в документах архива он не упоминается. Возможно, именно его участие в сделке придавало ей юридическую силу, так как Иддин-Лагамаль ранее не был членом дильбатской общины. Через некоторое время, в 6-м году Суму-ла'эля Иддин-Лагамаль покупает еще комнату по соседству у Иштар-рабиат и Сассума, детей того же Хамбии. В обоих случаях было уплачено в среднем 20 сиклей серебра за сар жилой площади (т. е. 168 г за 35 кв. м), что, по-видимому, отражает реальный уровень цен в то время.

Следующая покупка жилой площади относится ко времени захвата Дильбата Алумбиуму. И тут Иддин-Лагамаль, благосостояние которого в этой ситуации несколько не пошатнулось, видимо, из-за давних связей с Марадом (YOS, 14,124), нажился на затруднении соседа и купил по дешевке четверть сара жилой площади за два с половиной сикля серебра, что составляет лишь 10 сиклей за сар. Но оставался еще значительный кусок площади, принадлежавший Анни-илуму, сыну Или-дури. Его Иддин-Лагамаль прикупил в 13-м году правления Суму-ла'эля. Он уплатил 72 сикля серебра за полтора сара площади, т. е. 48 сиклей за сар — в два с половиной раза больше, чем по первым купчим. Вероятно, ему очень были нужны эти несколько комнат. Зато теперь дом Иддин-Лагамалья выходил на «широкую улицу» и составлял 115 кв. м только по первому этажу.

Таким образом, захват Дильбата Алумбиуму мог произойти только после скупки Иддин-Лагамалем жилой площади у детей Хамбии, т. е. во второй промежуток времени, указанный Леемансом, — от 6-го месяца 8-го года до 8-го месяца 13-го года Суму-ла'эля. Можно даже сузить эти границы до конца 11-го года, так как таблетка Gautier, 8 (месяц разбит), по-видимому, датирована 11-м годом правления Суму-ла'эля¹¹.

¹¹ Ungnad A. — RIA, 2, 165: 23^mu -Su-m[u-la-i]l x nam [...]. Gautier, 8: V 13^m[mu ...] nam-lugal (!)-ta 14^m... x mu-DU. Знак nam нигде более в датировочных формулах Суму-ла'эля не встречается.

Неизменно бросается в глаза сходность имен Алумбиуму и Халамбу, который был побежден Суму-ла'элем еще во 2-м году правления («повержен оружием» — формула 3-го года). На это сходство указывали в упомянутых выше статьях С. Симмонс и В. Лееманс (*ba* — вполне приемлемое написание для 'а'; архаичное *-iṣti* сокращается и стягивается в *-ū*). Однако Лееманс выразил сомнение в справедливости сопоставления на том основании, что существует еще одна датировочная формула Алумбиуму (YOS, 14,124), и, таким образом, Алумбиуму правил более года, а промежуток между датой на контракте VS, 7,1 (5-й месяц 2-го года) и победой над Халамбу (конец 2-го — начало 3-го года) дает нам лишь около полугода.

Однако почему же указание на поражение Халамбу нужно считать окончательной победой Суму-ла'эля над этим правителем? Датировочная формула, несмотря на дословный перевод («повержен оружием»), по-видимому, вовсе не предполагает физической расправы над соперником, но лишь победу над его войсками (т. е. «побежден»). И действительно, в неблагоприятно складывавшейся для Суму-ла'эля в начале его правления политической ситуации он вряд ли мог помышлять об окончательных победах.

Обратимся к формулам клятвы (см. таблицу). Уже первые документы архива самого Иддин-Лагамалы (VS, 7,1 и 2) показывают, что не может быть и речи о сильной власти Суму-ла'эля в Дильбате в начале его правления. Вполне вероятно, что в это время (по крайней мере от 2-го до 5-го месяца 2-го года) Суму-ла'эль вообще не контролировал Дильбат. Его имя не упоминается в формуле клятвы (заменяется весьма туманным «именем своего царя... они поклялись»), хотя в документах и проставлена датировочная формула 2-го года его правления. На то, что данные формулы клятвы не являются проявлением индивидуальных писцовых навыков, прямо указывает документ PSBA, 29,275 + TLB, I, 244, где среди свидетелей указан тот же писец, что и на таблетке VS, 7,1 (Син-шемэ). Датировочная же формула Суму-ла'эля проставлялась вследствие необходимости хоть как-то датировать контракты, даже в отсутствие политической стабильности.

Иддин-Лагамаль, по-видимому, воспользовался неустойчивостью власти в городе и скупил значительный массив земли (более 24 га) у детей Хилума. А вскоре он начинает покупать и жилую площадь (AM, 1951.6). Его первая купчая на жилую площадь датирована неизвестной формулой¹², в формуле клятвы имя царя не указано. Мы не ошибемся, если поместим документ после 5-го месяца 2-го года и до 9-го месяца 6-го года правления Суму-ла'эля, на что указывает анализ купчих (до купчей на поле — YOS, 14, 347).

Трудно пока сказать что-либо определенное о дате на контракте AM, 1951.6. Среди датировочных формул Суму-ла'эля она отсутствует. Скорее всего, она является формулой одного из соперников Суму-ла'эля в Северной Вавилонии, однако отсутствие имени какого-либо царя в формуле клятвы может указывать на кратковременную самостоятельность города в этот период (документы же могли датировать по годам правления могущественного соседа — правителя Киша, Марада или Казаллу). И действительно, уменьшение территории Вавилонского царства вследствие неудач Суму-ла'эля вынудило его обнести столицу государства новой крепостной стеной в 4-м году правления (формула 5-го года). В период около 6-го года правления Суму-ла'эля город Дильбат вновь попадает под его контроль. Суму-ла'эль старается накрепко привязать город к своему царству: в начале 8-го года своего правления он даже заставляет оказывать больше почтения вавилонскому богу Мардуку, вводит его имя в формулу клятвы (см. таблицу — TLB, I, 232), а к середине 8-го года за-

¹² *mi ús-sa ús-sa-a bād uru za-gin-kù mu-<dù* («третий год после того, в котором стену города, сверкающую ляпис-лазурью, он построил») или «... города Загинку он <построил>»).

ставляет приносить клятву исключительно именем Мардука и своим собственным именем (Gautier, 3).

Однако реакция на такого рода меры в Дильбате была не слишком благоприятной для Суму-ла'эля. Дильбат вскоре попадает под контроль Алумбиуму (вероятно, тождествен Халамбу датировочной формулы 3-го года правления Суму-ла'эля). Около 11-го года он вновь переходит к Суму-ла'элю. И все же власть Суму-ла'эля в Дильбате была непрочной. В датировочной формуле 12-го года на табличке Gautier, 7 вместо «канал Суму-ла'эля он прорыл» выписано более осмотрительно (как бы без уверенности в стабильности политической ситуации): «канал царя был прорыт!» Это вполне согласуется с ходом борьбы с восточным соседом Вавилона, городом Кишем, который был разрушен Суму-ла'элем именно в 12-м году (формула 13-го года) его правления.

Последующие три года власть Суму-ла'эля в Дильбате была, видимо, достаточно прочной. К 15-му году правления Суму-ла'эля относится последний документ архива Иддин-Лагамалия. Дильбат в результате постоянных военных конфликтов, по-видимому, приходит в упадок. 17-й год правления Суму-ла'эля (формула 18-го года) ознаменовался борьбой с неким Яхцир-элем из города Казаллу, расположенного к востоку от Дильбата. Яхцир-эль был выбит из Казаллу, однако уже на следующий год (18-й — формула 19-го года) Суму-ла'эль вновь сталкивается с Кишем и снова разрушает стены города. Борьба с Яхцир-элем продолжалась еще и в 24-м году (формула 25-го года), когда он был, наконец, побежден. Эта полоса войн с городами — соседями Дильбата, несомненно, отрицательно сказывалась на хозяйственной жизни города, истощала его людские ресурсы. И лишь в начале правления Сабиума жизнь в городе оживает.

К началу правления Сабиума Вавилонское царство включало уже значительную территорию, в том числе и такие крупные города, как Куту и Сиппар на северо-западе от Вавилона, однако расширение его на юг и юго-восток было не так активно. Дильбат по-прежнему располагался неподалеку от границ царства. Граница проходила где-то между Казаллу и Дильбатом. Такое положение города наложило отпечаток на всю его историю вплоть до правления Хаммурапи¹³.

Сабиум, по-видимому, прилагал все усилия по укреплению юго-восточных границ и Дильбата в том числе. В 8-м году своего правления (формула 9-го года) он обновил храм бога Ураша, главного божества Дильбата, причем сделал это на следующий год после работ по строительству храма в Сиппаре, расположенном у северо-западных границ царства. И лишь затем, в 9-м году (формула 10-го года) он отстроил Эсагилу, храм вавилонского Мардука.

В результате военных конфликтов в правление Сабиума, Апиль-сина и Син-мубаллита в Дильбате значительное число строений было заброшено, что указывает на резкое сокращение населения. Эта ситуация сохранялась до правления Хаммурапи, когда Вавилонское царство отодвинуло свои границы далеко на юго-восток. Эти заброшенные строения и начал скупать Нахи-илум, сын Иддин-Лагамалия. Бурная хозяйственная деятельность Нахи-илума начинается лишь с середины правления Апиль-Сина (хотя известны документы еще времени правления Сабиума). При Сабиуме хозяйственная жизнь в городе лишь постепенно выходит из застоя, да и Апиль-Син первую половину своего правления вынужден был посвятить укреплению границ царства, отстраивая целый ряд крепостей. И только при достижении некоторой стабильности власти в Дильбате для Нахи-илума создались условия для проявления хозяйственной инициативы, которой отличался и его отец Иддин-Лагамаль.

¹³ Вполне возможно, что значительное количество купчих из Дильбата является следствием постоянной нестабильности в этом районе.

Цели приобретений Нахи-илума не совсем понятны. Сохранилось несколько контрактов по обмену заброшенных строений. Создается впечатление, что Нахи-илум скупает обветшавшие строения в разных местах, потом обменивает некоторые из них. Только по сохранившимся документам Нахи-илум скупил около 500 кв. м заброшенных строений и до 250 кв. м площади в хорошем состоянии¹⁴. Деятельность Нахи-илума в течение 40 лет показывает, что положение Дильбата стабилизируется, однако весьма характерно наличие значительного количества пустующих строений (или скорее всего их частей), что может свидетельствовать о сокращении семей.

Вообще создается впечатление, что Нахи-илум чутко улавливал изменения в политической ситуации, хотя выявить эту зависимость для времени правления Апилъ-Сина и Син-мубаллита весьма сложно. Датировочные формулы довольно лаконичны, да и о поражениях вавилонские цари предпочитали умалчивать. Во всяком случае, почти половина всех контрактов на обветшавшие строения приходится на первые два года правления Син-мубаллита. Трудно определить, с чем это было связано. Возможно, с временными неудачами Син-мубаллита на юго-востоке в самом начале правления (еще больше появилось пустующих строений и соответственно желающих их продать¹⁵). Здесь нужно отметить необычную формулу клятвы на таблетке Gautier, 18 от 10-го месяца 2-го года правления Син-мубаллита («именем своего царя они поклялись»). Может быть, Дильбат снова на короткое время был захвачен кем-либо из соперников Вавилона (Казаллу, Иссин)? Если и так, то через месяц Син-мубаллит уже вернул себе утраченные позиции (AM, 1951. 4). Лишь к 11-му году граница царства немного отодвинулась на юго-восток от Дильбата (постройка стены Марада — формула 12-го года Син-мубаллита), а в 16-м году своего правления (1797) Син-мубаллиту даже удалось на некоторое время взять город Иссин, столицу могучего некогда царства.

Нахи-илума можно назвать долгожителем. В 14-м году правления Син-мубаллита (AM, 1951.2) ему было около 80 лет¹⁶. В этом году прерываются документы его архива. Лишь в 25-м году правления Хаммурапи в документах появляется имя Хузалума, сына Нахи-илума, а в 28-м году — Эли-эрессы, дочери Нахи-илума, известной в Сиппаре как жрица-*надитум* Шамаша. Изменяется характер текстов: появляются судные документы, квитанции, что вполне соответствовало значительной бюрократизации общественной жизни в стране к концу правления Хаммурапи.

В архиве Хузалума сохранился документ (Gautier, 57), свидетельствующий о связях Хузалума с дворцом. Это расписка дворца в получении у него 12 гуров, т. е. более трех тысяч литров, ячменя¹⁷. Другой документ (Gautier, 61) показывает, с какими значительными средствами имел дело Хузалум: он мог предоставить ссуду в 30 гуров ячменя. По-видимому, Хузалум был каким-то должностным лицом, хотя его должность нигде в документах не указана. Возможно, это справедливо также и для его отца Нахи-илума и для его деда Иддин-Лагамалы. Не были ли они военными, как сыновья Хузалума — Мардук-нацир и Этель-пи-Син? Другой доку-

¹⁴ Всего сохранилось пять купчих на жилую площадь и десять контрактов на обветшавшие строения, включая неопубликованные тексты (AM).

¹⁵ По-видимому, преобладание предложения над спросом дало стабильную цену на обветшавшие строения — 3 сикля серебра за сар.

¹⁶ Первое упоминание — 5-й год Сабидума (Gautier, 10). От этой даты до 14-го года — 42 года. Первое упоминание его отца — 2-й год Суму-абума, когда тому было лет 20 или более. Возможно, Нахи-илум не был старшим братом, но и не младшим (упоминается всегда перед Туту-нациром и Нига-Нанной). Следовательно, он родился, когда отцу было лет 30 ± 5, т. е. в начале правления Суму-ла'эля, когда Иддин-Лагамаль и стал обзаводиться землей и жилой площадью (рост семьи?). Итак, 42 + 35/40 лет = 77—82 года.

¹⁷ 1 гур равен 300 сила, 1 сила — около литра. Точное содержание пока не установлено. Об этом см. статью: *Gelb I. J. Measures of Dry and Liquid Capacity.* — JAOS, 1982, 102, p. 585—590. Цена 1 сила ячменя — около 1 сикля серебра (8,4 г).

мент (Gautier, 45) указывает на традиционные связи семьи с Сиппаром: Хузалум «нанимает» у богов Шамаша и АиИ вола на один год. Именно в Сиппаре проживала его сестра-жрица. У нее он арендовал поле (Gautier, 39) без указания срока аренды за треть урожая в год, обычную арендную долю дохода. Жрице-надитум Эли-эрессе принадлежал в Дильбате и сад, который она в 6-м году правления Самсу-илуны также отдала в бессрочную аренду некоему Тарибуму, сыну Шамаш-гамилы (VS, 7,27). А табличка VS, 7,165 из того же архива ее племянника Мардук-нацира, сына Хузалума, указывает ее арендную долю дохода, определенную при предварительной оценке урожая ее сада, находящегося в «распоряжении Тарибума». Дата разбита, однако свидетель Мардук-нацир, сын Ураш-иддиннама, встречается также в аналогичном документе (VS, 7,41). датированном 7-м годом правления Самсу-илуны.

Сама Эли-эресса в Дильбате не проживала, поэтому оба арендных договора не упоминают срока аренды. Ее брат Хузалум и его сын Мардук-нацир были, по-видимому, поверенными в делах, касающихся ее доли наследства. Оба документа позволяют представить размер этой доли. Ей принадлежало 14 ику 70 саров пахотной земли на ниве у канала Ураша, а также 10 ику сада на берегу того же канала, что в сумме составляет 24 ику 70 саров, или чуть более 8 га земли. Размеры этой доли наследства вполне согласуются, например, с долей, полученной ее племянником Синбэль-аплимом при разделе совместного хозяйства. Табличка Gautier, 48 устанавливает размеры владения Синбэль-аплима в 24 ику 48 саров земли, т. е. также чуть более 8 га. Размеры долей свидетельствуют о состоятельности семьи, представители которой умело использовали политическую и экономическую ситуации в своей хозяйственной деятельности.

По сохранившимся документам нам известно четыре сына Хузалума: Синбэль-аплим, Мардук-нацир, Этель-пи-Син и Ураш-мушаллим. О деятельности первого известно мало. Выяснить, какое общественное положение занимал Мардук-нацир, позволяет документ МАН, 15.940 (заем ячменя у пяти лиц с погашением долга финиками)¹⁸, хранящийся в Женеве. Среди свидетелей контракта назван *лапуттум*¹⁹ Мардук-нацир, а среди лиц, которые должны погасить долг, — Этель-пи-Син, сын Хузалума. По-видимому, *лапуттум* Мардук-нацир — тоже сын Хузалума. Этель-пи-Син же имел в 7-м году правления Самсу-илуны тот же чин *лапуттума* (VS, 7,40). Таким образом, в начале правления Самсу-илуны семья была тесно связана с армией. Этель-пи-Син даже дослужился к 29-му году Самсу-илуны до чина *варку*²⁰ (VS, 18,16).

Наибольшее число документов, связанных с хозяйственной деятельностью сыновей Хузалума, дошло до нас из архива Мардук-нацира. Архив охватывает небольшой промежуток времени — в основном от 3-го до 8-го года правления Самсу-илуны. Подавляющая часть документов — арендные договоры на земельные участки (опубликованы в VS, 7). Мардук-нацир брал в аренду от 3 до 9 ику земли ежегодно, т. е. 1—3 га, причем каждый год у новых лиц. Он арендовал землю, видимо, у военных, заинтересованных в краткосрочной аренде на период несения службы.

Для сравнения можно привести пример архив Варад-Ташметума, *раби-хаттата*²¹, сына Ураш-дайана²², времени Амми-дитаны (1683—1647) и Амми-цадуки (1646—1626). Он охватывает большой период, однако документов в нем меньше, чем в архиве Мардук-нацира. Варад-Ташме-

¹⁸ Szlechter E. Tablettes juridiques de la 1re dynastie de Babylone conservées au Musée d'art et d'histoire de Genève. P., 1958 (p. I—VI), p. II, p. 53.

¹⁹ По-видимому, младший офицерский чин (примерно лейтенант.)

²⁰ Как этот чин соотносится с остальными военными чинами, не совсем ясно. Но очевидно, что он выше чина *лапуттума*.

²¹ Офицерский чин. По старшинству выше чина *лапуттума*.

²² Копии табличек — в VS, 7.

гум, владелец полей, очевидно, был заинтересован в краткосрочной аренде, причем арендаторами выступают разные лица, в основном военных чины более высокого, чем Варад-Ташметум, ранга.

Видимо, и Мардук-нацир арендовал землю у своих подчиненных. Косвенным свидетельством того, что Мардук-нацир был офицером, может служить адресованное ему письмо (VS, 7,191), в котором некий Наннамансум упрекает его в незаконных действиях против *редума*²³: R₁a-na^dAMAR. UTU-na-šir qí-bi-ma²um-ma^dNanna-ma-an-sum-ma³UTU li-ba-ll-i-ka⁴ša te-pu-šu ma-nu-um i-pu-uš⁵a-wi-lum KÛ.BABBAR^{am} iš-ta-qà-al⁶[še]-a-am-šu ta-ta-ba-al⁷u a-na ši-ta-tim⁸[n]i-pu-sú ka-li-a-at⁹a-wa-tam an-ni-tam¹⁰i-na qá-ti ma-an-nim ta-mur¹¹še-a-am ša AGA.ÚŠ ta-a[b]lam¹²ša KÛ.BABBAR a-na ŠITIM¹³i-na-ad-di-nu še-a-am i-[lle-qé¹⁴[li]u ti-di¹⁵ni-pu-ut AGA.ÚŠ wu-uš-še-er — «Мардук-нациру скажи — ²говорит Наннамансум: ³„Шамаш да животворит тебя! ⁴Кто же так делает, как сделал ты: ⁵человек отвешивает серебро, ⁶ты забираешь его ячмень, ⁷и к тому же²⁴ его заложник (все еще) не свободен²⁵?! ⁹⁻¹⁰Где ты видел, чтобы кто-нибудь так делал²⁶?! ¹¹Ячмень редума заberi — ¹²⁻¹³ тот, кто отдаст серебро каменщику, пусть и возьмет ячмень. ¹⁴Учти же — ¹⁵(непременно) освободи заложника редума!“».

Ситуация весьма туманна. На табличке, по обычаю формуляра письма, не указано отчество Мардук-нацира, однако она была продана Берлинскому Музею в том же упаковочном ящике, что и архив Мардук-нацира. Других личных архивов в данном ящике не оказалось. Все это позволяет отнести письмо к документам Мардук-нацира, сына Хузалума. С деятельностью Мардук-нацира обрываются и наши сведения о данной семье. В документах семейного архива упоминаются Ураш-мубаллит, сын Мардук-нацира, а также Или-иддиннам, сын Туту-нацира (брата Нахи-илума), однако о них ничего неизвестно.

Таким образом, период правления Хаммурапи и его преемника Самсу-илуны характеризуется новыми чертами в хозяйственной жизни города Дильбата, которые являются следствием укрепления центральной власти, увеличения численности армии и наибольшего подчинения хозяйственной инициативы интересам государства, а также расширения границ царства далеко на юг и юго-восток.

С резким уменьшением числа купчих со времени правления Хаммурапи становится почти недоступным и такой прекрасный материал по политической истории Дильбата, как формулы клятвы. От времени Хаммурапи сохранились лишь одна купчая на жилую площадь (VS, 7, 8/9) и три разнохарактерных документа, также содержащих формулы клятвы (см. таблицу). Как ни скуден материал по этому периоду²⁷, все же сразу бросается в глаза то, что определенным рубежом в истории Дильбата служит начало 30-х годов правления Хаммурапи.

В течение первых 30 лет правления Хаммурапи Дильбат все еще находился в приграничной области Вавилонского царства, которому противостояло на юге могучее царство Ларсы. Именно поэтому определенная заинтересованность Хаммурапи в лояльности южных приграничных городов его царства заставляла его, видимо, не оказывать излишнего давления на эти города. Из-за ограниченности материала нам трудно описать в деталях характер отношения Хаммурапи к Дильбату. Формулы клятвы

²³ Один из низших чинов в армии (солдат).

²⁴ Дословно: «к остальному» (может быть, «за остальное»?).

²⁵ Дословно: «остается удерживаемым».

²⁶ Дословно: «такое дело в чьих руках ты видел?».

²⁷ Таблички VS, 7: 15, 16, 65 (клятва именами Мардука и царей — Хаммурапи, Самсу-илуны, Амми-дитаны) никакого отношения к Дильбату не имеют и попали в коллекцию дильбатских текстов Берлинского музея случайно, на что указывает просопографический анализ текстов. Таблетка VS, 7, 56 происходит из Киша (клятва именами Забабы, Мардука и Амми-дитаны — 24-й год).

до 30-х годов его правления включают лишь имена бога Дильбата Ураша и самого Хаммурапи, давая тем самым понять, что Хаммурапи вел себя осторожно по отношению к городу. Однако после крупных побед и захвата территории царства Ларсы (1763), когда границы самого Вавилонского царства отодвинулись далеко на юг от Дильбата, Хаммурапи поставил город под более жесткий контроль, что и отразилось на формуле клятвы — на таблетке от 36-го года его правления (TLB, I, 248 + 248a) на первом месте указано имя вавилонского Мардука, а имя Ураша — на втором.

Аналогичная картина наблюдается и в правление Самсу-илуны. От его времени с формулой клятвы сохранились лишь одна купчая (VS, 18,16) и документ с записью условий усыновления (BIN, 7,206), датированный 15-м годом правления Самсу-илуны. В документе от 15-го года в формуле клятвы упомянуты лишь имена Ураши и самого Самсу-илуны, а купчая от 29-го года на первом месте упоминает Мардука, а уж затем Ураша и Самсу-илуну.

15-й год относится ко времени, наступившему после первого вторжения касситов в Вавилонию (9-й год правления Самсу-илуны — наиболее ранняя дата) и целой серии мятежей на юге страны, — и писец чутко отреагировал на изменение политической ситуации. 29-й же год — это время, когда положение окончательно стабилизировалось и Самсу-илуна снова поставил Дильбат под жесткий контроль. И действительно, именно после 8-го года Самсу-илуны обрываются документы архива Мардук-нацира, сына Хузалума. Позже его имя нигде не упоминается. Возможно, он погиб в боях с касситами или же во время мятежей на юге. Вероятно, и в самом Дильбате было не слишком спокойно. До начала 20-х годов документы из Дильбата и окрестных городков (в частности Куннума) являются редкостью. В 20-х годах появится значительное количество документов²⁸, в основном из окрестностей Дильбата, что свидетельствует о стабилизации положения в стране в этот период.

От времени правления Аби-эшу' из Дильбата до нас дошел лишь один документ, содержащий формулу клятвы (YOS, 13,255). Имя Ураша здесь указано на первом месте, имя Мардука — лишь на втором (для сравнения — на таблетке VS, 7,56 из Киша имя бога Забабы в формуле клятвы также стоит перед именем Мардука). Возможно, именно при Аби-эшу' была закреплена субординация божеств в формуле клятвы по всей стране: на первом месте — имя местного божества, на втором — имя вавилонского Мардука.

Материала по политической истории Дильбата со времени Аби-эшу' и до конца правления династии слишком мало, чтобы делать какие-либо конкретные выводы, зато именно от эпохи Амми-дитаны и Амми-цадуки сохранилось значительное количество документов, позволяющих исследовать социальную жизнь города (опубликованы в VS, 7; YOS, 13).

Таким образом, история Дильбата в период правления I Вавилонской династии показывает нам судьбу сначала приграничного города, а затем и города, оказавшегося почти в центре крупного, но временами не слишком стабильного Вавилонского царства. Клинописные тексты свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь города во многом зависела от политической ситуации.

Изучение динамики социальной жизни города и его политической истории на материале клинописных источников дает возможность наиболее полно осветить насыщенную событиями историю Старовавилонского периода.

²⁸ Например, архив Липит-Эйи из окрестностей Куннума, опубликованный в основном в TCL, I Ф. Тюрю-Данжеом и Э. Шлехтером: *Szlechter E. Tablettes juridiques et administratives de la IIIe dynastie d'Ur et de la 1re dynastie de Babylone conservées au musée d'art et d'histoire de Genève. T. I—II. P., 1963.*

SOCIAL AND POLITICAL HISTORY OF DILBAT
IN THE REIGN OF THE FIRST DYNASTY OF BABILON

S. G. Koshurnikov

The article deals with the history of Dilbat in the years 1894—1595 B. C. From Sumu-abud (1894—1881) to the victories of Hammurapi (1792—1750) over Rim-Sin I of Larsa (1822—1763) Dilbat was a southern city on the border of the Babylonian Kingdom. The political fortunes of Dilbat under the first kings of the Hammurapi Dynasty were obviously unstable. And that instability caused changes in the business initiative of an Amorite from Dilbat, Iddin-Lāgamāl, and his son Nāhī-ilum. Dilbat, located halfway in between Babylon and Marad and Kazallu, with rich fields in its vicinity, undoubtedly attracted the attention of the rulers of Marad and Kazallu.

The key to understanding the political shifts in that period may be found in comparative studies of the oath formulas (see table), date formulas of kings and the prosopographical data from the archive of Iddin-Lāgamāl and his son Nāhī-ilum.

We have little evidence of Sumu-abum's control over Dilbat (Gautier, 1 — the 2nd year; YOS 14,131 — broken date). According to the date formulas (cf. RIA 2, 164—192), he was forced to build new walls around Babylon in the 2nd year (the 3rd year formula), then settled in Kibalmašda, or Ilip (between Dilbat and Kiš, not near Sippar, as to E. Reiner, JCS 15/4, 1961, p. 124 and RIA 5, S. 52 and 586—587!), and in the 8th year (the 9th year formula) he was forced to build new walls around Dilbat. So the situation was unstable.

Under Sumu-la'el (1880—1845) Dilbat was at least twice captured by his rivals. In his 2nd year Sumu-la'el fought Halambū (obviously identical with Alumbiūmu), then lost Dilbat (Ashmolean Museum tablet 1951.6, a copy of which has been kindly placed at my disposal by Dr. Norman Yoffee,— dated in the unknown year of a rival of Sumu-la'el). By the 6th year Sumu-la'el recovered the city, then lost it again in the 8th year (Dilbat was captured by Alumbiūmu, cf. W. F. Leemans, JCS 20/1, 1966, pp. 48—49), and got it back in the 11th year (Gautier, 8). But his rule over Dilbat was not durable (cf. the ambiguous 12th year formula of Gautier, 7).

In the 15th year the series of documents breaks off. The cause may be seen in the economic decline of the city because of the frequent military conflicts in Babylonia (Kiš and Kazallu). Only under Sabium (1844—1831) and Apil-Sin (1830—1813) did the city begin to revive again. Nāhī-ilum's business activities during forty years reflect the consolidation of Babylonia. The existence of a lot of available deserted houses (he acquired about 500 sq. m of deserted houses and up to 250 sq. m of parts of houses in use) attests however to the reduction of families.

The oath formulas on four Dilbat documents from the reign of Hammurapi show that only after the victory over Rim-Sin I could Hammurapi take firm control of affairs in the Dilbat community (TLB I, 248—248a — Marduk on the first place). Just at that time the borders of the Kingdom moved far to the south-east of Dilbat. The similar picture we can see in the oath formulas under Samsu-iluna (1749—1712): the 15th year formula of BIN 7,206 with Uraš only — after fight with the Kassites in the 9th year and the revolts in the south; and the 29th year formula of VS 18,16 with Marduk before Uraš — after the political stability had been achieved.

А. М. Самозванцев

О ПРАВОВОМ ТЕКСТЕ ДХАРМАСУТР

Как известно, дхармасутры — первые из дхармических сочинений — начинают во все большем объеме включать правовой материал из недошедших до нас текстов артхашастры; что касается правовых глав «Васиштхи» и «Гаутамы», то здесь нельзя исключать возможности влияния на них «Артхашастры Каутильи» и ее источников. Именно в древних дхармасутрах «Баудхаяна» и «Апастамба» берет начало процесс складывания правового текста дхармашастры, который завершается с оформлением «Нарада-сморити» как авторитетного правового текста и осмыслением в качестве таких текстов более ранних дхармашастр.

Если исходить из традиционной рубрикации текста дхармашастры на санскару (обряды) — вьявахару (право) — праяшчитту (искупления за совершенные грехи), то примечательно, что последние две рубрики появляются в дхармасутрах; известно, что содержание предшествующих им грихьясутр составляют домашние обряды. Эти две рубрики — вьявахара и праяшчитта — составляют предмет нашего исследования.

Вслед за А. А. Вигасиным и В. Н. Романовым¹ мы отстаиваем тезис И. Я. Мейера, сформулированный им в книге «О сущности древнеиндийских правовых текстов и их отношении друг к другу и к Каутилье»²: древнеиндийское право складывалось и развивалось в светских текстах артхашастры, по отношению к которым авторы дхармашастр выступают в качестве компиляторов, включающих в ритуальные сочинения чуждый им правовой материал. Как было показано А. А. Вигасиным и В. Н. Романовым, своим появлением этот материал обязан важным композиционным изменениям, заметным уже в дхармасутрах и связанным с наложением на их текст схемы дхармических занятий членов четырех варн. Поскольку традиционно «идеальным» кшатрием является царь, в описание его деятельности в том или ином виде должно войти описание случаев правовой практики (в свою очередь несакральные дхармы царя включают захват добычи оружием и защиту живых существ, в первую очередь подданных, от нарушающих существующий «порядок» внешних и внутренних врагов).

Здесь, однако, следует выделить два момента. Во-первых, — неизбежность включения этого материала в текст дхармасутр. Само лежащее в основе дхармашастры понятие дхармы с ее емким содержанием делало возможным подобное включение, а важность такой сферы неритуальной деятельности человека, как правовая практика, делала его необходимым.

¹ Вигасин А. А. Юридическая тематика в композиции дхармасутр. — В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979; Вигасин А. А., Романов В. Н. Наблюдения над композицией дхармасутр. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980; Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 37—54.

² Meyer J. J. Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kautilya. Lpz, 1927.

Так же как описание несакральных дхарм кшатрия-царя в этом смысле само было производным от светской деятельности, оформление дхармы царя в виде текста было необходимым и естественным результатом этой деятельности, а значит, правовой практики, или выявахары.

Во-вторых,— на что обычно обращают меньше внимания — другим таким, правда, куда менее значимым каналом, являлась праяшчитта, поскольку также неизбежно и независимо от раджадхармы в предмет праяшчитты должен был оказаться включенным и правовой материал.

Предмет праяшчитты составляют нарушения тех или иных запретов и искупления совершенных грехов. Поэтому она содержит только тот правовой материал, который может быть описан в терминах греха — искупления. Набор тем праяшчитты оказывается традиционным и устойчивым уже в древних дхармасутрах. И уже в древних дхармасутрах в ее разделы входит материал, связанный с совершением и искуплением четырех тяжких преступлений-грехов (великих грехов): убийства брахмана, осквернения ложа гуру, кражи золота брахмана и питье хмельных напитков (как в «Баудхьяне» I.10.19)³. Эти четыре частных случая, в значительной мере формирующих материал праяшчитты, в свою очередь растворяются в четырех больших темах: нанесении вреда живым существам, вкушении недозволенной пищи, воровстве и прелюбодеянии (см. структуру «Ману» XI.1—180: здесь об убийстве брахмана и его искуплении говорится в шлоках 73—90, о питье хмельных напитков — в 91—99, о краже золота брахмана — в 99—103, о прелюбодеянии с женой гуру — в 103—107; 180 шлока завершает упоминавшиеся выше четыре большие темы).

В отличие от всякого прочего, касающийся этих четырех преступлений-грехов материал выглядел в глазах составителей шастр равнозначным правовым материалом, так как он попадал то в раджадхарму, то в праяшчитту, получая — то как преступление, то как грех — различную окраску.

В праяшчитте «Баудхьяны» говорится, что двенадцатилетнее и иные покаяния полагаются за неумышленное убийство брахмана (II.1.2—6), за убийство брахмана с умыслом покаяния не полагается (II.1.7); при убийстве кшатрия, вайшьи и шудры на убийцу налагается покаяние — жизнь изгоя соответственно в течение девяти, трех лет и одного года (II.1.9—11). В II.1.14—16 речь идет о покаянии, которое налагается на осквернившего ложе гуру, в II.1.17—20 — о покаянии, которое налагается на похитившего золота, а в II.1.21 и последующем тексте — о покаяниях за питье хмельных напитков (далее, при описании «патания», или грехов, влекущих лишение касты, упоминаются между прочим похищение собственности брахмана и имущества, отданного на хранение — II.1.50 и лже-свидетельство о земле — II.1.53).

Описание покаяния за кражу золота в «Баудхьяне» представляет собой текст, видимо, древний (хотя в контексте он таким не кажется), который гласит: «Вор, распутив волосы, положив на плечо дубину из (дерева) сидхрака, пусть прибежит к царю (со словами): „Убей меня ею!“ Пусть (царь) его ею убьет. С дубиной на плече пусть вор прибежит к царю (со

³ В работе используются тексты «Баудхьяны», «Апастамбы», «Васиштхи», «Гаутамы», «Ману», «Яджнавалкья», «Вишну» и «Артхашастры». Ссылки на них приводятся по следующим изданиям (в порядке перечисления памятников): The Smṛiti Sandarbha. V. III. Gurumandal Series № IX. Calcutta, 1952; Apastamba Dharmasūtra with the Commentary Ujjwala by Sri Haradatta Miśra. Ed. by Chinnaswāmi Śāstrī A., Ramānatha Śāstrī A. Kashi Sanskrit Series № 93. Benares, 1932; Aphorisms of Vasīṣṭha. Ed. by Führer A. A. Bombay, 1883; Gautamapraṇitadharmasūtrāṇi /Haradattakṛtamitā kṣarāvṛttisāhitāni /Ānandāśramasamskṛtagranthāvaliḥ, 1966; The Manusmṛti with the Commentary Manvarthamuktāvali of Kullūka. Ed. by Acharya N. R. Bombay, 1946; Yājñavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit und Deutsch von Stenzler A.-F. L.—B., 1849; The Smṛiti Sandarbha. V. I. Gurumandal Series № IX. Calcutta, 1952; The Kauṭīliya Arthasāstra. Pt. I. A Critical Edition with a Glossary. Ed. by Kangle R. P. Bombay, 1969.

словами): „Накажи меня ею, о царь, помня о дхарме кшатрия“. В случае наказания или освобождения вор будет свободен от греха. Но вследствие (того, что) наказание не (наложено), царь постигает (т. е. на него переложается — А. С.) тот грех вора»⁴.

Однако формула наложения наказаний за великие грехи присутствует в «Баудхаяне»; в раджадхарме, в I.10.19: «Брахман (в случае) убийства брахмана, осквернения ложа гуру, кражи золота (и) питья хмельных напитков, после того как на (его) лбу раскаленным железом будет (выжжено) клеймо (с изображением) человеческого тела, женского полового органа, шакала (или) кабачной вывески, (подлежит) изгнанию из страны»⁵.

Далее, в контексте наказаний (о котором речь пойдет ниже), говорится в I.10.20—24: «В случае убийства брахмана для кшатрия и прочих (вайшьи и шудры) (полагается) смертная казнь и конфискация всего имущества. Но для них же при убийстве равного (или более) низкого (по варне) следует назначить соответствующие наказания, сообразно с возможностями (виновного). При убийстве кшатрия (назначается выкуп) в тысячу коров. При убийстве кшатрия для искупления вины царь пусть назначит (выкуп) в тысячу коров (и) на одного быка больше; (при убийстве) вайшьи — сто (коров), шудры — десять, и на одного быка больше»⁶. Текст, по-видимому, составной и распадается на две части: I.10.20—21 и I.10.23—24. Фрагмент I.10.23—24 имеет аналог в «Апастамбе», в праяшчитте I.24.1—4: «Убив кшатрия, в качестве пени надлежит дать тысячу коров; в случае (убийства) вайшьи — сто; в случае (убийства) шудры — десять. И во всех случаях для искупления (надлежит давать на одного) быка больше»⁷.

Следовательно, в «Баудхаяне» покаяние — образ жизни изгоя в течение определенного количества лет — рассматривается именно как покаяние, т. е. относится к праяшчитте, тогда как выкуп в виде коров рассматривается как светское наказание и относится к раджадхарме (вьявахаре). В «Апастамбе» подобный выкуп считается разновидностью искупления и входит в праяшчитту.

Праяшчитта «Апастамбы» кроме человекоубийства включает также кражу — фрагмент I.25.4—5 содержит знакомый нам текст: «Вор с распущенными волосами, неся дубину на плече, прибежав к царю, (пусть заявит): „Я совершил (такое-то) деяние“. Той (дубиной царю) надлежит его убить. В случае смерти (тот получает) освобождение (от греха)»⁸. Но, скажем, тема прелюбодеяния входит в «Апастамбе» в разделы раджадхармы. Причем, если в праяшчитте «Баудхаяны» оно и карается в духе праяшчитты (виновный должен либо лечь на раскаленное железное ложе; либо отрезать половой член с мошонкой и идти на юг, пока не упадет), то в раджадхарме «Апастамбы» за прелюбодеяние полагаются вполне светские наказания в виде конфискации имущества, изгнания, смертной казни и т. д. (II.26.18—II.27.13). Но любопытно, что здесь имеется маленький фрагмент II.27.11—13, словно взятый из праяшчитты и говорящий о наложении наказания на брахмана в случае единожды или не-

⁴ *stenah prakīrya keśānsaidhrakam musalamādāya skandhena rājānam gacchedanena māṃ jahāti tenainam hanyāt // skandhena musalam steno rājānamanviyāt / anena śādhi māṃ rājānsatradharmamanusmaran // śāsane vā visarge tena mucyeta kilbiṣāt / aśānanātu tadrāja stenādāpnoti kilbiṣam //*

⁵ *brāhmaṇasya brāhmaṇahatyāgurutalpagamanasuvārnasteyasurāpāneṣu kusindhabhagasgālasuradhvajāṅstaptenāyasā lalāṭe'ṅkayitvā viṣayānirdhāmanam //*

⁶ *ksatriyādīnām brāhmaṇavadhe vadhaḥ sarvasvahaṇam ca / teṣāmeva tulyāpakṣtavadhe yathābalamanurūpāndaṅdānprakalpayet / ksatriyavadhe gosahasram / ksatriyavadhe gosahasramṣabhaikādhikam rājñā utsrjedvairaniryātanārtham / śatam vaiśye daśa śūdra ṛṣabhaścātrādhikah /*

⁷ *ksatriyam hatvā gavān sahasram vairayātanārtaṃ dadyāt / śatam vaiśye / daśa śūdre / ṛṣabhaścā'trādhikah sarvatra prāyaścittārtham /*

⁸ *stenah prakīryakeśe'mse musalamādāya rājānam gatvā karmā' cakṣita / tenainam hanyādvadhe mokṣaḥ /*

сколько раз имевшего место прелюбодеяния (см. Харадатту на «Апастамбу» II.27.11 — имеется в виду жизнь изгоя в течение стольких-то лет). Он свидетельствует о том, что материал раджадхармы (вьявахары) и пращитты в дхармасутре не вполне дифференцирован.

Далее, в пращитте «Васиштхи» в XX.31—33 указывается, что убийца кшатрия становится изгоем на восемь лет, вайшьи — на шесть и шудры — на три года. В тексте XX.41 сказано: «В случае кражи золота брахмана вор, распутив волосы, пусть обратится к царю со словами: „Я (виновен), накажи меня, государь!“ Пусть он даст тому царю орудие из фигового дерева, чтобы быть им убитым; вследствие смерти, как известно, (он) будет очищен (от греха)»⁹.

В пращитте «Гаутама» говорится об убийстве брахмана и соответствующем покаянии в III.4.1—11. Согласно III.4.14—16, убийца кшатрия ведет жизнь изгоя в течение шести лет и дает в виде выкупа брахманам тысячу коров и одного быка; убийца вайшьи становится изгоем на три года и дает сто коров и быка, шудры — на год и дает десять коров и быка (обсуждение расхождений в цифрах и других деталях, например — выкуп и покаяние, выкуп или покаяние — не входят в предмет нашего исследования). Но о воровстве речь идет не в пращитте, как в «Васиштхе», а в раджадхарме. Наряду со светскими наказаниями за воровство (в виде публичного оглашения, изгнания, клеймения — II.3.44; ср. II.3.46—47) здесь есть текст II.3.40—42: «Вор с распущенными волосами (и) дубиной (на плече) пусть прибежит к царю, (заявив): „Я совершил такое-то (греховное) деяние“. (Он) очищается смертью и освобождением. Царь, не карающий (вора) смертью, (сам становится) грешником»¹⁰.

В «Ману» вообще имеются параллельные тексты: IX.235 — во вьявахаре: «Убийца брахмана, пьяница, вор, осквернитель ложа гуру — они все вместе и каждый в отдельности должны считаться людьми, совершившими великий грех»¹¹ и XI.54 — в пращитте: «Убийство брахмана, пьянство, кража, прелюбодеяние с женой гуру и даже сообщество с такими (преступниками) объявили великими грехами»¹².

Наказания этих четырех категорий великих преступников-грешников в виде клеймения соответствующими клеймами (IX.237), лишения всякого общения с ними — если они не совершили покаяния (IX.240) и в виде крупного штрафа — если они его совершили (IX.240—241) за убийство человека (тысяча пан в VIII.296 — в контексте оскорбления действием), воровство (VIII.319—331 — от незначительного штрафа до смертной казни) и прелюбодеяние (VIII.352—385 — вплоть до смертной казни) в разделах вьявахары — вполне светские. В пращитте же, скажем, за убийство человека предписывается: при неумышленном убийстве кшатрия брахманом — выкуп в тысячу коров и одного быка или покаяние — трехлетняя жизнь изгоя (XI.128—129), в случае убийства вайшьи полагается годичное покаяние или выкуп в сто коров и одного быка (XI.130), в случае убийства шудры — покаяние в течение шести месяцев или выкуп в десять коров и одного быка (XI.131). Но, например, применительно к воровству материал не дифференцирован. Согласно VIII.314—315: «Вор должен бежать к царю с распущенными волосами и объявить о той краже: „Это сделал я, накажи меня!“ И взяв на плечо дубину или палку из дерева кхадира, копьё, заостренное с обоих концов, или железную пал-

⁹ *brāhmanasuvāṇaharaṇe prakīrya kēśānrājanamahidhāvetsteno'smi bho śāstu māṃ bhavāniti tasmāi rājaduṃbaraṃ śāstraṃ dadyātenātmanāṃ pramāpayenmarānātpūto bhavātī vijñāyate //*

¹⁰ *stenaḥ prakīrnakēśo musalī rājanamiyātkrmā¹¹ cakṣaṇaḥ // puto vadhamokṣābhyaṃ // aghnānnaśvī rājā //*

¹¹ *brahmahā ca surāpaśca steyī ca gurutalpaḡaḥ / ete sarve pṛthagjñeyā mahāpātakiṇo marāḥ //*

¹² *brahmahatyā surāpānaṃ steyaṃ gurvaṅganāgamāḥ / mahānti pātakānyāhuḥ saṃsargaścāpi taiḥ saha //*

ку»¹³. Так и оставалось бы непонятным, зачем, собственно, вор берет на плечо дубину и прочее, если бы не несколько неожиданное, но вполне понятное в духе данных выше объяснений появление зеркального текста но уже в праяшчитте XI.99—100: «Брахман, совершивший кражу золота, придя к царю, признавшись в содеянном, пусть скажет: „Государь, накажи меня!“». Взяв дубину, царю надо самому ударить его один раз...»¹⁴.

В «Вишну» наблюдается следующая картина: определение четырех великих грехов здесь дается только в праяшчитте XXXV.1 (ср. «Яджнавалкью» III.227), а светские наказания за них в виде смертной казни и клеймения упоминаются значительно раньше, в разделах раджадхармы V.1—7. Следовательно, в праяшчитту порой входит не только правовой материал, но даже материал, составляющий темы сложившейся рубрики व्याхараы.

Можно сделать еще одно наблюдение: в отличие от светских наказаний व्याхараы для праяшчитты характерны покаяния и выкупы коровами в качестве пени за убийство человека (напомним: в «Баудхьяне» выкуп тоже считается светским наказанием). Соответственно более архаичная, чем व्याхара (а искупление за грех-преступление против обычая не может не быть древнее наказания за преступление, налагаемого царем-государством), праяшчитта отражает и более архаичные представления в сфере преступления — наказания (в данном случае — выкуп, который выплачивается, видимо, старейшинам; пропорция в сторону увеличения выкупа при убийстве человека более высокой варны, видимо, имела место, хотя цифры явно искусственны). Материал артхашастры и дхармашастры передает в дхармашастре две оппозиции: человек — государство и человек — община, и эта последняя объясняет окраску, которую правовой материал получает в праяшчитте¹⁵.

Но коммуникативный канал праяшчитты оказался для правового материала тушиковым (не случайно чисто информативно тексты ранних и поздних дхармашастр, касающиеся четырех великих грехов-преступлений, мало отличаются друг от друга). На это имелись свои причины. С одной стороны, праяшчитта включала только те грехи-преступления, которые были для нее традиционными и могли быть описаны в соответствующих им терминах. С другой — все более обильный и разнообразный материал индийского права получал естественный выход в разделах раджадхармы в ее расширительном истолковании, т. е. за рамками собственно дхармы царя.

Обратимся теперь к материалу व्याхараы и попытаемся вначале дать характеристику правовых глав дхармасутр на примере решения частного вопроса — о документе.

В разное время проблема документа или, правильнее сказать, его отсутствия в дхармасутрах рассматривалась разными авторами и решение ее не было однозначным. Во введении к английскому переводу «Законов Ману» Г. Бюлер объяснял отсутствие в дхармасутрах (за исключением «Васиштхи») ссылок на документы тем обстоятельством, что последние просто не интересовали составителей; предположение о том, что эти сочинения могли создаваться в дописьменный период истории Индии, им не допускалось¹⁶. В свою очередь Н. Ч. Сен-Гупта полагал, что здесь сказало влияние специфики индийского права середины и второй половины I тыс. до н. э.: для него было характерным, что в суде более важными счи-

¹³ rājā stenena gantavyo muktakeśena dhāvātā / ācaksāpēna tatsteyamevaṃkar-
māsmi śādhi mām // skandhenādāya musalaṃ laguḍaṃ vāpi khādiram / śaktiṃ cobha-
yatastikṣṇāmāyasam daṇḍameva vā //

¹⁴ suvarṇasteyakṛdvipro rājānamabhiḡamya tu / svakarima khyāpāyanbrūyānmām
bhavānanuśāstviti //

¹⁵ Вигасин, Самозванцев. Артхашастра..., с. 223.

¹⁶ The Laws of Manu.— In: Sacred Books of the East, 1886, v. 25, p. XXVI—XXX.

тались свидетельские показания, которым, естественно, уделялось больше внимания, чем доказательствам письменным¹⁷. Р. Ленга, пытаясь дать объяснение тому факту, что упоминание о документе встречается в одной «Васиштхе», высказывал иное мнение: «Мы совершили бы ошибку, расценивая молчание остальных дхармасутр по поводу этого предмета как свидетельство их относительной древности по сравнению с „Васиштхой“». Они должны были быть осведомлены о документах. Если они и хранят о них молчание, то потому, что этот предмет входит в сферу обычного права»¹⁸.

Каждое из этих объяснений, в свое время нас вполне устраивавшее, теперь кажется неудовлетворительным. Умалчивание составителей дхармасутр о документах можно было бы считать естественным, если бы они равным образом не касались других близких по характеру сюжетов — в первую очередь темы свидетельских показаний, а также тем судей, организации суда, судебных дел и т. д., а само изложение правового материала было бы крайне фрагментарным. Однако ничего подобного в текстах дхармасутр не наблюдается: даже в лаконичной раджадхарме «Баудхаяны» (I.10) четверть из сорока сутр посвящены судебным делам (I.10.29—40). Судьи здесь упоминаются дважды (I.10.30—31), а свидетели — восемь раз (I.10.29—30, 32—37). В «Апастамбе» также речь идет как о судьях (II.29.5—6), так и о свидетелях (II.29.7—10), а в числе тех средств, с помощью которых решается спорный вопрос в суде, как известно, названы умозаклучение и ордалия (II.29.6).

В «Васиштхе», что уже отмечалось выше, документ упоминается, причем трижды (XVI.10, 14—15); свидетель и свидетельские показания упомянуты 13 раз (XVI.10, 13—14, 27—29, 32—37); в пяти случаях говорится о судебных делах и практике их рассмотрения в суде (XVI.1—3, 20—21). Здесь же впервые дается видовая и функциональная характеристика трехчленного юридического авторитета, состоящего из документа, свидетелей и пользования (XVI.10) — и это при том, что вся содержащая правовой материал XVI глава «Васиштхи» состоит из 37 сутр. В «Гаутаме» при значительном объеме правовых глав темы свидетелей касаются свыше 30 сутр посвященной им главы II.4. В ней также упомянуты судьи (II.2.24—25, 4.11, 26—27, 31), клятва, которую приносят в суде свидетели (II.4.12—13), и умозаклучение (II.2.23).

О фрагментарном изложении правового материала применительно к дхармасутрам говорить не приходится, даже имея дело с «Баудхаяной» или «Васиштхой». Что касается «Апастамбы», то правовым предметам в ней посвящены главы II.25—29 (включая сюда собственно раджадхарму — II.25—II.26.1—17 и оставляя в стороне краткую подтему царя в описании ашрамы домохозяина — II.10.11—II.11.4). Темы убийства человека и воровства рассматриваются здесь в разделах праяшчитты (см. соответственно I.24.1—10, 25.6—13; I.25.4—5) — итого больше 100 сутр. В «Гаутаме» правовые сюжеты обсуждаются в главах II.1—5 (включая собственно раджадхарму: в рамках изложения дхармы четырех варн — II.1.17—49 и вне их — II.2.1—16 и исключая описание дхарм брахмана, вайшьи и шудры — I.1.1—6, 50—62 и норм жизни общин — I.2.17—22) — всего около 200 сутр.

На характере судебных дел мы остановимся ниже. Пока лишь отметим тот факт, что их решение в суде основывается почти исключительно на свидетельских показаниях. Но, по-видимому, вовсе не потому, что они имели большее значение, чем документы, как полагал Н. Ч. Сен-Гупта. Несмотря на очевидное сравнительно позднее по отношению к остальным главам происхождение XVI главы «Васиштхи» (видимо, это касается и XIX главы)¹⁹, представленная в ней формула трехчленного юридиче-

¹⁷ *Sen-Gupta N. Ch. Evolution of Ancient Indian Law. Calcutta, 1950, p. 73.*

¹⁸ *Lingat R. The Classical Law of India. Los Angeles, 1973, p. 69.*

¹⁹ Здесь обнаруживаются по крайней мере два фрагмента (XVI.12—13) фактически идентичные соответственно KA III.8.1 и III.8.13. Оба места находят параллели

кого авторитета не может не быть весьма древней. Здесь следует согласиться с мнением Р. Ленга: составители дхармасутр не могли не быть осведомлены о существовании документов. И эта застывшая формула, которая в том же неизменном виде присутствует во многих более поздних шастрах («Яджнавалкье», «Нараде», «Брихаспати» и других), — а значит, сложение ее происходило до появления самой «Васиштхи», — в глазах составителей этих шастр предполагает иерархичность составляющих ее элементов: документ становится выше свидетелей, свидетели — выше пользования (см. «Нараду» I.76 версии Асахаи). Трудно было бы отрицать иерархичность этой формулы и для «Васиштхи».

В то же время объяснять молчание составителей дхармасутр относительно документов тем, что последние функционировали в сфере обычного права, по меньшей мере спорно. Надо полагать, это право было бесписьменным, и если оно на чем-то и основывалось, то скорее на распространенной практике свидетельских показаний. Но хотя сведения о них и многочисленны в дхармасутрах, объяснить это надо не бесписьменным правом, а другими причинами.

Обратимся теперь к заклЯтиям, отвращающим от лжесвидетельства. Мы здесь не имеем в виду заклЯтия общего характера, которые в случае лжесвидетельства угрожают адом, жизнью, прожитой всеу и т. д., но не содержат никаких деталей, которые говорили бы о специфике судебных дел в дхармасутрах. Большой интерес представляет другая категория заклЯтий. Формула последних такова: при таком-то лжесвидетельстве лжесвидетель убивает (обрекает на ад) такое-то число родственников. Заметим сразу, что в большинстве своем заклЯтия имеют древнее происхождение. Почти без изменений они пересказываются составителями более поздних шастр²⁰. Корни их, видимо, лежат в сфере устной традиции; обычно это стихи, которые произносились вслух. «Баудхаяна» имеет два таких стиха — I.10.35—36: «Он (лжесвидетель) убивает также троих дедов при лжесвидетельстве в деле касательно денег, убивает пятерых при лжесвидетельстве о мелком скоте, убивает десятерых при лжесвидетельстве о корове. Лжесвидетельствующий свидетель убивает сотню при лжесвидетельстве касательно лошади, тысячу — касательно человека, убивает все — при лжесвидетельстве о земле»²¹. В «Апастамбе» таких заклЯтий не имеется. Согласно «Васиштхе» XVI.34: «Пятерых (родственников) он убивает при лжесвидетельстве относительно девицы (?), десятерых — убивает при лжесвидетельстве относительно коровы, сотню — убивает при лжесвидетельстве о лошади, тысячу — при лжесвидетельстве относительно человека»²². «Гаутама» II.4.14—22 гласит: «При лжесвидетельстве относительно мелкого скота свидетель убивает десятерых (родственников), о корове, лошади, человеке (и) земле — в десять раз больше; или же все — (при лжесвидетельстве) относительно земли. При похищении (земли воздаянием будет) ад. При лжесвидетельстве о воде — как (в случае лжесвидетельства) о земле; а также (в случае) сношения (с жен-

в III книге и, вероятно, заимствуются из лежащего в ее основе текста артхашастры или даже из самой КА (ср. также «Васиштху» XIX.11 и КА III, 19.28). См. на этот счет мнение П. В. Кане (*Kane P. V. History of Dharmasāstra. V. I. Revised and Enlarged. Pt. I. Poona, 1968, p. 99*).

²⁰ Как пример: сутры «Баудхаяны» I.10.32—33 содержат испорченный фрагмент: «В какую ночь ты родился, в какую умрешь, промежуток между ними...». Ему идентичен текст «Нарады» I.224 версии Асахаи: «В какую ночь ты родился, в какую умрешь, промежуток между ними (прожит) всеу при лжесвидетельстве (в суде)» — между этими текстами дистанция почти в тысячу лет (ср. соответственно: *yām rātrimajaniṣṭhastvayam yam ca rātrim marīyasyi // etayornantarā ... — yasyām rātrāvajanisthā yasyām rātrau marīyasyi / vrthā tadantaram tubhyam sāksyam cedenyathā krthāh //*).

²¹ *hiranyārthe'rṅte hanti trineva ca pitamahān / pañca pāsvanṅte hanti dāsa hanti gavānṅte // śatamāśvānṅte hanti sahasram puruṣānṅte / sarvaṃ bhūmyanṅte hanti sāksī sāksyam mṛṣā vadan //*

²² *pañca kanyānṅte hanti dāsa hanti gavānṅte / śatamāśvānṅte hanti sahasram puruṣānṅte //*

щиной). (При лжесвидетельстве) касательно молока и масла — как (при лжесвидетельстве) относительно мелкого скота. (При лжесвидетельстве) касательно одежды, денег, зерна (и) воды ... как (при лжесвидетельстве) относительно коровы. (При лжесвидетельстве) о повозках — как (при лжесвидетельстве) о лошади»²³.

Прочитируем еще два текста: «Васишти» XVI.36 и «Гаутамы» II.4.29. Согласно первому: «(Сведущие) объявили пять (видов) лжесвидетельства, не (сопряженных) с грехом: (если) лжесвидетельствуют по поводу (заключения) брака, сожительства, в случае опасности для жизни, лишения всего имущества и по делу брахмана»²⁴. Согласно второму: «В случае с коровой, быком, женщиной (и) рождением (потомства) тяжбу следует вести незамедлительно»²⁵.

О каких же судебных делах речь идет в заклитиях, отворачивающих от лжесвидетельства, и в двух последних текстах? Судя по ключевой сутре «Гаутамы» II.4.17, это главным образом дела, связанные с хищением различных ценностей: денег, зерна, скота, земли и т. д. Сюда же относятся такие дела, когда дают показания по поводу человека (?), вступления в брак, рождения потомства, связей с женщиной, в а случае опасности для жизни и т. д.

Попробуем наложить эту кальку на текст дхармасутр, проведя сопоставление с теми случаями правовой практики, которые в них обсуждаются. В «Баудхьяне» к ним относятся: человекоубийство (I.10.14, 19—25, 27), убийство быка, коровы и прочих живых существ (I.10.25—26, 28), прелюбодеяние (I.10.19), воровство (II.1.52, I.10.19, в том числе отчуждение земли — II.1.53, ср. II.1.52). В «Апастамбе»: убийство человека (I.24.1—10, 25.6—13, II.27.16) и убийство живых существ (I.25.14), воровство (I.25.4—5, II.26.6—8, 27.16, в том числе отчуждение земли — II.27.16; ср. ненамеренное и намеренное присвоение имущества — II.28.11—13), прелюбодеяние (II.26.18—II.27.13), оскорбление словом (II.27.14) и действием (I.25.12), обязанности арендатора и работника, занятого в земледелии (II.28.1—2), обязанности пастуха (II.28.3—10). В «Васиште»: споры по поводу недвижимостей (XVI.13—15, ср. фрагмент 11—15 в целом), давностное право (XVI.17—18), имущество, лишенное собственника (XVI.19), воровство (XVI.25, XIX.38—39), долговые отношения (XVI.31), оскорбление словом и действием (XIX.9, 11). В «Гаутаме»: имущество, лишенное собственника (II.1.36—38), клады (II.1.43—45), воровство (II.1.46—47, 3.12—13, 15, ср. 26, 40—42, 46—47), оскорбление словом и действием (II.3.1, 6—11, ср. 4—5, 14), прелюбодеяние

²³ *ksudrapasvanrte sakṣi dāsa hanti / gōsvapurusaḥbhūmiṣu dāśagunottarān / sarvaṃ vā bhūmau / haraṇe (haraṇe bhūmau) narakāḥ / bhūmivadapsu / maithunasamyoge ca / paśuvanmadhusarpiṣoḥ / govadvastrahiranyadhānyabrahmasu / yāneṣvāśvat /*

²⁴ *udvāhakāle ratisamprayoge prāṇātyaye sarvadhanāpahāre / viprasya cārthe hyanrtam vadeyuh pañcānṛtānyāhurapātakāni //*

²⁵ Одно сравнение покажет, насколько разнообразнее содержание аналогичного текста в более поздних шастрах. В «Яджнавалкье» II.12 сказано: «В случае грабежа, кражи, оскорбления, коровы, обвинения (в преступлении), тяжкого преступления (и) женщины пусть (судья) прикажет незамедлительно представить ответ на иск. В иных случаях по желанию назначается отсрочка» (*sāhasasteypāruṣyagobhīṣarāpātyaye striyām / vivādāyetsadya eva kālo'nyatrecchayā smṛtaḥ //*). Согласно «Катьяяне» (цит. Харрадаттой на «Гаутаму» II. 4.29): «В случае с коровой, быком, полем, женщинами, а также рождением (потомства), вкладом, поведением*, (имуществом) подаренным, а также куплей-продажей, лишением девственности девицы, кражей, дракой, грабежом, кладом, обманом и лжесвидетельством тяжбу следует вести незамедлительно (букв. „в тот же день“)» — *dhenāvanūḍhi kṣetre strīṣu prajānane tathā / nyāse cāritrake datte tathaiva krayavikraye // kanyāyā dūṣaṇe stēye kalāhe sāhase nidhau / upadho kūṭa-sākṣye ca sadya eva vivādāyēt //*. Эти тексты отражают постепенное расширение представленных в дхармашастрах правовых тем, главным образом касающихся имущественных отношений, и богатство правового материала, который эти темы объединяют.

* «Поведением», — видимо, ошибка переписчика. Судя по контексту, вместо *chārित्रा* должно стоять что-нибудь типа *ачитак* — «имущества, переданного в пользование заимообразно».

(II.3.2—3), потрава поля (II.3.16—23), ссужение денег и других ценностей под процент (II.3.26—33), давностное право (II.3.34—36), долговые отношения (II.3.37—38).

Очевидно, что заклятия, отвращающие от лжесвидетельства, отражают в основном материал древних «Баудхаяны» и «Апастамбы».

Встает закономерный вопрос: к какого рода юридическим доказательствам обычно прибегает суд, когда рассматривает дела, связанные с воровством, грабежом, убийством человека, оскорблением словом и действием и прелюбодеянием? К ним принадлежат прежде всего сообщения свидетелей, дающих «показания согласно виденному или слышанному» («Баудхаяна» I.10.29). Судья по «Вишну» IX.1—2, принесение клятв в суде и устроение ордалии, засвидетельствованные в дхармасутрах, тоже имели место в первую очередь в случаях воровства и грабежа («При нанесении ущерба царю (и в случае) грабежа по желанию (судей назначается ордалия)). (В случаях) кражи доверенного на хранение имущества (принимается во внимание) размер (стоимости похищенного) имущества»²⁶ — ср. IX.4—17), а равно — что нам известно по другим текстам — в иных случаях, когда то или иное происшествие происходило не на людях (к ним кроме кражи и грабежа обычно причисляют прелюбодеяние и оскорбление — ср. КА III.11.30 и «Ману» VIII.72). Документы к такого рода доказательствам относиться не могли. В каких случаях правовой практики встречаются документы в более поздних шастрах, начиная с «Ману»?²⁷ Прежде всего в контексте долговых отношений, при оформлении долговых контрактов, а также в контексте двусторонних имущественных отношений. Эти последние впервые рассматриваются в «Васиштхе» XVI.13—15. И с появлением этого нового для дхармасутр предмета появляется упоминание о документе. Становится понятным и естественным и упоминание о юридическом авторитете «пользования»: в этой дхармасутре впервые встречается связанная с ним тема давностного права (XVI.17—18), т. е. формула трехчленного юридического авторитета, с одной стороны, формирует материал, с другой — характер последнего объясняет факт ее появления²⁸. Что же касается долговых отношений, то в «Васиштхе» о них говорится в одной только сутре. Контекст исключает возможность упоминания в этой связи документа, но предполагает присутствие за текстом разработанных правил долгового права. Трехчленный юридический авторитет, не будучи назван, присутствует и в «Гаутаме»: в ней речь идет как о свидетелях, так и о пользовании — опять-таки в аспекте давностного права (II.3.34—36). И хотя материал, касающийся долгового права, предстает здесь в виде таблицы ростовщических процентов (II.3.26—33) с упоминанием залога (II.3.29—30) и в виде двух сутр, говорящих о том, кто должен и когда не следует возвращать долг (II.3.37—38), а документы не упоминаются, складывается впечатление, что они как бы находятся за текстом²⁹.

²⁶ *rājadrohasāhaesu yathākamam / nikṣepasteyēsvarthapramānam /*

²⁷ Вопреки распространенному мнению (см., в частности, *Lingat. Op. cit.*, p. 83) документы как доказательство в суде упоминаются и в «Ману». Но они передаются здесь не привычными терминами *лекхья*, *ликхита* и пр., производными от глагола *ликх*, а терминами карана — как в VIII. 51, 154 и др. и *деша* (*дешья*) — как в VIII. 52—54. Документ в дхармашастрах может получать и другие терминологические обозначения, как, например, *агама* в «Нараде» I.134 версии Асахаи. В КА документ как доказательство в суде передается термином *деша*.

²⁸ Проекция формулы трехчленного авторитета на текст встречается в «Васиштхе» впервые в традиции дхармашастры (в сутрах XVI.13—15 говорится о функциях свидетелей и документа, в сутре XVI.17 — о функции пользования). Этот принцип организации материала сказывается в «Яджнавалкье» и «Нараде», где под его влиянием строится значительная часть текста. В «Ману» его влияние незаметно. См. об этом: *Самозванцев А. М. Заметки об одном композиционном принципе текста дхармашастры.* — В кн.: Проблемы истории Индии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (в печати).

²⁹ Впрочем, по словам П. В. Кане (*op. cit.*, p. 105), «...в „Гаутаме“ 13.4, кажется, имеется указание на документы». В этом месте говорится: «Но брахман не должен

Следовательно, то обстоятельство, что в древних дхармасутрах не засвидетельствовано упоминание о документах, надо объяснять исключительно спецификой содержащегося в них материала. Но почему же в них рассматриваются именно эти, а не другие правовые вопросы? По той простой причине, что в «Баудхаяне» и «Апастамбе» большая часть правового материала либо входит в рамки раджадхармы (в «Баудхаяне»), либо является текстуальным и логическим ее продолжением (в «Апастамбе»). В оппозиции к этому правовому материалу как к правовой практике царь, основной обязанностью которого является защита подданных, не может не выступать в своей карающей функции. Соответственно здесь должна идти речь не просто о правовых случаях, но о примерах, описывающих преступления — обычно уголовного характера³⁰.

В самом деле, в раджадхарме «Баудхаяны» правовые казусы сводятся к убийству человека (I.10.14, 19—25, 27), прелюбодеянию (I.10.19), воровству (I.10.19) и питью хмельных напитков (I.10.19). Как пример «гражданского» дела здесь можно привести лишь случай с имуществом, лишенным собственника (I.10.17). В «Апастамбе», в главе II.26, продолжающей вслед за главой II.25 изложение собственно раджадхармы, приводятся два примера правовой практики: воровство (II. 26.6—8) и прелюбодеяние (II.26.18—24 с переходом в следующую главу до 13-й сутры), а затем речь идет об оскорблении словом (II.27.14), убийстве человека и воровстве (II.27.16—17). Главы II.28—29, связкой между которыми является сутра II.28.14 и в которых речь идет, в частности, о двусторонних договорных отношениях и организации суда, располагаются особняком.

В более поздней «Васиштхе» раджадхарма и вьявахара (право) дифференцированы, хотя, судя по сутрам XVI.6—9 — XIX.35—36 и по ряду других моментов, — не вполне, и содержание их еще не приняло устойчивую форму, знакомую по более поздним шастрам. Однако примечательно, что и здесь в раджадхарме упомянуты: оскорбление словом (XIX.9) и действием (XIX.9, 11) и воровство (XIX.38—39), тогда как содержание раздела вьявахары, о чем можно судить по приведенному выше набору ее правовых тем, значительно шире. Упоминание о воровстве там встречается лишь один раз (XVI.25) и в основном говорится об имущественных отношениях. Интересно, что сразу за раджадхармой (II.2) в «Гаутамах» следует глава II.3, содержащая обильный правовой материал, которую мы условно назвали бы вьявахара в узком смысле слова, как главу II.4 — суд. Но и в ней непосредственно после раджадхармы излагаются оскорбление словом и действием (II.3.1), прелюбодеяние (II.3.2—3), оскорбление шудрой варны брахманов (II.3.4—5), оскорбление словом (II.3.6—11) и воровство (II.3.12—13, 15; в самой раджадхарме — II.1.46—47), как и в «Апастамбе» генетическая связь этих тем с раджадхармой тоже кажется несомненной. В «Вишну» вслед за главой III, содержащей раджадхарму, идет краткая глава IV с ее таблицей мер и весов и определением первого, среднего и высшего штрафов, аналогичная «Ману» VIII.131—138 и, видимо, к ней восходящая. Как и в «Ману», ее роль в контексте совершенно очевидна, коль скоро он повествует о наказаниях (с конца III главы). Таким образом, непосредственно за раджадхармой идут следующие темы: наложение наказаний за совершении великих грехов-преступлений (V.1—3),

привлекаться (в качестве свидетеля) по требованию небрахмана, если (он) не указан (в искомом заявлении) (анибаддха) (brahmanastvabrahmanā vacanādanavarodhyo' pibaddhaścet). Этот же свидетель упоминается в 8 сутре: «(Лицами), не указанными (в иске), тоже могут даваться показания (в суде)» (anibaddhairāpi vaktavyam). Последний текст «Гаутамы» имеет параллель в «Ману» VIII.76: «Даже если (кто-то), не указанный (в искомом заявлении), увидит или услышит что-либо, то, будучи спрошен, пусть говорит, как видел, как слышал» (yatranībaddho'pikṣeta śrṇuyādvāpi kimcana / dṛṣṭastatrāpi tadbrūyadyāthadṛṣtam yathāśrutam //).

³⁰ Вигасин, Самозванцев. Артхашастра..., с. 38.

определение четырех великих грехов-преступлений (4—7), преступления против царя (8—9). Далее речь идет в основном о ворах, отравителях, убийцах, насильниках и пр. (10—12). Затем следуют темы оскорбления словом (16—32), прелюбодеяния (33—35, ср. 33—37), оскорбления действием (40—62). Далее V глава включает — через посредство «Яджнавалкьи» — материал пракирнаки «Артхашастры» и затем при аморфной структуре текста начинаются темы «непередача проданного», «игра», «тяжба хозяина и пастуха», «недача платы» и т. д. Следовательно, в этой поздней дхармасутре наблюдается та же картина, что и описанная выше на примере текста более ранних дхармасутр. Можно внести и следующее уточнение: заклатья, отвращающие от лжесвидетельства, тоже ориентированы в первую очередь на материал раджадхармы.

Нетрудно заметить, что массированное включение в текст дхармашастры правового материала, в том числе и главным образом такого, который не может быть описан в терминах оппозиции царь-преступление (преступник), приводит к его обособлению и организации вне раджадхармы. Здесь эта оппозиция исчезает и говорится уже не о преступлении в собственном смысле слова, а начинает рассматриваться широкий круг случаев частно-правовой практики и прежде всего — договорные отношения со всем необходимым содержанием; они же могут быть теперь выражены и организованы в виде определенных предметов судебного разбирательства. Судя по всему, этот процесс начинается уже в дхармасутрах, а именно — с «Апастамбы».

Касательно организации правового материала в дхармасутрах можно высказать еще несколько соображений. На ней сказывается прежде всего функциональное членение текста раджадхармы, опосредованное отправлением царем двух взаимосвязанных основных функций: на первом месте обычно стоит борьба с внешним врагом, на втором — охрана подданных, которая подается в контексте охраны живых существ («Баудхаяна» I.10.3: «(Дхарма) кшатрия (состоит) в учении, принесении жертв, раздаче (даров, захвате добычи) оружием, охране казны (и) живых существ»³¹; «Апастамба» II.10.7: «Эти (три): научение, принесение жертв для других (и) получение (даров) исключаются для кшатрия, (а) прибавляются (наложение) наказаний (и ведение) сражения»³²; ср. «Ману» VII.110. С тезисом об охране подданных как основной обязанности царя, оформленном в виде вводной сутры, начинается изложение собственно раджадхармы (как в «Баудхаяне» I.10.1, «Васиштхе» XIX.1, «Гаутаме» II.1.7). Но среди дхарм, которым положено следовать царю, на первом месте неизменно стоит борьба с внешним врагом и в соответствующем тексте излагаются правила ведения сражения («Баудхаяна» I.10.9—12, «Апастамба» II.10.11—12, «Гаутаме» II.3.13—23 — схема «Гаутамы» особенно показательна; см. также структуру VII главы «Ману»). И точно так же, как сакральные³³ обязанности кшатрия (учение, принесение жертв и пр.) излагались при описании соответствующих ашрам, мирские начинают излагаться в раджадхарме в рамках его двух основных мирских функций, но уже как царя-кшатрия. Соответственно складываются две оппозиции: царь — внешний

³¹ ksatre... adhyayanayanadanānasastrakośabhūtarakṣaṇa. В «Ману» VII.143 (ср. 142—144) мы видим, возможно, древнейшую мотивацию охраны подданных как их защиту от попыток внешнего врага увести их за пределы страны (раштры), — вероятно, на свою землю (ср. КА II.1.1.).

³² etānyeva kṣatriyasya'dhyāpanayājanapratigrahaṇānti parihārya daṇḍayuddhād-bhikāni //.

³³ Дхармы варн в шастрах, в том числе дхармасутрах, делятся на сакральные, общие для всех дваждырожденных (исключение составляет брахман) и состоящие в «учении, принесении жертв (и) раздаче (даров)» («Гаутаме» II.1.1), и мирские, которые осмысливаются в первую очередь как особые средства существования варн («Баудхаяна» I.10.2—5, особ. 3, «Апастамба» I.10.5—8, особ. 7—8, «Васиштхе» II.13—20, особ. 17; ср. «Гаутаме» II.1.2, 5—6, 7—8, 40—42, 50—52). Утрируя, можно сказать, что вся раджадхарма, включая право, выводится из мирских дхарм царя-кшатрия.

враг, царь — подданный. Эта последняя оппозиция определяет структуру большей части раджадхармы и связанных с нею тем. Их общая последовательность такова: охраняющий подданных царь взимает в качестве вознаграждения за охрану налоги, в качестве примера которых обычно приводится традиционная шадбхага — шестая доля (как в «Баудхьяне» I.10.1: «Получающий как») содержание шестую долю царь пусть охраняет подданных»³⁴; ср. «Гаутаму» II.1.28). Затем непосредственно за описанием дхарм, которым надлежит следовать царю при ведении сражения, идет материал, касающийся взимания налогов и пошлин, выполнения повинностей в пользу царя и освобождения от них («Баудхьяна» I.10.15—16, «Гаутама» II.1.24—35; ср. «Апастамбу» II.10.26 и «Васиштху» XIX.23—29, хотя упомянутая выше схема в последних двух дхармасутрах прослеживается не столь четко). Таким образом, вводные сутры типа «Баудхьяны» I.10.1 или «Васиштхи» XIX.1 получают содержательное раскрытие в тексте.

Поскольку получение царем налогов и пр. предполагает приобретение в казну материальных ценностей, т. е. имущества, в тему «налоги» логично входит подтема «имущество, лишенное хозяина», собственником которого становится царь (структура «Баудхьяны» здесь идентична таковой в «Гаутаме» — ср. соответственно I.10.17 и II.1.36—37), затем — подтема «находка клада» и прочие.

Охрана живых существ (подданных) может толковаться и как содержание тех или иных их категорий (ср. «Гаутаму» II.1.7—9), например, брахманов, что смыкается с сакральной дхармой царя в виде раздачи даров брахманам — ср. «Апастамбу» II.26.1): несовершеннолетних, брахмачаринов и прочих, а также родственников царя (см. «Апастамбу» II.26, «Гаутаму» II.1.9—12). Пример подключения подтемы «содержание царских родственников» к теме «налоги» мы видим в «Васиштхе» XIX.23—34. Примечательно, что вся тема «налоги» завершается сутрами 35—36 касательно содержания царем импотентов и душевнобольных, поскольку за неимением наследников ему достается их имущество. Связь, которую здесь усматривает составитель между охраной подданных — получением налогов (ценностей) и охраной подданных — их содержанием, кажется очевидной. Несомненна также семантическая связь между содержанием царских родственников и импотентов, душевнобольных и прочих.

В рамках той же оппозиции царь — подданный может быть рассмотрена еще одна группа тем с условным названием «преступление — наказание». В ней, видимо, отразилась идея, в соответствии с которой в функции царя входит наложение наказаний («Апастамба» II.10.7, «Гаутама» II.1.8). В более поздних текстах это превращается во взимание штрафов по суду. Однако не известно, как рано она попадает в раджадхарму: из древних дхармасутр она имеется в «Апастамбе» II.10.7, но отсутствует в «Баудхьяне» I.10.3. Кроме того, не случайно охрана царем подданных порой фигурирует в качестве своего рода преамбулы к раджадхарме, вне всякой связи с описанием других дхарм царя (как в «Васиштхе» XIX.1). Во всяком случае, семантическая связь, которая устанавливается между преступлением и наказанием, вовсе не прямая. Посмотрим, как в данном случае выглядит организация текста дхармасутр (наиболее явно эта схема выражена в «Васиштхе» и «Гаутаме»). Охрана подданных означает охрану традиционных правил и норм внутриобщинной жизни в пределах тех или иных варн и ашрам («Васиштха» XIX.7, «Гаутама» II.2.9)³⁵. Их нарушение

³⁴ *śaḍbhāgabhṛto rājā rakṣet prajāṃ.*

³⁵ Было бы заманчиво истолковать охрану царем подданных как защиту их от воров. Но, как нам представляется, последний сюжет имеет в шастрах более частное значение. Обычно он вводится в текст ситуативно, как в «Апастамбе» II.26.6—8, где речь идет об организации города и сельской местности и назначении чиновников, обязанностью которых в первую очередь является сбор налогов (см. контекст), или как в «Гаутаме» II.1.46—47, где кража интерпретируется как нарушение — лишение прав собственности (см. логику построения текста II.1.39—47).

подданными влечет наставление на путь истинный царем, в том числе посредством наложения наказания («Васиштха» XIX.8, «Гаутама» II.2.10, ср. 9—11, 20—31, особ. 28—31). В «Гаутаме» сразу вслед за этим идет тема преступлений — вначале уголовных, потом — гражданских (II.3), в «Васиштхе» — уголовных в виде оскорбления и других (XIX.9 слл.), что естественно, так как въявахара вынесена здесь в отдельную главу (ср. также «Апастамбу» II.10.13—17). Сюда логично вписывается тема суда и следствия, а значит, свидетельских показаний.

Вкратце резюмируем: макрораджадхарма (условно: государство и право), состоящая из микрораджадхармы (обязанности царя) и въявахары (право), организуется в рамках оппозиций царь — внешний враг, царь — подданный, которые объясняют и расположение ее материала. Последней оппозиции как ее производное обязана своим появлением въявахара (право).

Еще один момент, на котором нам хотелось бы остановиться. В «Баудхаяне» вначале излагается собственно дхарма царя, затем — некоторые правовые вопросы, т. е. въявахара, а завершает эту последнюю тема суда и свидетельских показаний. В «Апастамбе», как уже говорилось, вначале тоже излагается дхарма царя, затем — генетически связанные с нею уголовные и далее — гражданские казусы правовой практики, которые обрамляются темой суда и свидетельских показаний. В «Гаутаме» представлена та же схема: вначале изложение дхармы царя, затем — уголовных и гражданских дел и далее — описание суда и свидетельских показаний. Хотим заметить, что хотя композицию всей «Гаутамы» и ее язык, возможно, и трудно признать архаичными³⁶, композицию ее глав, объединенных темой дхармы царя и связанными с последней правовыми темами, следует, напротив, считать именно архаичной в отличие от «Васиштхи» с ее расчленением этих тем, организованных в несвязанные друг с другом главы. Построение «Васиштхи» тем самым выпадает из общей схемы построения дхармашастр, начиная с «Баудхаяны» и кончая «Яджнавалкьей» и «Вишну»³⁷. Но примечательно, что и в «Васиштхе» раздел въявахары в XVI главе тоже завершается темой суда и свидетельских показаний, которая служит рамкой, обрамляющей всю раджадхарму (макрораджадхарму), т. е. включая сюда и въявахару (собственно раджадхарма... суд и свидетельские показания). В основе тематической схемы построения микрораджадхармы лежит схема функциональная: дхармы, которым надлежит следовать, — их нарушение (преступление) — наложение наказания судом за совершенное преступление.

Это же наблюдение имеет силу и для текста «Вишну», структура которого с III по XIV главы такова: раджадхарма — различные правовые вопросы — группа оформленных в виде отдельных глав юридических доказательств (документа, свидетелей и ордалий), соответствующая пракарнам свидетели — документ — ордалии «Яджнавалкьи», но генетически, безусловно, связанная с темой суд — свидетельские показания в ранних дхармашастрах.

Рассмотрим композицию той части правовых книг «Ману» и «Яджнавалкьи», которая непосредственно следует за микрораджадхармой (т. е. соответственно за VII главой и концовкой I книги). Здесь уместно еще раз напомнить схему «Гаутамы»: с II.1.24 начинается тема «налоги», которая интерпретируется шире — как получение царем тех или иных ценностей (имущества) и услуг в качестве вознаграждения за охрану подданных. В этом ключе подается случай с имуществом, лишенным хозяина (II.1.36—38), и находкой клада (II.1.43—45), собственником которых в определенных условиях становится царь. Отсюда делается логичный переход к под-

³⁶ Вигасин, Самозванцев. Артхашастра..., с. 40.

³⁷ Примечательно, однако, что количество глав и, видимо, их расположение в разных версиях «Васиштхи» не совпадают и о ее первоначальном облике сейчас судить трудно; см. на этот счет мнение П. В. Кане (op. cit., p. 94, 97).

теме «свам» — собственность: законным способам ее приобретения (II.1.39—42), лишению собственности, которая похищается ворами, и возвращению ее царем законному хозяину (II.1.46—47) и охране имущества ребенка до его совершеннолетия — надо полагать — от тех же «воров» в расширительном их истолковании (II.1.48, см. также II.1.49; имеются в виду алчные родственники и пр. — ср. «Ману» VIII.29). Заметим, что в «Гаутамах» тема «налоги» входит в собственно раджадхарму; за ней следует изложение той же раджадхармы в II.2, различных правовых казусов, и в первую очередь — уголовных преступлений, в II.3, и все обрамляет тема суд и свидетели в II.4.

В «Ману» макрораджадхарма включает VII—IX главы до шлоки IX.325. Предмет VII главы составляет собственно раджадхарма, VIII и IX до шлоки IX.250 — вьявахара (право) в виде 18 поводов судебного разбирательства (аштадшапада); шлоки IX.252—293 содержат кантакашодхана («искоренение шипов» — преступников) и касаются главным образом уголовных преступлений. Последующий текст до шлоки IX.325 в духе VII главы толкует дхармы царя, в виде рамочной конструкции обрамляя весь текст VII—IX глав. В заключительной части IX главы (шлоки 326—336) описывается дхарма вайшьев и шудр.

Деление текста «Ману» на вьявахару и кантакашодхану, организация материала вьявахары в виде аштадшапада, практика заимствований и еще ряд моментов показывают, что «Ману» — первая из дхармашастр — испытала на себе влияние «Артхашастры» и ее источников. Их влияние сказывается, видимо, и в том, что в «Ману», «Яджнавалкье» и в более поздних текстах правой ветви дхармашастры суд (процессуальное право) не завершает, а открывает изложение предметов вьявахары. Но впервые, следуя этому принципу, строится XVI глава (вьявахара) «Васиштхи». Пространственная схема дхармасутр (макрораджадхарма состоит из собственно раджадхармы — вьявахары — суда) нарушается, так же как и функциональная схема макрораджадхармы дхармасутр: соблюдение царем дхарм варн и ашрам — нарушение их подданными — наложение на них наказания царем (расследующий нарушение и налагающий наказание суд), поскольку в «Ману» и последующих шастрах мотивация царь — преступление — наказание значительно ослабевает. Рамки макрораджадхармы, которые раздвигаются с включением в текст «Ману» обильного и многообразного правового материала, оказываются формальными. По существу этот материал обособляется и организуется вне раджадхармы как отдельный предмет дхармашастры. Логические связи, позволявшие этому материалу существовать в дхармасутрах в рамках раджадхармы в качестве составной ее части, рвутся. Теперь он получает иную организацию. В процессе этого обособления, организационного выделения права (степень которого не следует преувеличивать, так как, скажем, между VII и VIII главами «Ману» существует естественная связь и первые шлоки VIII главы служат связующим звеном между ними) неизбежным оказывается включение в его предмет, не вполне органичное, части материала собственно раджадхармы. Впервые мы сталкиваемся с этим явлением в «Васиштхе»: в текст ее XVI главы (вьявахары) оказывается включенным фрагмент, состоящий из 7—9 шлок, об охране царем имущества несовершеннолетних, более уместный в контексте XIX главы (раджадхармы). В шлоке XVI.6 говорится об охране царем благоприобретенного и уже затем — имущества детей и т. д., а в шлоке XVI.5 — о беспристрастности царя по отношению к подданным. Тем самым фрагмент 6—9 как бы «пристегивается» к предшествующему тексту о справедливом наложении наказания царем как пример его поведения, соответствующего дхарме.

Схожим образом в «Ману» в VIII главе вначале в виде рамки вводятся шлоки 1—26 в духе тех глав дхармасутр, которые излагают тему суда и свидетельских показаний, — относительно организации суда и общих принципов наложения наказания (ср. «Васиштху» XVI, 1—5). Затем вклю-

чается фрагмент, обычный для раджадхармы дхармасутр, но отсутствующий в VII главе «Ману» — об охране имущества несовершеннолетних, опеке бездетных и прочих женщин (шлоки 27—29 — ср. «Васиштху» XVI.7—9), об имуществе, лишенном собственника (шлоки 30—34 — ср. «Васиштху» XVI.19), о находке клада (шлоки 35—39) и о возвращении хозяину похищенного ворами имущества (шлока 40).

Схемы построения текста «Васиштхи» и «Ману» аналогичны (ср. соответственно XVI.1—9, 19—VIII.1—40). Но применительно к «Ману» мы имеем дело уже с целым фрагментом VIII.27—40, перенесенным из контекста раджадхармы (VII глава) в контекст вьявахары (VIII глава). По-видимому, составитель «Ману» здесь следовал за «Васиштхой»; данный фрагмент в «Ману» можно истолковать только приблизительно в том же ключе, что и в «Васиштхе» и в духе преамбулы VIII главы — относительно праведного и неправедного (соответствующего и несоответствующего дхарме) поведения царя. Он, следовательно, содержит примеры поведения добродетельного царя, соблюдающего дхарму. Далее, в шлоках «Ману» VIII.41—42, 46 говорится об установлении царем дхарм — обычаев, существующих там или иным общинам. В «Васиштхе» в отличие от «Ману» эта тема остается в раджадхарме (см. начало XIX главы). Со шлок 43—45, особенно с 45, в «Ману» начинается тема свидетелей и юридической аргументации сторон в суде, которая в дхармасутрах завершает макрораджадхарму, точнее сказать, — входящую в состав последней вьявахару, хотя о собственно свидетелях говорится с 61 по 123 шлоку. Так как в последней шлоке составитель касается наказания за лжесвидетельство, это служит поводом для перехода к описанию объектов наказания (124—125), принципов наложения наказания (126—128), а также категорий наказания — от менее к более тяжелым (129) с обрамляющей шлокой 130. Фрагмент 131—138 тоже входит в подтему наложения наказания, поскольку смысл таблицы мер весов раскрывается в шлоке 138, где упомянуты первый, средний и высший штрафы, выраженные в планах, о которых шла речь в этой таблице. По существу здесь завершается тема суда и свидетелей, и только со шлоки 139 начинается изложение первого предмета судебного разбирательства — «невозвращения долга», которое продолжается до шлоки 178. Причем впечатление таково, что последняя шлока заключает в рамку весь текст приблизительно с 45 шлоки. Это свидетельствует о том, что фрагмент, состоящий из 27—40 шлок, не образует органичной части текста и как бы обособляется внутри его. Пример «Ману» говорит о том, насколько непросто был процесс организационного разграничения и обособления собственно раджадхармы и вьявахары.

Что касается «Яджнавалкьи», то в ней интересующий нас фрагмент раджадхармы подвергается трансформации. Структура вводных пракаран ее II книги такова: шлоки 1—23 излагают процессуальное право; 24—29 — давностное право; в 30—32 говорится о юридической значимости тех или иных сделок (актов); затем следует знаковый небольшой фрагмент раджадхармы: в 33 шлоке говорится об имуществе, лишенном собственника, в 34—35 шлоках — о находке клада, в 36 шлоке — о возвращении царем похищенного ворами имущества его хозяину. Взятый безотносительно к контексту, фрагмент, состоящий из 33—36 шлок (или из 24—39 шлок), по аналогии со схемой «Гаутамы» можно было бы интерпретировать как посвященный отношениям собственности. Однако, судя по контексту, смысл построения текста дхармашастры в данном случае иной. Шлоки 21—23 рассматривают в общей форме юридические акты и доказательства, которыми должен руководствоваться суд при вынесении приговора. Шлока 22 упоминает три важнейшие категории доказательств — документ, свидетелей и пользование и как менее значимую — ордалию. Шлоки 22—23 организуют последующий текст, так как шлоки 24—29 посвящены описанию функций юридического авторитета «пользования», а шлоки 21—36 в целом как бы «пристегиваются» к теме процесс в качест-

ве примера разного рода сделок — законных и незаконных юридических действий, составляющих основу тех или иных тяжб в суде³⁸. Поэтому смысл помещенных в этот контекст шлок 33—36, каким он был в композиции «Гаутамы» и более древних дхармасутр, а равно каким он был в композиции «Васиштхи» и «Ману», по сути дела утрачен.

Заметим еще раз, что структура текста «Ману» и последующих дхармашастр должна рассматриваться с учетом влияния «Артхашастры» и ее источников, а также текстов (или текста) еще одной традиции артхашастры (их влияние заметно в первую очередь в «Ману» и через ее посредство — в «Яджнавалкье»; возможно, оно в какой-то степени сказывается и на «Артхашастре»). Вопрос этот, безусловно, не может считаться решенным и нуждается в дальнейшем изучении.

---

³⁸ См. *Самозванцев*. Заметки...

ON THE LAW TEXT OF THE *DHARMAŚŪTRAS*

A. M. Samozvantsev

The author discusses insufficiently studied material in the *dharmaśūtras*: the «Āpastambadharmasūtra», «Baudhāyanadharmasūtra» «Vasiṣṭhadharmasūtra», «Gautamadharmaśūtra» — prosaic ethical compositions of the last third of the I millennium B. C. to the very beginning of our era and preceding the well known metrical *dharmaśāstras* «Manusmṛti», «Yājñavalkyasmṛti» etc. The author gives special attention to the divisions of *prāyaścitta* (atonements and vows imposed by the community) and *vyavahāra* (activities of the king and his administration, the struggle of the king's administration against crimes, and the imposition of punishments). Study of *prāyaścitta* shows that it, like *vyavahāra*, included these subjects, though in very small compass, and these subjects took on a sacral character and were described in terms of sin-crime; when the law found this far too specific and narrow for its purposes it began to attach itself more and more closely to the different parts of *vyavahāra*. The law as it appears in the early *dharmaśūtras* is rather well developed, evidently that was where it really belonged; in the later *dharmaśāstras*, on the other hand, there takes place a technologization of ancient Indian law. As for the absence of any mention of documents in the text of the *dharmaśūtras*, the oaths turning a witness away from false testimony show that the compilers of the *dharmaśūtras* had in mind first of all criminal law, and not private-law questions. Documents are not mentioned in the *dharmaśūtras*, not because the law was undeveloped but because of its specific character. The author discusses the composition of the *dharmaśūtras*. He finds that they are affected by a functional split in the text of the *rājadharmā* (the *dharma* of the king) who must perform two basic interlocking functions — to fight the enemy abroad and to guard his subjects.

В. В. Рубан, В. Н. Урсалов

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ БОРИСФЕНИДЫ И ОЛЬВИИ ДОГЕТСКОГО ВРЕМЕНИ*

Находки античных денежных знаков в районе распространения приольвийских аграрных поселений известны еще с прошлого столетия¹. С течением времени их количество постепенно возрастало, особенно с тех пор, когда стали проводиться более или менее систематические раскопки ольвийского окружения. В археологической литературе довольно часто появлялись упоминания о монетах, обнаруженных там на различных памятниках². Однако большинство таких сообщений было лишено какой-либо информации, разве что кроме самого факта находки монеты. В лучшем случае встречались уточнения — медная монета. Исключения из этого правила были крайне редки³.

В последние годы положение в изучении нумизматики рассматриваемой территории претерпело заметные качественные изменения. Наряду с традиционными упоминаниями о находках денежных знаков⁴ появился целый ряд работ, являющихся не только полноценными с нумизматической точки зрения изданиями монетных материалов⁵, но и затрагивающих более широкие вопросы, связанные с хронологией монетного дела и харак-

* Данная работа является значительно расширенным текстом доклада, прочитанного на авторско-читательской конференции ВДИ в 1984 г. (см. Рубан В. В., Урсалов В. Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени. — В кн.: Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ. М., 1984, с. 47 сл.).

¹ См. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Ч. 1. Киев, 1951.

² Литература до начала 70-х годов текущего столетия собрана в кн.: Wąsowicz A. Olbia pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. P., 1975.

³ Зограф А. Н. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 года. — МАСП, 1957, вып. 1, с. 97—101; Штительман Ф. М. Поселення біля Закислової балки (розкопки 1948—1949 рр.) — АП, 1958, т. VII, табл. 1.

⁴ Доманский Я. В., Марченко К. К. Поселение ольвийской хоры Козырка 2. — АС, 1980, вып. 21, с. 36.

⁵ Симонович Э. А. Ольвийские монеты с Кошарского городища. — ВДИ, 1969, № 2, с. 105 сл.; Карышковский П. О. Находки античных и византийских монет в Одесской области. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976, с. 176 сл.; Диамант Э. И. Монетные находки Кошарского городища (К вопросу о западной границе ольвийского полиса). — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 241—249; Рубан В. В., Урсалов В. Н. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана. — ВДИ, 1978, № 3, с. 83—87; Абикулова М. И., Пиворович В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (По материалам Херсонского музея). — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 30—32; Загинайло А. Г. Каменский клад стреловидных литых монет. — Там же, с. 20—28; Урсалов В. Н. Литая ольвийская монета, найденная на поселении Козырка II. — Там же, с. 28—30.

тером денежного обращения на отдельных этапах истории Нижнего Побужья в античную эпоху⁶.

На основании опубликованных и неизданных монет из приольвийского района, находящихся в поле зрения авторов данной работы⁷, следует констатировать, что к настоящему времени собрание денежных знаков аграрной зоны Ольвийского полиса располагает уже не десятками, а сотнями экземпляров. Таким образом, для проведения обобщающих исследований в этой области имеется уже весьма солидная источниковедческая база. Потребность же в них становится все более ощутимой, поскольку такие работы представляют не только чисто нумизматический интерес, но выходят далеко за рамки последнего.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье предпринят первый опыт систематизации и анализа всего доступного нумизматического материала сельской территории одного из античных полисов на Понте Эвксинском. В основу его методики положено картографирование синхронных серий монет и их привязка к археологическим памятникам, что дает возможность разработать периодизацию денежного обращения на территории ольвийской хоры, выявить ареал циркуляции денег на каждом конкретном историческом этапе, а также внести некоторые уточнения в периодизацию ольвийского монетного дела.

Длительное время среди исследователей нумизматики Ольвии и Нижнего Побужья не было единого мнения относительно древнейших денежных эмиссий в этом районе⁸. Определенную ясность в этот вопрос позволяют внести археологические изыскания сельских поселений, благодаря которым в последнее время удалось надежно стратифицировать находки наиболее ранних античных монет и датировать их на основании археологической хронологии⁹.

В данный момент ничто не препятствует считать древнейшими местными деньгами в Нижнем Побужье литые бронзовые поделки, имитирующие форму двухлопастных наконечников стрел, либо же листьев лавра или оливы и называемые обычно монетами-стрелками. Наибольшее их количество в виде отдельных находок или кладов сконцентрировано на Березанском поселении¹⁰. Гораздо меньшим числом они представлены на материковых поселениях. В районе Березанского лимана монеты-стрелки найдены на поселениях Викторовка I¹¹, Бейкушском¹², Большая Черно-

⁶ Рубан В. В. Археологический комплекс из поселения Чертоватое II на Бугском лимане. — В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 69—71; *он же*. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных монет на территории Нижнего Побужья. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья, с. 15—20.

⁷ Некоторыми сведениями о монетных находках в Нижнем Побужье мы обязаны П. О. Карышковскому, А. В. Буракову, В. И. Никитину, И. А. Снытко и С. В. Страшному.

⁸ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 40 сл.; Скуднева В. М. Монеты-стрелки из Ольвии. — СГЭ, 1956, вып. 10, с. 39; Карышковский П. О. О надписях на ранних монетах Ольвии. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 225; *он же*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1969, с. 20; Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 145 сл.; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 108.

⁹ Рубан. Археологический комплекс..., с. 71; *он же*. О хронологическом соотношении..., с. 15.

¹⁰ Граков. Ук. соч., с. 104 сл.; Лапин. Ук. соч., с. 144 сл.; *он же*. Экономическая характеристика Березанского поселения. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 39; Фабрициус. Ук. соч., табл. XXI, 1—2; Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, taf. XIII.

¹¹ Рудык Ф. Древнее поселение Викторовка I. — МАСП, 1957, вып. 1, с. 65.

¹² Русаева А. С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии. — АИУ, 1967 г. Киев, 1968, с. 148; *она же*. Раскопки Бейкушского поселения. — АДУ 1969 г., вып. IV. Київ, 1972, с. 176; *она же*. Бейкушське поселення VI—V ст. до н. е. — В кн.: Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСР. Київ, 1972, с. 220—222.

морка II¹³ и Каборга I¹⁴. Небольшой клад стреловидных монет обнаружен в Каменской балке (бывш. Анчекрак)¹⁵. По берегам Днепровского и Бугского лиманов их находки отмечены в с. Куцуруб¹⁶, на поселении Закисова балка I¹⁷ и в Ольвии¹⁸. Таким образом, обращение монет-стрелок было ограничено довольно небольшой территорией — от низовьев Березанского лимана до устья Бугского (рис. 1).

В отличие от района распространения монет-стрелок ареал циркуляции литых анэпиграфных дельфинчиков охватывает все Нижнее Побужье (рис. 2). Пунктом максимального их средоточия было Ольвийское городище¹⁹. К западу от Ольвии находки дельфинчиков отмечены на Березани²⁰, на поселениях хоры — Викторовка I²¹, Бейкуш²², Большая Черноморка II²³, Каборга I²⁴, Очаков²⁵, Куцуруб²⁶, Петуховка I²⁷, в Марицынском некрополе²⁸, на поселениях у Закисовой²⁹ и Широкой балок³⁰. К северу от города дельфинчики обнаружены на поселениях у Чертоватой балки — Чертоватое I³¹, Чертоватое II³², Чертоватое VII³³, в районе Козырки — Козырка V³⁴, Козырка IX³⁵ и Старая Богдановка II³⁶, в том числе и на некрополе³⁷. В северной части Бугского лимана дельфинчик найден на поселении Малая Корениха I³⁸. Встречаются дельфинчики и к востоку от Ольвии, на противоположном берегу лимана — на

¹³ Ганжа А. И., Мошкова Л. В., Отрешко В. М. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане. — АО 1977 г., М., 1978, с. 310.

¹⁴ Отрешко В. М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975, с. 99.

¹⁵ Загинайло. Ук. соч., с. 20—28.

¹⁶ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Скуднова. Ук. соч., с. 38 сл.

¹⁹ Харко Л. П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 323.

²⁰ Латин. Греческая колонизация..., с. 144.

²¹ Рудык. Ук. соч., с. 65 сл.

²² Русяева. Раскопки..., с. 146, 150; она же. Разведки и раскопки поселения близ Ольвии. — АИУ 1968 г. Киев, 1971, с. 184.

²³ Ганжа и др. Ук. соч., с. 310.

²⁴ Отрешко. Ук. соч., с. 99.

²⁵ Загинайло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—V вв. до н. э. — МАСП, 1976, вып. 5, с. 73.

²⁶ Сообщение К. К. Марченко.

²⁷ Русяева А. С. Поселения Петухівка I біля Ольвії. — Археологія, 1968, т. XXI, с. 212.

²⁸ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Südrussland). — PZ, 1913, Bd. V, Hf. 1/2, S. 34, 104 f.

²⁹ Штительман. Ук. соч., табл. I, 1.

³⁰ Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой балки. — КСИИМК, 1951, вып. 40, с. 114—124.

³¹ Славин Л. М. Поселения ольвійської периферії біля с. Чортуватого. — Вісник КДУ, сер. іст. та філ., 1958, № 1, вип. 2, с. 145.

³² Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Чертоватое II. — АО 1975 г. М., 1976, с. 387; Рубан В. В., Рычка В. М. Исследование античных памятников близ Ольвии. — АО 1976 г. М., 1977, с. 362; Рубан. Археологический комплекс..., с. 69 сл., рис. 3, 7—10.

³³ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 16.

³⁴ Славин Л. М. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954. — КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 40.

³⁵ Отрешко В. М. Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепрпетровск, 1980, с. 103.

³⁶ Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В., Рубан В. В. Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 332; Марченко К. К., Доманский Я. В., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Шауб И. Ю. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье. — АО 1977 г. М., 1978, с. 354; Марченко К. К. Работы Нижнебугской экспедиции. — АО 1982 г. М., 1983, с. 294.

³⁷ Фабрициус. Ук. соч., с. 72.

³⁸ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 16.

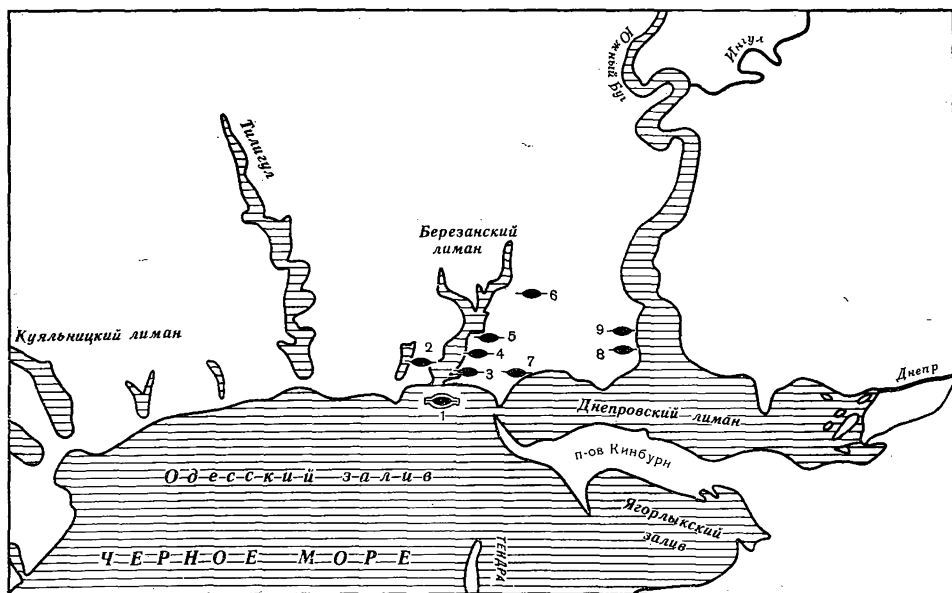

Рис. 1. Находки в Нижнем Побужье монет-стрелок: 1 — Березань, 2 — Викторова I, 3 — Бейкуш, 4 — Большая Черноморка II, 5 — Каборга I, 6 — Каменка, 7 — Куцуруб, 8 — Закисова балка I, 9 — Ольвия

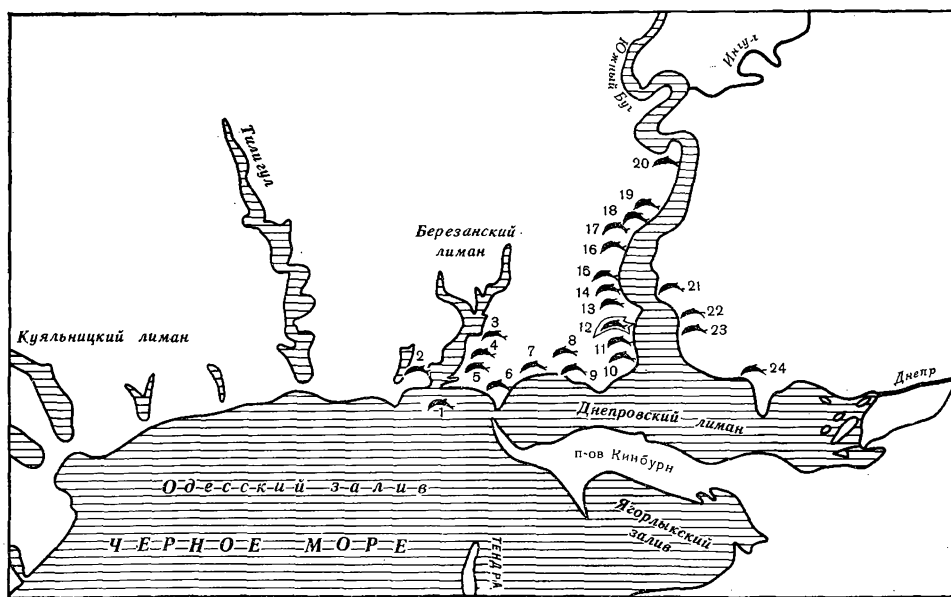

Рис. 2. Находки в Нижнем Побужье анепиграфных дельфинчиков: 1 — Березань, 2 — Викторова, 3 — Каборга I, 4 — Большая Черноморка II, 5 — Бейкуш, 6 — Очаков, 7 — Куцуруб, 8 — Марицыно, 9 — Петуховка I, 10 — Закисова балка I, 11 — Широкая балка I, 12 — Ольвия, 13 — Чертоватое II, 14 — Чертоватое I, 15 — Чертоватое VII, 16 — Козырка IX, 17 — Козырка V, 18 — Старая Богдановка II, 19 — Старая Богдановка (некрополь), 20 — Малая Корениха I, 21 — Лиманы V, 22 — Лупарево II, 23 — Южная окраина с. Лупарево, 24 — Александровка

поселениях Лиманы V ³⁹, Лупарево II ⁴⁰, к югу от с. Лупарево ⁴¹ и в Александровке ⁴². Неоднократно дельфинчики находили и к югу от Днепровского лимана, на Кинбурнском полуострове ⁴³.

Таким образом, картографирование находок монет-стрелок и дельфинчиков со всей очевидностью демонстрирует, что ареалы их циркуляции в Нижнем Побужье не совпадают. Поскольку предположение о существовании на территории одного полиса двух синхронных денежных систем, одна из которых предназначалась бы для обращения в каком-либо узко ограниченном его районе, невероятно, то объяснение имеющемуся факту следует искать в другом.

Если обратиться к составу кладов рассматриваемых монет, то нетрудно убедиться, что в последних не зарегистрировано совместных находок монет-стрелок и дельфинчиков. В Нижнем Побужье пока известны клады, содержащие лишь один вид указанных денежных знаков — либо монеты-стрелки, либо дельфинчики. К первой группе относятся находки на Березани ⁴⁴ и в Каменке ⁴⁵. Ко второй группе принадлежат клады из Козырки V ⁴⁶, Большой Черноморки II ⁴⁷, Христофоровки ⁴⁸, Березани ⁴⁹ и Ольвии ⁵⁰. Из этого напрашивается вывод о диахронности эмиссий стреловидных и дельфиновидных монет.

В самом деле, если обратиться к хронологии античных сельских поселений Нижнего Побужья, на которых найдены монеты-стрелки и дельфинчики, то нетрудно заметить, что ареал обращения стреловидных денежных знаков в точности совпадает с областью распространения тех памятников, которые существовали в первой половине VI в. до н. э.⁵¹ С другой стороны, полное отсутствие монет-стрелок и в то же время множество находок монет-рыбок на тех поселениях, которые возникли после середины VI в. до н. э., должно рассматриваться как свидетельство в пользу того, что к указанному моменту в Нижнем Побужье обращение монет-стрелок прекратилось, а на смену последним пришли многочисленные серии дельфинчиков ⁵². Следовательно, монеты-стрелки должны были пребывать в обращении между 647/646 гг. до н. э. (время появления эллинов в Нижнем Побужье) и серединой следующего столетия. Однако если *terminus ante quem* определяется довольно надежно, то о начальной дате этого явления приходится пока говорить не столь определенно. Можно лишь отметить, что начало выпуска стреловидных монет вряд ли могло иметь место сразу же после основания Борисфениды, когда еще не существовало соответствующей экономической базы. Видимо, этот момент относится к более позднему

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² *Фабрициус*. Ук. соч., с. 106.

⁴³ *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — ЗООИД, 1875, т. IX, с. 34, 36; *Буйских С. В., Островерхов А. С.* Работы на Ягорлыцком поселении. — АО 1977 г. М., 1978, с. 305.

⁴⁴ *Лалин*. Экономическая характеристика..., с. 39; *он же*. Греческая колонизация..., с. 144 сл.

⁴⁵ *Загинайло*. Каменский клад..., с. 20—28.

⁴⁶ *Славин*. Основные итоги..., с. 40; см. также *Thompson M., Mörkholm O., Kraay M. C.* An Inventory of Greek Coin Hoards. N. Y., 1973, № 992.

⁴⁷ *Ганжа и др.* Ук. соч., с. 310.

⁴⁸ *Thompson et al.* Op. cit., № 994.

⁴⁹ *Лалин В. В.* Групповая находка ольвийских дельфинов на Березани. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 42—51; *Thompson et al.* Op. cit., № 981—983.

⁵⁰ *Ibid.*, № 984—991.

⁵¹ *Рубан В. В.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». Тбилиси, 1979, с. 66 сл.

⁵² Весьма показательно в этом отношении отсутствие монет-стрелок и находки дельфинчиков в ольвийском «предградьи», возникшем не ранее второй половины VI в. до н. э. (см. *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище Ольвии. — В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 139 сл.).

времени — примерно к последней трети VII в. до н. э., а возможно, и к началу VI в. до н. э.

С другой стороны, ареал циркуляции монет-стрелок и место их максимальной концентрации подсказывают мысль об их изготовлении на Березани, тогда как область распространения дельфинчиков, равно как и место их максимального средоточия в Ольвии, позволяют локализовать их эмиссии в последней⁵³. Впервые такая идея была высказана В. В. Лапиным. Сначала исследователь полагал возможным относить стреловидные монеты к денежной системе Ольвии или Березани⁵⁴, а затем стал склоняться к мысли о локализации их производства на Березанском поселении, аргументируя свой тезис массовостью находок на острове стреловидных монет, а также связанных с ними других предметов — свинцовой монеты-стрелки и бронзовой гири с изображением такой монеты⁵⁵. В настоящее время выводы Лапина представляется возможным подкрепить и другими данными. Если верна предлагаемая схема хронологического соотношения монет-стрелок и дельфинчиков, то Ольвия вообще должна быть исключена из числа центров Нижнего Побужья, где могли бы выпускаться стреловидные монеты, так как на месте Ольвии в первой половине VI в. до н. э. в лучшем случае существовало мелкое сельское поселение Березанской хоры⁵⁶. Судя по тем материалам, какими мы располагаем на сегодняшний день, рост Ольвии как города приходится на вторую половину указанного столетия. Таким выводам, казалось бы, противоречит факт находки монет-стрелок в самой Ольвии. Вместе с тем хорошо известно и то, что по сравнению с Березанью стреловидные монеты в Ольвии представляют большую редкость. Так, например, на несколько сот дельфинчиков из раскопок Ольвии 20-х годов текущего века приходится лишь одна монета-стрелка⁵⁷. Далее, при находках в Ольвии 2000 дельфинчиков за 1946—1947 гг. не оказалось ни одного экземпляра стреловидных монет⁵⁸. Вместе с тем на Березани мы видим соответствующие денежные знаки в совершенно иных пропорциях. Например, в 1960 г. здесь было найдено 34 дельфинчика и 19 монет-стрелок, т. е. последние составляют более половины количества дельфинчиков⁵⁹. Наиболее вероятным истолкованием находок тех редких экземпляров стреловидных монет, которые все же в Ольвии отмечены, представляется их наличие в составе имущества переселенцев из Березани, которые вряд ли могли остаться в стороне при создании нового города в устье Гипаниса⁶⁰, либо же эти монеты являются следами существования на месте Ольвии гипотетического поселения первой половины VI в. до н. э.

Выше уже приходилось отмечать находки немалого количества ольвийских бронзовых дельфинчиков, в том числе и в виде увесистых кладов, на раннеантичных поселениях хоры. При этом обращает на себя внимание тот факт, что на рассматриваемой территории обнаружено всего три дельфинчика с надписью APHXO (рис. 3) и ни одного с буквами ΘΥ, хорошо известных по находкам в Ольвии⁶¹, а также на Березани⁶². Указанные де-

⁵³ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 18.

⁵⁴ Лапин. Экономическая характеристика..., с. 39.

⁵⁵ Он же. Греческая колонизация..., с. 145. Еще одна гирька с изображением трех монет-стрелок найдена на Березани в 1978 г. (Копейкина Л. В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 168 сл.).

⁵⁶ Wasowicz. Op. cit., p. 54 suiv.

⁵⁷ Хранится в Николаевском музее.

⁵⁸ Харко. Ук. соч., с. 323.

⁵⁹ Лапин. Греческая колонизация..., с. 144.

⁶⁰ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 81.

⁶¹ Харко. Ук. соч., с. 329 сл.

⁶² Лапин. Групповая находка..., с. 50 сл.; Горбунова К. С. Древние греки на острове Березань. Л., 1969, с. 41

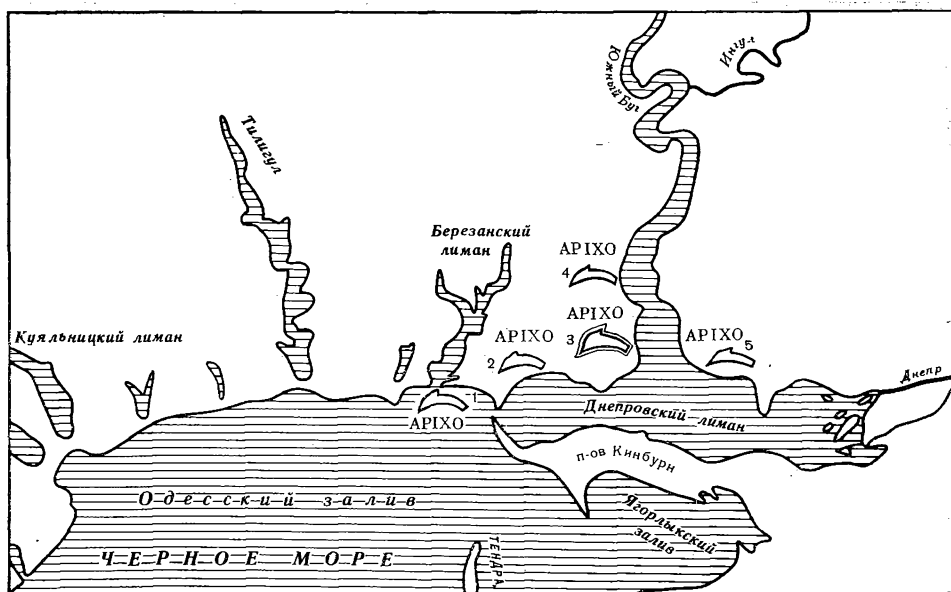

Рис. 3. Находки в Нижнем Побужье дельфинов с надписью АRIХO: 1 — Березань, 2 — Куцуруб, 3 — Ольвия, 4 — Чертоватое III, 5 — Скелька

нежные знаки известны давно и датировались исследователями по-разному. А. В. Орешников относил дельфинчики с АRIХO ко второй половине VI в. до н. э.⁶³ В. В. Лалин сужал эту дату до последних десятилетий столетия⁶⁴, а П. О. Карышковский и Л. П. Харко датировали их соответственно серединой — третьей четвертью и серединой — второй половиной следующего столетия⁶⁵. Датировка, предложенная для дельфинчиков с АRIХO Карышковским, была подкреплена находкой подобного денежного знака в мае 1981 г. на поселении Чертоватое III вместе с фрагментом стенки хиосской амфоры, содержащей известное клеймо с изображением сфинкса перед амфорой⁶⁶. Что касается дельфинчиков с надписью ΘΥ, то они, как уже отмечалось, пока вообще не найдены на поселениях ольвийской хоры, поэтому можно предположить, что они выпускались примерно во второй половине V в. до н. э., т. е. в тот период, когда сельская территория была временно не заселена.

В окрестностях Ольвии найдены литые бронзовые ассы всех известных групп, однако далеко не все они происходят из поселений — многие обнаружены на полях вдали от древних населенных пунктов (рис. 4). Первая группа с изображением Афины на лицевой стороне и надписи ΠΑΥΣ между спицами колеса на оборотной⁶⁷ представлена двумя монетами. Одна из них, среднего номинала⁶⁸, якобы в довоенные годы была найдена на поселении Дидова Хата I⁶⁹, а вторая, старшего номинала⁷⁰, случайно была обнаружена в 60-х годах на поле у с. Матвеевка⁷¹.

⁶³ Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК, 1921, вып. I, с. 222.

⁶⁴ Лалин. Групповая находка..., с. 50.

⁶⁵ Карышковский. Монетное дело..., с. 12; Харко. Ук. соч., с. 329 сл.

⁶⁶ Grace V. R. Amphoras and the Ancient Wine Trade. — Picture Books № 6. Princeton — New Jersey, 1961, fig. 48.

⁶⁷ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, табл. XXX, 3—4.

⁶⁸ Там же, табл. XXX, 4.

⁶⁹ Сообщение П. О. Карышковского со слов покойного Ф. Т. Каминского.

⁷⁰ Зограф. Античные монеты, табл. XXX, 3.

⁷¹ Монета хранится в Николаевском музее.

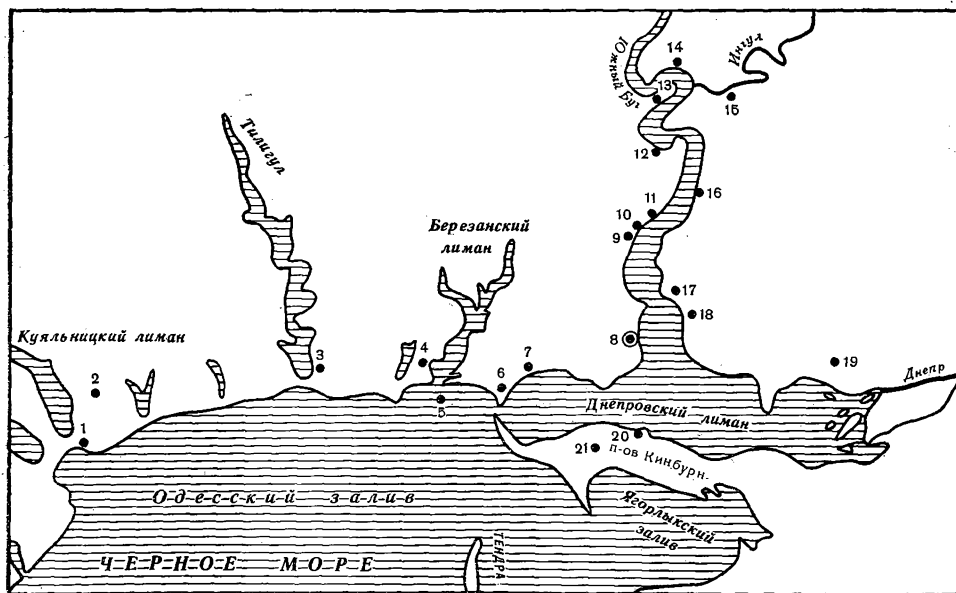

Рис. 4. Находки в Нижнем Побужье и на побережье Одесского залива литых ассов: 1 — Лузановка, 2 — Беляры, 3 — Коблево, 4 — Викторовка I, 5 — Березань, 6 — Очаков, 7 — Куцуруб, 8 — Ольвия, 9 — к северу от села Козырка, 10 — Козырка II, 11 — Старая Богдановка, 12 — Дидова Хата I, 13 — Варваровка I, 14 — Матвеевка, 15 — Погорелово, 16 — Сиверсов Маяк, 17 — Лиманы III, 18 — Кисляковка, 19 — Белозерка, 20 — Васильевка, 21 — Кинбурн

Вторая группа монет (лицевая сторона — Горгона, оборотная сторона — старший номинал: АРІХ вокруг орла на дельфине ⁷²; младший и средний номиналы: АРІХ между спицами колеса ⁷³) представлена значительно большим количеством. В 1946 г. у с. Беляры на Григорьевском лимане был обнаружен клад монет, из которых была определена лишь одна — средних размеров литая монета с АРІХ ⁷⁴. Подобная монета была найдена в 1960 г. в с. Коблево на Тилигульском лимане ⁷⁵. В 1975 г. такая же монета была обнаружена в сотне метров к западу от поселения Козырка II ⁷⁶. В 1973 г. на поселении Дидова Хата I обнаружен самый младший номинал этой серии в слое древней мусорной свалки ⁷⁷, а старший номинал — на соседнем поселении Варваровка I ⁷⁸. На левом берегу Бугского лимана зарегистрированы находки средних номиналов на поселении у Сиверсова Маяка ⁷⁹, Лиманы III ⁸⁰, Кисляковка ⁸¹ (из этого поселения происходит также младший номинал ⁸²). Согласно дореволюционным сообщениям, в Очакове был найден большой асс с Горгоной ⁸³, по-видимому, старший номинал серии

⁷² Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 1.

⁷³ Там же, табл. XXXI, 2—3.

⁷⁴ Карышковский. Находки античных и византийских монет..., № 21.

⁷⁵ Загинайло. К вопросу об экономических связях..., с. 75.

⁷⁶ Урсалов В. Н. Случайные находки ольвийских монет на поселении Козырка II (в печати).

⁷⁷ Монета не опубликована.

⁷⁸ Синицин С. М. Поселения в с. Варварівка за розкопками 1938 р.— Праці ОДУ, 1959, т. 149, № 7, с. 122, 130.

⁷⁹ Монета не издана.

⁸⁰ Монета хранится в Николаевском музее.

⁸¹ Ратнер И. Д. Послевоенные полевые археологические исследования Херсонского музея.— КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 36 сл.

⁸² Фасмер Р. Р. Список монетных находок.— СГАИМК, 1929, вып. 2, с. 285, № 43.

⁸³ Суручан А. А. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого берега Константина Багрянородного.— Тр. VI АС, т. II, с. 130.

АРИХ, а по архивным данным П. О. Бурачкова, на берегу Бугского лимана, между селами Козырка и Старая Богдановка, был обнаружен клад монет с АРИХ ⁸⁴.

Следующая серия литых монет, состоящая всего из одного номинала среднего достоинства, имеет изображение Горгоны на аверсе и орла, вцепившегося в дельфина, — на реверсе ⁸⁵. На монетах данной группы впервые появляется название города, чаще в форме ОЛВИ и реже — в более просторном начертании ОЛВИО ⁸⁶. Две монеты с последней надписью найдены при раскопках поселения в Лузановке (в составе клада, в который входили также 11 ольвийских чеканенных монет) ⁸⁷. Одна монета с надписью ОЛВИ найдена на поселении Козырка II ⁸⁸. Такая же монета находилась в составе клада, обнаруженного при земляных работах у с. Погорелово на Ингуле ⁸⁹. Две аналогичные монеты зарегистрированы также в 1981 г. при исследованиях Белозерского поселения ⁹⁰.

Последняя группа, как и предыдущая, также состоит из одного номинала, только высшего достоинства. На лицевой стороне изображена Деметра, на оборотной — орел, обращенный влево или вправо, на дельфине и надпись ОЛВИН ⁹¹. Такая монета в 1938 г. была найдена на поселении возле с. Викторовка на Березанском лимане ⁹². В 90-х годах прошлого века был обнаружен клад подобных монет в с. Куцуруб возле Очакова ⁹³. В Николаевском музее хранится асс с Деметрой из с. Варваровки, правда, без данных, когда и на каком поселении он был найден ⁹⁴. К этой же серии относится основная часть клада из Погорелово ⁹⁵. О находке подобной монеты на Кибурне упоминает П. О. Бурачков ⁹⁶. Есть также данные о находке асса с Деметрой в с. Васильевке ⁹⁷.

Вышеперечисленные ольвийские литые монеты рассмотрены в той последовательности, в какой их расположили после обстоятельного типологического изучения П. О. Карышковский ⁹⁸ и Л. П. Харко ⁹⁹. Следует, однако, отметить, что хронология ассов остается пока наименее изученной в ольвийском монетном деле. И это заметно уже по тому, что датировки ранних групп пока не согласуются с фактом отсутствия соответствующих монет на поселениях архаического и позднеклассического периодов. Что касается времени выпуска ассов серии АРИХ, то датировка Карышковского 460—425 гг. до н. э. ¹⁰⁰ — представляется более предпочтительной, нежели дата Зографа — рубеж первой-второй четвертей V в. до н. э. ¹⁰¹. Однако его замечание о том, что монеты серии АРИХ могли находиться в обращении до конца столетия, а может быть и дольше ¹⁰², не лишено смысла. Действительно, находки монет данной серии на поселениях Варваровка I, Дидова Хата I и Сиверсов маяк, время возникновения которых лежит

⁸⁴ Зограф. Античные монеты, с. 124.

⁸⁵ Там же, табл. XXXI, 5.

⁸⁶ Карышковский П. И. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії, 2. Ольвійські аси.— Праці ОДУ, т. 149, № 7, с. 50 сл.

⁸⁷ Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке, с. 97—101.

⁸⁸ Урсалов. Литая ольвийская монета..., с. 28 сл.

⁸⁹ Елисеев В. Ф., Елисеева А. И. Клад ольвийских «ассов» из села Погорелово.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых ученых. Киев, 1981, с. 82.

⁹⁰ Абикулова, Пиворович. Ук. соч., с. 30.

⁹¹ Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 4.

⁹² Загинало. К вопросу об экономических связях..., с. 75, прим. 40.

⁹³ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, с. 60.

⁹⁴ Инв. № НА-3.

⁹⁵ Елисеев, Елисеева. Ук. соч., с. 82.

⁹⁶ Бурачков. Ук. соч., с. 34, 36.

⁹⁷ Инв. № НА-4.

⁹⁸ Карышковский. З історії..., с. 47—78.

⁹⁹ Харко. Ук. соч., с. 322—335.

¹⁰⁰ Карышковский. Монетное дело..., с. 12.

¹⁰¹ Зограф. Античные монеты, с. 123.

¹⁰² Там же.

в начале IV в. до н. э.¹⁰³, свидетельствуют о верности указанного предположения. Две последние группы ассов, имеющие по одному номиналу, датируются, по Карышковскому, первой половиной IV в. до н. э.: первая — 405—390 гг. до н. э.¹⁰⁴, вторая — 370—345 гг. до н. э.¹⁰⁵ Зограф, считавший, что за монетами с АРІХ шли ассы с Деметрой, а затем с Горгоной и названием города, склонялся к тому, что данные монеты обращались в Ольвии на протяжении всего IV в. до н. э.¹⁰⁶ Нумизматические материалы из ольвийской хоры этого не подтверждают, о чем более детально будет сказано при рассмотрении монет раннеэллинистического периода. Следует сказать, что на территории Нижнего Побужья зарегистрированы совместные находки монет двух последних групп. К последним принадлежит асс с Деметрой и две монеты типа Горгона/орел на дельфине и надписью ОΛΒΙ с Березани¹⁰⁷, а также вышеупомянутый клад из с. Погорелово на Ингуле. Совместное обращение рассматриваемых монет стало возможным после неудачной попытки выпуска в Ольвии небольшой серебряной монетки с букранием на лицевой стороне и тирсом, вокруг которого расположена надпись ОΛΒΙ — на оборотной¹⁰⁸. Карышковский отметил, что надпись на серебряных деньгах расположена так же, как и на ассах с Горгоной и городской эмблемой, а вся серия была выпущена для замены тяжелых литых монет старшего номинала¹⁰⁹.

Таким образом, нумизматические материалы с ольвийской хоры подтверждают некоторые выводы о ранее установленных датах эмиссий и обращения ольвийских литых ассов. Группа монет с АРІХ начала выпускаться около середины — третьей четверти V в. до н. э. и имела хождение до начала IV в. до н. э. В первой половине этого столетия в Ольвии приступили к отливке медных монет с Горгоной и городской эмблемой, а также к чеканке серебряных монет с букранием и тирсом. Несколько позже были выпущены ассы с Деметрой, обращение которых вместе с монетами с Горгоной не выходило за рамки первых двух третей IV в. до н. э.

На поселениях, входящих в треугольник, образованный дельтой Днепра, устьем Ингула и Одесской бухтой, отмечены неоднократные случаи находок ольвийских чеканенных монет (рис. 5). Здесь мы пока остановимся на анализе денег, обращавшихся в ольвийском полисе до осады Зоприона в 331 г. до н. э. Денежные знаки из поселений ольвийской хоры этого времени представлены двумя группами. К первой группе относятся монеты старшего номинала с изображением Деметры влево или вправо на аверсе и орла на дельфине влево или вправо — на реверсе¹¹⁰. На лицевой стороне средних номиналов такое же изображение головы Деметры, а на оборотной — дельфина и колоса¹¹¹. Младшими номиналами данной группы, по всей видимости, были мелкие монеты с изображением головы Аполлона на аверсе и дельфина и зерна на реверсе¹¹².

В районе Ильичевска на берегу Сухого лимана случайно была найдена монета старшего номинала указанной группы¹¹³. Подобная монета была

¹⁰³ Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений Бугского лимана IV—III вв. до н. э. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 65—83; *он же*. О датировке поселения Козырка II. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 60—80.

¹⁰⁴ Карышковский. Монетное дело..., с. 12.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Зограф. Античные монеты, с. 124.

¹⁰⁷ Гилевич А. М. Клад «ассов» из Ольвии. — НЭ, 1972, т. X, с. 77.

¹⁰⁸ Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии. — СА, 1960, № 3, с. 301—

305.

¹⁰⁹ Там же, с. 304 сл.

¹¹⁰ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 11—13; Pick В. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. Hbd. 1. В., 1898, Taf. IX, 10—11.

¹¹¹ Pick. Op. cit., Taf. IX, 12, 22.

¹¹² Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 10; Pick. Op. cit., Taf. IX, 13, 14, 23.

¹¹³ Карышковский. Находки античных и византийских монет..., № 18.

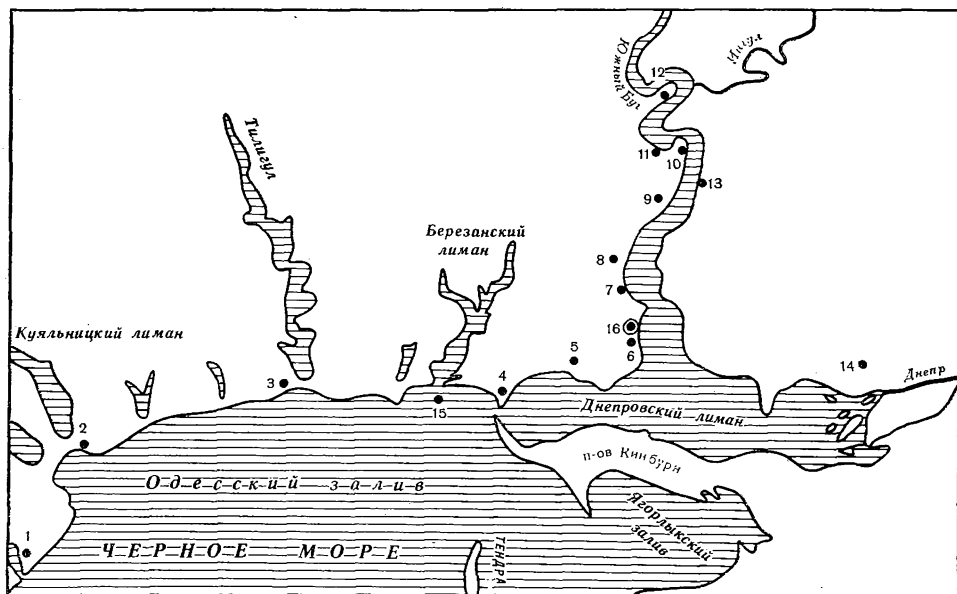

Рис. 5. Находки в Нижнем Побужье и на побережье Одесского залива ольвийских чеканенных монет первых двух третей IV в. до н. э.: 1 — Сухой лиман, 2 — Лузановка, 3 — Кошары, 4 — Очаков, 5 — Марицыно, 6 — Закисова балка I, 7 — Чертоватое I, 8 — Кателино I, 9 — Новая Богдановка I, 10 — Малая Корениха I, 11 — Дидова Хата I, 12 — Варваровка I, 13 — Сиверсов маяк, 14 — Белозерка, 15 — Березань, 16 — Ольвия

обнаружена в 1932 г. на Лузановском поселении¹¹⁴, а в 1939 г. здесь же был найден уже упоминавшийся клад, в составе которого зарегистрировано 10 таких денежных знаков¹¹⁵. В кладе находилась и монета среднего достоинства (Деметра вправо/дельфин и колос вправо)¹¹⁶. Старший номинал данных монет известен из раскопок Кошарского поселения в устье Тилигульского лимана¹¹⁷. Весьма многочисленны находки рассматриваемых монет на побережье Бугского лимана. Монета, аналогичная кошарской, происходит из поселения Закисова балка I¹¹⁸. Три монетки младшего номинала найдены нами на поселении Чертоватое I¹¹⁹. В 1974 г. монета старшего номинала была подобрана на распаханной поверхности поселения Кателино I¹²⁰, а в 1967 г. такая же монета была обнаружена на поселении Новая Богдановка I¹²¹. Подобные денежные знаки неоднократно находили на поселении Дидова Хата I¹²². Здесь же встречались и маленькие монетки с Аполлоном¹²³. Монета среднего номинала, аналогичная найденной в Лузановке, была случайно обнаружена в 1972 г. на поселении у Сиверсова маяка¹²⁴, а старший номинал этой группы известен с Белозерского поселения¹²⁵ и поселения в Станиславе на Днепровском лимане¹²⁶.

Вторая группа монет рассматриваемого периода также состоит из нескольких номиналов. На аверсе старшего номинала изображена Деметра

¹¹⁴ Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке, с. 100.

¹¹⁵ Там же, с. 97—101, табл. I, 1—5.

¹¹⁶ Там же, с. 98, табл. I, 6.

¹¹⁷ Диамант. Монетные находки Кошарского городища, с. 241, рис. I, 1.

¹¹⁸ Штительман. Ук. соч., с. 241, рис. I, 1.

¹¹⁹ Монета не издана.

¹²⁰ Монета не издана.

¹²¹ Монета не издана.

¹²² Найдено четыре монеты (не опубликованы).

¹²³ Найдено три монеты (не опубликованы).

¹²⁴ Монета не издана.

¹²⁵ Сообщение П. О. Карышковского.

¹²⁶ Сообщение П. О. Карышковского.

влево, на реверсе — орел на дельфине влево¹²⁷. Более мелкий номинал имеет такие же изображения¹²⁸, а еще более мелкий отличается от первых двух тем, что на обороте монет помещено изображение дельфина и колеса¹²⁹. Самый младший номинал, известный Карышковскому в трех экземплярах¹³⁰, обладает таким же лицевым оформлением, как и предшествующие монеты, но на обороте изображен дельфин и две звездочки¹³¹.

На территории ольвийской хоры монет описанной группы найдено немного. По одной монете старшего номинала происходит из поселений Дидова Хата I¹³² и Сиверсов маяк¹³³. Монеты такого же типа в 1973 г. дважды зарегистрированы в находках на поселении Варваровка I¹³⁴. Одна подобная монета в 1974 г. найдена на поселении Кателино I¹³⁵. Один экземпляр происходит также из поселения Закисова балка I¹³⁶. Единственная монетка более мелкого номинала с изображением на обороте дельфина и колоска была случайно найдена в 1969 г. на поселении Дидова Хата I¹³⁷.

Рассмотренные монеты уже Б. Пиком¹³⁸ и А. Н. Зографом¹³⁹ считались древнейшими ольвийскими медными чеканенными монетами. Правда, они полагали возможным считать вторую группу более ранней¹⁴⁰. Находки монет первой группы в Лузановке¹⁴¹ и Никонии¹⁴² вместе с литыми ассами позволили Карышковскому утверждать, что, вероятнее всего, данные монеты стали первыми чеканиться в Ольвии¹⁴³. По-видимому, они пришли на смену дельфиновидным монетам, так как последние полностью отсутствуют на поселениях, возникших в начале IV в. до н. э. Карышковский, посвятивший раннему ольвийскому чекану специальное исследование, указывает конкретные даты — вторая половина первой — большая часть второй четверти IV в. до н. э.¹⁴⁴

Монеты второй группы, старший номинал которых, вероятно, заменил в обращении последние ольвийские литые ассы, выпускались в 340—330 гг. до н. э.¹⁴⁵. В Ольвии и на территории хоры они циркулировали до похода Зопириона в 331 г. до н. э., что подтверждается отсутствием последних на сельских раннеэллинистических усадьбах, возникших после указанных военных событий¹⁴⁶.

В эллинистический период на сельской территории Ольвии преобладали монеты двух серий — так называемые борисфены, имеющие изображение бородатого речного божества с рожками влево/лука в горите и саргариса¹⁴⁷, а также монеты типа: Деметра в согона *muralis*/ коленопреклоненный лучник¹⁴⁸.

¹²⁷ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 4; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 3.

¹²⁸ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 5; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 4.

¹²⁹ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 9; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 16.

¹³⁰ Карышковский П. О. Ольвийские эксагии из собрания ГИМ.— Труды ГИМ, 1977, вып. 49, н.с., ч. 5, 1. с. 113.

¹³¹ *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 17.

¹³² Монета не издана.

¹³³ Монета не издана.

¹³⁴ Монета не издана.

¹³⁵ Монета не издана.

¹³⁶ Штительман. Ук. соч., табл. I, 3.

¹³⁷ Монета не издана.

¹³⁸ *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 3—23.

¹³⁹ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 4—13.

¹⁴⁰ Там же, табл. XXXII, 4—5, 11—13; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 3—4, 10—11.

¹⁴¹ Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке, с. 97—101.

¹⁴² Карышковский. Заметки о монетах Ольвии, с. 305—309.

¹⁴³ Там же, с. 305—309; *он же*. Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н. э.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1980, с. 83—99.

¹⁴⁴ Там же, с. 99.

¹⁴⁵ Карышковский. Монетное дело..., с. 12 сл.

¹⁴⁶ Рубан, Урсалов. Ук. соч. с. 82—87.

¹⁴⁷ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 14—22.

¹⁴⁸ Там же, табл. XXXIII, 21.

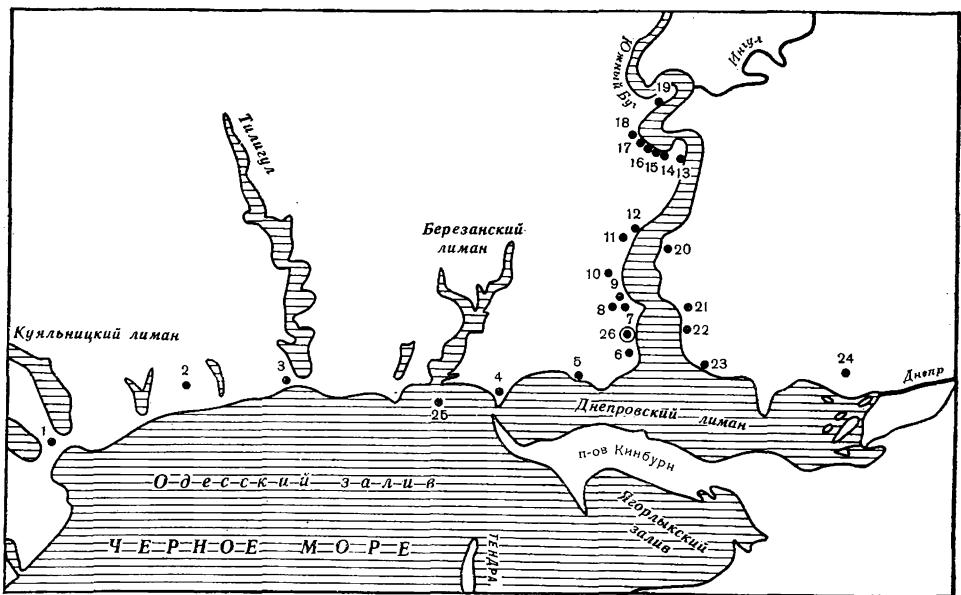

Рис. 6. Находки в Нижнем Побужье и на побережье Одесского залива борисфенов и монет с Деметрой в согопа *miralis*: 1 — Жевахова гора, 2 — Кубанка, 3 — Кошары, 4 — Очаков, 5 — Петуховка I, 6 — Захисова балка I, 7-9 — Чертоватое II (усадыбы № 1, 3, 5), 10 — Кателино I, 11 — Козырка VIII, 12 — Козырка II, 13 — Малая Корениха I, 14 — Дидова Хата (некрополь), 15 — Дидова Хата (усадыба № 3), 16 — Дидова Хата I, 17 — Дидова Хата (усадыба № 1), 18 — Дидова Хата (дачи), 19 — Варваровка I, 20 — Галицыновка, 21 — Лиманы, 22 — Лупареве, 23 — Скелька, 24 — Белозерка, 25 — Березань, 26 — Ольвия

Находки борисфенов (рис. 6) наиболее многочисленны из всех остальных групп ольвийских круглых монет на территории хоры¹⁴⁹. Борисфен с дифферентом МН или МЕ (№ 51 или 53, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.) найден на Жеваховой горе в Одессе¹⁵⁰. Около с. Кубанки на берегу Куляницкого лимана дважды зарегистрированы находки монет, на которых не сохранились дифференты, но по характеру лицевой стороны можно определить, что это — ИК или ФІ (№ 16 или 17, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.)¹⁵¹. На Кошарском поселении во время археологических раскопок найдено пять борисфенов. Два ранних с дифферентами I (здесь и далее см. рис. 7) (№ 4, группа I-A) и Δ (№ 9, группа I-B) датируются 330—320 гг. до н. э. Три монеты относятся к средним группам. Дифференты 2 (№ 60), 3 (№ 61) (и на одной сдвинут штемпель, так что дифферент не поместился, но по изображению она принадлежит, как и две предыдущие, к группе V-C) датируются 275—260 гг. до н. э.¹⁵² Имеются сведения о находке трех борисфенов в Очакове со следующими дифферентами: 4 (№ 10, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), 5 (№ 25, группа IV-A, 300—395 гг. до н. э.), 6 (№ 48—49, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.)¹⁵³. При раскопках в 1949 г. поселения Петуховка I было найдено семь монет, но из статьи А. С. Русяевой¹⁵⁴ не ясно каких. Можно определить лишь один борисфен,

¹⁴⁹ При описании этой серии монет мы руководствуемся классификацией П. О. Карышковского (Ольвийские «борисфены». — НСФ, 1963, вып. 3, с. 62—85). В тексте в скобках указаны номер и хронологическая группа по вышеназванной схеме. О неприемлемости ревизии классификации П. О. Карышковского, предпринятой В. А. Анохивым («Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии. — В кн.: Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984, с. 3—36), будет сказано ниже.

¹⁵⁰ Карышковский. Находки античных и византийских монет..., с. 176.

¹⁵¹ Там же, с. 176 сл.

¹⁵² Сымонович. Ук. соч., с. 105, сл., рис. 1—2; Диамант. Ук. соч., с. 241—249.

¹⁵³ Сообщение П. О. Карышковского и С. В. Страшного.

¹⁵⁴ Русяева. Поселения Питухивка..., с. 212.

ΑΑ	Η	Γ	Ξ	Ϛ	ϛ	ϛ
1	2	3	4	5	6	7
(№4)	(№60)	(№61)	(№10)	(№25)	(№48-49)	(№71)
⊕	Α	Ε	Γ	ΜΗ	ΑΑ	ΜΒ
8	9	10 *	11	12	13	14
(№7)	(№8)	(№21)	(№50)	(№79)	(№65)	(№84)
ΑΑ	Α	Η	ΑΡ	Ϛ		
15	16	17	18	19		
(№67)	(№27)	(№33)	(№87)	(№72)		

Рис. 7. Дифференцы на ольвийских борисфенах (в скобках даны номера по П. О. Карышковскому)

воспроизведенный фотографически, с дифференцем 7 (№ 71, группа V-C — VI, 285—260 гг. до н. э.). Семь борисфенов обнаружено в ходе раскопок поселения Закисова балка I в 1948—1949 гг.¹⁵⁵: с дифференцами 8 и 9 (№ 7, 8, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), 10 и 10 (№ 20, 21, группа III, 310—300 гг. до н. э.), 11 (№ 50, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.), 3 (№ 61, группа V-C, 275—260 гг. до н. э.), 12 (№ 79, группа VIII, 260—250 гг. до н. э.). Много борисфенов найдено в районе Чертоватой балки, где находки их известны с дореволюционных времен. Еще А. С. Уваров писал, что там часто находили монеты с изображением «рогатого Пана» и этим объяснял название балки¹⁵⁶. П. О. Бурачков писал, что в соседстве с Волошской косой, т. е. в Чертоватой балке, находили монеты с «рогатым Посейдоном»¹⁵⁷. В этом районе недавно, в 70-х годах, найдено шесть борисфенов на раннеэллинистических усадьбах¹⁵⁸. На трех борисфенах дифференцы не сохранились, однако особенности изображения позволяют отнести их к средним группам. Остальные три монеты имеют следующие дифференцы: ΦΙ (№ 17, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.), 10 (№ 21, группа III, 310—330 гг. до н. э.) и Μ (№ 47, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.). Неоднократно борисфены встречались на поселении Кателино I. В 1973 г. здесь была найдена монета с монограммой 13 (№ 65, группа V-C—VI, 275—260 гг. до н. э.), а в 1982 г. была обнаружена монета с дифференцем 14 (№ 84, группа VIII, 260—250 гг. до н. э.). По словам местных жителей, которые неплохо ориентируются в ольвийской нумизматике, на этом поселении было найдено еще около десятка борисфенов. На поселении Козырка II отмечены четыре случайные находки борисфенов: с дифференцами ΙΚ (№ 16, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.), ΑΡΙ (№ 31, группа IV-B, 300—295 гг. до н. э.), ΑΛ (№ 38, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.) и 15 (№ 67, группа V-C — VI, 275—260 гг. до н. э.). Во время раскопок 1974—1977 гг. на поселении найдено восемь ольвийских монет, среди которых преобладают борисфены¹⁵⁹, однако более точные данные пока отсутствуют. В 1972 г. борисфен с сокращением ΣΩ (№ 19, группа III, 310—300 гг. до н. э.) найден на поселении Малая Корениха I. Значительное количество таких монет происходит из археологических памятников в урочище Дидова Хата. Первое упоминание о находке борисфена на поселении Дидова Хата I имеется в книге Фабрициус¹⁶⁰. Во время раскопок этого поселения

¹⁵⁵ Штительман. Ук. соч., табл. I, 4—10.

¹⁵⁶ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Т. 1. СПб., 1851, с. 45.

¹⁵⁷ Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Ч. 1. Одесса, 1884, с. 47 сл.

¹⁵⁸ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 83 сл.

¹⁵⁹ Доманский, Марченко. Ук. соч., с. 36.

¹⁶⁰ Фабрициус. Ук. соч., с. 113.

в 1950 г. Штительман получила в дар от местных жителей также один борисфен¹⁶¹. Отсюда же происходит несколько монет рассматриваемой серии, найденных авторами этих строк. Одна из них, ранняя, с трудно определяемым дифферентом А или 16, от которого сохранилась только верхняя часть (№ 26 или 27, группа IV-A, 300—295 гг. до н. э.). Другие дифференты суть таковы: 17 (№ 33, группа IV-B, 300—295 гг. до н. э.), ΔI (№ 37, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.), NO (№ 40, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.), BOΣ (№ 63, группа V-C, 275—260 гг. до н. э.), ΔH (№ 74, группа VII, 260—250 гг. до н. э.), 18 (№ 87, группа X, 260—250 гг. до н. э.). На одном борисфене неясный дифферент, но, судя по изображениям, он принадлежит к средним группам. Некоторое количество борисфенов было обнаружено на сельскохозяйственных усадьбах № 1 и 3¹⁶². На усадьбе № 1 найден лишь один борисфен с надписью ΘΕΥ (№ 42, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.), а из усадьбы № 3 происходят пять таких монет: две монеты с дифферентом BOΣ (№ 63, группа V-C, 275—260 гг. до н. э.), 19 (№ 72, группа V-C — VI, 275—260 гг. до н. э.), EΠII (№ 88, группа X, 260—250 гг. до н. э.) и на одном экземпляре дифферент отсутствует вследствие смещения штемпеля, но по изображению он относится к последним группам. Две монеты с дифферентами 9 (№ 8, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.) и ME (№ 51, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.) были обнаружены на некрополе, расположенном к востоку от поселения и усадеб в урочище Дидова Хата. В Николаевском музее хранятся борисфены, происходящие из поселения Варваровка I. На одном имеется дифферент Δ (№ 9, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), на втором — IK (№ 16, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.), на третьем — ME (№ 51, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.), а на последней монете надпись не сохранилась, но по типу изображения ее можно отнести к средним группам. Там же хранятся несколько монет из левобережных поселений Бугского лимана. На борисфене из Галициновки помещен дифферент Δ (№ 9, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), из Лиман происходит борисфен плохой сохранности, но по изображению относящийся к ранним группам, и из Лупарево — с дифферентом 9 (№ 8, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.). Один борисфен найден также на поселении Скелька, расположенном при слиянии Бугского и Днепровского лиманов: 4 (№ 10, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.)¹⁶³.

Другая из упомянутых серий монет представлена небольшим количеством. Один экземпляр типа: Деметра в согопа *miralis*/лучник найдена при раскопках поселения Закисова балка I¹⁶⁴. Две другие монеты происходят из сельскохозяйственной усадьбы № 1 на поселении Чертоватое II¹⁶⁵. В 1973 г. подобная монета была случайно найдена на поселении Козырка II. Наконец, четвертая монета этой серии была получена Штительман от местных жителей в 1950 г., во время раскопок поселения Дидова Хата I¹⁶⁶.

Что касается датировки рассматриваемой серии монет, то они, несомненно, одновременны борисфенам¹⁶⁷. На это указывают их находки в могилах ольвийского некрополя¹⁶⁸ и на сельскохозяйственных усадьбах хоры, существовавших в период обращения борисфенов¹⁶⁹.

¹⁶¹ Штительман Ф. М. Отчет о раскопках на городище у маяка Дидова Хата (близ Николаева) 1950 года. — Архив Института археологии АН УССР, л. 25.

¹⁶² Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 82 сл.

¹⁶³ Информация А. В. Буракова.

¹⁶⁴ Штительман. Поселения..., табл. I, 13.

¹⁶⁵ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 84.

¹⁶⁶ Штительман. Отчет..., л. 25.

¹⁶⁷ Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 87—99.

¹⁶⁸ Парович М. П. Про датування ольвійських монет з изображениями голови Тіхи. — Археологія, 1957, т. XI, с. 157—159.

¹⁶⁹ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 82—87.

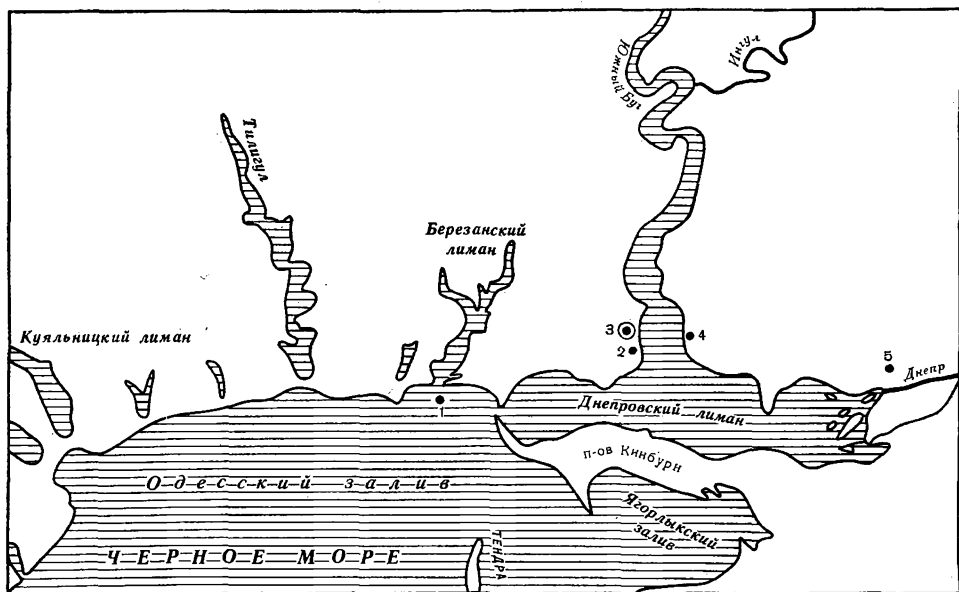

Рис. 8. Находки в Нижнем Побужье монет второй половины III — первой половины II в. до н. э.: 1 — Березань, 2 — Закисова балка I, 3 — Ольвия, 4 — Лупарево, 5 — Белозерка

Эллинистические монеты Ольвии более позднего времени представлены на территории хоры крайне незначительным количеством (рис. 8). Одна из них происходит с правого берега Бугского лимана из поселения Закисова балка I. На лицевой стороне изображена бородатая голова божества вправо с круглой надчеканкой, изображающей виноградную гроздь, на оборотной стороне помещены сагарис и горит между двух надписей ОΛΒΙΟ и ΟΙ ΕΠΤΑ¹⁷⁰. Датируется указанный экземпляр временем вскоре после 225 г. до н. э.¹⁷¹ Остальные монеты происходят из восточной части ольвийской хоры. Несколько лет назад у одного из николаевских коллекционеров удалось ознакомиться с подборкой ольвийских бронзовых монет, найденных около с. Лупарево. На одной из них имеются изображение Аполлона и надчеканка в виде виноградной кисти на аверсе, на реверсе же помещен коленопреклоненный лучник¹⁷². Эта монета относится к тому же времени, что и предыдущая¹⁷³. Вторая монета с изображением Деметры и городской эмблемы с надписью ΒΣΕ¹⁷⁴ датируется более поздним периодом — первой половиной II в. до н. э.¹⁷⁵ На Белозерском поселении среди уже упоминавшихся более ранних монет зарегистрированы борисфен с надчеканкой второй половины III в. до н. э. в виде восьмилучевой звезды и дельфина и две монеты с надписью ΒΣΕ, аналогичные найденным в Лупарево¹⁷⁶.

Для того чтобы полнее представить специфику денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени и рассмотреть некоторые спорные вопросы ольвийского монетного дела, обратимся сначала к периодизации истории указанного района, установленной археологическим путем. В основных своих чертах последняя была на-

¹⁷⁰ Штительман. Поселения..., табл. I, 12.

¹⁷¹ Карышковский П. О. Монеты ольвийской коллегии Семи. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира, с. 110, 113, 115.

¹⁷² Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 19.

¹⁷³ Карышковский. Монеты ольвийской коллегии Семи, с. 115.

¹⁷⁴ Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 1—2.

¹⁷⁵ Карышковский. Монетное дело..., с. 15.

¹⁷⁶ Информация П. О. Карышковского.

мечена одним из авторов этой статьи еще в первой половине 70-х годов ¹⁷⁷, однако за истекшее десятилетие новые материалы и соображения позволили внести в нее некоторые коррективы. В соответствии с современными представлениями история сельских поселений Нижнего Побужья прошла через девять основных этапов на протяжении VII—I вв. до н. э. ¹⁷⁸

I этап (вторая половина VII в. до н. э.). После основания Борисфениды около 647/646 г. до н. э. происходит первичное размежевание земель в непосредственном окружении поселения. Постоянных сельских населенных пунктов пока не имеется. Обработка земли проводилась самими жителями Борисфениды.

II этап (первая половина VI в. до н. э.). Аграрная территория Борисфениды претерпевает значительные количественные и качественные изменения. Обрабатываемые земли появляются вдали от города, что вызывает необходимость создавать там постоянные сельские поселения. Хора становится заселенной и простирается от низовьев Березанского лимана до устья Бугского.

III этап (вторая половина VI в. до н. э.). С перенесением столицы полиса из Борисфениды в Ольвию прослеживается значительное расширение территории хоры. Рост демографического потенциала особенно заметен по таким памятникам, как Чертоватое II и VII, общая площадь которых превышает 1000 га. С этого времени сельские поселения Нижнего Побужья правомерно называть ольвийской хорой.

IV этап (первые две трети V в. до н. э.). Расширение ольвийской хоры происходит за счет появления новой серии поселений и усадеб в начале столетия. На данном этапе сельская территория Нижнего Побужья в архаический и раннеклассический периоды достигает своих максимальных размеров.

V этап (последняя треть V в. до н. э.). В третьей четверти столетия происходит прекращение жизни на всех поселениях хоры. Демографический потенциал, видимо, концентрируется в Ольвии.

VI этап (первые две трети IV в. до н. э.). В начале столетия наблюдается реколонизация прежней сельской территории Ольвии и одновременное освоение морского побережья вдоль Одесского залива до Одесской бухты включительно. Поселения прекращают свое существование в 331 г. до н. э. в результате военных действий Зошириона.

VII этап (последняя треть IV — первая половина III в. до н. э.). Разрушенные поселения хоры отстраиваются. Наряду с ними появляются многочисленные новые населенные пункты в виде усадеб. Прослеживается процесс складывания сельских агломераций. Около середины столетия большая часть поселений и усадеб хоры погибла в результате вторжения галатов.

VIII этап (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.). Внешнеполитическая обстановка в Нижнем Побужье продолжала оставаться нестабильной и напряженной, вследствие чего большая часть погибших населенных пунктов не была вновь отстроена. На левобережных поселениях Бугского лимана до дельты Днепра заметны следы жизни, которые свидетельствуют либо о том, что на указанных памятниках жизнь в какой-то форме продолжалась еще с первой половины III в. до н. э., либо же о попытках восстановления хоры после галатских разорений.

IX этап (вторая половина II — первая половина I в. до н. э.). На территории бывшей хоры Ольвии не прослеживается никаких следов оседлой жизни. Немногочисленное население города не рисковало воз-

¹⁷⁷ Рубан В. В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975, с. 130—132.

¹⁷⁸ Поскольку у периодизации истории сельской территории Борисфениды и Ольвии подготовлено специальное исследование, то здесь мы ограничимся изложением его результатов в самой сжатой форме.

водить дома за пределами крепостных стен и ограничивалось обработкой земли в непосредственной близости к Ольвии.

Как уже отмечалось, наиболее древними денежными знаками в Нижнем Побужье следует считать литые бронзовые монеты-стрелки, которые начали выпускаться в период между основанием Борисфениды и началом VI в. до н. э.¹⁷⁹ Чем же возможно объяснить столь раннее появление собственных денежных эмиссий в этом районе?

Прежде всего необходимо вспомнить, что для архаического периода Нижнего Побужья кроме монет-стрелок зарегистрировано наличие в одном кладе золотых ионийских монет, чеканенных в Милете или Эрифрах¹⁸⁰. Последние представляют собой одни из древнейших греческих монет вообще и составляли по тем временам весьма внушительную сумму. Нам, однако, необходимо выяснить, какова была возможность обращения таких денег в Нижнем Побужье периода его начального освоения древними греками. По многочисленным археологическим источникам можно судить о том, что уже на раннем этапе античной истории этого района здесь сложилась многоотраслевая экономика, включавшая земледелие, скотоводство, морской промысел, ремесла и многосторонние торговые связи. Неизбежным следствием развития такой хозяйственной структуры должно было быть появление внутреннего и внешнего рынков. Между тем если для внешнеторговых операций денежные расчеты в золоте вполне допустимы, то для внутренней торговли были обычными мелкие сделки, что делало невозможным применение таких «крупных сумм», подобных березанской находке 1975 г. Простой натуральный обмен при столь сложной структуре экономики был серьезным препятствием ее дальнейшего развития, тем более что в рассматриваемое время опыт товарно-денежных отношений был уже хорошо известен эллинам и они прекрасно понимали все их выгоды. Поэтому потребность в мелких разменных деньгах, каковыми считаются бронзовые монеты¹⁸¹, не могла не ощущаться в Нижнем Побужье уже в ранний период.

Здесь нет возможности обсудить весьма непростой вопрос о происхождении монетного символа ранней Березани. Следует обратить внимание на другой, с нашей точки зрения, очень важный источник по истории березанско-ольвийских государственных древностей, не привлекавший пока к себе должного внимания исследователей. Речь идет об уже упомянутых весовых гириях с изображением монет-стрелок, найденных на Березани. В связи с этим уместно вспомнить, что находки металлических весовых гирь более позднего времени нередки и в Ольвии, где они представлены кроме обычных также контрольными экземплярами¹⁸², на которых в большинстве случаев изображался дельфин. В этом изображении справедливо усматривается государственный символ Ольвии, а сам выпуск таких гирь связывается с деятельностью коллегии агораномов¹⁸³, что находит подкрепление в керамических агораномных клеймах Ольвии¹⁸⁴. Сравнимая вышеописанные источники, несложно сопоставить: деньги в форме стрелок — изображения таковых на гириях Борисфениды;

¹⁷⁹ Мы не рассматриваем здесь вопросы, связанные с распространением монет-стрелок в Западном Причерноморье, так как это составляет предмет отдельного исследования.

¹⁸⁰ *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 105.

¹⁸¹ *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 230.

¹⁸² *Крапивина В. В.* Весовые гири Ольвии. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 84.

¹⁸³ *Карышковский П. И.* Про державний устрій Ольвії. — УІЖ, 1973, № 2, с. 98—101.

¹⁸⁴ *Рубан В. В.* Магістратура агораномів в Ольвії. — Археологія, 1982, № 39, с. 30—40.

деньги в форме дельфинчиков (или их изображения на круглых монетах) — воспроизведение дельфинов на магистратских гирях Ольвии. Отсюда нетрудно заключить, что по аналогии с ольвийской березанская символика свидетельствует о том, что во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. на Березани функционировала государственная магистратура, которая затем была перенесена в Ольвию. На протяжении последних 10 лет уже не одним исследователем высказывалась мысль о том, что Березань уже на раннем этапе была центром полиса в Нижнем Побужье, функции которого позже перешли к Ольвии. Однако делались такие выводы на основании общих соображений, в то время как описанные источники служат пока единственным документальным свидетельством в пользу отмеченных выводов. В заключение этого экскурса следует сказать, что изменения в пространственной организации греческой общины в Нижнем Побужье, наиболее значительным проявлением которых стал перенос столицы из Борисфениды в Ольвию, отмечены переходом к новой государственной символике, главное место в которой на долгое время закрепилось за изображением дельфина.

Во второй половине VI — первых двух третях V в. до н. э. на территории ольвийской хоры в обращении находились многочисленные серии литых бронзовых анэпиграфных дельфинчиков. В третьей четверти V в. до н. э. были пущены в оборот дельфинчики с надписью АΡΙΧΟ¹⁸⁵. Последние, однако, весьма малочисленны и свидетельствуют, видимо, о затухании денежной циркуляции на хоре Ольвии этого времени.

Касаясь монетного обращения на территории ольвийской хоры в IV — III вв. до н. э., нельзя обойти вниманием некоторые спорные вопросы монетного дела Ольвии этого периода, в которые можно внести ясность на основании вышеизложенной хронологии археологических памятников. Мы уже упоминали, что Зограф считал возможной циркуляцию литых ассов на протяжении всего IV в. до н. э.¹⁸⁶ Между тем анализ находок монет на сельских поселениях Нижнего Побужья соответствующего времени не позволяет поддержать эту мысль. Поэтому мнение Карышковского, относящего поздние серии ольвийских ассов к дозопирионовскому периоду¹⁸⁷, представляется более реальным. Действительно, находки указанных монет в слоях поселений первых двух третей IV в. до н. э. нередки, тогда как на раннеэллинистических памятниках они полностью отсутствуют.

На поселениях и усадьбах VII этапа истории хоры встречаются в основном борисфены и лишь изредка попадаются мелкие монеты с Деметрой и стрелком. По Карышковскому, время выпуска борисфенов охватывает период примерно с 330 по 250-е годы до н. э.¹⁸⁸, в то время как Анохин определяет период их эмиссии всего в 16 лет, высказывая предположение, что она осуществлялась частными лицами на основе откупной системы, при этом члены коллегии откупщиков ставили на монетах сокращения своих имен одновременно в течение одного и того же года¹⁸⁹. Не останавливаясь здесь подробно на всей системе доказательств Анохина, которая требует более подробного рассмотрения, отметим лишь, что те археологические памятники хоры, на которых в большом количестве найдены борисфены¹⁹⁰, существовали примерно около 80 лет, т. е. период

¹⁸⁵ Не может не вызывать недоумения заявление С. Я. Ольговского о том, что анэпиграфные дельфинчики выпускались позднее, чем таковые с надписями, что противоречит археологическим данным. Тем более, из публикации не ясно, каковы различия в химическом составе тех и других монет и каковы датирующие критерии (см. *Ольговский С. Я.* Цветной металл с Березани. — СА, 1980, № 4, с. 190—201).

¹⁸⁶ *Зограф.* Античные монеты, с. 124.

¹⁸⁷ *Карышковский.* Монетное дело..., с. 12.

¹⁸⁸ *Он же.* Ольвийские «борисфены», с. 76.

¹⁸⁹ *Анохин.* Ук. соч., с. 25 сл.

¹⁹⁰ В самое последнее время поступили сообщения о новых находках борисфенов на территории хоры. Один из них с сокращением ΣΓΜ обнаружен на усадьбе № 3

жизни усадеб и поселений совпадает со временем выпуска борисфенов, предлагаемым Карышковским. Вместе с тем это обстоятельство заставляет отказаться от датировки Анохина, так как трудно себе представить, чтобы на 80-летний период наивысшего расцвета полиса и апогея в развитии товарно-денежных отношений на хоре, когда внутривулканский рынок постоянно требовал новых поступлений меди, приходилось всего 16 лет чекана разменных монет.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов периодизация денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени может быть представлена в следующем виде (рис. 9).

I этап (первая половина VI в. до н. э.). Обращение литых бронзовых монет-стрелок. Территория их циркуляции сравнительно невелика — береговая полоса от низовьев Березанского лимана до устья Бугского.

II этап (вторая половина VI — первые две трети V в. до н. э.). Обращение литых бронзовых анэпиграфных дельфинчиков. В конце этапа на денежный рынок поступают дельфинчики с надписью АΡΙΧΟ. Интенсивность обращения монет значительно возрастает — в это время отмечены не единичные находки, а сотни экземпляров. Ареал циркуляции также заметно увеличивается, охватывая всю территорию Нижнего Побужья.

III этап (последняя треть V в. до н. э.). На территории хоры денежное обращение затухает, и ареал его сужается до пределов городских центров — Ольвии и Березани.

IV этап (первые две трети IV в. до н. э.). Характерно совместное обращение литых и чеканенных монет. Ареал циркуляции указанных денежных знаков охватывает не только территорию Нижнего Побужья, но и северное побережье Одесского залива.

V этап (последняя треть IV — первая половина III в. до н. э.). В это время полностью вытеснена из обращения литая монета. Территория обращения борисфенов и монет типа: Деметра в согона *mutalis*/колелопреклоненный лучник остается прежней, но интенсивность циркуляции заметно возрастает. Находки монет этого периода наиболее многочисленны, что хорошо согласуется с наивысшим расцветом хоры (VII этап), известным по другим источникам.

VI этап (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.). Территория и интенсивность обращения монет в это время резко сокращаются, следствием чего стал полный упадок денежного обращения на территории ольвийской хоры. На последнем этапе истории догетской хоры Ольвии, когда ее жители имели возможность вести обработку земли лишь вблизи городских стен, денежное обращение полностью сосредоточилось в городе.

Представленная здесь картина денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени позволяет сделать заключение, что появление первых денежных знаков в Нижнем Побужье в виде литых бронзовых стреловидных монет вызвано потребностями внутреннего рынка, сложившегося в результате раннего развития многоотраслевой экономики. Дальнейший рост денежного обращения в виде многочисленных серий бронзовых дельфинчиков являлся следствием не только повышения уровня товарного производства, но и значительного расширения географических рамок внутривулканского рынка, достигшего в период поздней архаики и ранней классики своего максимума в первой половине V в. до н. э. В последней трети столетия внутренний рынок сузился до пределов городских центров Нижнего Побужья вследствие, скорее всего, разного рода внешне- и внутривулканских причин.

в урочище Дидова Хата и девять монет этого типа найдены жителем с. Кателино Л. В. Павленко на усадьбе № 1 у Чертовой балки.

гг. до н. э.	Периодизация денежного обращения	Периодизация истории хоры
0	VII этап	IX этап
50		
100		
150	VI этап монеты серий OI ЕПТА и ВЗЕЕ	VIII этап
200		
250	V этап борисфены, монеты с Деметрой в согона muralis	VII этап
300		
350	IV этап монеты с Деметрой и орлом на дельфине, ассы	VI этап
400	III этап	V этап
450		
500	II этап анэпиграфные дельфины, в конце этапа — с надписью APIXO	IV этап
550		
600	I этап монеты — стрелки	II этап
650		I этап

Рис. 9. Периодизация денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени

Последующее оживление денежного обращения на хоре Ольвии приходится на начало IV в. до н. э. При этом по сравнению с прежней территорией географические пределы циркуляции ольвийских денег значительно раздвигаются. Наибольшего расцвета товарно-денежные отношения на хоре Ольвии достигли в период раннего эллинизма. Их резкий упадок и полное затухание вызваны внешнеполитическими причинами.

Таким образом, в истории денежного обращения на сельских поселениях Нижнего Побужья существенную роль играл не только экономический, но и политический фактор.

Нельзя не заметить, что основные этапы монетной циркуляции по характеру поступательного развития и кризисным явлениям полностью соответствуют основным этапам истории хоры, выявленным на основании других категорий источников. С одной стороны, в таком совпадении нельзя не усмотреть подтверждения справедливости той и другой периодизации, с другой же — такая взаимодополняемость позволяет глубже понять различные аспекты истории сельского населения Нижнего Побужья догетского времени.

Наконец, исследование нумизматики сельских территорий античных полисов имеет еще один важный исторический аспект. Как известно, бронзовая монета в греческих государствах была платежным средством на внутреннем рынке¹⁹¹. Уже сам этот факт предполагает, что преобладание бронзовых монет какого-либо города на определенном пространстве очерчивает ареал его территориальных владений. Что касается непосредственно Ольвии, то здесь имеется уже неоднократно привлекавшийся в связи с этим вопросом¹⁹² эпиграфический документ¹⁹³, относящийся к IV в. до н. э.¹⁹⁴, в котором предписывается под угрозой суровых наказаний производить денежные расчеты на территории Ольвийского полиса только местными деньгами. Действительно, если обратиться к вышеописанной массе бронзовых монет из сельских поселений, нетрудно убедиться, что вся она состоит из местного литья или чекана. Исключение составляют лишь две монетки типа IΣT/колесо, найденные на поселениях в Лузановке¹⁹⁵ и Дидова Хата I¹⁹⁶, которые, естественно, общей картины не меняют. Поэтому, исходя из того факта, что медная монета служила денежным средством внутриволисного рынка, а также из данных декрета Каноба, следует полагать, что область безраздельного господства ольвийских денег представляла собой ареал внутреннего рынка и находилась под юрисдикцией Ольвии. Следовательно, картографирование монетных находок и их привязка к соответствующим синхронным группам археологических памятников весьма наглядно демонстрируют динамику развития сельской территории Борисфениды и Ольвии на протяжении догетского времени¹⁹⁷.

В заключение необходимо отметить, что, говоря о росте товарно-денежных отношений на сельских поселениях Нижнего Побужья, нельзя этот процесс абсолютизировать. Следует постоянно иметь в виду, что речь идет о сравнительной характеристике денежного обращения на той же территории в определенный период. В любом случае проникновение денег в экономику античного общества в городе происходило гораздо интенсивней, чем в деревне. Многие слои городского населения вообще не могли существовать без рынка, в то время как большинство продуктов первой необходимости в сельской местности производилось на месте, т. е. деревенское хозяйство было более замкнутым по сравнению с городским¹⁹⁸.

¹⁹¹ Davison W. I., Harper J. E. European Economic History. V. I. The Ancient World. N. Y., 1972, p. 120.

¹⁹² Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 87; Рубан В. В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры IV — III вв. до н. э. — ВДИ, 1985, № 1, с. 31.

¹⁹³ IOSPE, I², № 24.13—16.

¹⁹⁴ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. — ВДИ, 1976, № 4, с. 25—27.

¹⁹⁵ Загинайло. К вопросу об экономических связях..., с. 76.

¹⁹⁶ Рубан. Проблемы..., с. 31.

¹⁹⁷ Он же. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени. — В кн.: Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ по проблеме «Полис и хора. Проблемы экономики, политики и культуры». Тезисы докладов. М., 1978, с. 43—45.

¹⁹⁸ Кошелевко. Ук. соч., с. 230 сл.

Однако и сельские жители были в определенной степени зависимы от рынка, и с течением времени эта зависимость возрастала. Если обратиться к археологическим материалам Нижнего Побужья, то можно заметить, что начиная с архаического периода повсеместно на поселениях в большом количестве встречаются импортные гранитные (и даже мраморные) зернотерки, которые никак нельзя отнести к товарам, удовлетворяющим культурные запросы¹⁹⁹, так как без этого орудия труда немислимо приготовление многих продуктов питания, и в первую очередь хлеба. В эллинистический период наряду с простыми зернотерками на поселениях хоры появляются усовершенствованные и более дорогостоящие ручные мельницы, приобретение которых требовало больших денежных затрат. Другим примером подобного рода могут служить данные о металлургическом производстве на территории ольвийской хоры. На поселениях позднеархаического периода следы занятий этой отраслью ремесла нередки, вместе с тем они полностью отсутствуют на памятниках более позднего времени²⁰⁰. Это является свидетельством того, что к IV—III вв. до н. э. в Нижнем Побужье углубился процесс разделения труда, и эта отрасль ремесла сконцентрировалась в городе, а жители деревни должны были приобретать продукцию металлургического производства на городском рынке. Подобные примеры можно было бы продолжить, однако, как представляется, и приведенных вполне достаточно, чтобы убедиться в определенной зависимости сельского населения Нижнего Побужья от рынка, следствием чего стало проникновение денег в экономику хоры.

A HISTORY OF MONEY CIRCULATION IN THE RURAL TERRITORY OF BORYSTHENIS AND OLBIA

V. V. Ruban, V. N. Ursalov

The present work is the first attempt to study the circulation of money in the territory of an ancient polis *chora*. The chronology of the rural settlements makes it possible to verify the correctness of existing opinions about the monetary history of a Greek state on the lower reaches of the river Bug. A very ancient form of money in this region is the arrow-coin, whose emissions began in Borysthenis in about the second half of the 7th century B. C. and the beginning of the 6th, continuing in use throughout the first half. Bronze weights from Borysthenis with arrow coins depicted on them are regarded as evidence that there were magistrates on the island, who were along with the mint, transferred to Olbia in about the middle of the 6th century B. C. Making use of a great deal of fastural data, the authors drew up charts of synchronous coin groups (fig. 1—7) and worked out the periodization of money circulation in the territories of Borysthenis and Olbia of the pre-Getic period (fig. 8) in the following stages: I (first half of the 6th century) — the circulation of arrow coins; II (second half of 6th — first two thirds of 5th c.) — circulation of anepigraphic dolphins, at the end of the stage with inscription ΑΡΙΧΟ; III (last third of 5th c.) — the limiting of the internal polis market to the city centres; IV (first two thirds of 4th c.) — circulation of cast «asses» and coins struck with Demeter and eagle on a dolphin, also two small fractions; V (last third of 4th — first half of 3rd c.) — circulation of «Borysthens» and coins with Demeter in corona muralis; VI (second half of 3rd — first half of 2nd c.) — the fading out and extinction of money circulation in the *chora* (a few scattered finds of coins of the money series ΟΙ ΕΠΤΑ and ΒΣΕ). The early appearance of bronze coins is explained by the development of the internal market with the emergence of a complex economy in the lower Bug area. Charting the evolution of money circulation has also made it possible to cast a stronger light on periods of prosperity and adversity in the history of the Olbian state, resolve questions about the dynamics of its territorial boundaries and spacial development of the internal polis market and clarify the role of money — commodity relations in the economy of the rural population.

¹⁹⁹ Там же, с. 218 сл.

²⁰⁰ Рубан В. В. Литейная форма с поселения Козырка XV.— СА, 1979, № 3, с. 249—258.

Н. А. Фролова

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА 338 г. б. э. = 41 г. н. э. МИТРИДАТА III ИЗ СОБРАНИЯ ГИМ

В 1981 г. коллекция античных монет Отдела нумизматики Государственного Исторического музея пополнилась статером Митридата III 338 г. б. э., чеканенным другим штемпелем оборотной стороны, чем известный ранее:

л. с.: голова императора Клавдия в лавровом венке вправо

о. с.: Ника на шаре с венком в правой руке и лавровой ветвью в левой, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, ΗΛΤ (338 г. б. э. = 41 г. н. э.), вес 7,88 г, ГИМ, № 10164 (рис. 1.1).

Результаты изучения монетных эмиссий Митридата III показали, что выпуски золотых статеров ограничены 39—41 гг. н. э. От 336 г. б. э. = 39 г. н. э. известны три экземпляра:

л. с.: голова императора Гая Калигулы в лавровом венке вправо.

о. с.: Ника на шаре с венком в правой и лавровой ветвью в левой руке. Вокруг надпись — имя и царский титул Митридата, ΗΛΤ (336 г. б. э. = 39 г. н. э.).

1. вес 7,85 г. Издан: Гиль Х. Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892—1893 гг. — ЗРАО, 1895, VII, с. 225, № 62, табл. XX, 62; Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, pl. VII, 10. Местонахождение неизвестно (рис. 1, 2).

2. вес 6,45 г. Британский музей. Приобретен в 1931 г. Возможно, что этот экземпляр происходил из коллекции В. К. и был издан А. Л. Бертье-Делагардом (О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. — ЗООИД, 1910, XXIX, с. 229, № 70, табл. IV, 70¹) (рис. 1, 3).

3. вес 7,86 г. ГИМ, № 406. Подарок Ф. П. Прове Московскому археологическому музею 28 августа 1917 г. (рис. 1, 4).

Поступили сведения о двух статерах Митридата 337 г. б. э. = 40 г. н. э., найденных при раскопках святилища близ Ялты в 1983 г.² и хранящихся в Ялтинском краеведческом музее. До приобретения Государственным Историческим музеем статера Митридата III 338 г. б. э. эмиссии золота 41 г. н. э. были представлены экземпляром, известным ранее только по литературе: вес 7,91 г. Издан: Гиль Х. Х. Новые приоб-

¹ Фролова Н. А. О времени правления Гепепирии и Митридата III. — ВДИ, 1977, № 3, с. 172, рис. 1, 9—10; монеты представляют, скорее всего, один и тот же экземпляр. Поэтому следует считать, что имеется всего лишь три достоверных экземпляра статеров Митридата III 336 г., а не четыре, как указывалось в вышеназванной статье.

² Раскопки святилища близ Ялты ведутся Ялтинским краеведческим музеем с 1981 г. под руководством Н. Г. Новиченковой: 1) статеры 337 г. б. э., вес 7,85 г, № 27818; 2) вес 7,87 г, № 27819. Ялтинский краеведческий музей (рис. 1, 5—6).

речения моего собрания.— ЗРАО, 1892, V, табл. IV, 71; Бертье-Делагард. Ук. соч., с. 229, № 71, табл. IV, 71; Auction Catalogue, Monnaies Grecques, Rodolfo Ratto, Lugano (Suisse), 1926, p. 121, № 1687, табл. XLIII, 1687, вес 7,92 г (рис. 1, 7).

Установлено, что Митридат III, именуемый в последнее время Митридатом II³, получил боспорский трон в 39 г. н. э. от своей матери Гешепирий⁴. Между тем император Гай Калигула по решению сената подарил Боспор Полемену⁵. Таким образом, Митридат III приступил к правлению Боспором без согласия Рима. Прежде всего он осуществил выпуск золотых статов и медных монет с полным своим именем и царским титулом. Эмиссии золота и меди, прославляющие царское достоинство Митридата III, призваны были засвидетельствовать самостоятельность боспорского царя, его желание проводить свою, независимую от империи политику. Поправки Римом легитимных прав Митридата не могло оставаться бесследным. Вероятно поэтому Полемон II так и не появился на Боспоре, а в 41 г., согласно сообщению Диона Кассия, император Клавдий «подарил Боспор Митридату, ведущему свой род от знаменитого Митридата Евпатора. Полемену же дал взамен одну область Киликии»⁶. Единственная надпись с именем Митридата III, найденная на территории древней Горгии (КБН, 1123), относится к октябрю 41 г. н. э. и содержит новую формулу титулатуры Митридата III. В этой надписи Митридат назван «другом союзников и другом отечества» вместо обычной формулы «друг римлян и друг кесаря»⁷. Первым боспорским царем, получившим титул «друг и союзник римлян», был Фарнак. За помощь, оказанную Фарнаком Риму в борьбе с Митридатом Евпатором, Помпей провозгласил его «другом и союзником римлян», предоставив ему власть над Боспором, исключая фанаторийцев⁸, внося тем самым его имя в список «друзей и союзников римского народа»⁹. Но следует заметить, что присутствие в титулатуре Митридата III эпитета «друг союзников» в литературе оспаривается¹⁰. Сомнений не вызывает лишь второй эпитет титулатуры Митридата — «друг отечества», свидетельствующий о стремлении Митридата III к независимости, о его намерении вывести Боспор из-под протектората Рима, сохраняя при этом дружественные отношения с империей¹¹. То, что

³ Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.— ВДИ, 1981, № 4, с. 52, прим. 3.

⁴ Фролова. Ук. соч., с. 166—174.

⁵ Dio, LIX, 12. О родстве Полемона II и Полемона I, взявшего в жены Динамию, царицу Боспора (17/16—12 (?) гг. до н. э.), см. Орешников А. В. Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885, с. 1—24; он же. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве.— ИТУАК, 1902, 34, с. 1—17; Фролова Н. А. О времени правления Динамии.— СА, 1978, № 2, с. 49—61; Латышева В. А. О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона.— Вестник Харьковского гос. ун-та, № 214, 1981, с. 101—107. Следует пересмотреть и время правления Динамией, статов которой 277 г.б.э. = 21 г. до н. э. найден также при раскопках святилища близ Ялты Н. Г. Новиченковой в 1983 г. (вес 8,07 г.; 19,5 мм, Ялтинский краеведческий музей, № 27824).

⁶ Dio, LX, 8(2) = SC, I, p. 622; ср. Anderson-J. G. C. The Eastern Frontier from Tiberius to Nero.— SAN, 1934, X, p. 752, not. 4.

⁷ Болтунова А. И. К надписи IOSPE II, 400.— ВДИ, 1954, № 1, с. 168—176.

⁸ App., Mithr. 113 = SC, I, fasc. 2, p. 536 sq. Об истории Фанатории в середине и конце I в. до н. э. см. Блаватский В. Д. Каменное ядро из Фанатории.— КСИИМК, 1951, XXXIX, с. 135 сл.; Кобылина М. М. Фанатория.— МИА, 1956, 57, с. 25; Цветаева Г. А. Поход Фарнака на Фанаторию в свете последних археологических открытий.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 235 сл.; Гуров А. Н. Феодосия и Фанатория в системе Боспорского государства.— В кн.: Из истории античного общества. Горький, 1983, с. 56; Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор.— ВДИ, 1983, № 2, с. 56 сл.

⁹ Golenko K. V., Karyszkowski P. J. The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosphorus.— NC, 7 ser., v. XII, 1972, p. 29.

¹⁰ Надэль Б. Филологические и дипломатические заметки к боспорским манускриптам.— ВДИ, 1958, № 1, с. 138; Gajdukevič V. F. Das Bosphoranische Reich. В., 1971, S. 341, Anm. 22.

¹¹ Nadel B. Penetracja Rzymu i wpływy Rzymskie na Polnocnym Wybrzeżu Morza Czarnego.— Meander, 1969, XXIV, p. 56.

Митридат в проведении своей сепаратистской политики стремился опереться на соседние варварские племена Нижнего Подонья и Северного Кавказа, заключают из свидетельств древних авторов¹². Свободолюбивые намерения Митридата, которые стали известны императору Клавдию, вызвали вооруженную интервенцию Рима. Дион Кассий сообщает: «Митридат, замыслив изменить политику, стал готовиться к войне с римлянами. Так как мать его была против этого и, не успев в своей попытке уговорить его, хотела бежать, то он с целью скрыть свои намерения, сам продолжая приготовления к войне, отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Котис, злоупотребив оказанным ему как послу доверием, донес обо всем Риму и стал царем Боспора вместо Митридата»¹³. Таким образом, Котис I был объявлен законным правителем Боспорского царства, а для поддержания его власти на Боспор были направлены римские войска под командованием наместника Мёзии Авла Дидия Галла¹⁴ и Гая Юлия Аквилы¹⁵. Сопротивление Митридата было сломлено, и он вынужден был отступить, обосновавшись на азиатской стороне Боспора. Когда же часть римских войск оставила Боспор, он попытался организовать наступление на Пантикапей, рассчитывая на помощь соседних варварских племен дандариев и сираков. Гай Юлий Аквила с помощью конницы аорсов опередил выступление Митридата. Митридат, преданный вождем сираков, признал себя побежденным и обратился к царю аорсов Евнону с просьбой передать его Риму¹⁶. Позднее Митридат был доставлен в Рим прокуратором Понта Юнием Цилоном. Тацит сообщает, что «... перед кесарем Митридат держал речь смелее, чем позволяло его положение; его слово распространилось в народе в следующем виде: „я не прислан к тебе, а возвратился сам; если не веришь, то отпусти меня и ищи“». Он сохранил неустранимый вид и тогда, когда был выставлен возле кафедры на зрелище народу, окруженный стражей. Цилону были определены знаки консульской власти, Аквиле — преторской¹⁷. Время этих событий относят к 49 г. Следовательно, военные действия длились около пяти лет, так как первые золотые статеры Котиса I датированы 342 г. б. э. = 45 г. н. э.¹⁸. В Риме Митридат прожил около 19 лет, пользуясь полной свободой и уважением. Он был казнен в 68 г. как участник заговора против императора Гальбы, возглавлявшегося префектом преторианцев Нимфидием Сабином¹⁹.

События 45—49 гг. и их интерпретация в период военных действий римских войск против Митридата III нашли отражение в литературе по истории Боспора, детально исследованы и не вызывают разногласий²⁰.

¹² *Tac.*, Ann. 15—19 = SC, II, fasc. 1, p. 238—240; *Plin.*, NH, VI, 16—17 = SC, II, fasc. 1, p. 179 sq.; *Скржиньска М. В.* Значения «Природничої історії» Плінія для вивчення Північного Причорномор'я.— *Археологія*, 1976, 19, с. 56—65.

¹³ *Dio*, LX, 287 — этот текст обычно цитируется под именем сохранившего его автора VI в. н. э. Петра Патрикия (*Petr. Patr.*, FHG, IV, 185, fr. 3). Ср. *Mommsen Th.* Römische Geschichte. Bd. V. V., 1885, S. 379, Anm. 2; *Орешников А. В.* К нумизматике преемников Аспурга.— ИРАИМК, 1920, вып. I, с. 5; *Болтунова.* Уж. соч., с. 175; *Gajdukevič.* Op. cit., S. 341, Anm. 22.

¹⁴ *Groag E. A.* Didius Gallus.— RE, 1905, V, Sp. 4107; *Ростовцев М. М.* Новые латинские надписи из Херсонеса.— ИАК, 1907, 23, с. 2 сл.

¹⁵ *Domaszewski A., von.* Geschichte der römischen Kaiser. Bd. II. Lpz, 1914, S. 30 f.

¹⁶ *Tac.*, Ann. XII, 16—18 = SC, II, fasc. 1, p. 238 sq.

¹⁷ *Tac.*, Ann. XII, 21 = SC, II, fasc. 1, p. 240 sq.

¹⁸ *Фролова Н. А.* Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45—68 гг. н. э.).— ИС ГИМ, 1977, т. V, вып. 2, с. 219—238.

¹⁹ *Plut.*, Galba, 13, 15; *Орешников.* К нумизматике..., с. 6 сл.; *Stevenson G. H.* The Year of the Four Emperors.— САН, 1936, XI, p. 812 f.

²⁰ *Латышев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 108 сл.; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 327 сл.; *он же.* История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955, с. 129; *idem.* Das Bosporanische Reich, S. 342 f.; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 147; *Кадеев В. И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э.— ВДИ, 1979, № 2, с. 60 сл.; *он же.* Херсонес Таврический в первых веках н. э. Харьков, 1970, с. 18 сл.

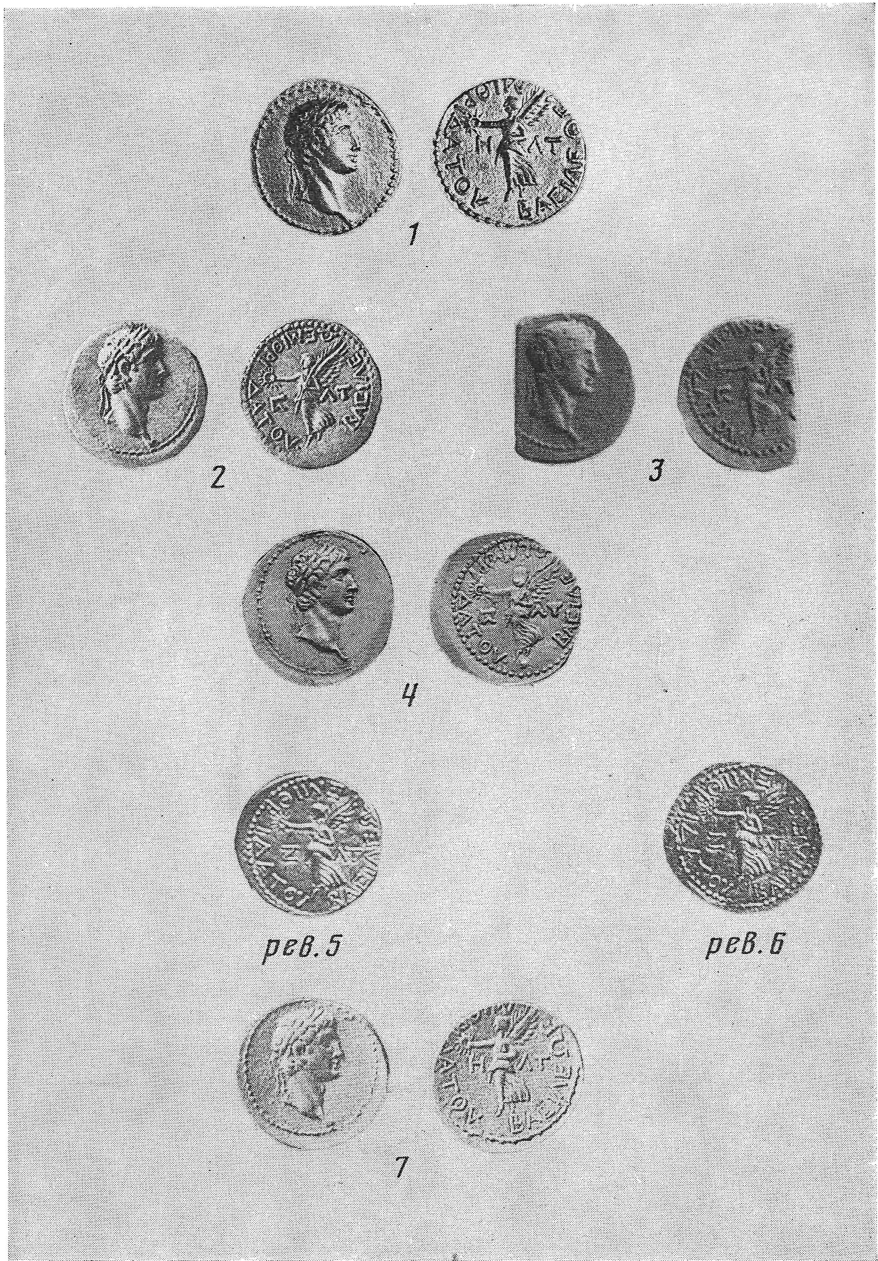

Рис. 1. Статеры Митридата III

Рис. 1. Фотография фрагмента фронтона с латинской надписью из Тиры: 1. Лицевая сторона; 2. Обратная сторона

Исключение составляет решение вопроса о последствиях вмешательства Рима в дела Боспора. Была ли интервенция Рима временным явлением на Боспоре или начиная с этого года в городах Боспора постоянно находились римские гарнизоны?

В. Н. Дьяков считал возможным утверждать, что с началом римско-боспорской войны 45—49 гг. впервые в истории Крыма римские войска разместились в городах Боспора в качестве постоянных гарнизонов²¹. Это высказывание прочно вошло в научную литературу²², хотя доказательств этому до сих пор не имеется. Более того, из одного и того же свидетельства Тацита²³ заключают, что римские войска покинули Боспор после прекращения военных действий в 50-х гг. I в. н. э., не оставив там постоянных гарнизонов²⁴, и, напротив, навсегда обосновались там²⁵. Так, Б. И. Надель вслед за Г. Дессау рассматривает появление римских войск на Боспоре и военные действия в 45—49 гг. как единственный случай, когда Рим вторгся в столь отдаленную область²⁶.

Между тем для доказательства постоянного присутствия римских войск на территории Боспора приводился перечень находок терракотовых фигурок орлов, так как полагали, что они могут служить подтверждением факта постоянного пребывания военных частей в городах Северного Причерноморья и на Боспоре²⁷. Г. А. Цветаева считает, что фигурки орлов «...находились в святилищах отдельных частей римской армии как замена боевого знамени легионным орлом из металла или как символ Юпитера — главного римского божества»²⁸. Интересно отметить, что даже терракотовые фигурки орлов, иногда полые внутри, а иногда с устройством чаш на развернутых крыльях, выполненные из местной глины (в Ольвии — из ольвийской, в Пантикапее — из пантикапейской), также приписывают производству римлян и связывают с пребыванием в городе римского гарнизона²⁹. Трудно согласиться с подобной трактовкой терракотовых фигурок орлов прежде всего потому, что орел с древнейших времен рассматривался как священная птица Зевса, образ которого часто принимал этот бог³⁰. Изображение орла присутствует в изобразительном искусстве Ольвии. В типологию монет Ольвии оно вошло со второй четверти V в. до н. э. и связано с культом Зевса, храм которого был воздвигнут в Ольвии в III в. до н. э., а святилище Зевса существовало на том же месте в VI—V вв. до н. э.³¹ Поэтому нет ничего удивительного в том, что фигурки орлов встречаются среди археологического материала в Ольвии.

Что же касается вопроса о пребывании римских войск в Ольвии, то П. О. Карышковский пришел к выводу, что ни нумизматические, ни эпи-

²¹ Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье. Понт и Мёзия. — ВДИ, 1940, № 3—4, с. 76.

²² Слонимский М. М. Начало римской оккупации Северного Причерноморья. — В кн.: Сборник научных трудов Пятигорского гос. пед. ин-та, IV. Пятигорск, 1949, с. 205 сл.; Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979, с. 34; Шелов, Римляне..., с. 53.

²³ Тас., *Ann.* XII, 17 = SC, II, fasc. 1, p. 239.

²⁴ Блаватский В. Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. — *Archaeologia Polona*, 1973, XIV, с. 216.

²⁵ Шелов. Римляне..., с. 56 сл.

²⁶ Nadel. *Op. cit.*, p. 59.

²⁷ Цветаева. Боспор и Рим, с. 34—42, рис. 9—12; Шелов. Римляне..., с. 56; Трейстер М. Ю. Бронзолитейное дело античного Боспора: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1984, с. 20.

²⁸ Цветаева. Боспор и Рим, с. 39 сл.

²⁹ Ветштейн Р. И. Раскопки на римской цитадели в Ольвии. — КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 78 сл.; Цветаева. Боспор и Рим, с. 39 сл.

³⁰ Oder E. Adler. — RE, 1894, I, Sp. 373—375; Sittl K. Der Adler und die Weltkugel als Attribute des Zeus in der griechischen und römischen Kunst. — *Jahrbücher für classische Philologie*, 1885, XIV Supplbd., S. 1—28.

³¹ Карышковский П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 88 сл., прим. 107—117.

графические памятники Ольвии 50—70-х годов I в. н. э. не содержат никаких указаний на то, что Ольвия тогда же была занята римскими войсками³². Доказательством пребывания римских войск в Пантикапее, кроме находок терракотовых фигурок орлов, считают и мраморную скульптуру орла, обнаруженную на Таманском полуострове³³. Но следует принять во внимание и то, что изображение орла как символа бога Зевса известно на Боспоре с конца III в. до н. э. и не исчезает из типологии боспорских монет до конца боспорской чеканки в 341/342 гг. н. э.³⁴ Почитание бога Зевса на Боспоре засвидетельствовано и эпиграфическими памятниками³⁵. Боспорцы поклонялись Зевсу как Генарху — «Родоначальнику» (КБН, 29) и как Сотеру — «Спасителю» — еще с конца III в. до н. э.³⁶ Те же фигурки орлов из терракоты, как и изображения орлов на некоторых танаисских плитах, Д. Б. Шелов относил ранее к обычным атрибутам Зевса³⁷. Как атрибуты Зевса трактуются изображения орлов с распростертыми крыльями и на надгробных стелах, и на отдельных плитах, найденных на территории Малой Азии³⁸. Мотив орла с распростертыми крыльями встречается и на других памятниках-плитах, поставленных у источников, откуда брали воду для питья. Изображение орла на каменной плите, воспроизведенной на рисунке в книге Е. С. Голубцовой³⁹, аналогично изображению орла на мраморе, найденном на Тамани, и близко терракотам из Ольвии и Пантикапея.

Эпиграфических памятников, свидетельствующих о длительном пребывании римских войск в Пантикапее в I в. н. э., не имеется. Ко II в. н. э. относится найденный в Керчи памятник с надписью на греческом и латинском языках, в которой упоминается солдат кипрской когорты — Луций Волузий⁴⁰. Вторым и третьим веками датируются еще два памятника, обнаруженные в Керчи. Это надгробие Гая Меммия⁴¹ и плита с именами центуриона, командовавшего фракийской когортой, и его жены⁴². Этими тремя надписями II—III вв. н. э. исчерпываются эпиграфические памятники, свидетельствующие о постоянном пребывании римских войск на Боспоре. Следовательно, можно утверждать, что ни письменные, ни эпиграфические, ни нумизматические данные⁴³ не дают оснований считать, что на Боспоре с середины I в. н. э. были размещены постоянные римские гарнизоны. Безусловно, имеются все основания говорить об усилении римского влияния на Боспор с середины I в. н. э. в политическом отношении⁴⁴. Но будет бездоказательным утверждать,

³² Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э. — В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982, с. 23; *он же*. Находки монет Римской империи в Ольвии. — НСФ, 1965, 2, с. 50—75.

³³ Цетаева. Боспорѝи Рим..., с. 41.

³⁴ Фролова Н. А. О времени правления Радамсада и Рискупорида VI. — СА, 1975, № 4, с. 45—66.

³⁵ КБН, 74, 135, 1021, 1123, 1126, 1237.

³⁶ КБН, 26, 36, 76, 868; Болтунова А. И. О культе Зевса Сотера на Боспоре. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 29—38; *она же*. Зевс Отчий и Зевс Спаситель. — ВДИ, 1977, № 1, с. 176—183.

³⁷ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 279, 291, прим. 161—162.

³⁸ Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. М., 1977, с. 67—73.

³⁹ Там же, с. 72, рис. в тексте.

⁴⁰ Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. — ИАК, 1902, вып. 3, с. 39 сл.; КБН, 691, с. 400.

⁴¹ КБН, 726, с. 418.

⁴² КБН, 666.

⁴³ Фролова Н. А. О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н. э. по нумизматическим данным. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 55—57.

⁴⁴ Карышковский П. О. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным. — ВДИ, 1953, № 3, с. 105—111; Фролова Н. А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45—68 гг.). — НС ГИМ, ч. V, вып. 2. М., 1977, с. 219—238; *она же*. Монетное дело

что боспорские города подпали под сильную экономическую зависимость от Рима, что римляне вводили туда военные части и устраивали военные базы.

Рискупорида II.— НЭ, 1968, VII, с. 43—67; она же. Боспор и Рим в конце I — начале II в. н. э. по нумизматическим данным.— ВДИ, 1968, № 2, с. 133—143; она же. Из истории Боспора в середине II в. н. э.— ВДИ, 1972, № 1, с. 187—193.

A GOLD COIN OF MITRIDATES III 338 B. E.= 41 A. D.
FROM THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

N. A. Frolova

1. Mithridates, heir to the Bosphorian throne of his mother Gepaepyris who had her right to the kingdom confirmed by the Roman emperor Gaius (Caligula), was not granted this honour. It was well known that Bosphorus had been given by Caligula to Polemon II, son of Antonia Tryphaena, daughter of Polemon I (Dio Cassius, LIX 12,2).

2. The complete disregard of the rights of the legal heir to the Bosphoran throne prompted Mithridates to shake off the Roman tutelage. The emissions of gold and copper coins enhancing the glory of his royal state, shows the determination of Mithridates to maintain an independent policy in ruling his kingdom. As a result, Polemon II never showed himself in Bosphorus, and in A.D.41 the emperor Claudius confirmed the royal rights of Mithridates, descendant of Mithridates Eupator (Dio Cassius, LX 8,2).

3. An inscription bearing the name Mithridates, dated in A.D.41 (КНБ, 1123), presents a new titular formula for Mithridates. He is called «friend of the allies and friend of the fatherland» (the author adopts the reconstruction of line 5 suggested by A. I. Boltunova, CIRB p. 657, transl). This shows the determination of Mithridates to take Bosphorus out of the Roman protectorate, while preserving friendly relations with the emperor and counting on support for his policies from neighbouring barbarian tribes (in the Lower Don and Northern Caucasus regions) and on alliance with Olbia.

4. When preparing for war with Rome, Mithridates sent his brother Cotys as envoy to the emperor Claudius. Cotys betrayed his brother's confidence, disclosing everything to Rome. Cotys was declared king of Bosphorus and Roman troops were sent there.

5. In the literature the events of 45—49 and their interpretation are not disputed. Differences appear in the interpretation of the consequences of the Roman interference in Bosphoran affairs: was the Roman intervention a temporary phenomenon (Blavatsky V. D., 1973, Nadel, B. I., 1969); or, from this time on were Roman troops posted in Bosphorus (D'yakov V. N., 1940; Slonimsky M., 1949; Tsvetayeva G. A., 1979; Shelov D. B., 1981).

6. After studying the literary, epigraphical and numismatic data the author comes to the conclusion that the Roman military intervention in Bosphorus was a temporary phenomenon.

7. Stators of Mithridates III 338 B. E.— A.D.41 are the last emission of gold made by this king in Bosphorus. They make it possible to conclude that his war preparations took place not early then in A.D.41.

Н. А. Сон

НОВАЯ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ТИРЫ

Несмотря на многолетние исследования Тирь римской эпохи, в ее истории немало вопросов, требующих конкретизации и дальнейшего изучения. Важной источниковедческой базой для этого являются латинские надписи, которые позволяют уточнить характер взаимоотношений Тирь с администрацией провинции Нижняя Мезия, роль римских войск в городе и за его пределами. Латинские надписи в определенной степени характеризуют степень романизации населения города, а также свидетельствуют о политическом, экономическом и культурном влиянии Рима на жизнь населения Тирь. Непосредственным проводником этого влияния была вексилляция римских войск, расквартированных в городе, с которой и связана основная масса латинских надписей. Поэтому каждая новая латинская надпись, обнаруженная при раскопках Тирь, представляет несомненный интерес и заслуживает самого пристального внимания.

В ходе полевых исследований Тирь в 1978 г. на территории Центрального раскопа в вымостке позднеантичного времени была найдена известняковая плита с остатками трех строк латинской надписи¹. Плита представляла собой массивный фрагмент сбитого с двух сторон фронтона (рис. 1, 1; 2, 1). Нижнее основание фрагмента — плоское, верхнее — покатое, как слева направо, так и от наружной к тыльной стороне. Основания и лицевая поверхность плиты тщательно обработаны. Вдоль верхнего и нижнего оснований лицевой стороны при обработке фронтона оставлены невысокие бортики шириной 4 см вдоль верхнего основания и 5,5 см вдоль нижнего основания. Сохранившаяся высота лицевой поверхности плиты от 23 до 30 см, длина от 26 до 37 см. Толщина плиты 17 см. Обратная сторона фронтона грубо обколота. Вдоль верхнего основания вырублен уступ. Справа у нижнего основания сохранилась часть прямоугольного или квадратного вырубленного углубления, возможно предназначавшегося для главной продольной балки сооружения, которое украшал фронтон с надписью (рис. 1, 2; 2, 2). Плита изготовлена из среднекристаллического слабоглинистого известняка, выходы которого известны в Причерноморье, в том числе и на территории Одесской области². Это позволяет предполагать, что фронтон и надпись изготовлены на месте, скорее всего в Тире (Рис. 1 см. вкл. стр. 57).

Надпись, расположенная на лицевой стороне фронтона, состоит из трех строк и сохранилась не полностью (рис. 1, 1; 2, 1, 3). В первой строке отсутствует начало. Ее конец, в отличие от двух последующих, сохранился полностью. В строке шесть букв и два разделителя: ES·T·AEL. Нача-

¹ Сон Н. А. Раскопки Тирь (Слой первых веков н. э.). — АО 1978 г. М., 1979, с. 405; она же. Новая латинская надпись из Тирь. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Днепропетровск, 1980, с. 120.

² Определение породы камня проведено научным сотрудником Института геологических наук АН УССР Я. В. Федориним.

Рис. 2. Прорисовки фрагмента фронтона с латинской надписью из Тире: 1. Лицевая сторона; 2. Обратная сторона; 3. Прорисовка надписи по эстампажу

ло второй строки также не сохранилось. В строке десять букв, две из которых в лигатуре, и два разделителя: AVREL·VERI·C. Первая и десятая буквы частично испорчены. Третья строка тоже неполная и состоит из восьми букв, двух разделителей и знака, обозначавшего центуриона³: NCYRA·>·LEG (рис. 2, 3). Первая и последняя буквы третьей строки сохранились частично.

Вся сохранившаяся часть надписи читается:

ES·T·AEL
ALREL·VERI·C
NCYRA·>·LEG

Надпись выполнена рукой профессионального мастера. Буквы тщательно вырезаны остроугольным резцом по тонко прочерченным линейкам, глубоко, с утолщением. Они имеют четкую удлиненную форму, их концы украшены апексами и штрихами. Шрифт тирской надписи в целом близок монументальному шрифту времени Траяна⁴ и Антонинов⁵. Но в нем прослеживаются и свои особенности: буква R (в двух случаях не замкнута, в одном — замкнута) отличается от аналогичной буквы монументального шрифта короткой ножкой; буква C — широкая, нижний ее конец высоко поднят, что тоже не характерно для монументального шрифта этого времени; буква A — с короткой косой гостой — отдаленно напоминает архаическую форму этой буквы⁶.

³ Этот знак, обозначавший центуриона, появляется в латинских надписях после Домициана: *Gordon A. E. Supralineate Abbreviations in Latin Inscriptions.* — University of California Publications in Classical Archaeology, 1948, v. 2, № 3, p. 70.

⁴ *Huguet P. B. Epigraphia latina.* Barcelona, 1946, p. 115, fig. 38.

⁵ *Cagnat R. Cours d'Épigraphie latine.* P., 1898, pl. 1.

⁶ *Huguet. Epigraphia latina,* p. 11, fig. 3, 2.

По характеру шрифта надпись может быть отнесена ко II в. н. э. Не противоречат указанной датировке и точки-разделители в виде треугольников⁷. Близкие по характеру письма надписи, также датирующиеся II в. н. э., хранятся в Ялтинском краеведческом музее⁸, обнаружены в Херсонесе⁹, на территории Нижней и Верхней Мезии, Дакии, Паннонии¹⁰.

Уточнить датировку надписи позволяет ее содержание. В первой строке сохранилось окончание ES от сокращенной формы CAESAR. Здесь идет речь о цезаре с именем Тит Элий, начальные буквы которого вырезаны на плите. Этим императором является Тит Элий Адриан Антонин Август Пий, полная титулатура которого не сохранилась во второй строке надписи. От этой строки остались лишь имя Аврелия Вера и начальная буква слова CAESAR. Здесь упомянут приемный сын Антонина Пия, который через год после усыновления получил титул Марк Элий Аврелий Вер Цезарь¹¹. Поскольку имя Марка Аврелия Вера стоит в родительном падеже, то логично предположить, что в начале надписи перед титулом Антонина Пия стояло традиционное PRO SALVTE в виде сокращения PS или PRO SAL.

В период правления Антонина Пия его полная титулатура следующим образом приводится в надписях: Император Цезарь Тит Элий Адриан Антонин Август Пий¹². Как правило, эта титулатура писалась в сокращенном виде. Наиболее частые сокращения: Imp., Caes., Aug., T., Ael.; Hadrianus и Antoninus встречаются в надписях в полном и сокращенном виде, причем сокращения различные. Pius пишется полностью. В тирской надписи сокращения в полной титулатуре Антонина Пия были вырезаны в следующем виде: Imp. Caes. T. Ael. Had. Ant. Aug. Аналогичные сокращения известны в латинских надписях Истрии и Капидавы¹³.

Полная титулатура приемного сына Антонина Пия, Марка Аврелия, приведенная в надписях при жизни Антонина Пия, — Марк Элий Аврелий Вер Цезарь¹⁴. Но чаще встречается неполная титулатура, где опущены praenomen или nomen, либо и то, и другое. Однако Verus и титул = caesar всегда присутствуют в надписях. В тирской надписи также титулатура неполная: Аврелий Вер Цезарь. Такая титулатура Марка Аврелия хорошо известна по надписям, обнаруженным в Истрии, Капидаве, Троезме¹⁵. В тирской надписи эта титулатура представлена в следующем сокращенном виде: Aurel. Veri [Caes]. Если в титулатуре Марка Аврелия сокращение Caes. очень часто встречается в надписях¹⁶, то сокращение Aurel. менее распространено, чаще вырезалась форма Aug.¹⁷ Сокращение Aurel. встречается несколько позже, уже в период самостоятельного правления Марка

⁷ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, с. 140, прим. 96; Gordon J. S. and A. E. Contributions to the Palaeography of Latin Inscriptions. — University of California Publications in the Classical Archaeology, 1957, v. 3, № 3, p. 113, 120, 126, 129.

⁸ Розанова Н. П. Эпиграфические памятники Ялтинского музея. — ВДИ, 1951, № 1, с. 153—154.

⁹ Соломоник. Ук. соч., № 60; она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, № 192; она же. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983, № 6, 22.

¹⁰ ISM, București, 1983, v. 1, № 329; IDR, București, 1977, v. II, № 46; v. III/1, № 130, 281; 1980, v. III/2, № 90, 107; ISM, București, 1980, v. V, № 75, 159, 174; Петровић П. Палеографија римских натписа у Горњој Мезији. — Археолошки Институт, посебна издања, кн. 14, Београд, 1975, с. 132, 150, табл. V, 13; XXIII, 63; Barkóczy L., Mócsy A. Die römischen Inschriften Ungarns. Budapest, 1972, № 5, 6.

¹¹ Rohden P. Aurelius (138). — RE, 1896, II, Sp. 2501.

¹² Ibid., Sp. 2498. Иногда титулатура Антонина Пия в надписях могла быть неполной.

¹³ ISM, v. 1, № 317; v. V, № 1.

¹⁴ Dessau H. Inscriptiones Latinae. V. III, pars 1. Berolini, 1955, p. 280.

¹⁵ ISM, v. I, № 324, 325; v. V, № 21, 155, 158.

¹⁶ ISM, v. I, № 324—326; v. V, № 21, 141, 155—158.

¹⁷ ISM, v. I, № 325, 367; v. V, № 155—157.

Аврелия¹⁸. Имя *Verus* в надписях, как правило, пишется полностью.

В надписи отсутствует имя дедиканта, которое было вырезано в начале третьей строки, сохранившаяся ее часть читается так: *psuta centurio legionis*. На основании частично сохранившейся буквы *N* перед *CYRA* начало сохранившейся части третьей строки может быть дополнено топонимом *[A]NCYRA*¹⁹.

В латинской эпитафике редко указывается город, откуда происходит лицо, упоминавшееся в надписи²⁰. Однако в четырех надписях, происходящих из Троезма, хорошо засвидетельствован топоним Анкира применительно к солдатам и ветеранам V Македонского легиона²¹, местом основной стоянки которого был этот город в первой половине II в. н. э.²² В двух происходящих из Троезма надписях уроженцев Анкиры и в одной надписи из Истрии сказано, что они принадлежали к Фабиевой трибе²³. Издатели надписей Троезма указали, что Фабиева триба неизвестна среди 12 триб (фил) Анкиры²⁴. Это была одна из 35 римских триб, среди которых после закона П. Сульпиция Руфа (88 г. до н. э.) распределялись новые римские граждане, которые получили полные гражданские права (*civitas cum suffragio*)²⁵. Во время Адриана и Антонина Пия была важна не принадлежность римского гражданина к той или другой категории городов или его местожительство, а в первую очередь имело значение, из какого города происходит семья римского гражданина, где он был записан как гражданин²⁶. Сочетание слов *Fabia Ancura* в надписях середины II в. н. э. из Троезма было вызвано, видимо, желанием подчеркнуть свое римское гражданство, полученное по наследству, а не приобретенное за воинскую службу, как это часто бывало после военной реформы Адриана, когда в легионы стали принимать не только римских граждан, но и романизированных жителей провинций²⁷.

Упоминание в латинских надписях Троезма *Fabia Ancura* позволяет предполагать, что уроженцы Анкиры по своему происхождению были потомками галатов, которые были известны своей преданностью Риму и высоко ценились римлянами как солдаты²⁸. Видимо, отцы упомянутых в надписях из Троезма лиц были уроженцами Анкиры центрального города, Галатии, которые во время дислокации V Македонского легиона на Востоке

¹⁸ IDR, București, 1977, v. III/1, № 130; ISM, v. V, № 257.

¹⁹ Пользуясь случаем, благодарим Э. И. Соломоник за то, что она обратила наше внимание на возможность восстановления в надписи топонима Анкира.

²⁰ Федорова Е. В. Латинская эпитафика. М., 1969, с. 87.

²¹ ISM, v. V, № 135, 155, 174, 183.

²² *Vulpe R., Barnea I. Romanii la Dunarea de Jos. București, 1968, p. 98; Doruțiu-Boilă E. Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunarea de Jos.— SCIV, 1972, t. 23, № 1, p. 53, 60—61.*

²³ Федорова Е. В. Введение в латинскую эпитафику. М., 1982, с. 90; Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 143; ISM, v. I, № 373; v. V, № 155, 183.

²⁴ ISM, v. V, p. 162; Рапович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1949, с. 111.

²⁵ *Kubitschek W. Tribus.— RE, 1937, XII, 2, Sp. 2518; The Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1949, p. 924; Машкин Н. А. Из истории римского гражданства.— Известия АН СССР. Сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 5, с. 359; Немировский. Ук. соч., с. 142—143. В Сирии лица, получившие римское гражданство, также приписывались к Фабиевой трибе. См. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н. э.). М., 1977, с. 133, 175.*

²⁶ *Sherwin-White A. N. The Roman Citizenship. Oxf., 1939, p. 189; Сестон В. Римское гражданство.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. Тезисы докладов. М., 1970, с. 9.*

²⁷ *Petit P. Pax Romana. Berkeley and Los Angeles, 1967, p. 21—22.*

²⁸ *Cic., Ad Att. 6, 5, 3; Ramsay W. M. Studies in the Roman Province Galatia.— JRS, 1917, VII, p. 229 etc; Jones A. H. M. The Cities of the Eastern Roman Province. Oxf., 1937, p. 112—123; Sherk R. K. The Legates of Galatia from Augustus to Diocletian. Baltimore, 1951, p. 11—17; Моммзен Т. История Рима. Т. V. М., 1949, с. 287, 290. Вполне возможно, что в Анкире сложилось военное сословие, из которого набирались солдаты для Leg XXII Deiotariana, сформированного из галатов, и для мезийской армии.*

(62—71 гг.) вступили в его состав, а их сыновья, как это часто бывало в римской армии, продолжали свою службу в Нижней Мезии²⁹. По наблюдению Е. М. Штаерман, в первой половине II в. н. э. в составе V Македонского легиона значительный процент составляли уроженцы малоазийских городов³⁰.

Все имена лиц, упомянутых в латинских надписях из Троезма и Истрии, которые были приписаны к Фабиевой трибе и происходили из Анкиры, имеют трехсоставную римскую структуру. Составные части имен в основном римского происхождения и лишь в одном имени имелось греческое *cognomen*³¹. В трех случаях среди римских имен засвидетельствовано *cognomen Valens*, которое относится к числу чисто солдатских и было в первые века нашей эры широко распространено на территории дунайских и восточных провинций Римской империи³².

На основании анализа структуры аналогичных по содержанию надписей можно заключить, что в начале третьей строки тирской надписи стояли *praenomen* и *nomen* дедиканта, за которым и следовало название трибы, к которой он был приписан³³. Далее шли *cognomen* и город, откуда он был родом и где был приписан к трибе как гражданин. Вполне возможно, что в тирской надписи могла быть названа триба *Fabia*, к которой принадлежал центурион, связывавший свое происхождение с Анкирой.

Название легиона в надписи не сохранилось, но учитывая наличие в Троезме четырех уроженцев Анкиры³⁴, служивших в V Македонском легионе, а также то, что солдаты этого легиона с конца правления Траяна вплоть до середины II в. н. э. составляли ядро вексилляции Тиры, можно предположить, что в несохранившемся окончании третьей строки надписи был назван центурион *Le[g(ionis) V Mac(edonicae)]*.

Таким образом, на фронтоме была вырезана надпись:

[P·S]
[IMP·CA]ES·T·AEL
[HAD·ANT·AVG·PII] ET AVREL·VERI·C[AES]
[— — — — FAB? — — — — — — — — — — A]NCYRA·>· LEG [·V·MAC ?]

Надпись читается:

[P(ro) s(alute)]
[imp(eratoris) cales(aris)T(iti)Ael(ii)]
[Had(riani) Ant(onini) Aug(usti)Pii et] Aurel(ii) Veri [caes(aris)]
[— — — — Fab(ia?) — — — — A]ncyra centurio leg[ionis] V Mac(edonicae?)]

Перевод: «За здоровье императора цезаря Тита Элия Адриана Антонина Августа Пия и Аврелия Вера цезаря (соорудил, поставил) такой-то из Фабиевой трибы, из Анкиры, центурион V Македонского легиона».

В первой половине последней строки стояли *praenomen* и *nomen* дедиканта, далее название трибы, к которой он принадлежал, затем *cognomen*. Судя по упоминанию Антонина Пия, надпись была сделана в период правления этого императора, между 138 и 161 гг. Однако на основании некоторых данных представляется возможность несколько сузить эту дати-

²⁹ Тома Э. Рим и империя в первые два века новой эры. СПб., 1899, с. 252, 256—257; Ritterling E. Legio.— RE, 1925, 12, Sp. 1410—1413.

³⁰ Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае.— ВДИ, 1946, № 3, с. 257.

³¹ ISM, v. V, № 155.

³² Dean L. R. A Study of the Cognomina of Soldiers in the Roman Legions. Princeton, New Jersey, 1916, p. 54.

³³ Сокращенное написание трибы *Fabia* в надписях — FAB. См. Федорова. Введение в латинскую эпиграфику, с. 90; Sašel A. et J. Inscriptiones Latinae.— Situla, 1978, 19, № 841; ISM, v. V, № 155, 183.

³⁴ Помимо Троезма уроженцы Анкиры известны среди римских солдат в Паннонии, а также среди гражданских лиц в Истрии и Томах (CIL, III, 10497; Тачева-Хитова М. Ролята на преселниците от Мала Азия, Сирия и Египет в икономическия и културния живот на западнопонтийските градове през I—III в.— Известия на Народния музей Варна, 1972, кн. VIII (XXIII), с. 19, 22, 29, 33).

ровку. В 139 г. 18-летний Марк Аврелий получил титул цезаря³⁵, а в 146 г. ему были дарованы трибунские полномочия и проконсульская власть, которые возвысили его до положения соправителя Антонина Пия³⁶. Марк Аврелий, будучи приемным сыном и зятем Антонина Пия, пользовался его расположением и доверием, чего нельзя сказать о Луции Вере. Видимо, это в какой-то мере объясняется тем, что Луцию Вере было всего семь лет, когда он был усыновлен Антонином Пием³⁷. В эпиграфике периода правления Антонина Пия имя Луция Вера встречается крайне редко, тогда как имя Марка Аврелия почти всегда стоит после имени правящего императора во многих посвяtitельных и строительных надписях³⁸.

Аналогичная картина и в тирской надписи, которая была вырезана не ранее 139 г., когда Марк Аврелий стал Цезарем. Однако нельзя исключить и того, что значительно чаще Марк Аврелий мог упоминаться в надписях рядом с Антонином Пием, когда стал его соправителем. Поэтому есть основания предполагать, что и тирская надпись относится ко времени совместного правления Антонина Пия и Марка Аврелия и датируется промежуточном времени между 146 и 161 гг.

Как известно, после завоевания Дакии Траяном и вплоть до середины III в. н. э. в Тире находилась вексилляция римских войск под командованием сначала центурионов V Македонского, а затем I Итальянского легионов³⁹. Термин «вексилляция» известен с I в. н. э., но особенно широко его начали применять со времени Адриана, обозначая специальный военный отряд⁴⁰. Вексилляция могла быть различной по количественному составу и, как правило, состояла из легионеров, солдат вспомогательных войск, а иногда и солдат флота⁴¹. А. Нейман полагал, что для определения, хотя и очень приблизительного, количественного состава вексилляции первостепенное значение имеет титул ее командира. Крупные воинские подразделения, куда входили одна или несколько вексилляций, возглавлял военный трибун⁴². В Северном Причерноморье, судя по имеющимся данным, всеми римскими воинскими контингентами во II в. н. э. командовал *praepositus vexillationibus Ponticus apud Scythiam et Tauricam*⁴³. Во главе более мелких вексилляций, насчитывающих в своем составе несколько сот человек, стояли центурионы⁴⁴. Именно к разряду таких вексилляций, очевидно, и следует отнести тирскую, находившуюся под командованием центуриона. Судя по письменным и эпиграфическим источникам, небольшими отрядами и вексилляциями командовали центурионы *primus pilus*⁴⁵, которые, как правило, происходили из сословия римских всадников или *evocati*⁴⁶. Наличие в публикуемой надписи указания на происхождение центуриона из Анкиры позволяет предполагать, что его

³⁵ Rohden. Op. cit., Sp. 2501. Луций Вер в отличие от Марка Аврелия не был Цезарем, а назывался просто *Augusti filius* (*Stein A. Ceionius* (8).— RE, 1899, III, Sp. 1836). И впоследствии, в период совместного правления, всегда ведущее место занимал Марк Аврелий (*Федорова Е. В.* Императорский Рим в лицах. М., 1979, с. 148).

³⁶ Rohden. Op. cit., Sp. 2503; *Arnim H. Annius* (94).— RE, 1894, I, Sp. 2286—2288.

³⁷ SHA, VI, 7. Пер. С. П. Кондратьева.— ВДИ, 1957, № 2, с. 253; *Stein*. Op. cit., Sp. 1834—1836.

³⁸ Имя Марка Аврелия встречается в этот период в надписях и самостоятельно.

³⁹ *Карышковский П. О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1959, № 4, с. 116—119; *Клейман И. Б.* Раскопки помешения вексилляции I Итальянского легиона в Тире.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 235—238.

⁴⁰ *Parker H. M. D.* The Roman Legions. N. Y., 1958, p. 164.

⁴¹ The Oxford Classical Dictionary, p. 944; *Petit*. Op. cit., p. 18; *Webster G.* Roman Imperial Army. L., 1969, p. 80; *Соломонович Э. И.* О пребывании римского флота в Крыму.— АДСВ, вып. 10, Свердловск, 1973, с. 143.

⁴² *Neuman A.* Vexillatio.— RE, 1958, VIII, 2, Sp. 2444.

⁴³ *Беляев С. А.* К пониманию CIL, VIII, 619.— ВДИ, 1968, № 4, с. 128.

⁴⁴ *Neuman*. Op. cit., Sp. 2444.

⁴⁵ *Tac.*, Ann. III, 74, 4; XIII, 36, 1; CIL, VIII, № 18065.

⁴⁶ *Veget.*, 11, 8; *Parker*. Op. cit., p. 32—34, 199—201; *Watson G. R.* The Roman Soldier. N. Y., 1969, p. 86—88; *Grant M.* The Army of Caesars. L., 1974, p. XXXIII—XXXIV.

носителем принадлежал к потомственным римским гражданам и мог быть центурионом довольно высокого ранга, возможно *primus pilus* ⁴⁷.

Посвящения Марку Эннию Илладиану и Титу Требию Фронтому, центурионам V Македонского легиона, происходящие из Тире и поставленные принципами этого легиона, позволяют предположительно говорить о количественном составе тирской вексилляции. В этих надписях упоминаются сигнифер, актуарий, валегудинарий и всадник ⁴⁸. Сигнифер принадлежал к высшему разряду принципалов легиона и выполнял обязанности знаменосца когорты ⁴⁹, актуарий ведал документацией отряда ⁵⁰, а валегудинарий ухаживал за больными и ранеными ⁵¹. Во вспомогательных войсках *medicus* обычно входил в состав каждой когорты или алы ⁵². В одном из указанных посвящений упомянут всадник (*equus*). В данном случае трудно говорить, принадлежал ли этот всадник к кавалерии легионов, которая была введена в их состав после военной реформы Марии ⁵³, или же он входил в состав вспомогательных войск тирской вексилляции ⁵⁴. Однако наличие во II в. в составе херсонесской вексилляции всадников из алы Атекторигиана ⁵⁵ позволяет предполагать, что и в Тире в составе римского гарнизона также могло быть кавалерийское подразделение вспомогательных войск.

Таким образом, на основании наличия в Тире посвященных надписей, поставленных принципами различного ранга, можно предположить, что тирская вексилляция в количественном отношении представляла собой когорту, которой командовал центурион, а принципалы составляли штаб вексилляции. Количественный состав вексилляции в зависимости от различных обстоятельств мог меняться, но тот факт, что в таком стратегически важном пункте, как Харакс, располагалось не более одной квингенарной когорты солдат ⁵⁶, не позволяет видеть в тирской вексилляции более крупное воинское подразделение.

Вероятно, основной задачей, стоявшей перед римским гарнизоном Тире, была охрана порта и городских укреплений. В случае же серьезной военной угрозы на помощь городу морем из Нижней Мезии перебрасывались дополнительные воинские контингенты, как это было в 214 г., когда в районе Тире состоялось сражение римских войск и городского ополчения с карпами ⁵⁷.

Из содержания надписи следует, что центурион V Македонского легиона, очевидно, командир тирской вексилляции, построил какое-то сооружение в честь императора Антонина Пия и его соправителя Марка Аврелия. Близкие по содержанию надписи в честь Антонина Пия и Марка Аврелия найдены в значительном количестве в городах Мезии и Дакии. Большая часть таких надписей носит посвященный характер и вырезана в

---

⁴⁷ В каждом легионе обычно было два *primus pilus*. См. CIL, VIII, 18065; Parker, Op. cit., p. 197.

⁴⁸ Карышковский. Материалы..., № 6, 7.

⁴⁹ Санчурский Н. Краткий очерк римских древностей. Пг., 1916, с. 190; Cheesman С. L. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Oxf., 1914, p. 42—43.

⁵⁰ Карышковский. Материалы..., с. 117.

⁵¹ CIL, III, 10493; XIII, № 7956; Карышковский. Материалы..., с. 117; Parker, Op. cit., p. 208.

⁵² Cheesman. Op. cit., p. 43—44.

⁵³ Parker. Op. cit., p. 43.

⁵⁴ Карышковский. Материалы..., с. 116—118; Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б. Раскопки Тире в 1963 и в 1965—1976 гг.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 34, рис. 13.

⁵⁵ Кадегев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 27.

⁵⁶ Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре.— ИАК, 1911, вып. 40, с. 38—39.

⁵⁷ Карышковский П. О. Из истории Тире первой трети III в. н. э.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980, с. 79—80.

основном на известняковых алтарях, и лишь единичные экземпляры могут быть отнесены к строительным⁵⁸.

О характере сооружения, где был использован фронтон с надписью, говорить трудно, однако его размеры позволяют предположить, что он мог быть фронтоном не монументального здания, а скорее всего небольшой постройки, такой, как эдикула, двухколонный портик, эседра и т. п. Видимо, в строительстве, предпринятом центурионом V Македонского легиона, приняли участие солдаты римского гарнизона Тире. Хорошо известно, что в местах своей дислокации римские войска принимали активное участие в строительной деятельности, причем, как правило, под наблюдением опциона или центуриона⁵⁹. Тира в данном случае не была исключением, о чем свидетельствует кровельная черепица с клеймами вексилляции, обнаруженная в ходе раскопок римской цитадели⁶⁰. Нельзя исключить и такой возможности, что фронтон с надписью мог относиться к сооружению, имевшему военное назначение и использовавшемуся римским гарнизоном.

В Тире уже были обнаружены латинские надписи в честь императоров⁶¹. Это вырезанная на мраморной плите надпись в честь Траяна, относящаяся к категории строительных⁶², и известняковый алтарь с посвящением в честь императора Септимия Севера и его сыновей Каракаллы и Геты⁶³. Публикуемая латинская надпись дополняет эти единичные находки и является еще одним эпиграфическим памятником, свидетельствующим о дислокации в Тире римского гарнизона, ядро которого до 60-х годов II в. н. э. составляли солдаты V Македонского легиона⁶⁴. Затем тирская вексилляция вплоть до середины III в. н. э. возглавлялась центурионами I Итальянского и включала солдат XI Клавдиева легионов⁶⁵.

A NEW LATIN INSCRIPTION FROM TYRAS

N. A. Son

In 1978 at the Tyras dig a limestone pediment was found with remains of three lines of a Latin inscription. The stone was cut by a professional master. The letter forms date the inscription in the 2nd century A.D.; its contents date it more precisely as the inscription is dedicated to the emperor Titus Aelius Hadrian Antoninus Augustus Pius and his adopted son Marcus Aurelius Verus and belongs to the reign of Antoninus Pius (138—161). However, it may be that in the Tyras inscription Marcus Aurelius is mentioned together with Antoninus Pius after he became joint ruler with Pius, i.e. the inscription may be dated in the interval between 146 and 161. The name of the dedicant is missing, he was a centurian and was born in Ancyra. In several 2nd century inscriptions from Troesmis and Istria there is evidence of emigrants from Ancyra who belonged to the Fabian tribe. Among

⁵⁸ Иванов Т. Два натписа от античния град Разград.— ИБАИ, 1955, кн. XIX, ч. 2, с. 175; Велков В. Из истории нижнемезийского лимеса в конце I в. н. э.— ВДИ, 1961, № 2, с. 73; ISM, v. I, № 151, 152, 324—326; v. V, № 13, 14, 21, 141, 155—158.

⁵⁹ Mac Mullen R. Soldier and civilian in the Later Roman Empire. Cambridge — Massachusetts, 1963, p. 32. Судя по строительным надписям, чаще всего сооружались храмы, портики, термы, укрепления, башни, мосты, дороги, акведуки и т. д. См. Велков. Ук. соч., с. 75; Соломоник. Латинские надписи..., с. 28, 40.

⁶⁰ Nicorescu P. Garnizoana romana in sidul Basarabiei.— MSI, 1937, XIX, p. 218—220; Клейман И. Б. К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты.— В кн.: КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 179—182; *он же*. Раскопки..., с. 235—238; Крыжицкий, Клейман. Ук. соч., с. 34, рис. 13.

⁶¹ Следует отметить и одну греческую надпись в честь императора Адриана: см. Карышковский П. О. Из истории Тире в I—II вв. н. э.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 149 сл.

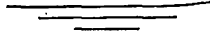
⁶² Nicorescu P. O inscriptie a imparatului Traian gasita la Cetatea Albă.— MSI, 1944, ser. III, t. XXVI, p. 501—510, pl. I, fig. 2.

⁶³ IOSPE, I², № 6.

⁶⁴ Карышковский. Материалы..., с. 118; Клейман. Раскопки..., с. 235.

⁶⁵ Карышковский. Из истории Тире..., с. 156; Крыжицкий, Клейман. Ук. соч., с. 43.

them are found both soldiers and veterans of the V Macedonian legion, and civilians. It is quite possible that the centurian of the Tyras inscription, who says he came from Ancyra, was also from the Fabian tribe. The name of the legion has not survived in the inscription, but considering the presence in Troesmis of soldiers born in Ancyra and serving in the V Macedonian legion whose main quarters were in Ancyra in the first half of the 2nd century, also that the soldiers of this legion, from the end of Trajan's reign right down to the middle of the 2nd century, constituted the core of the Tyrian vexillatio — it may be supposed that in the lost ending of the third line a centurian of the V Macedonian was mentioned. The contents of the inscription suggest that the centurian of the V Macedonian, who was (it must be supposed) commander of the Tyrian *vexillatio*, had erected a small monument in honour of Antoninus Pius and his adopted son Marcus Aurelius. The inscription discussed here complements other epigraphical monuments which conform the stationing of a Roman garrison in Tyras.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ПЛЕННЫЕ В ГОСУДАРСТВЕ ХЕТТОВ

К настоящему времени трудами советских и зарубежных исследователей выработан более или менее устойчивый взгляд на роль и место пленного населения в хеттском и других древневосточных обществах¹. Тем не менее некоторые частные вопросы и детали остаются недостаточно ясными, а отдельные положения по крайней мере спорными. При наличии довольно обширной литературы, касающейся хеттских пленников, автор не претендует ни на обстоятельное освещение всех вопросов, ни тем более на их окончательное решение, а хотел бы высказать соображения по некоторым из них.

Хеттские тексты сохранили два основных термина, обозначающих пленников. Один из них — LUŠU.DIB (хетт. arpañt-) «схваченный», под которым понимают военнопленного, т. е. боеспособного мужчину, взятого на поле боя. Значение этого термина сомнений не вызывает². Нас же будет интересовать другой, известный из текстов самого разного характера термин NAM.RA, который неоднозначно трактуется в литературе как с филологической, так и с исторической точек зрения. Общеизвестно, что хеттским чтением для логограммы NAM.RA является слово arpañala-, происходящее от каузативного глагола arpa-, основные значения которого — «уводить», «приводить», «сдвигать с места»³, «доставлять», «приносить»⁴. По мнению С. Альпа, -al(l)a — суффикс принадлежности, т. е. arpañala — есть «(тот), кто приведен»⁵ («принадлежащий приводу»). В. В. Иванов полагает, что суффикс -l- имеет модальное значение, следовательно, ar-

¹ См., например, *Якобсон В. А.* Социальная структура Новоассирийского царства. — ВДИ, 1955, № 2, с. 113—117; *Гиоргадзе Г. Г.* Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973, с. 70—96; *Дьяконов И. М.* Рабы, виллы и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 22, прим. 48—49; *Меликишвили Г. А.* Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. — ВДИ, 1975, № 2, с. 40—42; *Дандамаев М. А.* Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (К постановке вопроса). — В кн.: Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984, с. 5—23; *Götte A.* Die Annalen des Mursilis. Lpz, 1933 (далее — AM); *Alp S.* Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute und ihre hethitische Bezeichnung. — JKF, 1950, 1, S. 113—135; *Diakonoff I. M.* Die hethitische Gesellschaft. — MIO, 1967, XIII, 3, S. 363 f.; *Gelb I.* Prisoners of war of Near Eastern Mesopotamia. — JNES, 1973, 1—2, p. 75—96; *Giorgadze G. G.* Some Forms of non-Slave Labour in the Hittite. Seventh International Economic History Congress. Edinburg, 1978, p. 187; *idem.* Einige Bemerkungen zum hethitischen Text KUB 48, 105. — In: Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff. Chicago, 1982, p. 110—116.

² Военнопленные могли обозначаться также термином ERIN^{MES} «воины». См. *Gelb.* Op. cit., p. 79.

³ *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, S. 32; *Friedrich J., Kammenhuber A.* Hethitisches Wörterbuch. 2. Auflage, Lief. 5. Heidelberg, 1980, S. 328 ff.

⁴ *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение славянских глагольных форм на -l-. — Советское славяноведение, 1981, 6, с. 96.

⁵ *Alp.* Op. cit., S. 124 f.

пицала — есть «(тот, кто должен быть приведен»⁶ или в более просторном переводе — «те, кто может (или должен) быть уведен со своих земель и приведен на наши земли»⁷. Обычно под NAM.RA (agnicala-) подразумевают преимущественно гражданское население⁸, захваченное хеттами, переселенное ими в пределы своей страны, и соответственно переводят как «депортированные» или «гражданские пленные»⁹.

Упоминания о NAM.RA встречаются уже в древнехеттских текстах. Однако, судя по характеру военной добычи, по тому месту, которое занимают в ее составе пленники, они пока не являются той ценностью, которую станут представлять позднее, в новохеттскую эпоху. Так, в надписи одного из древнейших хеттских правителей Анитты упоминаний о захвате людей нет¹⁰ (за исключением царя г. Цалпувы). Здесь называются лишь «добро»¹¹ и разные дикие звери. Да и сообщение о добыче занимает в этом тексте далеко не центральное место. Это и понятно, ибо главная цель военных походов Анитты состояла в насильственном объединении существовавших тогда центров Анатолии, а государственное хозяйство (царское и храмовое), где труд пленных позже будет широко использоваться, только начало создаваться.

В «Анналах Хаттусили I», другого древнехеттского правителя, перечислено множество покоренных им городов и областей. Перечень военной добычи занимает здесь гораздо большее место. Наряду с традиционным «добром» и добычей ритуального характера (изображения богов и пр.) появляется несколько сообщений о захвате «быков и овец». И лишь из одного города Хахха Хаттусили взял людей, которых он называет не NAM.RA, а «рабыни» (GEME^{MEŠ}) и «рабы» (IR^{MEŠ}): «...Я, великий царь, табарна, руки рабынь его (т. е. г. Хахха) от мельничного жернова взял, а руки рабов их от работы взял. И их от саххана и луцция освободил. Пояса на бедрах их развязал и предоставил их богине Солнца города Арины, госпоже моей»¹².

Очевидные данные о захвате и депортации пленных в Хаттусу относятся ко времени Мурсили I, о походах которого в «Указе Телепину» сообщается: «И пошел он в Хальпу, город Хальпу поразил. А пленных (из) Хальпы (и) добро свое он в Хаттусу доставил. Потом в Вавилон пошел и Вавилон уничтожил. (Войска) хурритов победил. Пленных (из) Вавилона (и) добро свое он в Хаттусу доставил»¹³.

Иванов В. В. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — В кн.: Вопросы славянской языковедения. М., 1957, вып. 2, с. 23—24; *он же.* Хеттский язык. М., 1963, с. 205.

⁷ *Он же.* Происхождение..., с. 96.

⁸ *Alp. Op. cit.*, S. 115.

⁹ В нашей литературе обычно различают пленных и депортированных, подразумевая под первыми L^USU.DIB, под вторыми NAM.RA. В сущности же депортированными являлись и те и другие, если они пригонялись на хеттскую территорию. В то же время тексты дают основания называть и тех и других пленными, поскольку производимой хеттами депортация населения всегда предшествовало пленению. Мы будем называть военнопленными — L^USU.DIB, пленными — NAM.RA, либо вовсе оставлять последний термин без перевода, в особенности в тех случаях, когда он не обозначает как будет показано, реально захваченных пленников.

¹⁰ Сомнения могут возникнуть лишь в отношении поврежденных строк 53—54, которые Г. Г. Гиоргадзе переводит: «₅₃ И перед (городом) Салативарой G¹Štu- (?)₅₄ (...) войско его собралось (?) и его в город Нес(у) доставил я (?)» («Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов. — ВДИ, 1965, № 4, с. 93). Ср. перевод В. В. Иванова: «Навстречу к городу Салативаре царь послал свои боевые упряжки и воинов, и пленного врага в город Несу я привел» (Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977, с. 38). Последняя обработка «Текста Анитты» оказалась для нас недоступной. См. *Neu E. Der Anitta-Text.* — StBoT, 1974, 18.

¹¹ В сообщениях о военной добыче «добро» означает различные материальные ценности, но не людей. См. *Alp. Op. cit.*, S. 127., Anm. 19.

¹² КВо X, 2, III, 15—20. См. перевод: *Гиоргадзе.* Очерки..., с. 126; прим. 139; переводы В. В. Иванова см. в кн.: Луна, упавшая с неба..., с. 69; Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980 (далее — ХИДВ I), с. 265.

¹³ КВо III, 28—30.

В других же древнехеттских текстах, содержащих непосредственное описание военных действий (о войне с Хассувой, об осаде городов Цальпы, Уршу и пр.), о захвате людей не упоминается. Надо полагать, что пленники для хеттов — пока ещё не самая существенная часть военной добычи¹⁴. В этой связи примечательна среднехеттская «Молитва во время чумы», в которой подводится своеобразный итог завоеваниям древнехеттского периода, перечисляются покоренные города (в том числе Хальпа, Вавилон), называется и характерная добыча, которую «обычно страна Хатти забирала у них». Она выглядит следующим образом: «...добро (aššu), серебро, золото и богов»¹⁵.

Таким образом, для царей древнехеттского периода, от имени которых составлены тексты с описанием походов, символами их военных побед являются прежде всего захваченные территории (скрупулезно перечисляемые города и страны), материальные ценности, скот. Почему упоминания о захвате пленных занимают гораздо меньшее место, хотя характер текстов, казалось бы, этого требует? Вероятно, здесь должно быть несколько причин объективного и субъективного свойства. Но главное скорее всего состоит в том, что основная цель войн на этом этапе — расширение территорий и захват материальных ценностей. Очевидной же экономической необходимости в использовании труда больших масс пленных хеттское общество не испытывает¹⁶. Сказанное, однако, не означает, что в древнехеттский период пленные производительно не использовались. Согласно § 40 первой таблички Хеттских законов, датируемой этим временем¹⁷, пленному могла предоставляться земля, и он начинал выполнять обязанности «человека оружия» (LÜ^{GIŠ}TUKUL), представителя одной из категорий царских людей¹⁸.

Ситуация с пленными заметно меняется в новохеттский период. Сведения о них содержатся теперь в текстах самого разного характера — анналах, инструктивных, инвентарных, административно-хозяйственных документах и пр. Пленные становятся важнейшей частью военной добычи, что особенно заметно в анналах хеттских царей — Суппилулиумы I¹⁹, Мурсили II, где их количество выражается огромными цифрами²⁰. Это не означает, что «добро», «быки и овцы» перестали интересовать хеттов, — просто главной целью стала добыча пленных.

Любопытно, что в некоторых новохеттских текстах термином NAM.RA обозначаются не действительные, а потенциальные, еще не захваченные и тем более не депортированные пленные. Так, Мурсили II в письме правителю Ацци пишет: «Страну твою я не поража л и NAM.RA, быков, овец

¹⁴ Из одного эпического древнехеттского текста КВо XII 42, 6—8 выясняется, что значительная часть пленников была у торговцев, устами которых говорится: «Пленных в большом количестве мы приведем, быков, овец, лошадей, ослов, мулов в большом количестве мы пригоним». Откуда эти пленные и как попали к торговцам, не известно, возможно, скупались ими после сражений. В общую же картину военной добычи древнехеттской эпохи этот текст вряд ли вносит существенные коррективы, особенно если принять во внимание его характер, а также тот факт, что он, возможно, представляет собой перевод аккадского эпоса.

¹⁵ *Annals of Archaeology and Anthropology*. The University Press of Liverpool, 1940, 27, p. 30. Русский перевод В. В. Иванова см. в кн.: Луна, упавшая с неба..., с. 103 сл.

¹⁶ И. Гельб выделил три основные стадии использования пленных в связи с уровнем экономического развития общества; примитивную, полуразвитую и развитую. На первой стадии пленных обычно убивали и тысячами посвящали божеству, на второй, как правило, — убивали мужчин, а женщин и детей брали в плен и, наконец, на третьей — пленяли массы людей (мужчины, женщины, дети) и расселяли их на территории завоевателей (*Gelb*. Op. cit., p. 71—72).

¹⁷ *Güterbock H. G. Further Notes on the Hittite Laws*. — JCS, 1962, 16, № 1, p. 17—18.

¹⁸ К этому параграфу мы еще вернемся.

¹⁹ *Güterbock H. G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son, Mursili II*. — JCS, 1956, 10, № 1, p. 41—68.

²⁰ Только во время походов Мурсили были захвачены десятки тысяч пленных. См. AM, S. 56, 64, 70, 76 и а.

я не брал»²¹. Показательно появление этого термина в тексте «Договора со страной Исмерига»²²: «Если же среди страны один город согрешит, (то) вы, люди страны Исмерика, войдите внутрь (.....) вместе с мужчинами (или: из мужчин) убейте, а NAM.RA к Солнцу приведите, быков же (и) овец вы берите»²³. В иных случаях хеттский царь называет NAM.RA население той страны, на которую собирается напасть. В этом смысле примечательны два договора²⁴, на один из которых, заключенный при Суппилулиуме, ссылается Мурсили: III «.....С Азиру договор на табличке такой записал: „Если я, Солнце, на вражескую страну какую-нибудь наяду, а NAM.RA этой вражеской страны поднимутся и в твою страну войдут, то ты их схвати и выдай!“»²⁵. По поводу другого договора Мурсили пишет: I «И с ним я, Солнце, договор такой заключил: „Если я, Солнце, город Йарувадду пешими (и) конными войсками страны Хатти, оружием поражу и с NAM.RA и добром себе заберу, и это в город Хаттусу доставлю, а город Йарувадду, опустошенный, глину, богов и духов мертвых тебе, Абиратта, я отдам“»²⁶.

В приведенных текстах значение термина NAM.RA полностью согласуется с изложенной ранее трактовкой В. В. Иванова. NAM.RA здесь — иноземное население, которое могут, должны или намереваются захватить. С расширением военной экспансии хеттские цари не особенно заботились о создании относительно тесных связей между завоеванными территориями. В ходе завоеваний хетты использовали в основном два довольно примитивных метода эксплуатации: захваченные города либо разрушались, материальные ценности забирались, а население уводилось в плен, либо жители брались «в подданство» (IR-anni) с обязательством поставлять стране Хатти воинские контингенты²⁷. Невыполнение этого обязательства могло привести к новому нападению хеттов на страну²⁸.

Известно, что на древнем Ближнем Востоке депортирование пленных с последующим их использованием в различных хозяйствах приобрело широкий размах. В Хеттском государстве пленные представляли собой экономическую ценность: необходимость превращения свободных земель в окультуренные²⁹, разработка месторождений металлов требовали значительного количества труда, поэтому существовала нехватка рабочих рук, увеличивающаяся по мере расширения военной экспансии. Вот почему бегство пленных, укрывательство их правителями других государств, отказ выдать беглецов хеттам нередко являлись поводом для начала военных действий³⁰.

Полагают, что с момента захвата пленные находились в юрисдикции дворца³¹, который распоряжался их дальнейшей судьбой, распределяя в разные хозяйства. Надо заметить, что данные текстов на этот счет противоречивы. С одной стороны, известно, что пленные первоначально поступали именно во дворец, а оттуда производилось дарение их частным ли-

²¹ AM, S. 99.

²² *Kempiński A., Kosak S. Der Ismeriga-Vertrag.* — WO, 1970, 5, № 2, S. 194—195, Anm. 6.

²³ Ср. во Второзаконии: «Если (город) не заключит с тобой мира и будет воевать с тобой, то наложи на город осаду. И Иахве, Господь твой, отдаст его в руки твои и перебьешь мечом все его мужское население. Только женщин, детей и скот и все (имущество), которое будет в городе, всю добычу его захватишь себе...» (перевод И. Д. Амушина в ХИДВ I, с. 250).

²⁴ КВо III, 3.

²⁵ Транслитерацию и перевод см. *Klengel H. Der Schiedsspruch des Mursili II. hinsichtlich Barga und seine Überreinkunft mit Duppi-Tešup von Amurru.* — *Orientalia*, N. S., 1963, 32, 1, S. 37—38.

²⁶ См. толкование X. Кленгелем термина NAM.RA в этих текстах (op. cit., S. 40, Anm. 1).

²⁷ AM, S. 32, 54, 72—74, 76, 128, 130 u. a.

²⁸ AM, S. 24, 26.

²⁹ *Жуковский И. М.* Земледельческая Турция. М.— Л., 1933.

³⁰ AM, S. 46, 52, 58.

³¹ *Gelb.* Op. cit., p. 81, 95.

дам, предоставление храмам и пр. Скажем, в «Обете царицы Пудухепы богине Лельвани»³² особо отмечается, кто и из каких мест прислал пленных во дворец, а в судебных протоколах частные лица свидетельствуют, что пленных им «из дворца дали»³³.

С другой стороны, тот же Мурсили в своих «Анналах» постоянно различает пленных, которых привел во дворец он сам, и тех, «которых господа Хаттусы, воины пешие и конные привели» и «которым счету не было»³⁴. Первых обычно сопоставляют с известными по другим текстам «пленниками царя» (ŠA LUGAL NAM.RA^{HI.A})³⁵. Конечно, не исключено, что фразы Мурсили — лишь символическое выражение военных побед, один из стереотипов, характерных для этого жанра литературы. Однако нельзя исключать и того, что какая-то часть пленных становилась собственностью воинов сразу после сражения по праву захвата (а не только в результате дарений царя)³⁶.

Что касается социального статуса NAM.RA, то на этот счет в разное время высказывались различные мнения. А. Гетце и С. Альп считали их особой социальной категорией, занимающей некоторое промежуточное положение между свободными и рабами³⁷. И. М. Дьяконов усомнился в наличии такой категории в хеттском обществе³⁸. В специальном исследовании Г. Г. Гиоргадзе о непосредственных производителях хеттского общества пленные отнесены в широком смысле к зависимому, подневольному населению страны³⁹. В последующих работах исследователь определил форму эксплуатации пленных как нерабскую⁴⁰, но в другом месте квалифицировал NAM.RA как государственных рабов⁴¹. Р. Хаазе не так давно высказал мысль о возможности сопоставления NAM.RA с LÚhipparaš и необходимости исследований в этом направлении⁴².

Различия в правовом отношении наиболее отчетливо прослеживаются между пленными, находившимися в собственности частных лиц, и теми, которые эксплуатировали в системе государственного сектора (дворца, храмов). Первые могли продаваться⁴³, передаваться по наследству⁴⁴, и в этом плане они могут юридически считаться рабами. Что касается пленных государственного хозяйства, то те, видимо, сами могли иметь рабов⁴⁵. Определенно можно констатировать различия в фактическом положении пленных государственного сектора, ибо среди них были люди разных профессий и занятий⁴⁶. О наличии же внутри категории царско-храмовых

³² Otten H., *Souček VI. Das Gelübde der Königin Puduhepa an die Göttin Lelvani.* — StBoT, 1965, 1.

³³ Werner R. *Hethitische Gerichtsprotokolle.* — StBoT, 1967, 4, Kol. II 9—10.

³⁴ AM, S. 56, Z. 41—44; S. 77, Z. 32—35 ff.

³⁵ KUB VIII, 43, 5; *Alp. Op. cit.*, S. 117.

³⁶ На основании одного из судебных протоколов можно заключить, что пленные проданы сразу после их захвата: Kol. V, 5—9: «И NAM.RA в городе они нашли, и 7 мужчин убили, а 65 NAM.RA привели, и 10 NAM.RA я продал» (*Werner. Op. cit.*, S. 44—45).

³⁷ AM, S. 217 f.; *Alp. Op. cit.*

³⁸ *Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft...*, S. 363 f.

³⁹ *Giorgadze. Очерки...*, с. 70—131.

⁴⁰ *Giorgadze. Some Forms of non-slave Labour...*, p. 187.

⁴¹ *Idem. Einige Bemerkungen...*, S. 113 f.

⁴² *Haase R. Der LÚhipparaš ein «homme d'affaires»? — Investigationes Philologicae et Comparativae. Gedenkschrift für Heinz Kronasser.* Wiesbaden, 1982, S. 37.

⁴³ *Werner. Op. cit.*, S. 44—45.

⁴⁴ Сановник Сахурунува завещал детям своих NAM.RA GİS-TUKUL. См. *Imprati F. Una concessione di terre da parte di Tudhaliya IV.* — RHA, 1977, v. 32, § 2, p. 24; § 7, p. 30; § 11, p. 34—35.

⁴⁵ Есть единственное на этот счет сообщение в «Обете Пудухепы...» (II, 10 сл.). У главы одного из «домов» Сунаили был раб (IR) Симитили. Любопытно, что этот раб назван по имени, тогда как военнопленные (LÚSU.DIB) в этом тексте по именам не называются.

⁴⁶ «Пастухи быков», «ткачи царя», «копьевосцы», «пленные, (изготавливающие?) длинное оружие» (NAM.RA GİS-TUKUL GİD.DA) и др. См. *Giorgadze. Einige Bemerkungen...*

пленных правовых градаций, равно как и об определении их в качестве единой социальной категории с общими юридическими правами ⁴⁷, с полной уверенностью говорить трудно, хотя известно, что государство в лице царя обладало большой властью над пленными: налагало на них (всех или почти всех) общегосударственные повинности *саххан* и *луцци*, как, впрочем и на подавляющее большинство собственно хеттского населения, за исключением «свободных людей» ⁴⁸, заселяло пленными опустевшие города ⁴⁹, возвращало пленных беглецов и т. д.

Интерес представляет то обстоятельство, что в § 40 ХЗ пленный, получая землю, становился, как это заметил Г. Г. Гиоргадзе ⁵⁰, не LÜ GİSTUKUL «человеком оружия», а GİSTUKUL ⁵¹. Аналогичная ситуация описана и в § 112 ⁵², где пленные тоже не становятся «людьми оружия», а лишь выполняют повинность вместе с последними. Сахурунува тоже передает по завещанию NAM.RA GİSTUKUL. Надо полагать, что хетты налагали на пленного лишь повинности «человека оружия», но не уравнивали пленного-иноземца GİSTUKUL с хеттом LÜ GİSTUKUL.

Эти и изложенные ранее факты об употреблении термина NAM.RA по отношению к возможным, а не действительным пленникам наводят на мысль о том, что он служил хеттам прежде всего для обозначения иноземцев — как реальных, так и потенциальных пленных и использовался для противопоставления иноземного населения местному. К сожалению, неизвестно, насколько существенным были различия в повседневной жизни между иноземцами и местным населением Хатти ⁵³. |

Для государств, в которых скапливались значительные массы пленных-иноземцев, особое значение приобретала проблема организации их труда, надзора и контроля за ним. До тех пор, пока общество не испытывает потребности в значительном количестве рабочей силы и не выработало элементарных приемов надзора за ней, оно либо вовсе не использует труд пленных, либо использует его слабо. К. Маркс писал, что «...труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта

---

kungen..., S. 111; там же ссылка на источник. О пленных ремесленниках и пастухах см. также *Jakob-Rost L. Zu den hethitischen Bildbeschreibungen.* — MIO, 1961, VIII, 2, S. 200; *Sommer F., Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Billigung des Hattusili I (Labarna II).* München, 1938, S. 121. Напомним также, что Мурсили II зачислил 3 тыс. пленных из города Дуккама пешими и конными в хеттское войско (AM, S. 154, Z. 23—26) — факт единственный, но красноречивый, учитывающий социальный статус воинов, особенно колесничих, на древнем Востоке. Фактическое положение пленных могло обуславливаться разными факторами: этнической принадлежностью (*Gelb. Op. cit.*, p. 95; *Schuler E. von. Die Kaskäer. B.*, 1965, S. 9—10), профессиональной квалификацией, полом, социальным положением на родине, поведением того или иного города во время войны с хеттами и т. д.

⁴⁷ Хеттское законодательство не выделяет такую социальную категорию, а предусматривает использование пленных в царско-храмовом хозяйстве лишь в качестве одной из возможностей применения их труда (§ 40, 112).

⁴⁸ *Гиоргадзе Г. Г. «Свободные люди» в хеттском обществе.* — ВДИ, 1976, № 1, с. 191—194.

⁴⁹ *Alp. Op. cit.*, S. 113; *Giorgadze. Einige Bemerkungen...*, S. 113.

⁵⁰ *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 86.

⁵¹ § 40 «..... Если царь пленных даст, (то) они ему (т. е. каждому из пленных) поля дают, и он становится GİSTUKUL».

⁵² § 112: «Если пленным дают зерновое поле „человека оружия“, ²² (то) они (пленные) в течение трех лет саххан не выполняют. А на четвертый год саххан он (т. е. пленный) должен выполнять вместе с „людьми оружия“».

⁵³ Интересно, например, было бы выяснить, насколько широко принимали пленные участие в жизни Хеттского государства, в его ритуалах, праздниках. О военнопленных LÜSU.DIB) известно, что они участвовали в так называемых «заместительных ритуалах» в качестве жертв. См. *Kümmel H. M. Ersatzrituale für den hethitischen König.* — *StBoT*, 1967, 3, S. 10, Z. 19, 25; S. 56, Z. 14; S. 58, Z. 23, 26; S. 64, Z. 5; S. 112, Z. 9—12, 21; S. 114, Z. 42—43; S. 126, Z. 8; S. 153, Z. 10; S. 36, Z. 14—15, 19; KUB XXXVIII, 12, III, 4—6.

противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками... Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывают два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами»⁵⁴.

Об организации труда пленных в системе царского хозяйства можно судить по «Инструкции начальнику области»⁵⁵ (*bel madgalti*): «И пленный, который в страну вселен, (то) ты за его кучей (?), семенами, крупным, мелким трогатым скотом наблюдай. Затем его творогом, сывороткой (?), шерстью ты обеспечишь. Пленный же, который из страны прочь уйдет, а на его место кто сядет, (то) ты ему только семена предоставь. Затем он полем наполненный пусть будет. И ему место (?) пусть быстро передадут... А на пленных, когда они семена сеют, начальника области и каждого взор при этом пусть будет (устремлен). Если же следующее кто-либо скажет: „Дай мне семена, я их себе на поле моем посею, а потом кучу насыплю“, (то) при этом (на него) начальник области своими глазами пусть (смотрит). Когда урожай появится, и потом поле этого пусть он (т.е. начальник области) сожнет».

Из текста видно, что общий контроль и надзор за трудом депортированных, обеспечение их землей, скотом и необходимыми продуктами осуществлял «начальник области»⁵⁶. Причем пленный, посаженный на место ушедшего, снабжался лишь посевным зерном, поскольку основы хозяйства были уже заложены ушедшим. Процесс труда пленного жестко контролировался — от посева до сбора урожая. Более того, если буквально понимать инструкцию, то жатва вовсе не доверялась пленникам, а производилась царской администрацией.

Наделение земель (как и в § 40, 112 ХЗ), скотом, продуктами производилось из расчета на каждого пленного в отдельности. О создании «домов» из пленных ни в этом, ни в других текстах, которые надежно могут быть отнесены к царскому хозяйству⁵⁷, речи нет. Возможно, именно из-за отсутствия таковых вновь прибывший пленный должен был брать зерно у представителя царской администрации, а не у проживающих рядом пленников, как это делалось согласно «Обету Пудухецы...» в храмовом хозяйстве⁵⁸.

Что касается системы организации труда пленных в храмовом хозяйстве, то здесь, на основании многих текстов, относящихся к разным храмам, определенно можно говорить о создании «домов». Зафиксированы «дома», переданные храмам царем⁵⁹, царицей⁶⁰, чиновником с титулом «Глав-

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 422.

⁵⁵ Schuler E. von. Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte. — AfO, 1957, 10, S. 48. Этот текст относится только к одной области, находившейся на восточных границах Хеттского государства, и адресован одному чиновнику (*ibid.*, S. 58). Но описываемая здесь картина организации труда пленных подтверждается и другими источниками. Так, о снабжении NAM.RA скотом говорится в судебных протоколах: «Так (говорит) мужчина по имени Марасса: „быков (к?) городу Суваассува (....) я пригнал и 25 быков депортированным я дал“» (КВо XVI, 61, 10—12; Werner. Op. cit., S. 60—61). А данные KUB XXVI, 5, 2—5 о предоставлении депортированным семян и зерна почти совпадают с «Инструкцией...»: «...Пленный, который в страну был вселен, и ему семена пусть будут предоставлены. И ему к урожаю зерно дай» (*Alp. Op. cit.*, S. 122; Giorgadze. Einige Bemerkungen..., S. 113).

⁵⁶ К переводу и интерпретации текста см. Giorgadze. Очерки..., с. 79—86.

⁵⁷ Сомнения могут вызвать тексты КВо XII, 52, 1—4, где дважды названы «1 дом с 10 пленными» и KUB XXVI, 54, 2—6 с упоминанием «10 пленных». Поврежденность текстов не позволяет установить, к какому хозяйству они относятся.

⁵⁸ В заключительной части «Обета Пудухецы...» читаем: «Всего 9 домов, а пленных — 50. И кто (х) кому был вселен и ему семена, которые тот (предо)ставил, то он ему (....) к урожаю зерно должен возвратить».

⁵⁹ KUB XL, 105, Vs. 34.

⁶⁰ «Обет Пудухецы...», согласно которому царица передавала пленных храму богини Лельвани в течение нескольких лет.

ний писец на деревянных табличках»⁶¹, жрецом⁶², частными лицами⁶³. В среднем количество пленных в каждом доме — 10⁶⁴, иногда их могло быть больше или меньше⁶⁵. Наличие пленнх периодически проверялось⁶⁶. При этом отмечаются половозрастная категория (мужчины, женщины, юноши, девушки, грудные дети), умершие⁶⁷. Г. Г. Гиоргадзе обращает внимание на тот факт, что в текстах нет упоминаний о стариках и старухах⁶⁸. Видимо, хеттов интересовали лишь те, кто мог не только выдержать тяготы депортирования, но и производительно трудиться в будущем.

Согласно инвентарным текстам, одни «дома» создавались по профессиональному принципу («пастухи быков», «пастухи лошадей», «изготовители (?) длинного оружия» и т. д.), другие — по тому, кто передал пленнх в храм («люди Хаттусы», «Главный писец на деревянных табличках»⁶⁹ и пр.). В «Обете Пудухепы...» тоже наблюдается своя логика при организации «домов». Здесь прослеживается стремление не нарушать сохранившиеся родственные связи: матерей не разлучать с детьми, мужей с женами и т. д.⁷⁰ Учитывается, из какой местности доставлены пленнх⁷¹. Вероятно, принималась во внимание языковая и этническая общность людей. Наблюдается стремление царской власти поднять самовоспроизводимость пленного населения, сохранить и вырастить малолетних детей. Так, в каждый из двух «домов», где не было взрослых мужчин и «главными» являлись женщины (Абба и Мамма), было дано по одному военнопленному (L^USU.DIB). В других «домах» были женщина и взрослый мужчина с сыном, женщина без детей и мужчина с дочерью и т. д.⁷² Девушки (девочки) и малолетние мальчики отдавались на воспитание взрослым мужчинам⁷³. Имеются и прямые сведения о создании семей (не исключено, что искусственным) среди депортированных. Царица Пудухепа сообщает: «1 девушку, Титаи имя ее, мужчине Апаллу в брак я отдала. 1 мальчика Татили, брата Титаи, мужчине Апаллу на воспитание я отдала»⁷⁴.

Система «домов» представляла собой своеобразную организацию труда пленников, надзора и контроля за ними. В условиях храмов, сравнительно замкнутых институтов, она должна была себя оправдывать, поскольку не требовала большого дополнительного надзора, — эти функции могло осуществлять жречество, кроме того, в каждом из «домов» пленников назначался «главный»⁷⁵ и одному лицу поручался контроль за всеми «дома-

⁶¹ KUB XXXVIII, 12, II, 17—18. Предполагают, что «Главный писец на деревянных табличках» имел отношение к войскам, производил запись заложников и пленнх (Ottén, Souček. Op. cit., S. 29).

⁶² KUB XLVIII, 105, Vs. 33.

⁶³ KUB XXXVIII, 12, II, 16—17: «2 дома с 20 пленными людьми Хаттусы».

⁶⁴ KBo XII, 52, 1—4: «1 дом с 10 пленными»; KBo XII, 53, 19—20: «50 домов с 500 пленными, 3 дома с 30 пленными». О других «домах» см. также Гиоргадзе. Очерки..., с. 77; Giorgadze. Einige Bemerkungen..., S. 111.

⁶⁵ В KUB XXXVIII, 12, II, 17: «1 дом с 12 пленными»: в «Обете Пудухепы...» — дома по 4, 5, 8 пленнх.

⁶⁶ Например, в KUB XXXVIII, 12, II, 15: «Пленнх пересчитаны».

⁶⁷ Из 50 пленнх храма богини Лельвани (из них NAM.RA — 48, L^USU.DIB — 2) умерли 11 или 12, среди которых 4 мужчин, 1 женщина, 6 или 7 малолетних детей.

⁶⁸ Гиоргадзе. Очерки..., с. 125 сл.;

⁶⁹ Здесь не ясно, становился ли храм полным собственником пленнх или передававшие их лица сохраняли на последних какие-то права.

⁷⁰ Das Gelübde von Puduhepa, Kol. II, 10, 13—17, 2—3 ff.

⁷¹ Kol. I, 6—8, 10—12, 14—16, 18—19.

⁷² Kol. II, 1—4, 2a — 2b.

⁷³ Kol. I, 14—16, 8—10, 22—23, 4—6.

⁷⁴ Kol. I, 11—12.

⁷⁵ Судя по «Обету Пудухепы...», военнопленнх (L^USU.DIB) «главными» не назначались. В тех же «домах», где не было взрослых мужчин (исключая военнопленнх), «главными» были назначены женщины, ср. «дом» Маммы (4—7) и «дом» Аббы (13—16). В царском хозяйстве дополнительный контроль за пленными (помимо начальника области и других чиновников) могли осуществлять «люди поселения», среди которых те

ми»⁷⁶. Организация «домов» создавала более или менее благоприятные условия для жизни пленных иноземцев, утративших родину и принужденных трудиться в чуждой им обстановке. Она частично способствовала решению воспроизводства рабочей силы за счет внутренних источников,

получали землю (ХЗ § 40) и «люди оружия», с которыми пленные выполняли *saxtan* (ХЗ § 112).

⁷⁶ В храме Лелвани это человек по имени Мумупанти, должность которого не указана (Kol. III 32).

А. З. Чернышева

THE CAPTIVES OF THE HITTITES

A. Z. Chernysheva

In Hittite texts the term NAM.RA may apply not only to captured or deported persons but also to possible captives, people whom the rulers of Hatti intended to capture. For the Hittites people.—NAM.RA—were the most important part of war booty. The economic interest of the state in these people arose from the quality of the land, which made cultivation very difficult, and the shortage of hands in the Hittite kingdom. The NAM.RA were first of all captive foreigners who were not representatives of a separate social category. The captives probably did not participate in festivals and rituals. After they were brought into Hatti their fate depended on the palace. Most of them were absorbed into the Hittite category of manual labourers and fulfilled state obligations, and in this sense the NAM.RA were unfree, dependent persons. But their status was different. The «house» system of the NAM.RA was designed to encourage a degree of material interest in their work; it also lessened the need for state supervision of their work and to some extent solved the problem of the reproduction of the work force from internal sources.

ἩΡΩΣ ἩΡΟΔΟΤΟΣ?

Сообщение Свиды о том, что Геродот был погребен в Фуриях на агоре¹, никогда, кажется, не вызывало недоумения. Известно, однако, что древние не хоронили своих мертвых внутри городских стен², agora же, как место священное³, была бы, очевидно, осквернена погружением в ее почву мертвого тела⁴. Предположить, что случай с Геродотом — исключение, было бы очень смело: Фурии должны были — по общему правилу — придерживаться афинских обычаев. Афины, правда, не были признанной метрополией, но отношение к ним было особым, а большую, если не боль-

¹ Suid., s. v. Ἡρόδοτος... κατέτελευτήσας ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τέθαπται.

² Прямая ссылка на закон — *Plut.*, *Arat.* 53, 2: νόμου δ'όντος ἀρχαίου μηδένα θάπτεσθαι τευχῶν ἐντός... ἐπερψαν εἰς Δελφοῦς.

³ Agora находится под покровительством θεῶν ἀγοραίων, особенно — Διὸς ἀγοραίου (*Herod.*, V, 46; *Aristoph.*, *Equ.* 410, etc.) и Ἑρμοῦ ἀγοραίου (*Paus.*, I, 15, 1; *Aristoph.*, *Equ.* 297 et schol.; *Luc.*, *Iup. trag.* 33 etc.). Подробнее см. *Martin R. Recherches sur l'agora grecque. Études d'histoire et d'architecture urbaines. P.*, 1954, p. 174 suiv. На агору нельзя вступать людям опороченным (*Dem.*, XXIV, 60; *Aeschin.*, III, 176), обвиненным в убийстве (*Pollux.*, VIII, 66); каждый входящий на агору должен совершить очищение (*Aeschin.*, I. I. et schol.).

⁴ Святая земля Делоса была осквернена могилами, от которых очищали ее афиняне при Писистрате, а затем в 426 и 422 гг. (*Thuc.*, III, 104; V, 1). Не говоря о скверне (*μασχα*), распространяемой мертвым телом, вряд ли было допустимым и появление в святом месте душ покойников (это относится уже и к кенотафам).

шую, часть жителей составляли афиняне ⁵. Между тем именно в Афинах даже величайшие мужи погребались вне городской черты, на агоре не было не только гробниц их, но (в цветущие времена великого города) и статуи — кроме изваяния тираноубийц ⁶.

Итак, Геродот не мог как будто быть погребен на агоре. Однако подозревать древние источники Свиды в искажении истины кажется невозможным: Фурии (Сориа) существовали до позднего времени; поверить, что с главной площади могла исчезнуть гробница знаменитого гражданина, трудно. Выяснить, имелась ли таковая вообще, было, следовательно, слишком легко, чтобы до поры до времени кто бы то ни было решился строить на сей счет догадки. То, что могила Геродота существовала долго, засвидетельствовано до некоторой степени и наличием поздней эпитафии (ср. прим. 16).

Избежать возникшего противоречия можно, предположив, что Геродот стал не простым покойником, а $\delta \text{ ἥρωας}$. Агора, как известно, была обычным местом погребения и (или) почитания героев ⁷.

Чтобы убедить читателя в предлагаемом, нужно показать, что исключений, т. е. негероических погребений на агорах, по крайней мере до конца V в. не было, или объяснить исключения, если они будут. Далее, причиной оказанных Геродоту чрезвычайных почестей нам не могут не казаться заслуги его как историка. Это так похоже на блаженной памяти Грецию Тэна и Ренана, что нуждается либо в подтверждении сходными примерами, либо — в опровержении.

Итак, известны следующие погребения на агорах ⁸: (см. табл. стр. 79—80).

Вряд ли можно оспаривать правомерность распространения на все вошедшие в список случаи сравнительно немногочисленных указаний на героический культ или отдельные отличительные признаки его (№ 1, 6, 12, 13, 16, 18, 22, 24, 26/27, 29), тем более что сообщать в каждом отдельном случае об отправлении культа было бы для древнего писателя столь же излишним и странным, сколь для нынешнего — рассказывая о памятни-

---

⁵ Сторонников Афин в городе во время споров об основателе (*Diod.*, XII, 35, 1—4; см. ниже) так много, что они способны создать затруднения, разрешимые лишь вмешательством Дельфийского бога. То, что известно нам из истории Фурий, свидетельствует о желании сохранить блага народовластия; что речь идет о народовластии афинского образца, можно заключить из стремления избежать пороков, именно афинскому строю свойственных, пример — законы против сикофантов (*Diod.*, XII, 12, 2). Примечательно, что отношения между Афинами и Фуриями оставались безоблачными как раз до той поры, когда в Афинах окончательно утвердились у власти демагоги, ради своей корысти игравшие на худших чувствах истерзанного войной народа.

⁶ *Arist.*, *Rhet.* I, 9, 38 (p. 1368 a 18). Даже во времена Демосфена других еще не было (*Dem.*, XXIII, 196), а во времена Ликурга было очень мало (*Lycurg.*, in *Leocr.* 51). Тираноубийцам воздавались почести едва ли не героические, но не на Агоре, а во Внешнем Керамике (*Arist.*, *Ath. Pol.* 58, 1).

⁷ См., например, *Rohde E.* *Psyche* und *Unsterblichkeitsglaube der Griechen*. Freiburg i. Br., 1890—1894, S. 149 ff.; *Martin*. *Op. cit.*, p. 197 suiv. Основатели особенно часто, даже, как правило, погребались на агоре (*Schol. ad Pind.*, *Olymp.* I, 149: οἱ γὰρ οἰκισταὶ ἐν μέσαις ταῖς πόλεσιν ἐθάπτοντο ἐξ ἔθους). Неудивительно, значит, и присутствие среди почитаемых на агоре спасителей (и благодетелей), — в том числе освободителей и тираноубийц — виновников своего рода второго рождения города. Известная галикарнасская надпись римского времени, часто цитируемая пишущими о Геродоте (*Jacoby F.* *Herodotos*. — *Suppl. bd.* 2, 1913, Sp. 218), прямо ставит рядом потомков основателей и тираноубийц [(οἱ) ἀπὸ τῶν κτιστῶν καὶ τυραννοκτόνων]. К последним относились бы, очевидно, и потомки Геродота, будь они у него.

⁸ За основу взяты списки Р. Мартена (*op. cit.*, p. 195, 197). Они немного сокращены за счет поздних, сомнительных (в разделе I) и ошибочных примеров. Получившийся список если и не полон, то, во всяком случае, представительен.

⁹ Имена, отмеченные *, связываются в источниках с Дельфами, относительно же основателей вообще следует помнить: *Quam vero Graecia coloniam misit in Aeoliam, Ioniam, Asiam, Siciliam sine Pythio, aut Dodonaeo, aut Ammonis oraculo?* (*Cic.*, *de divin.* I, 2).

№ п/п	Имя; обстоятельства, могущие объяснить погребение на агоре	Век	Город	Почести, источник
Раздел I: Родоначальники, ἀνδρῶν ἠρώων θεῖον γένος, основатели, спасители и благодетели:				
1	ФОРОНЕЙ, с. Инаха, вн. Окееана, первочеловек		Аргос	τάφος; ἐναγίζουσι... καὶ ἐς ἡμᾶς ἐτι τῷ Φορωνεῖ, Paus., II, 20, 3
2	КЕРДО, жена Фороней		Аргос	μνήμα, Paus., II, 21, 1
3	ТЕГЕАТ, с. Ликаона, основатель Тегей		Тегея	μνήμα, Paus., VIII, 48, 6
4	МЭРА, жена Тегеата		Тегея	μνήμα, ibid.
5	АРКАД*, с. Зевса, родоначальник аркадян		Мантинейя	τάφος, Paus., VIII, 9, 3
6	ЭЛАТ, с. Аркада, основатель Элатеи		Элатея	στήλη, Paus., X, 34, 6
7	ДАНАЙ, с. Бела, вн. Посейдона		Аргос	τάφος, Strabo, VIII, 6, 9 (371)
8	ЭЛЛИН, с. Девкалиона и Пырры		Мелитея	τάφος, Strabo, IX, 5, 6
9	КОРЭВ*, основатель селения Триподиски, избавитель Аргоса: Paus., I, 43, 7—8		Мегара	τάφος, Paus., I, 43, 8
10	МЕДУСА ГОРГОНА (голова)		Аргос	μνήμα, Paus., II, 21, 6—7
11	ГОРГОФОНА, дочь Персея		Аргос	τάφος, Paus., II, 21, 7
12	АДРАСТ, царь Аргоса, один из Семерых против Фив		Сикнион	ἠρώιον... ἐν αὐτῇ τῇ ἀγορῇ, Herod., V, 67
13	ФЕРСАНДР, с. Полиника		Фивы	μνήμα; καὶ ἐναγίζουσι φασίν, Paus., IX, 5, 14
14	ПИТФЕЙ, с. Пелопа		Трезен	μνήμα, Paus., II, 31, 3
15	АНТИНОЯ*, дочь Кефея, по велению Феба привела мантинейцев на нынешнее место: Paus., VIII, 8, 4		Мантинейя	τάφος, Paus., VIII, 9, 5
16	ТАЛФИВИЙ, глашатай Агамемнона	XII	Эгина и Спарта	τάφος; καὶ αὐτῷ αἱ πόλεις ἐναγίζουσι ἀμφοτέραι, Paus., VIII, 24, 1 (ср. III, 12, 7)
17	ОРЕСТ, с. Агамемнона	XII	Спарта	τάφος, Paus., III, 11, 9—10
18	ОКСИЛ, царь Элиды во время возвращения Гераклидов, учредитель игр в Олимпии	XII	Елея	μνήμα... ναοῦ σχῆμα, Paus., VI, 24, 9
19	ПАТРЕЙ, основатель Патр	XII	Патри	τάφος, Paus., VII, 20, 5
20	ФЕРА, основатель города на острове Каллисте	XII	Фера	οἱ Θηραῖοι κατὰ ἔτος ἐναγίζουσι ὡς οἰκιστῇ, Paus., III, 1, 8
21	БАТТ, основатель Кирены	VII	Кирена	τάφος, Pind., Pyth. V, 93
22	МИЛЬТИАД Старший, основатель Херсонеса Фракийского	VI	Херсонес Фракийский	θύουσι ὡς νόμος οἰκιστῇ, καὶ ἀγῶνα ἵππικόν τε καὶ γυμνικόν ἐπιστάσι, Herod., VI, 38
23	КЛЕОМАХ, пал, обратив в бегство врага; καὶ τὸ παιδεραστεῖν πρότερον ἐν φόρῳ τιθέμενοι τότε μᾶλλον ἐτέρων ἠγάπησαν καὶ ἐτίμησαν (οἱ Χαλκιδαῖς)	VI	Халкида	τάφος, Plut., Amat. 17 (p. 760 F)
24	СТО ОРЕСФАСИЙЦЕВ*, пали, исполнив предсказанное Дельфийским богом, и вернули фиγαлийцам отечество	V	Фигаллия	πολυάνδριον; ὡς ἤρωσιν... ἐναγίζουσιν ἀνὰ πᾶν ἔτος, Paus., VIII, 41, 1
25	ФЕМИСТОКЛ: — как персидский правитель: — как основатель Пирея:	V	Магнесия Пирей	μνημεῖον, Thuc., I, 138
26	АГНОН, основатель Амфиполя	V	Амфиполь	τάφος, Paus., I, 1
27	БРАСИД, основатель Амфиполя	V	Амфиполь	Погребение на агоре, жертвы и состязания: Thuc., V, 11, 1
28	ЕВФРОН*, тиран Сикнионский, благодетель	IV	Сикнион	τάφος, Xen., Hell. VII, 3, 12
29	ПОДАР: τρίτα ἀνδραγαθίας (в Мантинейской битве) Ποδάρη νεμούσιον	IV	Мантинейя	ἠρῶον, Paus., VIII, 9, 9—10

№ п/п	Имя; обстоятельства, могущие объяснить погребение на агоре	Век	Город	Почести, источник
30	ТИМОЛЕОНТ, δι τοὺς τυράννους καταλύσας καὶ τὸν βαρβάρους καταπολεμήσας καὶ τὰς μεγίστας τῶν ἀναστάτων πόλεων οἰκίσας, ἀπέδωκε τοὺς νόμους τοῖς Σικελιώταις	IV	Сиракузы	ὁ δῆμος... Τιμωλέοντα... ἐτίμησε... εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον ἀγῶσα... ἐποίησαντὶ δὲ τὴν ταφὴν τοῦ σώματος ἐν τῇ ἀγορᾷ, Plut., Timol. 39
31	ГЕРОПИФ, освободитель	?	Эфес	τάφος, Arr., Anab., I, 17, 11
32	АРАТ*, которого почтили ὡς περ οἰκιστὴν καὶ σωτῆρα τῆς πόλεως	III	Сикион	Plut., Arat. 53, 2—5; cf. Polyb., VIII, 12(14), 8; ... τιμὰς ἥρωϊκάς ἐψηφίσαντο.
33	Раздел II. Особые случаи: ГЕСИОД*	VIII	Орхомен	τάφος, Paus., IX, 31,6; 38,3; Plut., Conv. VII sap. 19, de soll. an. 13, 36
34	ЕПИМЕНИД*	до VI	Коринф	τάφος, Paus., II, 24, 3
35	ОРСИП	VIII	Мегары	Κοροΐβου (№ 9)... τέθαπτα πλησίον, Paus., I, 44, 1
36	АРИСТИЙ, с. Пратина	V	Флуунт	μνήμα, Paus. II, 13, 6

ках, непременно оговаривать, что по известным дням к ним могут принести цветы.

Сложнее вопрос о почестях мужам, отличившимся в науках, искусствах и подобном. Таковых в списке по сути дела нет, в чем легко убедиться, рассмотрев раздел II таблицы (считаем, что погребение на агоре героев, перечисленных в I разделе, не нуждается в особых пояснениях)¹⁰.

Гесиод (№ 33), конечно, не может считаться просто «поэтом», он прежде всего — любимец богов, милость которых видна из того, что они удостоивали Гесиода общения¹¹. О святости Епименида (№ 34), сына нимфы, Нового Курета, при жизни удостоенного божеских почестей и вкушавшего пищу богов¹², говорить излишне.

Орсипп (№ 35), первым обнажившийся на Олимпийских играх, — единственный, кажется, известный нам олимпиинок, погребенный на агоре. Победа на играх *evehit ad deos* — в отличие от сочинения истории. Кроме того, исключительность отличия вынуждает думать, что Орсипп стяжал почести как победоносный полководец и, следовательно, благодетель или даже спаситель отечества (о победах Орсиппа Павсаний вскользь упоминает).

Остается последний, более сложный случай, когда на первый, по крайней мере, взгляд погребения на агоре человек действительно удостоился за заслуги в изящной словесности. Из того, что можно счесть объяснением столь выдающегося отличия, Павсаний говорит об Аристии, сыне Пратина (№ 36), лишь одно: вместе со своим отцом он был лучшим сочинителем сатировских драм после Эсхила. Однако трудно себе представить, прежде всего, что именно за это Аристий удостоился героических почестей на аго-

¹⁰ Относительно культа Фемистокла (№ 25) нужно заметить следующее. За безстрастными ταύτης γὰρ ἦρχε τῆς χώρας Фукидида легко предположить пышный перечень заслуг почившего правителя в каком-нибудь постановлении магнсийцев и почитание его как благодетеля. С другой стороны, в существовании культа можно и сомневаться: останки Фемистокла были тайно перевезены в отечество (*Thuc.*, I, 138), что нелегко было бы сделать, если бы им воздавались почести на городской площади. Погребение Фемистокла в Пирее трудно истолковать иначе, чем погребение основателя (*Paus.*, I, 1). Клеомах (№ 23) не только доставил отечеству победу, пав в бою, что могло — в зависимости от обстоятельства — вызвать почитание его как благодетеля или даже спасителя, но и причастен к изменению отношения халкидян к τὸ παιδεραστεῖν (см. табл.). Связь же этого явления с Аполлоном, а последнего — с героизацией покойников достаточно известна.

¹¹ Ioannes Tzetzes, Γένος Ἡσιόδου, init.; *Hesiod.*, Theog. 24—32. Особое отношение самих древних к Гесиоду видно из знаменитого места: *Herod.*, II, 53: οὗτοι (sc. Homerus et Hesiodus) δὲ εἰσι οἱ ποιήσασα τε θεογονίην Ἑλλήσιν καὶ τοῖσι θεοῖσι τὰς ἐπινομίας δόχουσας καὶ τιμὰς τε καὶ τέχνας διελόντες καὶ εἶδα αὐτῶν σπῆψαντες.

¹² *Plut.*, Solo, 12, 7; *Suid.*, s. v.; *Diog. Laert.*, I, 109 et 114.

ре: его отец был много более знаменит, был первым писателем сатировских драм и ввел их в Дионисийские состязания¹³, но столь великого почета не стяжал. Кроме того, само погребение Аристия на агоре Флиунта — лишь предположение, делаемое на основе понятного, но без дополнительных сведений недоказуемого перевода *μνημα* как «могильный памятник»¹⁴. Если же все-таки предположить, что могила Аристия на агоре существовала и удостоился он ее за труды на драматическом поприще, не следует забывать, что труды эти были — опять-таки в отличие от сочинения истории, занятия вполне мирского, — священным служением Дионису и как такового могли при некотором стечении обстоятельств¹⁵ оказать влияние на посмертную судьбу поэта. Наконец, в этом и других сомнительных случаях следует допускать действие таких причин, о которых мы ничего не знаем: вероятно, в дельфийской «аксегетике» имелись приметы, по которым можно было установить героический характер покойника»¹⁶.

Итак, из предложенного списка оказалось невозможным извлечь доводы в пользу того, что кто бы то ни было в лучшие времена Греции мог удостоиться погребения на агоре, не сопряженного с героическим культом, или пользовался бы культом ради заслуг в том, что мы называем сейчас науками и искусствами¹⁷. Остается признать, что Геродота почитали после смерти на агоре Фурий как героя, но не за то, что он сочинил историю¹⁸.

¹³ Suid., s. v. Πρατίνας.

¹⁴ Cf. Passow Fr. Handwörterbuch der griechischen Sprache. 2. Bd., 2. Abt., 51852, S. 262, s. v.

¹⁵ 'Αχιμή Πρατίνα приходится приблизительно на 500 г. Сын его мог, значит, скончаться в 40-х или 30-х годах V в., когда Афины и Дельфы довольно косо взирали друг на друга. В этих условиях героизация *пелопоннеского* служителя Диониса могла бы иметь некоторое политическое значение. Это, конечно, догадка, на которой настаивать нельзя.

¹⁶ Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Пг., 1922, с. 88.

¹⁷ Р. Мартен (Op. cit., p. 199) считает погребенным на агоре в Лампсаке и Анаксагора. Но Алкидамант у Аристотеля (Rhet. II, 22, p. 1398 b 16 — у Мартена ошибочно назван Элий Аристид; ср. *Diog. Laert.*, II, 15) говорит только, что Λαμψακηνοί 'Αναξαγόραν ξένου οὐτα ἔθαψαν καὶ τιμῶσι ἔτι καὶ νῦν, и притом названным вместе с Анаксагором мужи на агорах не погребались. Свидетельство Элиана (Var. hist. VIII, 19: ὅτι καὶ βωμὸς αὐτῷ ἵσταται καὶ ἐπιχέγραπται ὁ μὲν Νοῦ ὁ δὲ 'Αλγηθείας), пожалуй, исключает возможность погребения на агоре: разделение культа между гробницей и алтарем было бы в данном случае трудно объяснить, а считать, что алтарь (βωμὸς) стоял на могиле (Зайцев А. И. Культурный переворот в древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985, с. 136), нельзя: Κακῶς δρ' ἐξόλοιο κάξολεϊγέτοι, | ὅστις γε τομῆς σῆμα τὸν βωμὸν καλεῖν (*Aristoph.*, Thesmoph., 887—888). Если бы Анаксагор и впрямую был погребен на агоре, это было бы довольно веским доводом против наших построений. Впрочем, и тогда можно было бы сказать, что лампсакийцы почитали в Анаксагоре не ученого, но божественного провидца неких тайн (*Diog. Laert.*, I. 1., epigr.; *Plin.*, NH, II, 149; *Plut.*, Lysander, 12). Сюда же можно отнести известия о причастности его тайной мудрости египтян — *Cedren.*, I, p. 165, 18 Bekk.; *Amm. Marc.*, XXII, 16, 22; последнее свидетельство, учитывая особый интерес Аммиана к египетским древностям, следует считать заслуживающим особого внимания. Мы сознательно не останавливаемся на вопросе о сверхчеловеческих почестях отличившимся в сочинительстве и науках, воздаваемых вне агоры, рассчитывая заняться этим вопросом в особой работе. Видимо, и здесь кажущиеся исключения вроде Гомера (говорить о котором излишне) или Софокла (сакрально связанного с Асклепием и героями-целителями, а позже ставшего одним из *этих* героев) только подтверждают предположение о том, что заслуги в науках или искусствах героическим культом не вознаграждались. Следует, впрочем, иметь в виду, что если почести на агоре могли воздаваться только от имени всей общины, то вне агоры ничто не мешало одному или многим частным лицам воздавать умершему почести, при всем внешнем сходстве с культом не имеющие важнейшего его признака — общепризнанности. Так, Эсхилу приносили жертвы, в его честь ставили драмы (Vita Aeschyli), но делали это только ὄμοις ἐν τραγῳδίαις ἢ ὁ βίος (ibid.), и Эсхил, вероятно, был героем не больше, чем Платон, которому возжигал лампаду иной добрый католик во Флоренции времен Лоренцо Великолепного, — католическим святым.

¹⁸ Надпись на могиле Геродота, сообщенная Стефаном Византийским (s. v. Θέρσιος), безусловно, поздняя: для ее сочинителя Геродот — *σραχίης ἱστορίης τρύτατος*, ср. *Vallier A. Herodots Biographie.* — In: *Sitzungsber. d. Wien. AdW. Philosoph.-hist. Kl.*, Bd. 89, 1878, S. 404; следует обратить внимание и на употребление слова *ἱστορίης* в позднейшем его значении. Она не может подтверждать или опровергать сказанное:

Легче всего было бы представить себе, что Геродот удостоился культа как один из основателей города¹⁹, тем более что в Фуриях не остался, насколько можно судить, ни один из видных участников первого или второго основания города²⁰. Это предположение оказывается, однако, очень маловероятным, ибо мы знаем, что в Фуриях был спор об основателе, и знаем, чем он закончился (Diod., XII, 35, 1—4): «...в Италии собравшиеся из многих городов жители Фурий затеяли распрю о том, какого города отселенцами называться фурийцами подобает и кому справедливо будет называться основателем. (2) И афиняне притязали на ту колонию, объявляя, что большая часть жителей пришла из Афин, а там и пелопоннесские города, предоставившие от себя немалое число людей для основания Фурий, заявили, что им должна быть приписана честь выведения колонии. (3) Равным образом и оттого много велось речей, что многие доблестные мужи участвовали в основании и сделали много полезного: ведь каждый стремился удостоиться этой чести. Наконец, когда фурийцы послали в Дельфы, дабы спросить, кого должно называть первоначальником города, бог проведал, что подобает почитать основателем его самого. (4) Таким образом спорам был положен конец: Аполлона провозгласили основателем города, и народ, оставив раздоры, вернулся к преждебывшему согласию» (перевод наш. — Р. Г.).

Приведенное свидетельство более или менее исключает возможность погребения Геродота на агоре как основателя²¹ и притом, что для Геродота как историка честь эта — как мы попытались показать выше — невелика, заставляет отнестись к разряду спасителей и благодетелей. Сделанный нами вывод, довольно интересный для жизнеописателя Геродота и сам по себе, следует рассмотреть в сравнении с имеющимися известиями о жизни историка, с тем хотя бы, чтобы подтвердить его или опровергнуть. Имеет, на наш взгляд, отношение к делу следующее:

1. Происхождение Геродота τῶν ἐπιφανῶν (Suid., s. v. Ἡρόδοτος). Свидетельство вызывает некоторые разногласия среди исследователей²², которые в зависимости от того, каким они представляют себе Геродота,

еще при жизни Геродота начались столь просвещенные времена, что почитание «новых» героев не могло не пошатнуться. Достаточно вспомнить, как лишился в пользу Брасида своих почестей Агнон (*Thuc.*, V, 11, 1).

¹⁹ Он явно прибыл в Фурии в самом начале истории города, а знаменитую награду в 10 талантов (см. прим. 27) с основанием Фурий связывал Якоби.

²⁰ Об основании Фурий см. *Diod.*, XII, 10 sqq.; *Ehrenberg V. The Foundation of Thurii.* — *AJPh*, 1948, 49, p. 149—170. Наиболее подходящим для провозглашения основателем лицом был Лампон (о нем см. *Ehrenberg*. *Op. cit.*, p. 164). В год постановки «Птиц» Аристофана (414) он, судя по шуткам поэта, был в Афинах (*Av.* 521, 988).

²¹ Некоторое сомнение порождают источники, подобные надписи Syll. ³ 653 III в. до н. э.: (1) Κάσσανδρον Μεγαρέων ἐτίμησεν ... (2) ἡ πόλις ἡ Μεγαρέων δάφνης στυφάνου παρὰ τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ τῆς πόλεως ἀρχηγέτου. Точный смысл приведенных слов заставляет предположить, что Аполлон был основателем Мегар, а не просто почитался как Ἀπόλλων Ἀρχηγέτης. При этом из Павсания (I, 39, 5; 42, 1, ср. *Steph. Byz.*, s. v. Μέγαρα) мы узнаем, что на одном из мегарских акрополей почитался герой Мегарей, от которого город получил имя. Далее, из Павсания же (VIII, 3, 4; 8, 4) известно о существовании эпонимного героя Мантинейя, но на агоре мантинейцев почиталась еще и Антиноя, тоже бывшая в некотором смысле основательницей города (см. табл., № 15).

²² См. перечень относящихся сюда сочинений: *Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота.* Л., 1957, с. 180, прим. 2. Из их числа заметка: *Körte A. Der Adel Herodots.* — *Hermes*, 1924, Bd. 59, S. 119—121, почти убеждает в том, что Геродот не был знатен, ибо не мог принадлежать к старой эллинской знати. Следует, однако, предложить некоторые возражения. Во-первых, даже если историк не был потомком трезенских основателей, ничто не мешает предположить, что он происходил от знати местной. Во-вторых, изящное сопоставление с надписью Syll. ³ 1020 (I в. до н. э.), которая, перечисляя потомков основателей, совершенно не содержит варварских имен, не совсем правомерно. То, что галикарнасские аристократы римского времени не носили карийских имен, легко объяснить исчезновением карийского языка и людей, создающих себя карийцами. В-третьих, отрицание для знатного человека возможности написать стихи «mit so gräßlicher Frivolität» в отношении к аристократическим ценностям, как это сделал, по мнению Кёрте, Паниассий (fr. 14 Kinkel), не учитывает хотя бы того, что дядя Геродота мог быть в своем кругу enfant terrible вроде Архилоха.

придают слову ἐπιφανής смысл «богатый», «знатный», «богатый и знатный». Сделанные нами предположения о почитании Геродота как героя после смерти и о том, что при жизни он мог оказывать благодеяния целому государству, позволяют смело воспользоваться оттенками значения, наиболее свойственными этому слову²³. Перевод «из знаменитых», не оставляя сомнений относительно знатности, богатства и, пожалуй, влияния Геродотова рода, будет хорошо согласовываться с одним необъясненным оттенком в статье Свида о Геродоте.

2. Участие Геродота в свержении тирании, которое новейшими историками в порядке «усреднения», создающего видимость критической работы, а priori преуменьшается²⁴, Свида определяет весьма внушительно: ἐλθόν ... εἰς Ἀλικαρνασσὸν καὶ τὸν τύραννον ἐξέλασας... Не следует ли считать, что слова Свида значат именно то, что значат? Ведь даже то, что Геродот удалился из отечества, «когда увидел, что граждане завидуют ему»²⁵, больше напоминает особу выдающуюся, чем простого гражданина из знатных, некогда боровшегося с тираном, даже если не задумываться о содержащемся в свидетельстве Свида противопоставлении Геродота всему гражданству Галикарнасса, которое едва ли понятно в применении к человеку, не вознесенному надо всеми или хотя бы надо многими другими²⁶.

3. Именно с тем образом Геродота, который начинает у нас вырисовываться, легко связывается известие о награждении историка по постановлению Совета и народа афинского десятью талантами²⁷.

Итак, нами сделано и, как кажется, в какой-то мере обосновано допущение о почитании Геродота после смерти как ὁ ἥρωας. Это допущение дает возможность по-новому оценить некоторые из немногочисленных дошедших до нас сведений о жизни историка и, в частности, попытаться более точно, чем раньше, определить общественное положение его.

Р. А. Гимадеев

²³ Passow F. Handwörterbuch..., 1. Bd., 2. Abt., Lpz, 1847, S. 1132, s. v.: «ausgezeichnet, angesehen, vorzüglich, berühmt, edel, erlaucht». Ср. Sophocles F. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. N. Y.—Lpz, 1890, p. 516, s. v.: «nobilis».

²⁴ Ср. Лурье С. Я. Геродот. М.—Л., 1947, с. 10: «Очевидно, тиран Лигдамид был действительно свергнут в юности Геродота».

²⁵ Suid., I. 1.: εἶδεν ἑαυτὸν φθονούμενον ὑπὸ τῶν πολιτῶν; cf. epigr. ap. Steph. Byz., I. 1., v. 3—4: ... ἀτλήτων/μύρων ὑπεκπροφυγῶν Θούριον ἐσχε πάτρην.

²⁶ Картина событий в Галикарнассе времен правления Лигдамида вряд ли может быть восстановлена или по крайней мере должна быть предметом особых разысканий. Тот, кто предпримет их, столкнется, видимо, с необходимостью определить свое отношение к следующим сопоставлениям. В городе в течение поколений правил варварский — что видно уже из имен — владетельный дом (степень причастности правителей, из него происходящих, эллинской культуре значения, конечно, не имеет). Само существование туземного правителя естественно противопоставляло его греческой верхушке города (в общем смысле: легко представить себе обстоятельства, в которых такое противопоставление ощущаться не будет). К этой верхушке, видимо, не относились люди, среди предков которых было так много носящих варварские имена, как среди родных Геродота (ср. Körte. Op. cit.). Следует еще заметить, что мнения Геродота о богах вряд ли совместимы с признанием истинности аристократических родословий (ср. Kaiser M. Herodots Begegnung mit Ägypten.—In: Mörenz S. Die Begegnung Europas mit Ägypten. B., 1968, Sitzungsber. d. Sächs. AdW, Philol.-hist. Kl, Bd. 113, Ht. 5, S. 213 ff.), а известное место об исчислении Гекатеем своих предков египетским жрецам (II, 143), как его ни толкуй, весьма ехидно. Приходится предположить не только, что Геродот относился к местной знати, но и что среди этой знати были люди, которые, соперничая с правящим домом в борьбе за власть, были при этом достаточно далеки и от эллинской общины, и от ее верхушки. Это сказалось после уничтожения тирании (известно об удалении Геродота из Галикарнасса). Принятое у старых историков отнесение Геродота и Паниасса к вождям народной партии (см., например: Curtius E. Griechische Geschichte. 2. Bd. B., 1888, S. 272) гораздо, на наш взгляд, менее вероятно, чем предлагаемое нами построение.

²⁷ Diyllus ap. Plutarchum, de malignitate Herodoti, 26.

Accepting as authentic the information] given] in the *Suda* (s. v. Ἡρόδοτος) about the burial of Herodotus in the agora of Thurii, the author considers what evidence there is of agora burials. He comes to the conclusion that in the classical period an honour of this kind could hardly not have been associated with a hero-cult and, as far as one can judge, it was not a reward for literary merit. It follows that after the death of Herodotus he was worshipped as a hero, while in life he was able to be of very great service to the people of Thurii. Both the one and the other — the burial honours and the benefactions — are, in the author's opinion, further testimony to the very high social status of Herodotus.

ГЕРОИ КИММЕРИЙСКИХ И СКИФСКИХ ЛЕГЕНД В ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ВАЗОВОЙ ЖИВОПИСИ VII—VI вв. до н. э.

Историки и литературоведы редко обращаются к греческой вазовой живописи, гораздо чаще искусствоведы. Для того чтобы истолковать тот или иной сюжет, исследователи ищут опору в письменных памятниках. А между тем росписи на вазах содержат бесценные и далеко еще не полностью расшифрованные сведения об утраченных мифических сказаниях. Они жили либо в устной традиции, либо в эпических поэмах, где своеобразно преломлялась историческая действительность. Особый интерес представляют сцены, изображающие неизвестные по письменным источникам варианты прославленных сказаний. Такова, например, игра в кости, в которой участвуют Ахилл и Аякс, на знаменитой чернофигурной вазе мастера Эксекия или краснофигурный килик мастера Дуриса с изображением сторожащего золотое руно дракона, который проглатывает Ясона ¹.

К числу таких сцен относятся калидонская охота на верхнем фризе вазы Франсуа ² и амазомахия, где участвуют персонажи со скифскими именами и в восточных одеждах ³. Эти широко известные искусствоведам памятники до сих пор не привлекали серьезного внимания историков и филологов.

Содержание мифа о калидонской охоте известно по «Илиаде» (IX 529—606) — древнейшему произведению греческой литературы. Авторы VII—VI вв. ⁴ неоднократно обращались к этому сюжету: о Мелеагре, герое сказания, писал Гесиод (Paus, X, 31, 3; fr. 135 Rzach); существовало сочинение Стесихора «Охота на вепря» (Athen., III, 95D), от которого сохранились два незначительных фрагмента. О калидонской охоте упоминалось в дифирамбе Клеомена из Регия (рубеж VI—V вв.) и, вероятно, в стихах Ивика (вторая половина VI в.), а в первой половине V в. — у Пиндара (Isthm. VII, 31) и Вакхилида (V, 94—154). Авторы эллинистиче-

¹ Snodgrass A. *Archaic Greece. The Age of Experiment*. L., 1980, p. 191; репродукция рисунков названных vaz см.: Boardman J., Dörig J., Fuchs W., Hirmer M. *Die griechische Kunst*. München, 1966, tabl. XVII, 134.

² Ваза названа по имени нашедшего ее в 1845 г. археолога А. Франсуа, хранится в Археологическом музее во Флоренции. Ее репродуцируют во всех подробных изданиях по истории греческого искусства. Наиболее полное издание: Minto A. *Il vaso François*. Milano, 1960.

³ Полный свод vaz со сценами амазомахии в кн.: Bothmer D. *Amazones in Greek Art*. Oxf., 1957.

⁴ Все даты относятся к периоду до нашей эры.

ского и римского времени хорошо знали этот миф; наиболее обстоятельное изложение — у Аполлодора (I, 64—73), Овидия (Met. VIII, 260—444) и Гигина (Fab. 173). В мифе рассказывалось о страшном вепре, посланном разгневанной Артемидой во владения калидонского царя Ойнея. Для борьбы с чудовищным зверем царь пригласил знаменитых героев Эллады. Некоторые из них погибли во время охоты, другие ранили зверя; в мифе особенно выделялась Аталанта, нанеся сильнейший удар животному. Честь окончательной расправы с вепрем принадлежала Мелеагру, сыну Ойнея. В основе мифа лежали события далекого прошлого Этолии: войны между городами, упомянутые Гомером, следы перехода от матриархата к патриархату, отразившиеся в отношении героев к Аталанте — единственной женщине, принявшей участие в охоте. Благодаря своей популярности, перешагнувшей границы Этолии, миф пополнялся новыми деталями. Сначала в охоте принимали участие герои из ближайших окрестностей Этолии, но постепенно круг их расширялся, охватывая не только материковую, но и островную Грецию, а также, как будет показано ниже, Малую Азию. Овидий, прекрасно знавший греческую мифологию, перечислил 30 участников калидонской охоты, у Гигина же их более 50.

Мастера греческих расписных ваз неоднократно изображали калидонскую охоту. Сохранились девять чернофигурных и десять краснофигурных и рельефных ваз с подобным сюжетом⁵. Несмотря на многочисленные письменные источники, сцены на вазах VI в. отражают неизвестные варианты мифа, например борьбу Аталанты и Пелея за трофеи охоты⁶. В этот ряд надо поставить вазу Франсуа, где есть герои с именами, отсутствующими в письменных источниках.

Ваза Франсуа — это большой чернофигурный кратер с волютообразными ручками; ее высота 66, диаметр 57 см. Ваза сделана в Аттике около 570 г.⁷ в мастерской Эрготима и расписана Клитием, о чем свидетельствуют две надписи на сосуде. От горла до ножки кратер покрыт росписью, образующей шесть фризов. Всего на вазе представлено 270 фигур людей и животных, и около многих написаны имена.

Вазописец избрал несколько сюжетов из жизни Пелея и его сына Ахилла. Центральный, самый широкий фриз посвящен шестью богам на свадьбу Пелея и Фетиды. На верхнем фризе показана калидонская охота (рис. 1), участником которой был Пелей. В центре композиции помещен вепрь; с обеих сторон на него наступают девятнадцать охотников с собаками, двадцатый уже повержен зверем. Шестнадцать вооруженных копьями фигур симметрично расположены парами по сторонам от вепря. Три героя, целящихся из лука, нарисованы поодиночке. Ближе всего к морде зверя изображены главные действующие лица мифа: сын калидонского царя Мелеагр в паре с Пелеем и знаменитая охотница из Аркадии Аталанта в паре со своим будущим мужем Меланионом. За ними — целящийся с колена лучник Евтимах. Два других лучника, Кимерий и Токсамис, представлены среди героев, наступающих с противоположной стороны.

Наше исследование будет сосредоточено на этих трех лучниках, о которых нет упоминаний ни в одном из сохранившихся письменных источников. Исследователи вазы обычно оставляют открытым вопрос, откуда среди греческих героев появились эти фигуры с восточными одеяниями и именами⁸. В научной литературе уже упоминалось о том, что имена Кимерий и Токсамис принадлежали народам, населявшим Северное Причерно-

⁵ Kolff. Meleagros. — RE, В. 15, 1931, Sp. 460—463. Кроме названных ваз в статье перечислено множество других античных произведений искусства с изображением калидонской охоты.

⁶ Kolff. Op. cit., Sp. 474.

⁷ О датировке кратера см.: Beazley J. D. The Development of Attic Black-figure. L., 1951, p. 26; Cook R. M. Greek Painted Pottery. L., 1960, p. 73.

⁸ Minto. Op. cit., p. 40—41; Vos M. F. Scythian Archers in Archaic Vase-painting. Groningen, 1963, p. 2.

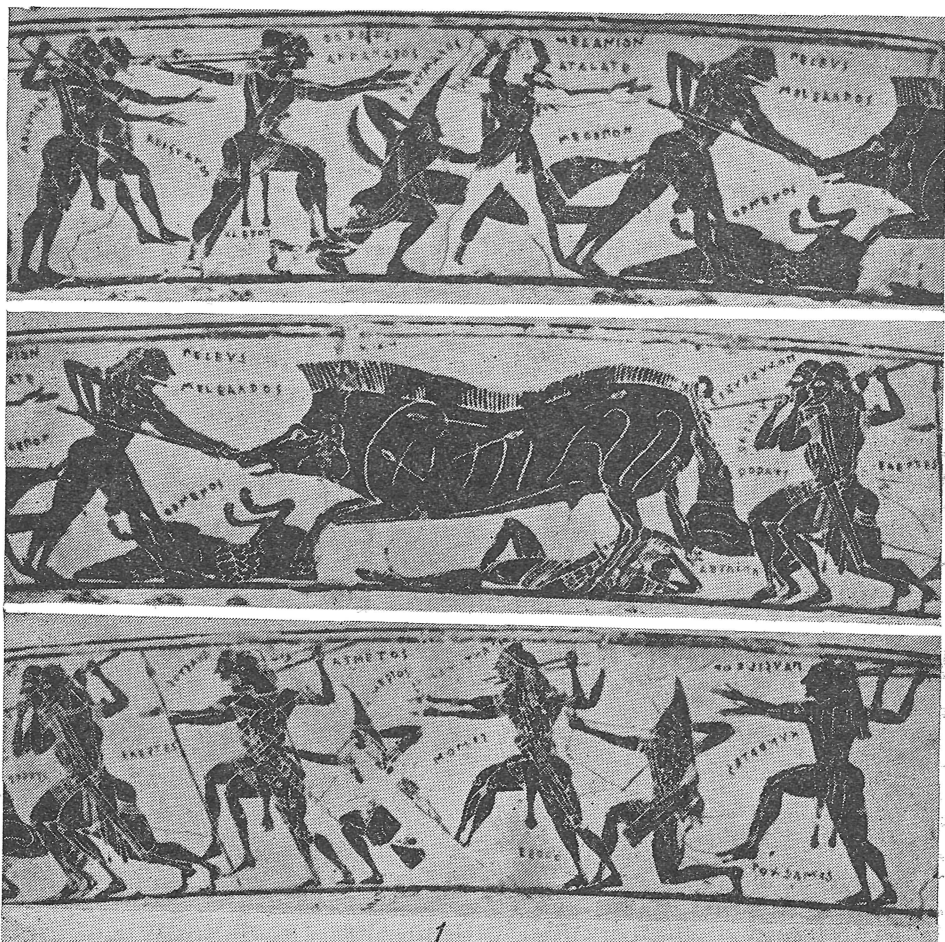

Рис. 1. Фриз вазы Франсуа с изображением Калидонской охоты (около 570 г. до н. э.)

море⁹. В их написании на вазе заметны архаические черты греческой орфографии: необозначение геминаты μ (Κιμῆριος), $\chi\sigma$ вместо повсеместно принятой с IV в. ξ (Τόχσαρις)¹⁰. При упоминании вазы в современных изданиях эти имена приводятся в традиционной орфографии: Κιμῆριος, Τόξαις¹¹. Судя по именам, художник изобразил киммерийца и скифа. Имя первого говорит об его этнической принадлежности, имя второго звучит сходно с другими скифскими именами: царь Таксакис возглавил часть скифского войска в войне с Дарием (Herod., IV, 120), Токсарисом звали двух скифских персонажей в диалогах Лукиана (Scytha I, 2; Tocharis, passim).

В схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского есть краткая заметка о том, что герой — эпоним племени мариандинов — был сыном некоего Киммерия (Schol. Apollon. Rhod., II, 140, 723, 780). Это единственное в античной мифологии упоминание о персонаже с именем Киммерий дало основание для отождествления его с фигурой лучника Киммерия на вазе

⁹ Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях.— ВДИ, 1939. № 3, с. 306.

¹⁰ Legéne M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. P., 1972, p. 72, 101.

¹¹ Граков. Ук. соч., с. 306; Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911.

Франсуа¹². Если в словаре В. Ропера такое предположение высказано с осторожностью, то Л. А. Ельницкий уже безоговорочно утверждал, что на вазе VI в. изображен предок мариандинов, на земле которых находилась греческая колония Гераклея Понтийская.

Эта гипотеза не выдерживает серьезной критики. Во-первых, киммерийское происхождение мариандинов, на чем настаивали Л. А. Ельницкий и некоторые другие исследователи, весьма сомнительно и в настоящее время имеет мало сторонников¹³. Во-вторых, Клитий расписывал вазу раньше, чем была основана Гераклея (554 г.)¹⁴. В-третьих, достаточно хорошо известно, как складывалась мифографическая традиция о Гераклее¹⁵. Первым ее историографом был Геродор, мифограф и софист конца V в. До него Гераклея не играла сколько-нибудь заметной роли в греческой мифологии. Геродор же нашел ей видное место в рассказах о Геракле и аргонавтах, сделал соответствующие модификации мифов. Таким образом, Киммерий, отец Мариандина, — плод греческой мифотворческой фантазии не ранее конца V в. Основанием для такого вымысла послужили воспоминания о пребывании киммерийцев на южных берегах Понта (ср. Herod., IV, 12).

Ясно, что Клитий рисовал героев с луками, не будучи знаком с восточными народами. Одеяния лучников на вазе Франсуа такие же, как у греческих героев, лишь у Кимерия и Токсамиса орнамент покрывает всю ткань, а не только кайму, как у греков; однако рисунок этого орнамента такой же, как на облачениях греческих персонажей на других фризах вазы. Негреческое происхождение героев подчеркнуто остроконечными шапками, которые носили многие восточные народы, и характером вооружения: у греческих охотников — копья, у варваров — луки скифского типа. Клитий перевел на язык изобразительного искусства литературное произведение о калидонской охоте¹⁶. Известно, что устные греческие сказания и эпическая поэзия давали основную массу сюжетов для вазописцев VI в. до н. э.¹⁷ Обилие имен героев (целых 20) и даже их собак дает твердую основу для предположения о поэтическом источнике. Вероятно, лишь в стихотворной форме может быть закреплено в памяти столько имен. Прозаическое предание всегда обходится небольшим количеством имен основных действующих лиц¹⁸.

Рассказ Гомера не соответствует тому, что изобразил Клитий. Малоубедительными представляются попытки связать сюжет калидонской охоты на вазе Франсуа с известным лишь по названию и двум невыразительным мелким фрагментам произведением Стесихора «Охота на вепря»¹⁹. Уроженцу Великой Греции был слишком далек мир киммерийцев и скифов, и вряд ли он мог ввести их в литературу.

По моему мнению, литературный оригинал был создан в Ионии в конце VII в. Такое заключение связано не только с тем, что Иония в те времена была центром эпического творчества греков, но и с тем, что скиф и киммериец могли стать тогда героями мифа, вероятнее всего, в воображении ионийского поэта, современника вторжения киммерийцев и скифов в Малую Азию. Его сочинение либо полностью могло быть посвящено калидонской охоте, либо это был достаточно подробно описанный эпизод

¹² Roscher W. H. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. B. 2. Lpz. 1890, Sp. 1187; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 49.

¹³ Burstein S. M. Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea on the Black Sea. L., 1976, p. 7—8.

¹⁴ Ibid., p. 12.

¹⁵ Ibid., p. 2.

¹⁶ Kolf. Op. cit., Sp. 461; Beazley. Op. cit., p. 331.

¹⁷ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 105.

¹⁸ Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 245.

¹⁹ Kolf. Op. cit., Sp. 461.

в более крупном произведении, например в «Илиаде». Автор одной из киклических поэм (VII — начало VI в.), подражавший Гомеру²⁰, мог включить этот миф в свое произведение, но изложить иной вариант, который отразился на греческих вазах VI в.

Судя по древневосточным и древнегреческим источникам, киммерийцы вторгались в Малую Азию во второй половине VIII в. и в середине VII в.²¹ В VII в. они достигли Ионии и разрушили некоторые греческие города (Herod., I, 6; Strabo, III, 2, 12). Киммерийской угрозой было вызвано строительство специальных укреплений в греческих полисах, остатки которых найдены, например, в Панионионе²². Как ни скудны наши сведения о греческой литературе эпохи архаики, все же известно, что в VIII—VII вв. киммерийцы упоминались в ряде поэтических произведений. Их далекая родина где-то на границе здешнего и потустороннего мира описана в «Одиссее» (XI, 12—19). Каллион, поэт середины VII в., обращаясь к согражданам с призывом защитить родной Эфес от надвигающегося войска киммерийцев (fr. 3 Diehl). В «Аримаспее» Аристота Прокопневского (повидимому, он был младшим современником Каллиона) описывались причины, побудившие киммерийцев покинуть родину (Herod., IV, 13).

То же самое можно сказать и о скифах. Этнокон встречается уже в сочинениях Гесиода (Strabo, VII, 3, 9). Нашествие скифов в Азию и их изгнание надолго запечатлелись в памяти ионийских греков. С их слов Геродот (I, 106) в V в. записал устную новеллу о хитрости, с помощью которой царь Киаксар расправился со скифами. Исторические же новеллы, как правило, складываются непосредственно в ходе событий или сразу же после них²³, т. е. этот рассказ мог существовать на рубеже VII—VI вв.²⁴

Киммерийцы и скифы, прекрасные наездники и стрелки из лука, произвели большое впечатление на многие малоазиатские народы. Например, мидийский царь Киаксар поручил скифам обучить местных мальчиков стрельбе из лука (Herod., I, 73). Среди греков возникла легенда о Геракле, получившем замечательный лук от скифа Тевтара, который научил героя стрелять (Tzetz. Schol. ad Lycophr., 50—51). Примечательно сообщение Геродота о том, что скифы в Малой Азии прославились не только как воины, но и как охотники (I, 73).

Вся жизнь малоазиатских греческих полисов была тесно связана с иноплеменными соседями, которые часто грозили им войной. Греки долго и упорно сопротивлялись лидийцам, персам, киммерийцам. Надо помнить и о том, сколь восприимчивы были греки к разнообразным культурным достижениям восточных народов, от которых они заимствовали и широко внедрили в свою жизнь алфавит, денежное обращение, некоторые музыкальные инструменты и многое другое²⁵. В греческую литературу проникали предания восточных народов²⁶. Контакты с киммерийцами и скифами в VII в. занимали, конечно, не особенно заметное место в письменных памятниках. Однако пристальное рассмотрение того немногочисленного, что сохранилось от эпохи архаики, дает основание полагать, что греки были знако-

²⁰ Античные писатели называют ряд авторов киклических поэм учениками Гомера: *Huxley G. F. Greek Epic Poetry*. Cambr., 1969, p. 124.

²¹ Дьяконов И. М. История Мидии. М., 1956, с. 234; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы в Азии. — В кн.: *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975, с. 105.

²² Кобылина М. М. Милет. М., 1965, с. 24; *Hommel P. Panionion und Melie*. В., 1967, S. 94.

²³ *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности. — В кн.: *Славянский фольклор*. М., 1965, с. 12.

²⁴ Изгнание скифов относят к последней четверти VII в. или к началу VI в. О существующих разногласиях в датировке этого события см.: *Доватур А. И., Каллистова Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота». М., 1982, с. 179.

²⁵ *Emlyn-Jones C. J.* *Ionians and Hellenism*. London — Boston, 1980, p. 26, 27, 105, 106; *Snodgrass*. Op. cit., p. 80—83.

²⁶ *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 79—96.

мы с некоторыми сказаниями киммерийцев и скифов. Естественно, герои этих сказаний должны были быть прекрасными наездниками и обладать выдающимися способностями стрельбы из лука, что проявляется во время войны или охоты. Легенда о скифском царе Колаксае и его коне вскользь упомянута в «Парфении» Алкмана (ст. 49), уроженца лидийской столицы Сард. На одной аттической амфоре последней трети VI в. есть изображение длиннородого скифского вождя, который вручает молодому воину лук как символ военной власти²⁷. По остроумному толкованию А. Алексеева, здесь представлен один из вариантов скифской легенды, известной из «Истории» Геродота²⁸. Как и Клитий, автор росписи амфоры опирался на какой-то литературный источник. Его героями были не только скифы, но и греки: ведь на амфоре скифские персонажи нарисованы между двумя греческими воинами. Возможно, молодой скиф, получающий лук, отправлялся совершать свои ратные подвиги среди греков. На эту мысль наводит роспись на другой вазе: Диомед и Гектор сражаются над убитым стрелком, около которого надпись «скиф»²⁹.

Ионийский поэт, излагая известный миф о калидонской охоте, включил в число его героев не только легендарных греков, но и прославленных охотников из среды киммерийцев и скифов. Так в его творчестве отразилась историческая действительность — столкновение греков с этими народами в середине — второй половине VII в. Для греческих поэтов было характерно свободное изменение сюжетных ходов известных сказаний³⁰. Само же по себе включение героев-варваров в ткань греческих эпических поэм не представляется чем-то уникальным для эпохи архаики. Например, Мемнон, герой поэмы Арктина «Эфиопида», был эфиопом, прибывшим на помощь троянцам. О Мемноне есть упоминание в «Одиссее» (IV, 187), а его изображение часто встречается на аттических вазах, но самое раннее — на коринфской пиксиде второй половины VII в.³¹

В греческой ономастике существовала группа имен, происходящих от иноземных этниконов. Такие имена известны с рубежа VIII—VII вв.: например, брат Гесиода — Перс (Op. X, 27). К числу подобных имен относятся «Скиф» и «Киммерий». Первое было достаточно широко распространено в Греции и ее колониях, второе дважды встречается в надписях Эфеса и Родоса V и III вв. до н. э.³² Появление этих имен у греков надо отнести к VII в. — времени знакомства жителей малоазийских полисов с киммерийцами и скифами. Первоначально, конечно, такие имена были неразрывно связаны с национальностью их носителей, что хорошо видно по рисунку и надписи на вазе Франсуа. Но уже к концу VI в. сами греки имели подобные имена. Таков Скиф, уроженец Коса, — правитель Занклы на Сицилии (Herod., VI, 23—24; VII, 163—164), таков и выдающийся аттический художник, оставивший несколько прекрасных рисунков на вазах с подписью «Скиф расписал»³³.

Имя скифского лучника «Токсаки» особенно интересно. Заимствованное греческим, по-видимому, поэтом из скифского сказания, оно доносит до нас звучание имени героя скифского фольклора.

Остается определить этническую принадлежность третьего лучника — Евтимаха. *Εὐθύμαχος* («сражающийся в открытом бою») — имя чисто гре-

²⁷ Vos. Op. cit., tabl. 4b.

²⁸ Алексеев А. Сцена вручения лука на амфоре VI в. до н. э. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 1981, 46, с. 41 сл.

²⁹ Vos. Op. cit., p. 20, tabl. 6a.

³⁰ Толстой И. И. Аэды. М., 1958, с. 57.

³¹ Блаватский. Ук. соч., с. 109.

³² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 91—92.

³³ Мнение Б. Н. Гракова (ук. соч., с. 306) о том, что автор росписи был рабом-скифом, в настоящее время должно быть полностью отвергнуто. Вряд ли выходец из народа, не знавшего даже кружальной керамики, мог разрабатывать в своих произведениях сложные и чуждые ему сюжеты греческих мифов.

ческое, оно встречается и в роли определения (Pind., Ol. VII, 15; Simonid., 137), и как имя собственное (Dem., 44, 9; Paus., X, 14, 1)³⁴; можно, однако, предположить, что это греческий перевод варварского имени. Евтимас изображен как представитель какого-то восточного народа, судя по его высокой шапке. На рубеже VII—VI вв. ионийские города находились в постоянном контакте с Лидией³⁵. По словам Геродота (I, 79), во времена Креза в Азии не было более мужественного и сильного народа, чем лидийцы. В их столице Сардах жило немало греков, которым были знакомы язык и фольклор лидийцев³⁶. Поэтому вполне возможно, что имя варварского героя в сознании греков легко нашло параллель в их родном языке. Впрочем, с определенной долей вероятности можно предположить, что Евтимас был героем фольклора мидян или персов, других восточных соседей греков.

Итак, ионийский поэт на рубеже VII—VI вв. ввел в свое повествование о калидонской охоте трех иноземных героев из народов Малой Азии, знакомых грекам. Этот сюжетный ход не нашел развития ни в дальнейшей литературной жизни мифа, ни в изобразительном искусстве³⁷. Только роспись Клития донесла до нас уникальное свидетельство о стихах, вероятно, отражавших утраченные фольклорные сказания трех восточных народов.

Творчество Клития дает еще один пример проникновения скифских образов в греческую мифологию. Речь идет о фрагменте скифоса со сценой амазономахии³⁸. В греческой мифологии амазонки существовали еще в догомеровский период³⁹. Они известны в античной литературе начиная с эпохи архаики. Их упоминает Гомер в «Илиаде» (III, 189; VI, 186), о них шла речь в «Эфиопиде» Арктина⁴⁰. К настоящему времени не сохранилось ни одного сколько-нибудь подробного литературного произведения VII—VI вв. о битве греков с амазонками, но вазовая живопись с массой имен амазонок убеждает, что такие сочинения существовали⁴¹. О более или менее подробной литературной традиции об амазонках можно говорить, лишь начиная с «Истории» Геродота⁴².

Античные авторы описывают амазонок как отважных женщин-воительниц, ненавидящих мужчин. Они либо составляют отдельный народ, состоящий исключительно из женщин, изредка встречающихся с мужчинами для продолжения рода, либо держат мужчин в полном повиновении. Древнейшие фольклорные предания об амазонках сохранились в античной литературе. Однако подобные рассказы записаны у народов разных стран и континентов⁴³.

Большинство античных писателей считали родиной амазонок южный берег Понта у реки Термодонт, а их главным городом — Темискиру.

³⁴ *Pape*. Op. cit., s. v.

³⁵ *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства.— ВДИ, 1978, № 1, с. 26—38.

³⁶ О знакомстве греков с лидийским фольклором, а также о возникновении «некоего общего греко-лидийского предания» см.: *Доватур*. Ук. соч., с. 82—96.

³⁷ Может быть, автор росписи флорентийской гидрии со сценой калидонской охоты знал те же стихи, что и Клитий; один из участников охоты изображен в высокой восточной шапке (*Antike Kunst*, 1965, № 5, S. 16, Abb. 4). Во всех остальных известных нам росписях изображены исключительно греческие герои (ср. *Kolf*. Op. cit., Sp. 460—463).

³⁸ *Bothmer*. Op. cit., p. 9, № 39.

³⁹ *Hennig R.* Über die vorausitlichen völkerkundlichen Grundlagen der Amazonen-Sagen und deren Verbreitung.— *Zeitschrift für Ethnologie*, 1940, № 4, S. 362.

⁴⁰ *Huxley*. Op. cit., p. 147 f.

⁴¹ Выше было показано, что большое количество имен персонажей одного мифа указывает на литературный поэтический источник сюжета росписи. По каталогу Д. Ботмера насчитывается 66 полных имен амазонок и 9, от которых остались от одной до четырех букв (*Bothmer*. Op. cit., p. 234).

⁴² Сводку античной литературной традиции см.: *Косвен М. О.* Амазонки.— СЭ, 1947, № 2, с. 33—41; там же дана подробная иностранная библиография.

⁴³ *Косвен*. Ук. соч.— СЭ, 1947, № 2, с. 41—59; № 3, с. 3—32.

Четыре греческих героя вступали в битву с амазонками: Беллерофонт, Геракл, Тесей и Ахилл. Геродот сообщает о победе греков над амазонками и их прибытии на трех кораблях к берегам Меотийского озера. Здесь, соединившись со скифами, они перешли Танаис и заселили местность, которую во времена истории занимали савроматы (IV, 110—116). В женщинах этого племени греки признавали потомков амазонок.)

Древнейшее изображение амазонок относится к началу VII в.; с середины VI в. амазонахия становится излюбленным сюжетом росписи античных ваз⁴⁴. На чернофигурных сосудах амазонки вооружены копьями и одеты в греческие одежды и шлемы⁴⁵. Таковы они и на фрагментах скиффоса, расписанного Клитием⁴⁶. Туника одной из амазонок особенно богато украшена: на ней чередуются пояса пальметт и лотосов, а также колесниц, запряженных крылатыми конями. Такой же орнамент есть на одеждах Геры, Урании и некоторых других персонажей вазы Франсуа. Около трех сохранившихся изображений амазонок написаны их имена: Телепиля, Ифито и Скилейя. Последняя поднимает убитую соратницу левой рукой, а правой отбивается мечом от противника. Аналогичные композиции амазонахия на других вазах приводят к заключению, что Клитий иллюстрировал сражение Геракла с амазонками⁴⁷.

Вазовая живопись VI в. показывает, как в греческую поэзию и изобразительное искусство проникает представление о связи амазонок со скифами Северного Причерноморья. Наиболее раннее свидетельство — рисунок Клития — относится к второй четверти VI в., а его литературный источник должен быть несколько старше. Хотя все амазонки Клития одеты по-гречески, имя одной из них скифское: Скилейя — женская форма имени Скилл. В начале V в. такое имя носил скифский царь, как известно из «Истории» Геродота (IV, 78—80). Недалеко от Истрии найден архаический золотой перстень с таким именем; по-видимому, он принадлежал этому царю⁴⁸. Имя Скилеи на вазе написано в архаическом начертании справа налево. Мастер пользовался системой письма, называемой «бустрофедон», т. е. одну строку писал слева направо (имена амазонок — Ифито и Телепиля), другую — справа налево (ΣΚΥΛΕΙΕΙ), причем вместо окончания женского рода дважды повторил предпоследний слог.

Другая амазонка со скифским именем, Токсарис, изображена на фрагменте краснофигурной вазы, которую Дж. Бизли приписывает знаменитому мастеру Евфронии⁴⁹. На фрагменте сохранились изображения двух амазонок и голлита, надпись ΤΟΧΣΑΡΙ[Σ]. Так же как и в случае со Скилеей, по литературной традиции известен мужской вариант имени: скиф Токсарис прибыл в Афины раньше Анахарсиса, где оба встретились (Luc., Scyth. 1). Последний, согласно античной традиции, был собеседником Солона и посетил Креза (Diod. Sic., IX, 26,2; Plut., Solo, 5). Таким образом, пребывание Токсариса в Афинах надо отнести к началу VI в. Имя амазонки Токсарис на вазе рубежа VI—V вв. можно считать косвенным свидетельством того, что в двух сочинениях Лукиана — «Скиф» и «Токсарис» — сохранились черты действительно древнего предания. Известные из античной литературы мужские формы имен Скил и Токсарис показывают, что в скифской ономастике существовали мужские и женские варианты имен, произведенные от одного корня. Такое явление характерно для ономастики многих народов (ср. Александр и Александра, Олег и Ольга и т. д.).

⁴⁴ Bothmer. Op. cit., p. 1, 2, 6.

⁴⁵ По словам Э. Р. Штерна, амазонки на вазах первой половины VI в. изображались почти в тех же положениях, что и греческие голлиты, т. е. в сценах вооружения, битв, пешие, на колесницах и верхом (Штерн Э. Р. Алабастр Псиакса и Гилина. — ЗООИД, 1899, т. 17, с. 46).

⁴⁶ Bothmer. Op. cit., p. 23 f. Манера рисунка и сходство орнамента дали основание приписать Клитию три фрагмента скиффоса, хранящиеся в Музее Акрополя.

⁴⁷ Bothmer. Op. cit., p. 23.

⁴⁸ Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скилла. — СА, 1980, № 3, с. 92—96.

⁴⁹ Beazley J. D. Attic Red-figured Painting. Oxf., 1963, p. 17, № 16.

Имя Токсарис, конечно, ассоциировалось у греков со словом τόξα — стрелы. Возможно, оно даже несколько переделано на греческий лад: ведь лук и стрелы — обычное оружие скифов, и скифское имя было понятно грекам с этой точки зрения. Легенда о связи амазонок со скифами вызвала к жизни представление о том, что они были одеты и вооружены по-скифски. Это нашло отражение и в их именах, образованных от слова «стрель». На вазах встречаются имена Токсис и Токсофила. Первая участвует в сцене битвы Геракла с амазонками на краснофигурном кратере Евфрония⁵⁰, она изображена в такой же восточной одежде, как Токсарис. И хотя Токсис и Токсофила — имена греческого происхождения (τόξα + φίλος), но возникли они под влиянием связи данного мифа со скифами. Токсофила нарисована на чернофигурном диносе из Лувра, где сохранилось самое подробное изображение амазономахии: 23 амазонки ведут бой против 13 греков⁵¹. Множество подписанных имен, как говорилось выше, свидетельствует о поэтическом источнике этого сюжета. В центре композиции — Теламон и Геракл. Токсофила уже повержена. На ней, как и на других амазонках, греческий шлем и одежда. Ведь динос расписан во второй четверти VI в., когда амазонок начали называть скифскими именами (напомним Скилею Клития), но еще не представляли в скифских одеяниях. Амазонки в кафтанах с длинными рукавами, в штанах и высоких восточных шапках появляются в творчестве мастеров краснофигурного стиля в последней четверти VI в.⁵²

По мнению большинства исследователей, костюм амазонок заимствован вазописцами с изображений скифов⁵³, впервые встречающихся на аттических вазах около 530 г.⁵⁴ Однако кажется несостоятельным предположение о причинах связи изображений амазонок и скифов из-за того, что скифские телохранители Писистрата имели стоянку на холме Ареопаге, где находилось место почитания амазонок⁵⁵. Скифские имена амазонок на вазах, как мы показали, гораздо старше времени Писистрата.

Собранные факты показывают, что первоначально образы скифов и амазонок, происходящих из Северного Причерноморья, были известны вазописцам по литературным источникам, авторами которых были ионийские греки. Не знавшие скифов в жизни аттические художники рисовали персонажей со скифскими именами в греческом облачении. Когда же в последней трети VI в. Афины стали располагать отрядами скифских лучников, литературные образы получили конкретное воплощение: аттические мастера смогли нарисовать скифские костюмы по собственным наблюдениям⁵⁶.

После 500 г. на вазах сокращается число изображений скифов, а после 490 г. они исчезают вовсе⁵⁷. Но за амазонками прочно закрепляется скифский костюм. Для иллюстрации приведем два примера подобных росписей из отечественных собраний. В конце VI в. вазописец Псиакс нарисовал на краснофигурном алабастре очень изящную амазонку с луком (рис. 2) и обнаженного греческого юношу в племе и со щитом⁵⁸. Роспись Псиакса синхронна массовому изображению скифов на аттических вазах. На краснофигурном кратере середины V в. представлено сражение Тесея

⁵⁰ *Bothmer*. Op. cit., p. 131, № 5.

⁵¹ *Ibid.*, p. 8.

⁵² Отдельные черты скифского вооружения и одежды встречаются у амазонок на чернофигурных вазах с середины VI в., но широкое распространение скифского костюма у амазонок появляется на рисунках краснофигурных vaz начиная с последней трети VI в. (*Штерн*. Ук. соч., с. 47; *Graef B.* *Amazones.* — RE, B. 1, Sp. 1773; *Bothmer*. Op. cit., tabl. 68, 69, 72—74, 78, 80—85).

⁵³ *Штерн*. Ук. соч., с. 47; *Bothmer*. Op. cit., p. 94.

⁵⁴ *Vos*. Op. cit., p. 61.

⁵⁵ *Штерн*. Ук. соч., с. 48.

⁵⁶ *Vos*. Op. cit., p. 63—68.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 81.

⁵⁸ *Штерн*. Ук. соч., с. 37—62; *Соколов Г.* Античное Причерноморье. Л., 1973, с. 26. Алабастр хранится в Одесском Археологическом музее.

с амазонкой Мелусой, скачущей на коне⁵⁹. Несмотря на греческое имя, Мелуса одета в скифский костюм. В своей древней основе рассказ о подвигах Тесея не давал повода для встречи с героями с берегов Понта. Однако в V в., когда Атика поддерживала оживленные связи с колониями Северного Причерноморья⁶⁰, появилось стремление связать историю обеих областей с мифических времен. Известный логограф Гелланик в своей «Аттиде» объяснял, как амазонки появились в Аттике, прибыв из-за Боспора Киммерийского, и после неудачной трехмесячной войны возвратились на родину (Tzet. Schol. ad Lycophr., 1332). Это свидетельство помогает понять, почему Тесей сражается с амазонкой в скифском одеянии, а сцена на вазе дает возможность восстановить несохранившийся литературный сюжет о сражении Тесея с амазонками, прибывшими из Скифии.

Скифские имена амазонок вошли в греческую архаическую литературу, конечно, не в результате случайного заимствования из повседневной жизни, а из какого-то скифского предания, вернее всего эпического. Судя по тому, что греки называли именно так амазонок, в эпосе скифов должны были действовать героини-воительницы. Подобное предположение можно обосновать также некоторыми сообщениями древних писателей и археологическими находками. Античные авторы оставили многочисленные упоминания об участии женщин в военных походах савроматов (Herod., IV, 116—117; Ps.-Hirprocr., De aer. 24; Plat., Leg. VII, 11p. 804e). Менее известно, что эта черта была свойственна и некоторым скифским племенам, как можно заключить из рассказа Диодора Сицилийского (II, 44). Женские погребения с оружием на территории Скифии⁶¹ подкрепляют мысль об участии скифянок в военных действиях и об отражении этого факта в эпосе, где выступали героини-воительницы. Их имена — Скилея и Токсарис — были знакомы Клитию и Евфронию по греческим стихам. Представление о Северном Причерноморье как о родине амазонок побудило эллинского поэта добавить к персонажам с традиционными греческими именами героинь со скифскими именами.

Рисунки на аттических вазах представили возможность установить в греческой мифологии существование мотива связи амазонок с народами Северного Причерноморья с начала VI в., т. е. с периода основания большинства ионийских колоний в этой области. К этому времени греки уже хо-

Рис. 2. Краснофигурный алабастр с изображением амазонки (конец VI в. до н. э.)

⁵⁹ Горбунова К. С. Мастера греческих расписных vaz. Л., 1961, с. 82, рис. 40. Кратер хранится в Гос. Эрмитаже.

⁶⁰ Брашинский И. В. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, с. 20 сл.

⁶¹ Ганіна О. Д. До питання про жіночі поховання із зброєю скіфського часу.— Праці Київського держ. історичного музею, Київ, 1958, вип. 1, с. 175—183; Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966, № 3, с. 169 сл.

рошо освоили южный берег Понта, и там не оказалось никаких следов воинственных женщин. В процессе колонизации греки познакомились с савроматами, обитавшими в Приазовье. Умение савроматских женщин хорошо ездить на коне и владеть оружием (Ps.-Hirprocr., De aer, 24) ассоциировалось в сознании греков с обликом легендарных амазонок и оформилось в предание, известное по записи Геродота⁶². Однако если это древнейшее письменное свидетельство относится к середине V в., то вазовая живопись позволяет зафиксировать существование предания почти на полтора столетия раньше.

По нашему мнению, хорошей иллюстрацией к рассказу Геродота является недавно впервые опубликованная К. С. Горбуновой эрмитажная ваза: на чернофигурной амфоре 30—20-х годов VI в. изображены скифский воин⁶³ и две амазонки. Бородатый варвар в остроконечной шапке, кафтане с рукавами и в длинных штанах стреляет из лука. На амазонках греческие одеяния и шлемы, в руках щиты и копья. Вероятно, это сцена из мифа о начальном периоде жизни амазонок на берегах Меотиды. Амазонки одеты по-гречески, так как они недавно прибыли из Малой Азии и еще не составили вместе со скифами новый народ савроматов.

Анализ изображений киммерийских и скифских персонажей в творчестве аттических вазописцев VI в. приводит к следующим выводам. Росписи на вазах, иллюстрирующие известные греческие мифы о калидонской охоте и амазономахиях, опираются на утраченные литературные источники эпохи архаики. Созданные в Ионии на рубеже VII—VI вв., они художественно преломили исторический опыт греков, столкнувшихся с киммерийцами и скифами сначала в Малой Азии, а затем в Северном Причерноморье. Включение героев киммерийского и скифского фольклора в ткань мифа о калидонской охоте было эпизодическим и не получило развития при разработке этого сюжета многими античными писателями и художниками. Наоборот, связь амазонок с выходцами из Северного Причерноморья имела широкое признание в литературе и искусстве. Амазонка Скилея на вазе Клития, использовавшего утраченный поэтический источник, оказывается древнейшим свидетельством о подобном сюжете в греческой литературе и искусстве.

Изучение греческих vaz VI в. дает также некоторые сведения о персонажах утраченного скифского эпоса: это Токсамис, прославившийся как охотник и выдающийся стрелок из лука, и две героини-воительницы — Скилея и Токсарис.

М. В. Скржинская

⁶² Hennig. Op. cit., S. 363.

⁶³ Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983, с. 97 сл., рис. 70. Автор осторожно называет воина просто варваром. Существовали разные предположения об этнической принадлежности фигур, одетых в подобные восточные костюмы: персы, фракийцы, скифы. М. Ф. Вос (op. cit., p. 43) проанализировала существующие гипотезы и показала, что на вазах VI — начала V в. наиболее убедительной оказывается интерпретация этих персонажей как скифов. Литературная традиция поддерживает отождествление варвара со скифом на эрмитажной амфоре.

HEROES OF CIMMERIAN AND SCYTHIAN LEGENDS
IN GREEK POETRY AND VASE PAINTINGS, SEVENTH
AND SIXTH CENTURIES B. C.

M. V. Sczrhinskaya

Vase paintings illustrating Greek myths about the Calydonian Boar Hunt and Amazonachias are based on lost poems of the Archaic period. Composed at the turn of the 7th and 6th centuries, they changed artistically the historical experience of the Greeks who came upon the Cimmerians and Scythians first in Asia Minor and then in the North Black Sea area. Taking his subjects from such poems, Klitias painted on the François vase Toxamis and Kimerios, heroes who came into Greek literature from Scythian and Cimmerian folklore. The participation of Scythian women in battles led the Greeks to suppose that the Amazons lived in the North Black Sea area. Acquaintance with Scythian legends, adapted to the Greek mode, probably strengthened this impression. The Scythian names of the Amazons Skylea and Toxaris in the drawings of Klitias and Euphronios suggest that in Scythian folklore there were warrior heroines.

POLYBIANA: ИСТОРИЯ КАК НАУКА
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
III — II вв. до н. э.

Изучение античной историографии, первых шагов исторической науки, позволяет оценить как особенности развития исторической мысли — ее основных понятий, проблем, ею изучаемых, приемов исторического исследования — в различные периоды истории античного общества, так и общий ход умственного развития человечества. Грандиозный по объему и охвату исторического материала труд автора III—II вв. до н. э. Полибия по праву занимает важное место в греческой историографии. Это сочинение, играющее важную роль в разработке античной теории истории, и будет в данном случае предметом нашего рассмотрения.

В отечественной историографии первой попыткой дать общее представление о работе и мировоззрении Полибия была статья Ф. Г. Мищенко, по мнению которого особенности политической жизни эллинистической Греции во многом предопределили мировоззрение автора «Всеобщей истории»¹. Советские исследователи уделили внимание в своих работах рассмотрению отдельных аспектов мировоззрения Полибия. Предметом анализа стали его представления о ходе исторического процесса², проводилось сравнение взглядов историка с современными ему политическими теориями, основу которых составляли государствоведческие воззрения греков предшествующего периода, делались попытки выявить степень зависимости от них Полибия³, его труд исследовался как источник о развитии рабства, позволяющий вскрыть характер взаимодействия между войнами и становлением института рабства в политических условиях III—II вв. до н. э.⁴ Наконец, следует отметить работу А. И. Немиров-

¹ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий.— В кн.: *Полибий*. Всеобщая история. Т. I, М., 1890, с. I—XII.

² Конрад Н. И. Полибий и Сыма Цянь.— В кн.: *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972, с. 47—67.

³ Нерсисянц В. С. Политические учения древней Греции. М., 1979, с. 242—254; Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 92—98.

⁴ Павловская А. И. Полибий о рабстве III—II вв. до н. э. Война как источник рабства.— ВДИ, 1963, № 2, с. 95—106.

ского, поставившего своей целью дать общий очерк о Полибии как историке⁵.

Однако отсутствие отечественных исследований, посвященных другим аспектам теории истории у Полибия, наличие разноречивых мнений по этим вопросам в современной западной науке делают, по нашему мнению, необходимым обращение к трудам этого автора. Задача настоящей статьи — составить более четкое представление о том, каким образом эллинистическая историография III—II вв. до н. э. трактовала вопрос об истории, выступающей в качестве особой научной дисциплины.

Ни один из предшественников Полибия — ни Геродот, ни Фукидид, каждый из которых, несомненно, сознавал важное значение истории в целом, — не считал необходимым вдаваться подробно в рассуждения на эту тему. Обращение Полибия к важнейшим проблемам теории истории, что заставляло его прерывать основной рассказ и предаваться раздражающе педагогическим рассуждениям, зависело не столько от его темперамента и склада ума, сколько вызвано было потребностями времени. Многочисленные отступления историка по этому поводу, критические замечания о работах современных ему авторов свидетельствуют о более углубленном понимании Полибием специфических целей и задач исторической науки. Попытки Полибия определить предмет и метод истории вряд ли были единственным примером подобного рода: в период эллинизма появился целый ряд трактатов, посвященных мастерству историописания, от которых, к сожалению, до нас дошли лишь одни названия. Вполне допустимо, что Полибий их знал и, возможно, использовал в своих теоретических разработках⁶. Особенно много в этом плане сделали представители школы перипатетиков. Работы Аристотеля⁷ и его учеников — Феофраста и Праксифана, которым принадлежали трактаты, традиционно озаглавленные *περί ιστορίας*⁸, оказали большое влияние на развитие греческой историографии. Полибий указывает, что и его предшественник Эфор также уделял внимание некоторым аспектам теории историописания (XII, 1—4). Эллинистическая историческая мысль созрела для постановки и решения на доступном для нее уровне ряда теоретических вопросов, а также для пропаганды этих взглядов.⁹

Полибий начинает Введение к своему труду с похвалы (*ἔπαινος*) истории и отмечает ее воспитательное значение, называя ее «наиболее очевидной и единственной учительницей», что предвосхищает более позднее выражение *historia est magister vitae*. Чтение исторического сочинения, продолжает Полибий, дает возможность «получить и полезное, и приятное» (*χρήσιμον καὶ τέρπνον*). Но главное Полибий видит в том, что жизненный и практический опыт, с которым знакомится читатель, помогает приблизиться «к истинной жизни» (*πρὸς ἀληθινὸν βίον*). Таким образом, Полибий, подчеркивая важность истории в деле воспитания, приписывает ей цели, бывшие ранее прерогативой философии, и подмечает особое качество истории как этической дисциплины (I, 1, 2; 4,11; 35,9).

Однако задачи истории, по мысли Полибия, не следует ограничивать этико-воспитательной сферой. В представлении Полибия история приобретает характер науки, суммирующей политический опыт и выступающей в качестве практического руководства для военного и государственного деятеля. Своеобразное сужение круга лиц, к которым обращен его труд,

⁵ Немировский А. И. Полибий как историк. — ВИ, 1974, № 6, с. 87—106.

⁶ Об этом свидетельствует начитанность Полибия в философской литературе его времени. См. *Pédech P. La culture de Polybe et la science de son temps.* — In: *Polybe. Neuf expositions suivies de discussions.* Genève, 1974, p. 41—64.

⁷ См. о влиянии деятельности Аристотеля на развитие истории: *Fritz K. von. Aristotle's Contribution to the Practice and Theory of Historiographia.* — HSClPh, v. XXXIII, № 3, p. 113—137.

⁸ См. специально об этих работах: *Walbank F. W. Polybius.* Berkeley, 1972, p. 36, not. 20.

от «любопытного читателя» до «мужа государственного» (ὁ πολιτικός или ὁ πραγματικός — III, 118,12; VII, 11,2; IX, 1,1—6; XII, 27,10; XXVIII, 3,14), показывает, какое важное практическое значение придавал Полибий историописанию⁹.

Разработка Полибием такого важного аспекта историописания, как понятие «предмет истории», обнаруживает его глубокие знания в области античной риторики и философии. В обширном, посвященном критике историков Зенона и Антисфена отступлении (в книге XVI) он определяет историю как разновидность литературного творчества (τῶν γράφων — XVI, 14—20) и вместе с тем отмечает, что история принадлежит к такого рода искусствам, которые требуют не только хорошего стиля и красочного языка, но и качеств, присущих науке. Для подтверждения своего взгляда Полибий проводит сравнение истории с трагедией. Историк указывает, что конечные цели, результат (τὸ τέλος) истории и трагедии «не одинаковы, но противоположны» (οὐ ταὐτόν, ἀλλὰ τοῦναντίον), и поясняет эту игру слов. Трагедия ставит своей целью занимательность, она должна развлекать и доставлять удовольствие. Трагик имеет право прибегать к «обману, вымыслу или правдоподобию» (τὸ πιθανόν, ἢ ψεῦδος). Основной признак истории и ее основное отличие от трагедии — правдивость в изображении событий (διὰ τῶν ἀληθινῶν ἔργων). Задача историка, напоминает в очередной раз Полибий, «не развлекать, но обучать и убеждать» (διδάξαι καὶ πείσαι) читателя. Не только в словопротивопоставлении «вымысел — истина», но и в его указании на такую характеристику истории, как протяженность во времени («на все времена» — εἰς τὸν πάντα χρόνον — в отличие от сиюминутного назначения трагедии — κατὰ τὸ παρόν), следует видеть предпочтение прославляемой им научной дисциплины (II, 56, 14).

В этом рассуждении Полибия прежде всего наличествует типичное для периода эллинизма противопоставление «научной» и «художественной» литературы, которое чаще всего давалось при сопоставлении истории и поэзии. Историк в сущности повторяет здесь обычные для мировоззрения античного автора признаки научной литературы, которая лишена вымысла¹⁰, излагает истинное положение вещей, преследует утилитарные цели и служит выражением истинно духовной деятельности человека. Полибий был, видимо, хорошо знаком с использованием и развитием понятий πιθανόν, ψεῦδος в словесном творчестве греков¹¹. Весьма показательна начитанность Полибия именно в перипатетической литературе. К. фон Фриц, говоря об огромном значении для развития исторической науки древности деятельности Аристотеля и его учеников, выделил следующие аспекты этого влияния: 1) организация сотрудничества ученых, исследующих различные области античной науки, что привело к их взаимному обогащению; 2) расширение сферы исторического исследования; 3) влияние некоторых концепций и идей философов-перипатетиков, в частности концепции биологического развития общества, разработки ими историй политического устройства отдельных государств, учения о характерах и их эстетических взглядов, на историописание в самом широком смысле этого слова¹². Труд Полибия подтверждает правильность его взглядов.

⁹ См. *Tapp B. J. Polybios' Conception of History.* — *Prudentia*, 1972, IV, p. 36—39.

¹⁰ О взглядах античных теоретиков эстетики на роль вымысла в «художественной» и «научной» литературе см.: *Шталь И. В.* *Художественный мир гомеровского эпоса.* М., 1983, с. 54—55.

¹¹ О разработке греками этих понятий см.: *Миллер Т. А.* К истории литературной критики в классической Греции V—IV вв. до н. э. — В кн.: *Древнегреческая литературная критика.* М., 1975, с. 37—156; *она же.* Доаристотелевские учения о словесном искусстве. — В кн.: *Аристотель и античная литература.* М., 1978, с. 24—89; *Фрейберг Л. А.* Литературная критика в перипатетической школе. — В кн.: *Древнегреческая литературная критика,* с. 157—184.

¹² *Fritz.* *Op. cit.,* p. 134—136.

Можно утверждать с полным правом, что историк был знаком с трактатом самого Аристотеля об искусстве поэзии как подражании (*μίμησις*) жизни. Об этом свидетельствует прежде всего активное использование им некоторых Аристотелевых терминов, в частности *πιθανόν* — «вероятное, вызывающее доверие»¹³. Кроме того, историк положительно воспринимал тезис Аристотеля о том, что цель художественного произведения — доставлять удовольствие, что задача трагика — изображать удивительное, что поэт имеет право на вымысел. И, наконец, общее у обоих авторов сравнение литературных произведений с живописными — у одного поэзии, у другого истории — подтверждает наше предположение (см. последовательно: *Arist., Poet. IV, 1446b, 4—19; XIV, 1453b, 11—14; XXIV, 1468a, 33—35; 1460b, 1; XXV, 1460b, 11—24; Polyb., XII, 25h*).

Аристотель видел различие между трагедией и историей в том, что история говорит о действительно случившемся (*τα γενόμενα*), а трагедия — о том, что могло бы случиться (*οἷα ἂν γένοιτο*). Философ IV в. до н. э. считает поэзию философичнее и значительнее (*φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον*) истории, ибо поэзия больше говорит об общем, универсальном (*τὰ καθ' ὅλου*), история же — об единичном, особенном (*τὰ καθ' ἑκάστου* — *Arist., Poet. IX, 1451a, 36—38*). Это рассуждение Аристотеля было предметом внимания ряда ученых, которые стремились показать, что превосходство трагедии по сравнению с историей Аристотель видел в превосходстве общего над единичным. Демонстрируя общечеловеческое, трагедия призвана воспитать человека, пробуждая его чувства и оказывая на них влияние¹⁴. Однако, как подчеркивали в свое время К. фон Фриц и Ф. Уэлбэнк¹⁵, данное рассуждение никоим образом не свидетельствует о пренебрежительном отношении Аристотеля к историческому жанру как таковому. В своей работе по исследованию греческих политических институтов философ отдал дань внимания и истории¹⁶. Аристотель останавливается на указанном им основном различии между трагедией и историей потому, что они зачастую имели дело с одним и тем же материалом греческой древности и, видимо, могли восприниматься читающей публикой как нечто абсолютно тождественное¹⁷. История пишется на основе знакомства с единичным фактом, который в силу своей специфики может и не получить философского осмысления. Трагедия, сюжет которой не более чем правдоподобный вымысел и уже потому предполагает нечто универсальное, обязана привести к выводу, имеющему общечеловеческое значение¹⁸.

Следует отметить то важное обстоятельство, что Полибий в своем сравнении истории и трагедии меняет акценты. Он стремится, без указания на Аристотеля или его учеников, оспорить тезис об единичности исторического знания, полагая, что история способствует достижению «истинной» жизни, а историческое сочинение по сравнению с трагедией оказывает более глубокое и существенное воздействие на читателя. Таким образом, грань между историографическим жанром и философией у Полибия фак-

¹³ О значении этого термина см. *Ахманов А. С.* О содержании некоторых основных терминов «Поэтики» Аристотеля. — В кн.: *Аристотель. Поэтика*. М., 1957, с. 141—146.

¹⁴ Там же, с. 144 сл., 148; см. рец. на кн.: *Weil R.* Aristotle et l'histoire. Essai sur la «Politique». P., 1960; *Доватур А. И.* — ВДИ, 1965, № 1, с. 183—184 и *Радциг С. И.* — Там же, с. 180; *Петровский Ф. А.* Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве. — В кн.: *Аристотель. Поэтика*, с. 5—7; *Таго-Годи А. А.* Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним. — В кн.: *Вопросы классической филологии*. Вып. 2. М., 1969, с. 113—117.

¹⁵ *Fritz.* Op. cit., p. 134; *Walbank F. W.* History and Tragedy. — *Historia*, 1960, Bd. IX, N. 3, p. 221.

¹⁶ О заслугах Аристотеля как историка см. *Доватур А. И.* «Политика» и «Политии» Аристотеля. М. — Л., 1965, с. 296—325.

¹⁷ *Walbank.* History and Tragedy..., p. 221—225.

¹⁸ *Brink O.* Tragic History and Aristotle's School. — *PCPhS*, 1960, VI, p. 14—15; *Fritz.* Op. cit., p. 132—134.

тически стирается. Вполне допустимо, что он полемизировал с мнением Аристотеля (или его последователей), который считал, что «опыт есть знание единичного, а искусство — знание общего». Для оценки концепции, взглядов Полибия представляется чрезвычайно важным его стремление философски осмысливать материал исторических событий: он прямо упрекает Тимея и написавшего исторический труд Пруссия II, царя Вифинии, за отсутствие у них попыток такого рода (см. последовательно: Arist., Metaph. I, 1; Polyb., XII 25, 6; XXXVI, 15, 5).

Вместе с тем возможно, что в приведенном выше отрывке Полибия содержится не только критика историков, путающих историю с трагедией, а научное изложение с беллетристкой. Не проявилось ли в данном случае негативное отношение Полибия к определенному направлению в эллинистической историографии III—II вв. до н. э., приверженцы которого следовали принципам Аристотеля в историописании? Э. Шварц первым выступил с тезисом о существовании такого направления в эллинистической историографии, которое он назвал «трагическая история»¹⁹. Он утверждал, что это направление родилось в Ликее Аристотеля и оформилось окончательно благодаря работам философов-перипатетиков Теофраста и Праксифана об искусстве историописания. Их последователи считали эмоциональный момент важнейшим в творчестве историка, настаивая на том, что история — это подражание (*μίμησις*) жизни и главное в историческом труде — доставлять читателю удовольствие (*ἡδονή*). Такой вывод делается на основе сохранившегося в «Библиотеке» Фотия отрывка из сочинения Дурида Самосского, который и предъявлял историческому труду вышеперечисленные требования²⁰.

И термин «трагическая история», и тезис о существовании в греческой историографии периода эллинизма направления, взявшего за основу философско-эстетические разработки школы перипатетиков и пытавшегося превратить историю в разновидность поэтического искусства, позднее подверглись критике²¹. Суть всех этих возражений сторонникам Э. Шварца изложил Ф. Уэлбэнк, который писал об изначально существовавших у греков историописаниях, отличавшихся преобладанием эмоционального элемента, а также стремлением авторов этих сочинений с помощью рассказов о чудесном или ужасном привлечь внимание читателей. Он скептически отнесся к мысли о том, что в эпоху эллинизма некоторые историки ориентировались в своем творчестве на теорию, основанную на переработке или прямом заимствовании учения Аристотеля о *μίμησις* в поэзии²². Ф. Уэлбэнк считал, что на основании сохранившихся данных говорить о существовании в эллинистической историографии так называемого «трагического» или «мимического» направления невозможно. Одновременно он утверждал, что выступления Полибия против Филарха и историков Ганнибала, критика их работ за чрезмерно эмоциональное изображение отдельных эпизодов при описании исторических событий — не более чем реакция на манеру эллинистических писателей вводить описание чудес в историческое сочинение²³.

Однако в настоящее время мнение Ф. Уэлбэнка не является общепризнанным. Так, например, О. Бринк предполагает, что у этого эмоционального направления в греческой историографии могли быть различные представители и что некоторые из них могли претендовать на теоретическое

¹⁹ Schwartz E. Fünf Vorträge über den griechischen Roman. В., 1896.

²⁰ Jacoby F. FGRII, 76F 1 176.

²¹ См. обзор литературы, посвященной этому вопросу: Walbank. Polybius, p. 34, not. 15—16.

²² О роли «мимесиса» в развитии эстетической мысли древних см.: Никитина Н. Н. «Мимесис» как основное понятие теории искусства Аристотеля. — Вестник МГУ, сер. философия, 1980, № 3, с. 58—66; Миллер Т. А. «Поэтика» Аристотеля. — В кн.: Аристотель и античная литература. М., 1978, с. 68—77.

²³ См. Walbank. History and Tragedy..., p. 216—234; *idem*. Polybius, p. 34—39.

обоснование своих взглядов²⁴. Нам кажется, что предположение О. Бринка способствует прояснению ситуации III—II вв. до н. э. Самая духовная жизнь периода эллинизма, становление в этот период ряда научных дисциплин со своими специфическими задачами способствовали развитию исторической науки. Возможно, в рассуждениях Полибия о различии между жанром трагедии и исторической прозы отразилось его стремление указать на особенности истории как специфически научной дисциплины. Недовольство историками, придерживающимися противоположных взглядов, приобретает у Полибия весьма выразительную форму, особенно характерна в этом плане его критика Филарха, в которой он активно использует ряд терминов и выражений, типичных для эстетических взглядов Аристотеля и представителей его школы (II, 56—58)²⁵.

Наконец, есть основание считать, что Полибий стремился противопоставить свое понимание истории и терминологически²⁶. История — это изображение (ἔμφασις)²⁷ жизни, сделанное историком со всей ясностью и отчетливостью (ἐνάργεια)²⁸ на основании собственного жизненного опыта (αὐτοπάθεια). Ἐμφασις — термин риторического происхождения, имеющий значение «особая выразительность, подчеркивание смысла происходящего подобающим словом». Суть возражений Полибия против сторонников идеи о том, что история — это подражание (μίμησις) жизни, можно свести к следующему: писатель-историк должен изображать реальные исторические события (τῶν ἀληθινῶν ζῶων, τῶν πραγμάτων), сопровождая жизненные зарисовки объяснениями и подбирая для этого точные слова с тем, чтобы факты предстали перед читателем со всей очевидностью. Слово ἐνάργεια тесно связано с гносеологией эпикурейцев и перипатетиков и означает очевидную ясность, получаемую в результате опыта²⁹. Таким образом, этот тезис Полибия теснейшим образом связан с его идеей о необходимости для автора исторического труда иметь собственный опыт — основу методологии исторического исследования. Опираясь на достижения античной риторики и философии, он использует их выводы, чтобы показать, сколь неверно отождествление задач поэзии и истории, ибо последняя прежде всего принадлежит к категории научной литературы (XII, 25h, 3—4; 25i, 7; 28a, 6).

С той же целью Полибий прибегает к сравнению истории с риторикой. Не отрицая пользы красноречия, он тем не менее замечает, что в историческом сочинении демонстрация мастерства ратора не должна становиться самоцелью. Таким образом, он пытается решить вопрос о соотношении риторического (т. е. художественного) и научного в историописании. При этом автор «Всеобщей истории» не отрицает такой формы изложения событий, как речи исторических деятелей, и иногда прибегает к ней сам. Это неудивительно. Историк следует, видимо, традиции³⁰, определяя предмет истории как «деяния и речи» (ἔργα καὶ λόγοι), а задачу историка — «говорить по правде о содеянном и сказанном» (τῶν δὲ πραγθέντων καὶ ῥηθέντων — II, 56, 10; XIV, 1a, 3). Не отрицает он и необходимости, согласно правилам риторического мастерства, обработки речей, помещенных в историческом сочинении. Эта мысль подтверждается рассуждениями

²⁴ Brink. Op. cit., p. 19.

²⁵ См. разбор отдельных терминов: Walbank. Polybius, p. 35, not. 26.

²⁶ Schepens G. Ἐμφασις und ἐνάργεια in Polybios Geschichtstheorie.— RSA, 1975, V, S. 185—200.

²⁷ О значении этого термина у Полибия см.: Mauerberger A. Polybios-Lexicon. Bd. I, Lief. 2, S. 774.

²⁸ См. о происхождении данного термина: Chantraine D. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II, 1969, p. 345; Mauerberger. Op. cit., S. 798 f.

²⁹ Peters F. E. Greek Philosophical Terms: A Historical Lexicon. N. Y.—L., 1967, p. 52.

³⁰ Фукидид также определяет предмет истории как действия (τὰ πραγθέντα) и речи (τὰ λεχθέντα). В отличие от Полибия он посвящает этому вопросу лишь краткий абзац (Thuc., I, 22).

Полибия о том, что его время требует одних речей, прошлое — других, что одни речи подходят этолийцам, другие — пелопоннесцам, третьи — афинянам. Более того, он настаивает на необходимости высокого мастерства в искусстве красноречия у авторов историографии, издавательски квалифицируя помещенные в произведении Тимея речи как пример школьного упражнения по риторике (XXXVI, 1, 3; XII 25i, 4; 25a, 5).

Но вместе с тем Полибий первым среди известных нам греческих историков столь подробно обсуждает вопрос о месте, роли и принципах изложения речей в историческом сочинении. В основе их, по мысли историка, должны лежать подлинные, «произнесенные в действительности» (κατ' ἀλήθειαν εἰρημένους) речи, каковы бы они ни были (οἰοὶ ποτ' ἄν ᾦσι). Во-вторых, речи героев исторического повествования должны нести четкую смысловую нагрузку. Из этого следует призыв Полибия к строгому отбору материала, критика многословия (εὐρησιλογία) и стремления некоторых авторов «выставлять напоказ свое умение» в составлении речей. Наконец, он убежден, что включение речей в историческое сочинение не может подменить собой их анализ. Речи должны сопровождаться соответствующими объяснениями. Смысл события и выступления государственного деятеля становится ясным лишь по разъяснению причин, по которым речь имела или не имела успеха, и ее последствий. Настойчиво убеждая читателя в своей правоте, автор «Всеобщей истории» критикует Тимея за пространные и бесцельные речи, называя его «многоговорящим по каждому поводу» (πρὸς πᾶσαν ὑπόθεσιν εὐρησιλογῶν — XII, 25b, 1—2; 25i, 5; 8—9; XXXVI, 1, 1—2).

Эту многословную и неоднократно повторяемую в отступлениях критику представителей так называемого риторического направления в античной историографии можно свести к трем основным требованиям: передача сказанного в действительности, того, что имеет наибольшее значение для понимания хода исторических событий, и его анализ. Полибий, несомненно, образован в области риторики и знаком с основными руководствами и теориями ораторского искусства. Тем более примечательно, что он поднимает очень важный для античной историографии вопрос о месте и роли речей в историческом сочинении. Его заслуга перед исторической наукой заключается в том, что он выдвигает тезис о подчиненности риторического материала историческому, об обработке такого материала по законам исторического исследования и пытается доказать его правильность.

Подведем некоторые итоги. Основываясь на анализе высказываний Полибия, как нам кажется, можно говорить о существовании в античной историографии III—II вв. до н. э. двух тенденций, между которыми велась ожесточенная борьба. Одну из них связывали с отождествлением исторической прозы и художественной литературы. Стремление обрабатывать материал исторических сочинений по канонам, разработанным теоретиками словесного искусства, — основной признак такого рода историописания. Трудно сказать, нашли ли свое выражение эти идеи в оформлении еще одного направления в историографии — «риторического». Состояние источников не позволяет решить эту проблему окончательно. Но ясно, что эти тенденции встречали сопротивление тех представителей эллинистического историописания, которые, как Полибий, настаивали на выделении истории из системы художественного творчества и видели в истории прежде всего научную дисциплину. Полибий часто критикует взгляды и методы работы современных ему историков³¹, отсюда частые

³¹ Эта особенность методики Полибия отмечалась рядом исследователей. См., например: *Lehmann G. A. Polybios und die ältere und zeitgenössische griechische Geschichtsschreibung. Einige Bemerkungen.* — In: *Polybe. Neuf esposes suivis de discussions.* Genève, 1974, S. 145—208; *Walbank F. W. Polemic in Polybios.* — *JRS*, 1962, LII, № 1, p. 1—12.

повторения и отступления в его труде, при этом он ссылается на прогресс в науках и искусствах, учитывая который можно и должно изучать историю научно (*μεθοδικῶς* — IX, 2, 5), вместе с тем и сам он непосредственно участвует в разработке метода исторического исследования.

Г. С. Самохина

POLYBIANA: HISTORY AS A SCIENCE
IN HELLENISTIC HISTORIOGRAPHY
IN THE THIRD AND SECOND CENTURIES B. C.

G. S. Samokhina

Study of the Histories of Polybius reveals the existence in this period of two tendencies in treating the concept of history. Adherents of the first regarded historical prose as a variety of artistic literature and tried to make use of the achievements of theoretical specialists in verbal mastery without in any way changing the writing of history. Polybius objected to this. He was a follower of those Hellenistic historians who saw in history first of all a scientific discipline with its own specific aims. The polemics over this question brought Polybius not only to criticise his adversaries and argue his own case, it also led him to take part in working out a method of historical research. In his opinion history is a portrayal of life, drawn with great clarity and precision, a portrayal of truthfulness. The historian who adheres to the canons of the theoreticians of verbal mastery should always keep in mind the subordination of his material to the laws of historical research.

КОЛЛЕГИЯ АТТАЛИСТОВ В ПЕРГАМЕ

Значительную роль в социально-политической, культурной и религиозной жизни греческого мира играли культовые, профессиональные, возрастные и другие объединения¹. Среди них наиболее многочисленную группу составляли религиозные товарищества, объединявшие почитателей какого-либо божества или обожествленной личности. Важную роль играл союз технитов Диониса, широко известный и пользовавшийся уважением в греческом мире. В его состав входили профессиональные артисты, музыканты, постановщики массовых зрелищ. Товарищество технитов Диониса в отличие от большинства религиозных объединений, имевших,

¹ История различного рода союзов посвящен ряд трудов, из которых наиболее полными и значительными являются исследования Э. Цибарта и Ф. Поланда (*Ziebarth E. Das griechische Vereinswesen. Lpz, 1896; Poland F. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Lpz, 1909*). Оба автора рассмотрели терминологию объединений, предприняли попытку классификации союзов, исследовали их устройство, финансы и другие вопросы. В этом отношении особой полнотой и тщательностью отличается исследование Ф. Поланда. В ряде работ была изучена история технитов Диониса или отдельные стороны их деятельности: *Глушкина Л. М. Асия эллинистических полисов и Дельфы. — ВДИ, 1977, № 1; Lüders O. Die Dionysische Künstler. B., 1873; Foucart P. De collegiis scenicorum artificum apud Graecos. P., 1873; Quandt W. De Baccho ab Alexandri aetate in Asia Minore culto. Halle, 1913; Klaffenbach G. Symbolae ad historiam collegiorum artificum Bacchorum. B., 1914; Poland F. Technitai. — RE, 2 Reihe, 10 Hlbd., Sp. 2473—2558; Nilsson M. The Dionysiac Mysteries of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957. О значении религиозных товариществ и возрастных союзов Малой Азии в распространении императорского культа см. *Свенцицкая И. С. Полис и Империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I—II вв. н. э. — ВДИ, 1981, № 4*. Авторы перечисленных трудов, отмечая факт существования коллегии атталистов, не проявили к ней должного внимания. Исследователи истории Пергама ограничивались изложением общих сведений об этом союзе.*

как правило, локальный характер, вышло за пределы полиса и играло значительную роль в системе межэллинических связей и отношений, по преимуществу религиозных и культурных, но также и политических. Участие технитов в религиозных празднествах придавало им особую пышность. Широкие возможности организации технитов в этом отношении оценили многие цари, которые старались привлечь артистов на свои торжества. Филипп II, например, захватив Олинф и устроив по этому поводу жертвоприношения и празднества, привлек к ним профессиональных артистов (Dem., XIX, 192). Диодор сообщает (XX, 108), что Антигон пригласил к участию в состязаниях и торжествах в Антигонии атлетов и артистов. Тигран II Великий собрал в своей столице технитов Диониса для открытия выстроенного им театра. Позже Лукулл, захватив во время войны с Митридатом VI Евпатором город Тигранакерт, использовал их для организации игр и зрелищ по случаю своей победы (Plut., Luc. XXIX).

Известно несколько региональных объединений технитов; среди них большую роль играл союз технитов Диониса Ионии и Геллеспонта τὸ κοινὸν τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν τῶν ἐπ' Ἰωνίας καὶ Ἑλλήσποντος, центром которого являлся город Теос. Во II в. до н. э. эта организация, как и сам город, находилась под властью царей Пергама; до падения династии техниты пользовались постоянной поддержкой Атталидов². В связи с этим объединение артистов Ионии и Геллеспонта стало даже избирать специального жреца Эвмена II, а после смерти царя — жреца бога Эвмена (SIG, 3070). О внимании центральной власти к делам союза свидетельствует письмо Эвмена II технитам по поводу их отношений с гражданской общиной Теоса (Inscrh. v. Perg., 163; RC, 53). Отношения между жителями города и поселившимися на его территории технитами складывались сложно. В начале II в. до н. э., очевидно вскоре после 188 г. до н. э., декретом Теоса артистам Диониса было предоставлено право приобрести участок земли в городе или хоре. Это земельное владение объявлялось священным и освобождалось от налогов (SEG, II, 580). В дальнейшем между гражданской общиной и объединением технитов возникли разногласия, основа которых не совсем ясна из-за фрагментарности источника. Эвмен II пытался разрешить противоречия, принимал посольства обеих сторон, а также направил некоего Аристомаха из Пергама для решения спорных вопросов на месте (RC, 53, col. III C)³. Но эта деятельность не имела в конечном счете успеха. Страбон (XIV, 1, 29, C 643) сообщает о том, что техниты бежали из Теоса в Эфес, а царь Аттал поселил их в Мионнесе, между Теосом и Лебедосом. Не ясно, о каком из последних пергамских царей идет речь в этом фрагменте. Большинство ученых справедливо считает, что переселение технитов произвел Аттал III⁴. Еще О. Людерс отметил, что уход артистов из Теоса не мог произойти ранее 153/152 г. до н. э., так как именно этим годом датируется один из найденных в Теосе важных документов (SIG, 3070)⁵. Кроме того, согласно сообщению Страбона (XIV, 1, 29 C 643), теосцы, испугавшись закрепившихся в Мионнесе технитов, обратились с жалобой к Риму, по распоряжению которого артисты переселились в Лебедос. Последние собы-

² О взаимоотношениях технитов Диониса с Атталидами см.: Глушкина. Ук. соч., с. 90—91; Ziebarth. Op. cit., S. 80—81; Poland. Op. cit., S. 138—140; Ohlemutz E. Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Würzburg, 1940, S. 98 f.; Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, 1947, p. 158 f.

³ Комментарий к надписи дан в работах: Ziebarth. Op. cit., S. 84 ff.; Protz H. von. Dionysos Kathegemon. — AM, 1902, XXVII, S. 166, 174; Poland. Op. cit., S. 140, 400; Welles C. B. The Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934, p. 230—237.

⁴ Lüders. Op. cit., S. 85 f.; Ziebarth. Op. cit., S. 84; Poland. Op. cit., S. 140; Welles. Op. cit., p. 234; Hansen. Op. cit., p. 159; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977, S. 115; Walbank F. W. The Hellenistic World. Brighton, 1981, p. 70.

⁵ Lüders. Op. cit., S. 86.

тия — обращение к Риму и переселение в Лебедос — произошли уже после падения династии Атталидов, поэтому переселение технитов в Мионнес следует связывать с именем Аттала III.

Отношения технитов с горожанами были сложными не только в Теосе, но и в других полисах, где селились артисты. Надпись, к сожалению плохой сохранности, обнаруженная на месте античного городка Аттуда во Фригии, по предположению издателей, содержит текст послания одного из пергамских царей, правивших во II в. до н. э., городу в связи с ухудшением отношений между корпорацией технитов и коллективом граждан (МАМА, VI, 65).

Пристальное внимание и покровительственное отношение пергамских монархов к союзу технитов Диониса Ионии и Геллеспонта объясняются прежде всего стремлением иметь дружественные связи с этим влиятельным в греческом мире религиозным объединением. Установлению этих контактов в немалой степени способствовала также популярность культа Диониса в самом Пергаме и при царском дворе. Культ Диониса в Пергаме был известен еще в доэллинистическое время. При Аттале I в связи с принятием царского титула была распространена официальная версия о происхождении Атталидов от бога Диониса, который получил эпитет Категемон⁶. Внимание последних царей династии к этому культу было исключительно велико. Жрецов Диониса Категемона назначал сам царь, а занимали эту должность родственники монарха. В течение многих лет при Эвмене II и Аттале II обязанности жреца Диониса Категемона исполнял Сосандр, обладавший придворным титулом «совоспитанник царя» (*ὁ σύντροφος τοῦ βασιλέως*), затем Аттал II назначил жрецом Афенея, сына Сосандра (RC, 65—66)⁷. Жреческая должность была, таким образом, пожизненной и наследственной.

Культ Диониса Категемона получил широкое распространение в городах Пергамского царства. Эпиграфическими источниками он засвидетельствован в Пергаме⁸, Филадельфии в Лидии⁹, Теосе¹⁰, Фиатире¹¹, Акмонии во Фригии¹². Некоторые из указанных документов относятся к римскому времени, что свидетельствует о силе традиции. Известно, что в середине II в. до н. э. в Пергаме существовало объединение вакхантов, которые почитали Диониса и одновременно отправляли культ Атталидов. Это религиозное товарищество посвятило алтарь из белого мрамора «царю Эвмену-богу, Сотеру и Эвергету»¹³. Исследователь культов и религии Пергама Э. Олемутц совершенно справедливо отметил наметившееся сближение культа монархов Атталидов и бога Диониса Категемона¹⁴.

В свете всех перечисленных фактов внимание и покровительственное отношение Атталидов к технитам Диониса Ионии и Геллеспонта представляется совершенно естественным. В связи с распространением культа Диониса Категемона при Эвмене II произошли изменения и в организации союза технитов. Он стал называться *τὸ κοινὸν τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν τῶν ἐπ' Ἰωνίας καὶ Ἑλλησπόντου καὶ τῶν περὶ τὸν Καθηγέμονα Διόνυσον*. В надписях такое название союза получило распространение после 188 г. до н. э., когда окончательно установилась власть Атталидов

⁶ А. Бёк ошибочно считал Диониса Категемона богом Теоса (CIG, II, p. 657). Г. фон Протт доказал связь этого культа с династией Атталидов (op. cit., S. 162—166). См. об этом также: *Quandt*. Op. cit., S. 158—159; *Ohlemutz*. Op. cit., S. 98.

⁷ Сосандр известен также как полководец. В 156 г. до н. э., во время войны с Вифинией, он во главе армии вступил в Элею и этим сподобился от разграбления (*Polyb.*, XXXII, 25, 10).

⁸ AM, 1902, XXVII, S. 164; AM, 1910, XXX, S. 471; RC, 65—66.

⁹ *Keil-Premierstein*. I, S. 28, № 42; AM, 1895, XX, S. 243.

¹⁰ AM, 1902, XXVII, S. 165; CIG, 3067, 3068 A.

¹¹ *Keil-Premierstein*. II, S. 30, № 54.

¹² *Ramsey W.* — CB, I, p. 644, № 546.

¹³ AM, 1902, XXVII, S. 94, № 86.

¹⁴ *Ohlemutz*. Op. cit., S. 94, 110.

над Теосом. Позже 133 г. до н. э., после гибели династии, исчезли упоминания об артистах Диониса Категемона, из чего ясна их связь с правившим в Пергаме царским домом. Следует полагать, что союз артистов Диониса Категемона составлял часть объединения технитов Малой Азии, имел центр в городе Пергаме и состоял из придворных музыкантов и артистов. Задача его состояла в распространении культа Диониса Категемона, в участии в связанных с именем этого бога празднествах и различных придворных торжествах¹⁵.

К этому же времени относится и основание новой коллегии атталистов τὸ κοινὸν τῶν Ἀτταλιστῶν, данные о которой содержит серия надписей из городов Малой Азии (один документ из Иаса, остальные из Теоса), связанных с именем Кратона, сына Зотиха. Хронологическая последовательность документов определяется следующим образом¹⁶. По всей вероятности, наиболее ранней является надпись из карийского города Иаса, упоминающая имя флейтиста Кратона в ряду имен агонифетов, артистов, хорегов¹⁷. Ее можно примерно датировать первой третью II в. до н. э. Позже в честь Кратона были приняты почетные постановления объединениями синагонистов (SIG, 3068 B), технитов Диониса Ионии и Геллеспонта и Диониса Категемона (SIG, 3067, 3068 A). Последние два документа были составлены при жизни царя Эвмена II, очевидно в последние годы его правления. Следующие надписи относятся ко времени правления брата Эвмена II — Аттала II. Седьмым годом правления Аттала II — 153/152 г. до н. э. — датируется письмо Кратона коллегии атталистов, которая к тому времени уже была основана (SIG, 3070; OGIS, 325). Примерно тогда же было сделано в Теосе посвящение от имени атталистов и Кратона¹⁸. От первого документа, к сожалению, сохранилось лишь несколько начальных строк, а второй сам по себе предельно краток. К более позднему времени — после 153/152 г. до н. э. — относятся постановления атталистов в честь основателя коллегии (SIG, 3069; OGIS, 326) и сильнофрагментированная надпись, которую считают завещанием Кратона (SIG, 3071). Два документа не поддаются датированию. Один из них фиксирует памятное событие — награждение Кратона венками от имени эфбев, коллегии стратегов и гражданской общины Теоса¹⁹; другой — постановление технитов Истма и Немеи в честь Кратона (SIG, 3068 C).

Кратон, сын Зотиха, гражданин Калхедона, с именем которого связаны все указанные документы, начинал свою деятельность в объединении технитов Диониса флейтистом. Позже он стал играть очень значительную роль в этом союзе, был избран жрецом Диониса и агонифетом. Кратон стал настолько влиятелен и популярен, что союзы технитов Ионии и Геллеспонта, Истма и Немеи, а также объединение синагонистов отметили его деятельность серией специальных постановлений, предоставив значительные почести (SIG, 3067, 3068). Например, союз артистов Ионии и Геллеспонта и Диониса Категемона решил ежегодно награждать его венком в день, когда производилось торжественное шествие, и установить три изображения Кратона (SIG, 3067). В документах подчеркивается, что деятельность Кратона была каким-то образом связана с царским двором Атталидов. К сожалению, о ней говорится в самых неопределенных и напыщенных выражениях: «...все, относящееся к чести и славе, совершил для Диониса... и других всех богов и для царей, цариц и братьев царя Эвмена...» (πάντα τὰ πρὸς τιμὴν καὶ δόξαν ἀνήκοντα ἐποίησε τῷ τε Διονύσῳι ... καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς πᾶσι καὶ τοῖς τε βασιλεῦσι καὶ ταῖς βασιλίσσαις καὶ τοῖς

¹⁵ Ibid., S. 98—99; Ziebarth. Op. cit., S. 80 f.; Poland. Op. cit., S. 139; Welles. Op. cit., p. 324; Hansen. Op. cit., p. 417.

¹⁶ Daux G. Craton, Eumène II et Attale II.— BCH, 1935, 59, p. 218—220.

¹⁷ Le Bas-Waddington. III, 255.

¹⁸ BCH, 1880, IV, p. 164.

¹⁹ Le Bas-Waddington. III, 1558.

ἀδελφοῖς βασιλέως Εὐμένου — SIG, 3067, 11—14)²⁰. Видимо, этой деятельностью Кратон приобрел гражданские права в столице государства, ибо назван в одном из документов пергамцем (SIG, 3068 C). Гражданская община центра технитов Ионии и Геллеспонта города Теоса, коллегия стратегов города и эфебы также воздали ему почести — увенчали венками²¹. Именно в этот период жизни, когда он имел широкую популярность и влияние в организации технитов, в городе Теосе и стал известен своей промонархической деятельностью, Кратон приступил к созданию новой коллегии. Отметим, что этот человек был еще и богат, о чем свидетельствует перечень имущества, переданного им коллегии атталистов. Кратон по праву может быть отнесен к тому достаточно узкому слою состоятельных и обладавших в полисах реальной политической властью граждан, который выделился в эпоху эллинизма и часто составлял социальную опору монархии в городах.

Деятельность Кратона по созданию коллегии заключалась в том, что он, как сказано в документе, отобрал и объединил людей в новый союз (τὸ κοινὸν τῶν ὑφ' αὐτοῦ συνηγμένων καὶ κε[χρ]ι[μ]ένων — OGIS, 326, 6—7; 325, 4). Учительная характер всей предшествующей деятельности Кратона, следует полагать, что в новую коллегию были отобраны и объединены артисты — члены организации технитов Диониса²². Позже Кратоном был составлен так называемый «священный закон» (νόμος ἱερός — OGIS, 325, 17, 35), представлявший собой, вероятно, совокупность норм и правил, определявших деятельность атталистов. Чрезвычайно важны указания надписи на существование прямых контактов Кратона с царем Атталом II и интерес последнего к деятельности союза. Например, упоминается о том, что после смерти Кратона, которая последовала в Пергаме, Аттал II отослал коллегии атталистов тот «священный закон», который был оставлен основателем нового объединения (καὶ νόμον ἱερὸν ἀπολιπὼν [Кратон], ὃν ἐξαπέστειλεν ἡμῖν βασιλεὺς Ἀτταλος — OGIS, 326, 17—18). Таким образом, Аттал II был знаком с содержанием разработанного Кратоном и утвержденного позже атталистами документа.

Известные сложности вызывает вопрос о времени создания союза. Письмо Кратона атталистам, которое содержит самое раннее упоминание об этой коллегии, датировано седьмым годом правления Аттала II, т. е. 153/152 г. до н. э. (OGIS, 325, 1—2), но есть основания считать, что товарищество было создано почти на 10 лет раньше. В одном из постановлений в честь Кратона (SIG, 3067), которое Ж. До датирует временем ранее 166 г. до н. э.²³, отмечается, что Кратон выполнял в союзе технитов Диониса Ионии и Геллеспонта обязанности жреца Диониса и агонифета. Коллегия атталистов еще не была основана. В другом декрете — постановлении атталистов — содержится фраза, которая требует особого внимания: сказано, что Кратон «много доброе и полезное объединению у царей совершил» (πολλὰ μὲν καὶ καὶ φιλόφρωντα τῇ συνόδῳ παρὰ τῶν βασιλέων ἐποίησεν — OGIS, 326, 8—10). Объединение (ἡ σύνοδος) — это коллегия атталистов, а под царями подразумеваются Аттал II, при котором принято постановление, и его предшественник Эвмен II. Из этого следует, что коллегия возникла

²⁰ Надпись была составлена еще при жизни Эвмена II, в противном случае он был бы назван богом (ср. SIG, 3070). Под царями подразумеваются Эвмен II и Аттал II. Последний, по мнению Ж. До, которое принято и другими исследователями, стал носить царский титул еще при жизни своего брата (*Daux. Op. cit.; Hansen. Op. cit.*, p. 120 f.; *Allen R. E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf.*, 1983, p. 10, not. 7, 84).

²¹ *Le Bas-Waddington. III*, 1558.

²² *Ziebarth. Op. cit.*, S. 76; *Hansen. Op. cit.*, p. 418; *Hopp. Op. cit.*, S. 114. П. Фукар (*op. cit.*, p. 8) тоже считал атталистов артистами, но видел в них не особую коллегию, а технитов Диониса Малой Азии, принявших имя царя Аттала в благодарность за оказанные им благодеяния. Против такой трактовки свидетельствует наличие у атталистов своей организации и имущества.

²³ *Daux. Op. cit.*, p. 219.

еще при жизни Эвмена II, в промежутке между тем временем, когда было принято упомянутое выше постановление технитов Диониса Ионии и Геллеспонта в честь Кратона ранее 166 г. до н. э. (SIG, 3067), и смертью Эвмена II, которая последовала в конце 160 или начале 159 г. до н. э.

Г. фон Проттом было высказано предположение, что при Эвмене II возникла коллегия эвменистов, имевшая специальное святилище Эвменийон, а при Атталей II религиозное объединение и святилище получили имя нового царя. Но никаких фактов в пользу данной мысли источники не содержат, поэтому она справедливо была отвергнута²⁴.

Деятельность коллегии атталейстов продолжалась недолго, никаких сведений о ее существовании после падения династии Атталейдов в 133 г. до н. э. нет.

Трудности вызывает также вопрос о том, в каком городе царства находилась коллегия атталейстов. О. Керн, В. Диттенбергер, Ф. Поланд, В. Руге считали этим городом Теос на том основании, что он был центром технитов Диониса Ионии и Геллеспонта и именно в Теосе были найдены рассказывающие о Кратоне документы²⁵. А. Бек, О. Людерс, М. Френкель, Г. фон Протт, Дж. Кардинали, М. И. Ростовцев, Э. Олемутц, Э. Хансен, Р. Аллен, напротив, придерживались мнения о том, что центром атталейстов стал Пергам²⁶. В пользу второй точки зрения свидетельствует ряд фактов. Кратон получил гражданские права в Пергаме, его деятельность была связана с царским двором. В постановлении атталейстов говорится о том, что завещанный коллегии Кратоном дом находился рядом с дворцом (πρὸς τῷ βασιλείῳ — OGIS, 326, 22). В данном случае речь идет о столице, хотя и известно, что Атталейды имели дворцы в некоторых других городах государства, например в Траллах (Vitruv., II, 8, 9). Упоминаемый в указанном выше документе Атталейон исследователи отождествляют с так называемым «зданием с нишей», расположенным на склоне холма Пергама южнее театра (ср. указание надписи о положении Атталейона — πρὸς τῷ θεάτρῳ — OGIS, 326, 20)²⁷. Что касается одного из главных возражений против данной точки зрения (связанные с именем Кратона документы были открыты в Теосе), то оно объяснимо. С Теосом были связаны многие важные этапы карьеры Кратона, а коллегия атталейстов имела тесные связи с союзом артистов Диониса. Поэтому, когда Кратон создал в столице союз атталейстов, серия ранних почетных декретов была дополнена новыми документами: постановлением коллегии атталейстов, письмом Кратона и, наконец, его завещанием.

Коллегия атталейстов имела структуру и организацию, традиционную для такого рода союзов. Она официально называлась τὸ κοινὸν τῶν Ἀτταλιστῶν; ἡ σύνοδος τῶν Ἀτταλιστῶν или просто ἡ σύνοδος (OGIS, 326, 2, 9, 16, 19, 23, 32—33). Члены ее устраивали собрания (ἡ σύνοδος — OGIS, 326, 25), которые являлись главным органом объединения. Примечательно, что даже «священный закон», составленный Кратоном, утверждался собранием. Собранием было принято также специальное почетное постановление с целью воздать хвалу основателю коллегии и увековечить его память (OGIS, 326). Во главе объединения находился жрец

²⁴ *Prott. Op. cit.*, S. 174, 177. Ср. *Poland. Op. cit.*, S. 140; *Ohlemutz. Op. cit.*, S. 104, Anm. 30; *Hansen. Op. cit.*, p. 419, not. 224.

²⁵ *Kern O.* — RE, Bd. 2, Sp. 2157; OGIS, v. 1, p. 500, not. 13; *Poland. Op. cit.*, S. 231; *idem. Technitai.* — RE, 2 Reihe, 10 Hlbd., Sp. 2543; *Ruge W.* — RE, 9 Hlbd., Sp. 567.

²⁶ *CIG*, v. 11, p. 667; *Lüders. Op. cit.*, S. 22; *Fränkel M.* Die Inschriften von Pergamon. Bd. 1. B., 1890, S. 138; *Prott. Op. cit.*, S. 168 ff., 178 ff.; *Cardinali G.* Il regno di Pergamo. Roma, 1906, p. 151 sgg., not. 1; *Rostovtzeff M.* Pergamum. — САН, v. 8, p. 600; *Ohlemutz. Op. cit.*, S. 100 f., Anm. 29; *Hansen. Op. cit.*, p. 419; *Allen. Op. cit.*, p. 153. Ср. OGIS, v. 1, p. 500, not. 15.

²⁷ *Prott. Op. cit.*, S. 169, 178—180; *Ohlemutz. Op. cit.*, S. 102—103; *Hansen. Op. cit.*, p. 419 f.

(ὁ ἱερεὺς τῆς συνόδου — OGIS, 326, 2—3), должность которого первоначально занимал сам Кратон.

В связи с вопросом о структуре и организации новой коллегии особого внимания заслуживают сохранившиеся строки письма Кратона атталистам: [Βασιλε]ύοντος Ἀττάλου Φιλαδέλφου, ἔτους ἐβδόμ[ου, μηνὸς Δ]ίστρου, ἐπὶ δὲ ἱερέως τῶν τεχνιτῶν Κρατίν[ου καὶ ἀγων]ο — θετοῦ καὶ ἱερέως θεοῦ Εὐμένου Ἀρισταίου Κράτω[ν Ζωτίχο]ν τοῖς Ἀτταλισταῖς τοῖς ὑφ'ἑαυτοῦ συνηγμέν[οις — — —] (OGIS, 325, 1—4). Послание датируется седьмым годом правления Аттала II — 153/152 г. до н. э. и, кроме того, содержит упоминание о двух эпимных магистратах союза технитов Диониса—агонофете и жреце, который был также и жрецом обожествленного после смерти царя Эвмена II. Почему, обращаясь к основанному им религиозному товариществу, Кратон датирует письмо именно таким образом? Можно предположить, что коллегия атталистов имела организационную связь с теосским объединением артистов Диониса, возможно составляла его отделение.

Союз атталистов подобно другим культовым коллегиям эллинского мира²⁸ имел собственные средства, имущество, находившееся в общем владении; возможно, выбирался казначей. Общим достоянием членов товарищества атталистов стали завещанная Кратоном на жертвоприношения и проведение собраний крупная сумма денег, утварь сакрального назначения, дом, который находился около царского дворца, а также переданный им еще при жизни Атталейон, очевидно святилище — центр царского культа (OGIS, 326, 20—32).

Рассмотренные данные об организации союза атталистов свидетельствуют о влиянии объединения технитов Ионии и Геллеспонта. Товарищество артистов Диониса явилось основой и своего рода образцом формирования новой коллегии; возможно даже, оба союза сохраняли организационную связь. Причины этого заключались в том, что объединение технитов Диониса Ионии и Геллеспонта имело сложившуюся в течение долгого времени организационную структуру, было близко к дому Атталидов, придерживалось пропергамской ориентации, участвовало в отправлении культа монархов, наконец, имело широкую известность в греческом мире.

Важной особенностью союза технитов Диониса, как отмечалось выше, был его межполисный характер. В объединение вступали граждане различных общин и имели в нем равные права. Видимо, эту черту унаследовала и коллегия атталистов. Сам основатель товарищества Кратон являлся гражданином Калхедона, но получил еще и гражданские права в Пергаме.

В эллинистическую эпоху известны и другие коллегии почитателей царей или династий, возникновение которых было связано с широким распространением практики обожествления монархов. Из воинов египетского гарнизона на острове Кипр состояла коллегия базилистов (οἱ βασιλισταί — OGIS, 130). В Феспиях существовало объединение в честь основателя династии Атталидов Филетера (OGIS, 311), а на Делосе в первой половине I в. до н. э. — союз евпатористов в честь Митридата VI Евпатора (OGIS, 367). Среди названных коллегий союз атталистов занимал особое место. На основании тех сведений, которые известны о деятельности Кратона и создании товарищества атталистов, следует полагать, что целью объединения было не только отправление царского культа, но и активное его распространение, участие в многочисленных религиозных придворных праздниках. Таким образом, создание коллегии атталистов было связано не только с практикой почитания царей Пергама, но и с активными и целенаправленными усилиями монархии распространить царский культ.

О. Ю. Климов

²⁸ О финансах религиозных объединений см.: Ziebarth. Op. cit., S. 156—166; Poland. Op. cit., S. 453—498.

The author discusses the structure, time of origine and activities of the Attalists' association; its interaction with other cult boads; a role of Kratonos as its founder. He finds that the origine of the body was bound up not only with the practice of the king-worship itself but also with the attempt of the Pergamene monarchy to spread the royal cult.

БРОНЗОВАЯ МОДЕЛЬ ПЕЧЕНИ ИЗ ПЬЯЧЕНЦЫ КАК КАЛЕНДАРНАЯ СИСТЕМА

В 1877 г. в районе Пьяченцы была найдена бронзовая модель овечьей печени, которая, несмотря на то, что уже более ста лет служит объектом всесторонних исследований¹, остается предметом во многих отношениях загадочным. Достаточно сказать, что ни одна из сотен глиняных моделей печени с надписями и без них на Востоке не является аналогичной или даже близкой печени из Пьяченцы². Исследователи сошлись в том, что это предмет, предназначенный для гадания или для обучения гаданию начинающих гаруспиков. Не вызывало также сомнения, что 16 делений ободка печени соответствуют 16 секторам неба согласно этрусской лимитации пространства, известной по описанию римских антикваров, пользовавшихся переложениями этрусских религиозных книг. Более того, одному из первых исследователей печени из Пьяченцы, К. Тулину, удалось доказать, что имена богов, вписанных в 16 секторов неба у Марциана Капеллы, в общем и целом соответствуют именам, вписанным в 16 участков ободка печени³.

Долгое время споры вызывало направление надписи на печени — вопрос исключительно важный для понимания ее как системы. В. Дееке был уверен, что отсчет следует вести от участка, который в его время читался *ani*, поскольку *ani* отождествлялся с римским Янусом⁴. Его поддержали К. Тулин, А. Бидл, Э. Феттер, А. Пффифг, М. Паллоттино и приняли за начало отсчета участок *tin silen*⁵. Г. Кёрте⁶ был уверен, что первым является участок *saθ*, а А. Гренье⁷ — участок *cilens*.

¹ Deecke W. Etruskische Forschungen. IV. Das Templum von Piacenza. Stuttgart, 1880; Körte G. Die Bronzeleber von Piacenza. — RhM, 1905, S. 348 ff.; Thulin C. O. Die Götter des Martianus Capella und die Bronzeleber von Piacenza. — RG VV, III, 1, Giessen, 1906; *idem*. Die Etruskische Disciplin. Die Haruspizin. — GHA, 1906, 12; Biedl A. Die Himmelstellung nach der Disciplina Etrusca. — Philologus, 1931, 86, S. 199 ff.; Grenier A. L'orientation du foie de Plaisance. — Latomus, 1946, v. V, f. III — IV; Weinstock St. Martianus Capella and the Cosmic System of the Etruscans. — JRS, 1946, 36, p. 101 ff.; Pallottino M. Deorum sedes. — In: Studi in on. di A. Calderini, 1956, III, p. 223 sq.; Pffiffing A. Religio Etrusca. Graz, 1975, S. 121—127.

² Сравнение этрусской и вавилонской гепатоскопии см. Furlani G. Epatoscopia Babilonese ed epatoscopia Etrusca. — SMSR, 1928, IV, p. 243 sq.; *idem*. Mantica hitita e mantica etrusca. Tyrrenica, Saggi di studi etruschi. Milano, 1957, p. 61 sq.

³ Thulin. Die Götter..., S. 7 ff.

⁴ Deecke. Op. cit., p. 12.

⁵ Biedl. Op. cit., S. 199; Vetter E. Etruskisch — Glotta, 1940, 28, S. 161; Pffiffing. Op. cit., S. 125; Pallottino M. Die Etrusker. Hamburg, 1975, S. 136.

⁶ Körte. Op. cit., S. 32.

⁷ Grenier. Op. cit., p. 294. С предложенной Гренье ориентацией печени согласилась Н. К. Тимофеева (Религиозно-мифологическая картина мира у этрусков. Новосибирск, 1980, с. 40 сл.).

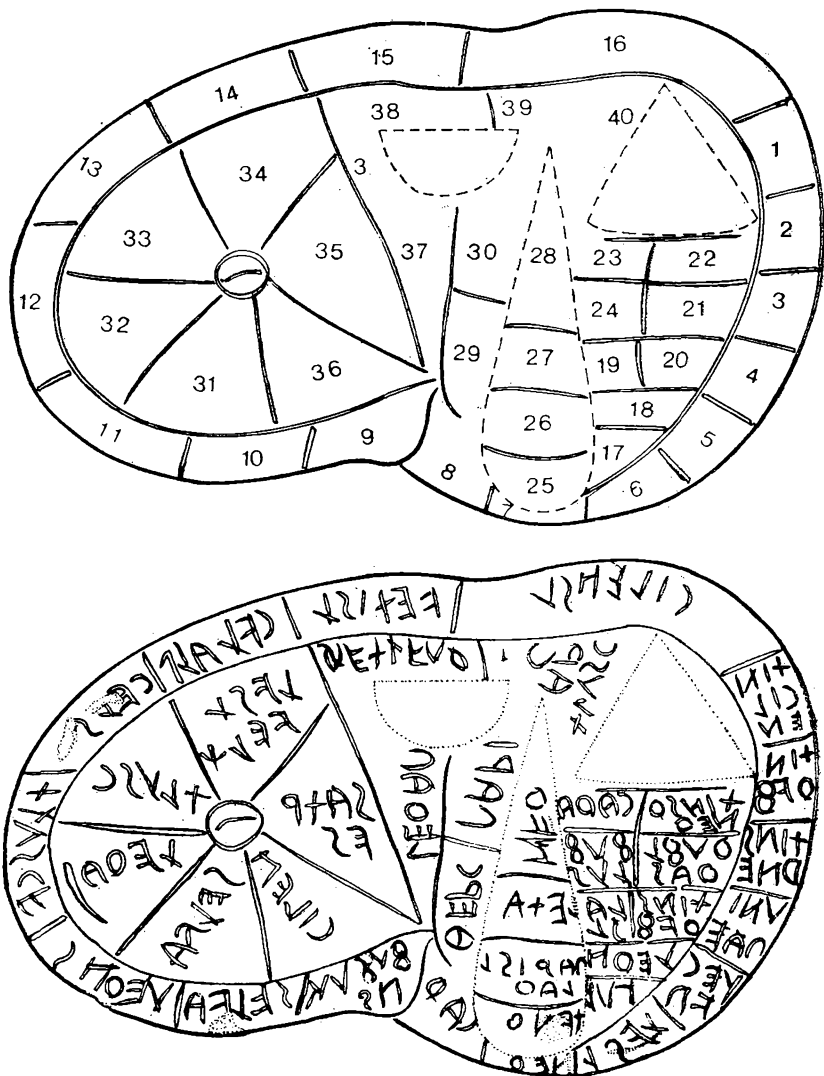

Рис. 1. Прорисовка бронзовой модели печени из Пьянцы

Споры вызывали и продолжают вызывать структурные элементы внутренней части печени. Почему из трех «возвышенностей» печени деления имеются только в части, соответствующей желчному пузырю? Почему участки на «южной» стороне печени имеют форму розеток и группируются **вокруг** центра, а на «северной» стороне печени большинство участков имеет прямоугольную форму, а два из них — *lepu* и соседний с ним, ныне читаемый *pu*, отклоняются от этой прямоугольной формы?

Делениям внутренней части давались самые фантастические объяснения. Углубление в «южной» стороне печени толковалось как «mundus» — вход в подземный мир, а расположенные вокруг него «боги» в «розетках» — как боги подземного царства⁸, при этом оставалось не объясненным, почему те же «боги» встречаются на противоположной стороне печени, где нет никакого «входа в подземный мир». Г. Штольтенберг отбросил такую трактовку, но предложил не менее фантастическую. Он объявил не имею-

⁸ Grenier. Op. cit., p. 294.

щую возвышенностей часть печени «сельской», объяснив находящиеся вокруг углубления слова как «любовь», «производственный огонь», «осенняя обработка земли», «счастье», «мир», а слова противоположной, «гористой» части печени истолковал как «покровитель города», «общественное благо», «городское водоснабжение», «войско», «война» и т. д.⁹

Можно было бы не останавливаться на вышедшей недавно брошюре А. Каулинша, если бы она не носила название «Этруская бронзовая печень из Пьяченцы: указатель звезд и календарь»¹⁰. При, казалось бы, общем определении памятника (если исключить «указатель звезд») в нашем подходе к нему и в подходе Каулинша, равно как и в полученных результатах труда, нет ничего общего. Каулинш понимает все слова надписи либо как названия звезд, например, *fuluns* — Плеяды, *fulnas* — Гиады, *culalp* — полярная звезда, *tin* — Антар, либо как термины «восход» и «заход», «подъем» (как «подъем», например, переведено слово *sel*, известное в глоссах как «сентябрь»), либо как местоимения (слово *saθ*, давно определенное как теоним, переводится «когда»). Такое расхождение со всей этрускологической наукой объясняется тем, что автор переводил этрусские термины печени из Пьяченцы, опираясь на латышский язык, и, более того, видел в этом памятнике «ключ к дешифровке этрусского языка».

Ложное понимание памятника и отдельных его частей во многом связано с неправильным чтением слов, вписанных в участки печени. Уже Э. Феттер дал новое чтение слова в участке № 6 и сделал ряд других менее значительных исправлений¹¹. А. Пфиффиг предложил читать в участке № 38 *metlumθ* вместо *detvna*¹². Наибольшее значение для исправления текста печени из Пьяченцы имела работа А. Маджани¹³ (см. рис. 1). Теперь слова участка № 3 читаются не *uni θne*, а *tin θne*. Не менее важно новое чтение слова в участке № 7 — *peθ* вместо *eθ*. Слово в участке № 17 во внутренней части печени читается теперь *pu.* (Это последнее и позволило нам понять надписи на ободке печени как систему.)

Исключительное значение в плане понимания лимитации печени и расположения ее участков имеет устранение слова *ani*, отождествлявшегося всеми исследователями без исключения с римским Янусом, и появление на ободке печени третьего участка верховного бога этрусского пантеона Тина. Марциан Капелла, знакомый с этрусской дисциплиной по не дошедшим до нас антикварным сочинениям, говорит о трех участках Юпитера-Тина, расположенных один за другим (*Mart. Cap.*, I, 45). Также и Сенека, излагая этрусское учение о молниях по труду автора с этрусским именем Цецина, сообщает о трех молниях Юпитера (*Sen.*, *Quaest. Nat.* 37). Внесенная поправка, таким образом, показала, что античная традиция, общая о трех участках этрусского Юпитера, не ошибалась и что эти участки занимали компактное место в определенном секторе печени.

Выделение линии, отделяющей *silens* от *tin silens*, как исходной и соотнесение ее с этрусским Янусом способствуют пониманию делений ободка печени как системы. Янусу у римлян был посвящен первый месяц года — январь, и он считался двуликим, поскольку «смотрел» в разные стороны года. Как бог года он изображался с пальцами, расположенными таким образом, что они показывали число дней года — 355 или 365 (*Plin.*, *NH*, XXXIV, 33; *Macr.*, *Sat.* I, 9, 10). Он считался «родителем календаря» (*fastorum genitor* — *Mart.*, 8, 2, 1). Такие же представления о Янусе существовали у этрусов. Согласно Иоанну Лиду, цитирующему место из 14-й книги *Reg. div.* Варрона, этрусски считали Януса богом неба и блюс-

⁹ *Stoltenberg H.* Etruskische Gottnamen. Leverkusen, 1957, S. 97 ff.

¹⁰ *Kaulinš A.* The Etruscan Bronze Liver of Piacenza. An Ancient Starfinder and Calendar. Darmstadt, 1980.

¹¹ *Vetter.* Op. cit., S. 161.

¹² *Pfiffig.* Op. cit., S. 125.

¹³ *Maggiani A.* — *SE*, 1981, 49, p. 263—267.

тителем всех дел, называя его *ποταμος*, поскольку в календы ему приносилась жертвенная лепешка — *ποτανον* (Lyd., De mens. 4, 2)¹⁴. Не менее интересна другая цитата Лида из Варрона, согласно которой этрусский Янус был расположен по обе стороны созвездия Медведицы или полюса — *ἐφ' ἐκείτρας Ἄρκτου* (Lyd., De mens. 4, 2). Это расположение Януса не только согласуется с этрусскими представлениями о местожительстве богов в северной части неба¹⁵, но и в полной мере соответствует положению *tin cilen* в начале циклической системы ободка печени.

Если принять обратную сторону полюса за декабрь, то появляется возможность понять всю эту систему как календарь. При этом участок *cilen* отстоит от порога года на столько же единиц, на сколько сентябрь отстоит от января. И о том, что это не простое совпадение, говорит дошедшая до нас этрусская глосса, согласно которой *cel* — сентябрь (TLE, 824).

Понимая остальные слова в 12 участках от участка № 5 (*tecum*) как менонимы или имена богов, покровительствующих соответствующим месяцам, мы получаем следующие значения:

<i>tecum</i>	январь
<i>lvsl</i>	февраль
<i>peθ</i>	март
<i>caθ</i>	апрель
<i>fulfluns</i>	май
<i>selva</i>	июнь
<i>leθns</i>	июль
<i>tluscv</i>	август
<i>cels</i>	сентябрь
<i>cvlalp</i>	октябрь
<i>vetisl</i>	ноябрь
<i>cilensl</i>	декабрь

Анализ этих слов, связанных с соответствующими месяцами, дает дополнительные аргументы в пользу нашего предположения. Месяц *caθ* — апрель — имеет ориентировку восток — запад, которая исходит из того, что участок *tin cilen* находился строго на севере. При этом оказывается, что *caθa*, как это давно уже выяснено, — бог Солнца¹⁶. В этрусских глоссах апрель присутствует как *cabreas* (TLE, 816). Считая это название несколько деформированным, мы высказали предположение, что этрусский апрель должен был иметь написание **carpe*¹⁷. Теперь, когда мы понимаем участки ободка печени как систему месяцев, появилась возможность отыскать меноним «апрель» в надписях культового календаря Загребской мумии — это месяц *caθre* (TLE, I, 12, 4; 8). Там же отыскался меноним «январь», не представленный в глоссах, — *tecum* (TLE, I, 12, 5).

Обращает на себя также внимание меноним *peθ*, соответствующий марту, фигурирующему в этрусских глоссах как *velcitanus* (TLE, 856). За *peθ* легко проглядывается этрусский бог *peθuns*, по своим функциям соответствующий римскому Нептуну¹⁸. Месяц *peθ* по своему положению в

¹⁴ *Poran* — явно не этрусское название бога, а эпитет, подвергшийся грецизации (о передавалось в этрусском через *u*). Производные от основы *pur*: *пура*, *пураис*, *пури*, *пуриас*, *пури* широко представлены в этрусской эпиграфике.

¹⁵ Согласно Варрону, цитируемому Фестом (*Fest.*, 454): «Если ты с местоположения богов смотришь на юг, то слева от тебя будет восточная часть мира, а справа западная». Также и Фронтин: «Происхождение лимитации, как описывает Варрон, восходит к этрусской дисциплине. Гарусики делили земной круг на две части: правую, которая протянута на север, и левую, которая находится между восходом и закатом солнца, потому что оттуда смотрят также солнце и луна» (*Frontin.*, II, 15).

¹⁶ Имя бога *caθ* представлено во многих этрусских надписях — TLE, 131, 359, 622. На зеркале из Орвиетто (GK, V, 158) имя *caθa* написано над изображением солнечной колесницы, у Марциана Капеллы в секторе № 8, согласно принятому чтению, значится *Veris fructus* — плод весны, но, видимо, вместо *solusque ex illa Veris fructus* надо читать *Sol ex illa Veris fructus*.

¹⁷ *Немировский А. И.* Этрусски. От мифа к истории. М., 1983, с. 185.

¹⁸ А. Пфиффиг полагает, что этрусски заимствовали имя этого божества у латинян, поскольку *perθ* родственно авестийскому *parθa* «влажный» (*Pfiffig. Op. cit.*, S. 285). Но имя этого бога, как и некоторые другие теонимы с индоевропейской основой, могло восходить к языку первоначальных обитателей Тосканы — *целастов*.

календаре печени из Пьяченцы отвечает мартовскому разливу весенних вод. Ни один из римских праздников с жертвоприношениями Нептуну не падает на март (праздничные дни Нептуна — 9, 11, 13 мая, 19, 21, 23 июля). Возможно, это связано с тем, что к Нептуну обращались в то время, когда испытывали недостаток влаги, а не когда она была в избытке. Но, не связывая Нептуна с мартом, римляне сближали его с Марсом, помещая их имена рядом в сакральных текстах и надписях религиозного содержания.

Первое место в ряду месяцев занимает *tesum*, расположенный сразу же за участком *une tae* и определенный нами как январь. Пятый по положению участок, начиная от *tin silen*, соответствует пятому сектору неба у Марциана Капеллы, в котором тот поместил «Цереру Почву, отца Земли Вулкана и Гения»¹⁹. Слова с основной *tes* достаточно широко представлены в этрусской эпиграфике. Это и глагол *tes*, *tece* (TLE, 624, 651), и аппеллятивы *tecsa* (CIE, 3436, 3437, 3438), *teclliam* (CIE, 513; SE, 42, p. 296—297); *teclunial* (SE, 36, p. 232), *tecumnal* (CIE, 1923). Еще один раз само слово *tesum* встречается в тексте Загребской мумии (TLE, 12, 5). Исходя из того, что слово *tecsa* встречается на пограничных камнях в значении «Земля (т. е. владение) Теку», а также из этимологических соображений, Г. Штольтенберг перевел *tesum* как «земля», «почва»²⁰. Это значение подтверждается римскими религиозными праздниками, относящимися к Теллус и Церере и падающими на январь. Теллус получала жертву — свинью до начала посева — *porca praesentanea* (Fest., 274, 6 L.). Об этой жертве, но совместной с Церерой, сообщают Овидий (Fast. I, 671) и Иоанн Лид (Mens. 3, 9). Начальное положение *tesum*-Tellus в календаре объясняется тем, что она считалась «началом» — *initium* (August., Civ. Dei. VII; 28), «кормилицей» — *alma* (Ovid., Met. II, 272; Serv., Aen. X, 252).

15-й участок ободка печени обозначен словом *vetisl*, бесспорно отождествляемым с богом *veive*, упомянутым в тексте Загребской мумии (TLE, I, 11, 4), и с римским богом *Veiovis* (*Vedius*, *Vediovis*)²¹. Совпадение имен этрусского и римского бога позволяет воспользоваться сведениями о Вейовисе для установления значения *Vetisa*. В римской антикварной литературе нет единства в понимании Вейовиса. Согласно Авлу Геллию, статуя Вейовиса на Капитолии изображала юного бога со стрелой в руке и стоящей рядом козой, которую ему приносили в жертву *humano ritu* (A. Gell. XII, 11); этот же ритуал, по Фесту (91, 24 L.), предполагал приношение мертвым. Но надпись с упоминанием Вейовиса как покровителя рода Юлиев (CIL, I, 1438) исключает возможность считать его богом подземного царства.

Очевидно, этрусский бог, введенный римлянами в свой культ, обладал амбивалентными функциями. Стрела в его руке — свидетельство того, что он владел молнией. Что касается козы, то ее появление, возможно, говорит о расположении старинного этрусского месяца *vetisa* под знаком Козерога.

Определение положения месяцев и их значения в связи со знаками зодиака дает материал для решения ряда лингвистических вопросов. Слово *cvlalp*, вписанное в 14-й участок, соответствует положению созвездия Девы (*Virgo*, *Παρθένος*). Судя по всему, это сложное слово и состоит из двух элементов: *cvl* и *alp*. Оба они представлены в этрусской эпиграфике, что дало возможность А. Пфиффигу определить первое из них как «девуш-

¹⁹ *Mart. Cap.*, I, 43: *Corrogantur ex proxima transcursis domibus conjugum Ceres Telluris Terraeque pater Vulcanus et Genius.*

²⁰ *Stoltzenberg H.* *Etruskische Gottnamen.* Leverkusen, 1957, S. 30—31. *Tecum* соответствуют тохарское *tkam*, хеттское *tekan* — «земля».

²¹ *Pfiffig.* *Op. cit.*, S. 236.

ка», а второе — «юная», «молодая»²². Таким образом, значение *svlalp* — «младая дева», полученное комбинаторным путем, подтверждается местом *svlalp* в системе календаря.

Идя таким путем, возможно, когда-нибудь удастся определить значение других слов ободка печени, которые не являются ни менонимами, ни именами богов и к тому же не встречаются в других этрусских текстах. К их числу относится слово *tlusc*²³, участок которого находится на ободке печени под созвездием Рака (Cancer). Поскольку глоссы сохранили название июля *traneus* (TLE, 354), слово «*tlusc*» может означать «рак»²⁴.

Этрусские названия месяцев, которые могут быть выделены в 12 участках ободка печени из Пьяченцы, не совпадают, за исключением менонимов *saŋre*, *cele*, с другими этрусскими названиями месяцев, известными из глосс²⁵. Это не может служить препятствием для понимания ободка печени как временной шкалы, ибо известно, что и в разных греческих полисах месяцы не совпадали по названиям. И совсем ничего общего не имеют этрусские названия месяцев ни с латинскими, ни с умбрскими, хотя у этих народов совпадают боги и религиозные праздники²⁶.

Больше точек соприкосновения у этрусской системы названий месяцев с месяцами эгейско-анатолийского региона. Пятый этрусский месяц, носивший имя бога плодоносящих сил природы Фуфлуна (май), имеет соответствие в месяце *Διουβόλιον*, отмеченном в календарях 14 греческих государств²⁷. Этрусский *svlalp* с установленным нами значением «месяц Девы» соответствует месяцу *Παρθέλιον* в Элиде, который был летним месяцем²⁸. Месяц *selva* имеет параллелью месяц в календарях государств Малой Азии (Кизик, Эфес, Милет, Приена, Синопа), а из балканских — Фив²⁹.

Интерпретируя такую систему как календарную, трудно говорить о заимствовании в ходе торговли или иных поздних контактов и остается предположить, что этрусская календарная система и эгейско-малоазиатские календари в какой-то своей части восходят к общему источнику. (О древности этого источника свидетельствует то, что среди месяцев календаря Эблы (середина III тыс. до н. э.) был месяц *herme*, совпадающий с греческим менонимом *Ἑρμαῖον*.) Дальнейшее изучение этрусской календарной системы позволит понять ее в еще более глубоких связях с греческими и догреческими календарями эгейско-анатолийского региона.

До сих пор речь шла о менонимах и соответствующих им месяцах по знакам зодиака. Теперь необходимо перейти к сложному вопросу о соотношении между 12 месяцами этрусского года и 16 участками ободка печени из Пьяченцы. Особенностью четырех участков в северном секторе надписи на печени является то, что они, в отличие от остальных, представлены не отдельными словами, а четырьмя парами слов: *tin silen*, *tin ŋvf*, *tins ŋne*, *uni mae*. Главному богу этрусского пантеона Тину в трех случаях сопутствуют *silen*, *ŋvf*, *ŋne*. Женское божество Уни (римская Юно-

²² Piffig A. Die Etruskische Sprache. Graz, 1969, S. 284 f. Примечательно, что, разбирая печень из Пьяченцы в другой своей работе, Пиффиг так же произвел словораздел *svl alp*, но не пошел дальше этого, поскольку он далек от понимания печени как календарной системы (Piffig. Religio etrusca, S. 125).

²³ Г. Штольтенберг придерживается иного мнения, соотнося *tlusc* с *flu* из надписи на глиняном конусе (NR1E, 704) и превратив *t* в *ŋ*, и это дало ему мнимое основание для толкования *tlusc* как бога Единогласия (op. cit., S. 91).

²⁴ А. Каулинш, прибегая к сомнительным латышским и славянским соответствиям, ошибочно объяснил *tlusc* как «змея» (op. cit., p. 61—63).

²⁵ Немировский. Ук. соч., с. 185.

²⁶ К. Ольдша выделил в тексте Игувинских таблиц названия умбрских месяцев, соответствующих по своему положению римским январю и маю — *ŋersiaru*, *urnasiaru* (Olzcsza K. Umbrische Monatsdaten.— Glotta, 1954, B. XXXIII, f. 3—4, S. 161 ff.). Месяц *ŋersiaru* по своему положению соответствует этрусскому *tesum*, месяцу Земли и ее богини *Ceres*; *urnasiaru* от иго «жечь».

²⁷ См. список месяцев в кн.: Samuel A. E. Greek and Roman Chronology. München, 1972, p. 135.

²⁸ Scol. Pind. Ol. III, 35.

²⁹ Ibid., p. 296.

на) сопровождается словом *mae*. Мы предложили соответствие *silen* — Янус. *ŋvf* предположительно объяснено как сокращение полной формы *ŋvlfas* 21-го участка того же памятника в значении *consentes* «согласные»³⁰. Слова *ŋne*, *mae* в четвертом и пятом участках печени для нас — загадка, ибо ни одно из данных им объяснений не представляется нам убедительным³¹.

Не вызывает сомнений лишь то, что первые четыре участка принадлежат главным богам этрусского пантеона и их спутникам. Ни один из этих участков не является названием месяца, да и по размеру эти участки, вместе сложенные, лишь немного больше участка № 16 — *silens*. Все это позволяет высказать предположение, что первые четыре участка являются делением тринадцатого месяца, своего рода резерва времени, используемого при интеркаляциях. В календы любого месяца приносили жертвы Янусу, и первая часть резервного месяца также начинается с Килена, этрусского Януса. В том случае, если расхождения между солнечным и лунным годом достигали значительной величины, вводился один месяц, если расхождение было невелико, могли добавлять $\frac{1}{4}$ часть месяца, $\frac{2}{4}$ и т. д.

Сообщения Варрона, Цицерона и других античных авторов, равно как и этрусские памятники с изображениями гаруспиков, гадающих по печени, не оставляют сомнений в назначении печени из Пьяченцы: она была гадательным предметом. Но как производилось гадание?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к этрусским предсказаниям, сохранным в римской религиозно-антикварной традиции. Существовал латинский перевод этрусской гадательной книги Тарквития, к которой часто обращались авторы эпохи империи (последняя ссылка у Аммиана Марцеллина). Макробий сохранил цитату из этой книги о значении пурпурного или золотого цвета шерсти овна — человеку, наблюдавшему животное с такой шерстью, предвещалось первенство в делах и вещах всякого рода в сочетании с успехом и благоденствием (*Macr., Sat. III, 7, 2*). Пример явления такого чуда и его толкования предложен в претексте римского поэта середины II в. до н. э. Акция «Брут»³².

Примечательно, что речь идет не только о примере, относящемся к этрусской гадательной книге, но к лицу этрусского происхождения Тарквинию Гордому:

«Когда я отдал плоть сну непробудному,
Пришедшему ко мне внезапным натиском,
Тогда узрел я пастуха, гонящего
Ко мне баранов красоты невиданной,
И овнов двух из них я выбрал тотчас же,
Заклав того, который был красивее,
Но брат его родной, рога направивши,
Тараном сбил меня и предал гибели.
Лежал повергнутый и кровью истекающий,
Как вдруг узрел явленье необычное:
Диск солнца огненный, сияющий
Правей взял путь, идя дорогой новою»³³.

³⁰ Эта интерпретация основывается на том, что *ŋvlfas* включает элемент *ŋu(tu)*, соответствующий латинскому *una*, в значении «вместе», «заодно». Марциан Капелла, опирающийся на этрусскую религиозно-мифологическую традицию, помещает *consentes* не во второй, а в первый «дом» Юпитера, что делает истолкование *ŋvf* — *ŋvlfas* «*consentes*» менее надежным.

³¹ А. Пфиффиг (*Religio etrusca*, S. 125) считает *ŋne* сокращением формы теонима *ŋesane* (Эос, Аврора), а Г. Штольтенберг (*op. cit.*, S. 96) сопоставляет *mae* с *Maius*. Однако в перечне обитателей 16 небесных «домов» у Марциана Капеллы нет Авроры, так же как и Майуса.

³² *Cic., De div. I, 22, 44—45 = Acc., fr. 212.*

³³ Перевод автора.

Гадатели, т. е. гаруспики, к которым обратился Тарквиний Гордый, — говорится в следующих строках фрагмента (29—37), — объяснили ему, что если солнце двинулось слева направо, то это знамение великого будущего для римского государства. Из ответа гаруспиков также следует, что непосредственная угроза Тарквинию исходит от того, кого он считает тупым, подобно скоту, т. е. от Брута.

У. Фауф, в последнее время проанализировавший этот отрывок из Акция, привлек параллельные тексты из Софокла (Soph., frg. 672, N.), Эврипида (Eur., Or. 995 sqq.; Iph. Taur. 812 sqq.) и Сенеки (Thyestes 776 sqq.), говорящие об этрусско-средиземноморской символике солнца-овна, но связал ее не с печенью из Пьяченцы, а с местным культом Usil(=Sol) в тексте мумии³⁴. Между тем только положение этрусского солнечного божества сађ, давшего название месяцу сађге, может объяснить смысл поворота солнца в плане предсказания будущего. Участок сађ — единственный из 16 участков ободка печени, не имеющий правой перегородки. Из этого участка № 8 открывался путь вправо, во внутреннюю часть печени, к участку № 29 herc и к участкам № 37 и 38. При этом обращает на себя внимание, что сађ находился под знаком Овна — весеннего равноденствия. Что же представляли собой участки № 37 и 38, в которые были вписаны слова leђam и metlumђ?

В. Л. Цымбурский в недавней работе проанализировал некоторые слова надписи на печени из Пьяченцы с основой leђ, сопоставив их с ликофронской горой Летеон и с именами на leђ, часто встречающимися в этрусской эпиграфике³⁵. И хотя leђam участка № 37 не привлекло его внимание, общий вывод исследователя, что слова на leђ связаны с некоей «...схемой социальной ситуации... со сменой носителя сакрализованной царской власти, универсалией, имплицитно включающей оппозицию рабского и царского состояния»³⁶, как нельзя лучше согласуется с поворотом солнца на участке сађ и переменой носителя царской власти человеком, как сказано в ответе гаруспиков Тарквинию Гордому, «которого ты считаешь тупым, как скот, но вдруг выказавшим дух, укрепленный мудростью» (Ass. fr. 212, 33—34). Таким образом, предсказание гаруспиков — не просто намек на Брута, как обычно считают исследователи, но действительно указание на смену социальной ситуации.

Через участок leђam лежит прямой путь к участку № 38 metlumђ, значение которого установлено комбинаторным путем более или менее определенно: «народ», «страна»³⁷, «область»³⁸, «городская община»³⁹. Таким образом, поворот к metlumђ может означать лишь власть над народом, страной, областью, над городской общиной, власть, на которую указывает золотой (или багровый) цвет шерсти овна («золотое руно»), ассоциируемый с положением солнца в определенном месяце года сађ — апреле. К этому же месяцу римская религиозная традиция, тесно связанная с этрусским религиозным учением, если не развивавшаяся в его русле, отнесла возникновение Рима, призванного властвовать над миром. Все, что сообщается об этом празднике в древности⁴⁰, с различными вариациями развигивает тему, изложенную Акцием в «Сне Тарквиния Гордого», — тут и пастух со стадом, и овен (правда, не с золотой шерстью, а в виде пепла), — та же солнечная символика и прыганье через огонь и, наконец, представление о том, что к власти должен прийти выходец из низов, воспитанник раба-пастуха, если не сам раб.

³⁴ *Fauth W.* Der Traum des Tarquinius. — *Latomus*, 1976, t. 35, f. 3, p. 469—503.

³⁵ *Цымбурский В. Л.* Итало-этрусский миф о Великой горе по античным источникам. — ВДИ, 1984, № 4.

³⁶ Там же, с. 145.

³⁷ *Pallottino M.* Die Etrusker. Frankfurt am Main — Hamburg, 1965.

³⁸ *Pfiffig.* Die Etruskische Sprache, S. 295.

³⁹ Перевод А. И. Харсекина в кн.: *Немировский А. И., Харсекин А. И.* Этруски. Воронеж, 1969, с. 57.

⁴⁰ *Ovid.*, Fast. IV, 725 sq.; *Paul.*, Fest. 248, 17L; *Solin.*, I, 15 и др.

Место календаря во всех древнесредиземноморских представлениях о смене носителя царской власти достаточно известно. Это и удаление Миноса в конце каждого восьмилетнего цикла, когда солнце и звезды возвращались в свое исходное положение, в пещеру, для общения с Зевсом, и продление эфорами власти спартанских царей через восемь лет после наблюдения эфорами звезд. Надпись на печени из Пьяченцы, которая дополняется некоторыми предсказаниями, относящимися к царской власти, также дает понять, что этрусские представления о смене носителя царской власти или продления его полномочий укладывались в определенную календарную схему, связанную с положением небесных светил.

Имеются ли еще какие-либо данные, говорящие в пользу того, что деления на ободке печени из Пьяченцы включали 12 месяцев плюс четыре участка главных богов с их спутниками? Здесь наше внимание должен привлечь «Бронтоскопический календарь», сохраненный в сочинении Иоанна Лида с указанием, что он составлен «по прорицаниям Тага», т. е. мифического создателя этрусской дисциплины⁴¹. Этот памятник неоднократно служил предметом исследования в плане изучения этрусских религиозных и социально-политических представлений⁴². Но с надписью на печени из Пьяченцы, он, естественно, не сопоставлялся, поскольку понимание последней, казалось бы, не давало опорных пунктов для сравнения. На самом деле, как считалось, все участки печени являлись «домами» соответствующих богов. В «Бронтоскопическом календаре», напротив, не содержится ни одного имени бога. К тому же в заглавии календаря сказано, что он составлен «римлянином Фигулом» (Нигидием Фигулом), а в послесловии — что его пророчества имеют отношение только к Риму, что внешне противоречит указанию о составлении календаря по пророчествам Тага.

Основой для сопоставления «Бронтоскопического календаря» с надписью на печени из Пьяченцы в нашем ее понимании является распределение гаданий по 12 месяцам в обоих памятниках; правда, началом отсчета служит в календаре не январь, отождествленный нами с пятым участком, а июнь. Но если исключить из 16 участков четыре участка главных богов и их спутников, то месяцы, изменив порядковые номера, останутся одними и теми же, и месяц *садте*, которому мы уделили наибольшее внимание, в «Бронтоскопическом календаре» окажется апрелем. Поразительным образом к этому месяцу относятся наиболее значимые предсказания. В последний день марта перед началом нового месяца сообщается, что в государстве власть захватит могущественный человек, приносящий радость (*δυνατός τις τῆς βασιλείας ἔσται, δι' οὗ εὐφροσύνη*). Под 4 апреля сообщается, что гнев могущественных будет угрожать достойным людям, под 6, 10, 11 апреля сообщается о гражданских войнах (*πόλεμοι ἐμφύλιοι ἀναστήσονται*); под 19 апреля говорится о могущественном в государстве муже, который будет лишен вместе имущества и славы (*δυνατός ἀνὴρ τῆς πολιτείας οὐσίας ἅμα καὶ δόξης ἀφαιρέθήσεται*). Поворот солнца под созвездием Овна для обоих этих памятников является решающим в вопросах власти. Следовательно, мы имеем дело с единой системой гаданий, обладающей временным, календарным рядом.

Но как при таком совпадении понимать утверждение Иоанна Лида, что предсказания по «Бронтоскопическому календарю» относятся к одному Риму? Очевидно, Нигидий Фигул, редактор «Таговых предсказаний», отсекает ту часть, которая касалась главных богов этрусского пантеона и вместе с этим все, что относилось к происхождению молний, сохранив лишь календарную шкалу, представляющую наибольший интерес в плане римской истории.

⁴¹ *Lyd.*, De ost. 27—39.

⁴² *Piganiol A.* Sur le calendrier brontoscopique de Nigidius Figulus.— In: *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Jonson*. Princeton, 1951, p. 79 ff.; *Ельницкий Л. А.* Социально-политические аспекты «Бронтоскопического календаря» П. Нигидия Фигула.— ВДИ, 1971, № 2, с. 107 сл.

Завершив рассмотрение бронзовой модели печени из Пьяченцы как системы, необходимо высказать несколько соображений о месте печени в этрусских представлениях. Известно, что кажущимся путем солнца был эллипс. Поэтому каждый значимый предмет с эллиптическим очертанием мог быть представлен как проекция солнечного пути. Изменения на малом эллипсе печени, поскольку в биологическом отношении она мыслилась как средоточие жизни, отражали расположение или нерасположение к производящему гадание сил, управляющих миром на великом эллипсе. Эта религиозно-мифологическая концепция мироздания была необычайно чуткой к изменениям, происходящим в каждый отдельный отрезок времени, ибо, как известно из античной традиции, гадание повторялось до получения благоприятного с точки зрения гадающего результата. Таким образом, выделение на гадательном предмете временной шкалы не только не противоречило принципам этрусской гаруспиццины, но может пролить свет на конкретное использование этих принципов в жреческой практике.

А. И. Немировский

A BRONZE LIVER FROM PIACENZA AS A CALENDAR SYSTEM

A. I. Nemirovsky

After the corrections introduced by A. Maggiani in readings of the words on the rim of the liver, especially the disappearance of the name ani and its replacement by tins in section 3, it was clear that the first four sections are devoted to the deities Tin (three sections) and Uni (one section). However, going back to Etruscan sources, the information of Marcianus Capella about Janus, the companion of Jupiter (Tin) in his «heavenly home», cannot be discarded. The author believes that cilen corresponds to Janus in the formula tin cilen in section 1. The same cilen occupies section 16, which perfectly corresponds to the traditional position of Janus on the threshold of the new year. This allows the conjecture that the rim of the liver was a calendar, beginning with section 5 tecum (the month of the earth) and ending with the month cilens (December). In favour of this supposition is that, according to this arrangement, section 9 corresponds to the ninth month of the year, while the Etruscan designation of this month, cel, according to the glosses, is September. caθ in section 8 (the fourth section beginning with tecum) is the name of the month of April — caθ/re/. Thus the 12 words in the sections beginning with tecum are names of months, related sometimes to the names of gods, and sometimes — to the names of the signs of the zodiac. The four first sections, devoted to the principal gods, perhaps served as reserve time in case of intercalation.

The author's suggested interpretation of the liver rim does not reject the common opinion that the liver was an object intended for divination. A time scale for completing a divination was just as necessary as the establishment of the place of one or another divine sign.

ПО ПОВОДУ НАЗВАНИЯ ТРАКТАТА ПЛОТИНА ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΥΠΟΣΤΑΣΕΩΝ (Enn. V, 1)

Первый трактат пятой Эннеады Плотина (Enn. V 1) — один из наиболее известных трактатов основателя неоплатонизма. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что излагаемое здесь учение об едином, уме и душе как о трех основных ступенях, уровнях, чинах сверхчувственного мира — главное в неоплатонизме. Однако помимо заглавия данного трактата Плотина в неоплатонизме нет ни одного текста, где бы последовательность единое—ум—душа называлась «тремя ипостасями», что, несомнен-

но, странно, если под «тремя ипостасями» в заглавии трактата Плотина имеется в виду триада единое—ум—душа. Цель настоящих заметок — попытаться дать исторически достоверную картину возникновения трактата Плотина, установить первоначальный смысл названия трактата и причины его дальнейшего переосмысления.

I

Плотин стал записывать свои беседы в возрасте около 50 лет, хотя преподавать начал 10 годами раньше. Развитие Плотина — и человеческое, и философское — вообще шло очень неспешно. К философии он обратился только в возрасте 27 лет; придя в Александрию, долго не мог найти себе учителя; наконец, обретя наставника в некоем Аммонии и проведя в его обществе 11 лет, Плотин устремляется на Восток — познакомиться с мудростью персов и индийцев. В 40 лет Плотин появляется в Риме. Видимо, благодаря своим связям с сенаторами Плотин становится опекуном оставшихся сиротами детей знатного происхождения¹. Вместе с тем Плотин не оставляет философию: в своем доме Плотин собирал любителей платоновской и пифагорейской премудрости, к которой сам был наиболее склонен, и вел с ними беседы. Его беседы носили странный характер: несомненно, Плотин привлекал к себе общей возвышенностью облика, воодушевленностью и внутренним благородством, и вместе с тем — добротой и доступностью; но менее всего он был учителем в традиционном смысле слова: поначалу Плотин, видимо, ничему не учил, но старался побудить слушателей к самостоятельному философскому исследованию. Во всяком случае, когда на третий год пребывания Плотина в Риме к нему пришел Амелий, беседы Плотина поразили его беспорядочностью и множеством всяких пустяков, которые Плотин охотно обсуждал с теми, кто к нему приходил². Тем не менее Амелий, который познакомился с Платином, видимо, еще юношей, стал его постоянным слушателем и чем-то вроде секретаря.

На занятиях Плотина среди прочего разбирались сочинения платоников и пифагорейцев — современные или сравнительно недавние (Porph., V. P. 14, 10—14 Henry — Schwyzer). Вероятно, особое место среди разбираемых занимали сочинения пифагорейца Нумения: дело в том, что чрезвычайным почитателем Нумения был Амелий, собравший и переписавший все его сочинения, часть которых он к тому же выучил наизусть (ibid., 3, 44—48). О том, что в кружке Плотина читают и разбирают Нумения, было известно за пределами кружка. Когда Плотин издал часть своих сочинений и они дошли до Афин, там стали говорить, будто Плотин присвоил себе учение Нумения (ibid., 17, 1—2). Это было тем более досадно, что как раз Нумений в целом ряде трактатов был оппонентом Плотина и, отталкиваясь от ряда положений именно Нумения, Плотин уяснил собственную точку зрения.

В частности, предметом размышления Плотина было предложенное Нумением толкование пассажа из Второго Письма Платона о царе всего: «Все тяготеет к царю всего, и все — ради него; и он причина всего прекрасного; и ко второму — второе, и к третьему — третье». Толкование этого пассажа — наряду с прочими — лежало в основе сочинения «О благе», где Нумений учил о трех богах: первый бог — ум, в себе самом су-

¹ Harder R. Zur Biographie Plotins. — In: Harder R. Kleine Schriften. München, 1960, S. 275—295.

² Ἦν δὲ ἡ διατριβή, ὡς ἂν αὐτοῦ ζητεῖν προτροπομένου τοῦ συνόντος, ἀταξίας πλήρης καὶ πολλῆς φλυαρίας — Porph., V. P. 3, 35—37 Henry — Schwyzer. В тексте перевода М. Л. Гаспарова досадная неточность: «А беседы он вел так, словно склонял учеников к распушенности и всякому вздору» (В кн.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 463).

щий, всегда целиком соединенный с собою, никогда не разделяемый; помимо этого Нумений называет его отцом, царем, единым, благом; второй бог, по Нумению, — демиург; видимо, в этом и была находка Нумения-толкователя: то, что первое начало соотносилось с царем Второго Письма Платона, с единым из Парменида, с благом из «Государства», и при этом понималось как сущее, простое и т. п. — было обычно в традиции Среднего платонизма и неопифагореизма; но Нумений тонко подошел к толкованию «Тимея», где у создателя мира — два эпитета — демиург и отец; так вот Нумений эпитет «отец» соотнес с первым началом, с «царем всего» Второго Письма, а эпитет «демиург» — отнес ко второму началу. Дальнейшая схема выстраивалась уже гладко и довольно просто: «Первый бог, — пишет Нумений, — есть благо как таковое, а ему подражает благой демиург; единая сущность у первого, иная — у второго, отображением которого является прекрасный космос» (Eus. Praep. Ev. XI 21,5). Прекрасный космос и есть третий бог. Но, по существу, считает Нумений, второй бог и третий — суть одно (ibid., 18, 3). Космос есть совершенное живое существо, он — как и всякое одушевленное тело — двояк, т. е. состоит из души и тела: если первый бог, различает Нумений, всецело относится к сфере умопостигаемого, то второй — к сфере умопостигаемого и чувственного (ibid., 18, 20); поэтому он, «будучи двояким, сам создает свой облик и вместе с тем — создает космос, поскольку он — демиург» (ibid., 21, 4).

Таким образом, у Нумения получается складная и достаточно выразительная схема универсума. Три бога суть: ум, демиург (или причина, или мировая душа) и космос; вместе с тем второй и третий бог — суть одно, поскольку они вместе составляют единое живое существо; таким образом, в триаде богов единому первому началу, монаде, противопоставлен двуликий второй и третий бог.

Для Плотина в этой схеме было много смущающих моментов: например, смущало то, что демиургические функции были приписаны душе: в этом был определенный гностический привкус и это никак не соответствовало тому, что в Тимее говорилось о демиурге, сотворившем душу в кратере (41d); кроме того, схема Нумения, очевидно, не вмещала платоновскую формулу из «Государства» (509b) ἐπέκεινα τῆς οὐσίας — «по ту сторону сущности», «за пределами бытия» — формулу, традиционно соотносимую с первым началом, понимаемым как благо; помимо этого, у Нумения странным образом получалось, что ум, который в то же время был и благом, оказывался причиной умопостигаемого, каковым, по Нумению, были сущность и идея. Нумений пишет: «Если сущность и идея есть умопостигаемое, а ум... — выше ее и ее причина, то он, — будучи в качестве такового единственно сущим, — окажется благом. И если демиург есть бог становления, то благо — начало бытия...». Но Плотин в трактате «Как от первого происходит то, что после первого» (седьмом в хронологическом порядке) резонно возражает: если бы первым «рождающим началом был ум», то порожденное им неизбежно было бы «ущербнее ума»; «если же рождает то, что „по ту сторону“ ума, то необходимо, чтобы [первым порождением] был ум. Но почему же не ум [— первое начало]? — Действие ума состоит в мышлении, а мышление, созерцающая умопостигаемое и обращаясь к нему, как бы получает завершение; само по себе мышление есть нечто неопределенное, как и зрительная способность, а определение оно получает от умопостигаемого...» (V, 4, 2, 1—7). Таким образом, Плотин в этом трактате решительно утверждает, что ум как мыслящее ниже мыслимого им, т. е. ниже чистого бытия, ниже единого и блага, и тем самым уже развел ум с единым и благом, но еще оставил единое и благо — умопостигаемым. В трактате VI, 9 (девятом в хронологическом порядке), за которым утвердилось название «О благе, или Едином», Плотин еще больше отделяет единое, или благо, от ума и чистого бытия: «Природа единого, рождая все, не является ни-

чем из порожденного: оно ни нечто, ни качество, ни количество, ни ум, ни душа; оно не движется и не пребывает, ни в пространстве, ни во времени; но оно есть то, что единообразно в себе самом, а вернее совсем не имеет образа, будучи до всякого образа, до движения, до покоя, поскольку все это уже — бытие...» (VI, 9, 3, 39—45). Тем не менее и в этом трактате единое еще предмет созерцания ума, т. е. умопостигаемое³.

Окончательно схема универсума с твердым распределением и последовательностью составляющих его начал оформилась в трактате V, 1 (десятым по хронологии): глядя на прекрасный космос, мы понимаем, что его красота не от вещества, но от души, поскольку именно душа уделяет космосу жизнь и единство; однако сама душа есть порождение ума и от него получает совершенство; ум вечно мыслит, а предмет его мысли — подлинное бытие: сочетание мыслящего ума и мыслимого им бытия дает множество идей, или умопостигаемых сущностей; все три момента в уме совпадают, поэтому в целом он есть умопостигаемый космос, который создал душу, — и потому ум — демиург; умопостигаемый космос есть образец для космоса чувственного, — поэтому ум — парадигма; но ум — многое, а единство свое он получает от высшего начала, не тождественного с ним, — от единого, или блага; единое, или благо, — не атрибут ума, а самостоятельная природа, помещаемая по ту сторону бытия. «Поэтому Платон и говорит, что трояким образом все тяготеет к царю всего, [под „всем“] понимая первые [сущности в уме]⁴; второе ко второму и к третьему третье; Платон говорит также об отце причины, под причиной понимая ум; потому что ум у него — демиург, который, по словам Платона, создал душу в названном сосуде; итак, ум — причина, а отец причины — благо, которое по ту сторону ума и бытия; а бытие и ум он часто называет идеей; таким образом, Платон знал, что от блага — ум, а от ума — душа; и тем самым наше рассуждение не содержит в себе ничего нового: это не сегодня придумано, а высказано уже давно, правда, в неразвернутой форме, а сегодняшнее рассуждение — только толкование этого; и то, что это — старинное мнение, подтверждают сочинения самого Платона, который в „Пармениде“ отделяет друг от друга первое единое, то есть собственно единое, и второе, называемое „единое — многое“, а также третье — „единое и многое“. Таким образом, и Платон признает, что этих природ — три» (V, 1, 8, 1—14; 24—27).

Подчеркнув интересующий нас аспект, этот параграф из трактата V, 1 можно сформулировать так: если правильно толковать платоновское Второе письмо, то под первым, вторым и третьим нужно понимать не первого, второго и третьего бога, т. е. не ум, душу и космос, как это делает Нумений, а три п р и р о д ы — единое, ум и душу.

II

Порфирий приезжает в Рим из Эллады, когда Плотину было под шестьдесят. Писать Плотин начал 10 лет назад, и ко времени прибытия Порфирия в Рим у Плотина был написан 21 трактат. Надо полагать, что Порфирий и в Риме появился потому, что до Афин, где он был учеником Лонгина, дошли трактаты Плотина и слава о нем. Однако афиняне считали,

³ VI, 9, 3, 33—36: «Ум может созерцать или то, что до него, или то, что его... При этом чисто и то, что в нем; но еще чище и проще все то, что до него, а вернее, то единственное, что до него (τὰ πρὸ αὐτοῦ, μᾶλλον δὲ τὸ πρὸ αὐτοῦ)».

⁴ τριτὰ τὰ πάντα περὶ τὸν πάντων βασιλέα — φησὶ γὰρ πρῶτα — Henry — Schwyzer in apparatus (v. II, p. 280): πρῶτα (περὶ τὸν πάντων βασιλέα) — ср. ниже перевод, отражающий понимание Евсевия; однако весь ход рассуждений Плотина подводит к предлагаемому пониманию; ср. толкование арабского перелатателя (Dicta Sapientis Graeci; II, 85, в изд. Henry — Schwyzer, v. II, p. 281): «The primary things are those which spring forth from the true first principle»; ср. R. Harder: „Alles“, daß heißt das Erste, „ist um den König aller Dinge“».

что Плотин — подражатель и даже плагиатор Нумения, что он присваивает себе его мнения. Поначалу так же думал и Порфирий (Porph., V. P. 18, 8—19), но Плотин в ряде бесед разъяснил ему свою точку зрения, а Амелий написал и посвятил Порфирию специальное сочинение, которому Порфирий дал заглавие «Об отличии учения Плотина от учения Нумения» (ibid., 17, 3—6). Нужно заметить, что названия сочинений Плотина, под которыми они теперь известны, дал, вероятно, тот же Порфирий, потому что Плотин свои трактаты не озаглавливал. Правда, Порфирий отмечает, что им приведены «закрепившиеся названия» (*κρατησασαί ἐπιγραφαί*), но легко предположить, что закрепились, на взгляд Порфирия-издателя, те, которые казались наиболее осмысленными ему же, Порфирию-читателю.

Порфирий-читатель, в частности, не мог не обратить внимания на то, что как в данном, десятом трактате, так и в более ранних Плотин возникновение низшей ступени бытия от высшей описывал с помощью глагола *ὑποστήναι* — «выступить», «возникнуть», «появиться»; а создание низшей ступени — глаголом *ὑποστήσαι* — «осуществить», «произвести», «наделить бытием»; с данными глаголами связано и существительное *ὑπόστασις*. Например, V, 9, 5, 12—13: «ум... мыслит сущие и тем самым их производит» или: «дает им бытие (*καὶ ὑφίστησιν*); при этом сущие в уме, «утвержденные в самих себе, не нуждаются в месте, поскольку они не величины, а обладают умственным самоудовлетворяющим бытием» — *νοερὰν δὲ καὶ αὐτάρχη ἐαυτοῖς ὑπόστασιν* (45—46). Разве может первое благо быть завистливым? — спрашивает Плотин вместе с Платоном (Tim. 29e). — «Но как же тогда оно будет началом? Нет, от него должно что-нибудь возникнуть (*γενέσθαι*), если только вообще будет что-нибудь другое, возникшее от него (*τι καὶ ἄλλων παρ' αὐτοῦ γε ὑποστάντων*), — V, 4, 1, 36—38. «Когда первое начало пребывает в свойственном ему состоянии, из свойственного ему совершенства и присущей ему энергии приходит к бытию (*τὸ εἶναι*) и существованию (*οὐσίαν*) рожденная энергия, получившая от него осуществление (*ὑπόστασιν λαβοῦσα*)...» (2, 46—49). В самом трактате V, 1 душа описана как действенная сила и жизнь, которую ум уделяет для произведения другого (*εἰς ἄλλου ὑπόστασιν* — 3, 9—10); при этом не следует думать, будто эта энергия как бы извлекается из ума, поскольку та действенная сила, что находится в самом уме, — пребывает, а другая — проявляется (*τὴν δὲ ἄλλην ὑφισταμένην* — ibid., 12). Душа получает бытие от ума (*ἡ ... ὑπόστασις αὐτῇ ἀπὸ νοῦ* — ibid., 16). Плотин спрашивает об уме: как он вообще появился и возник из единого (*πῶς ὅλως ὑπέστη καὶ ἐξ ἐκείνου γέγονεν* — 6, 1—2); если единое таково, как мы говорим, продолжает Плотин, как что-нибудь могло получить от него бытие? (*ὑπόστασιν ἔσχε* — ibid., 5); второе, объясняет Плотин, должно возникнуть при неподвижности первого (*οὐδὲ ὅλως κινηθέντος ὑποστήναι αὐτοῦ* — ibid., 27), так, как вокруг солнца возникает сияние и как вообще «все сущее, само пребывая, от своей сущности... производит вокруг себя и вне себя связанное с собой бытие (*αὐτῶν ἐξηρητημένην ὑπόστασιν*), которое есть как бы образ того, от чего оно произошло» (ibid., 27—34). Тому пример — благовония: от них что-то исходит и распространяется вокруг них, а то, что рядом, — вбирает от того, что изошло (*ὡν ἀπολαβεῖ ὑποστάντων τὸ πλησίον* — 35—37). Наконец, последний абзац перед приведенным выше итогом, подкрепленным обращением к Платону, таков: «Итак, ум — образ того... А порожденное умом есть некое слово и сущность (*ὑπόστασις*): то, что размышляет; оно движется вокруг ума и есть свет ума...». Это — душа, «которая связана с ним и поэтому наполняется им и наслаждается, будучи причастна ему и мысля; но в то же время она соприкасается с тем, что после нее, и даже — порождает то, что по необходимости оказывается хуже души... И вплоть до сих пор — сфера божественного» (7, 1; 41—49).

Таким образом, Порфирий отразил в названии трактата то, что было,

по его мнению, новостью Плотина: до Плотина (в традиции среднего платонизма) считали, что ум, душа и космос — три бога, или — начала, а Плотин показал, что они — только три проявления первоначала, три его ипостаси. Это понимание платоновского трактата Порфирий в своих «Подступах к умопостигаемому» зафиксировал в сводке: «Из целостных и совершенных ипостасей ни одна не обращена к своему порождению, но все устремлены к породившему их — вплоть до тела космоса: оно совершенно и устремлено к душе, мыслящей сущности; а душа космоса обращена к уму, а ум — к первому...» (30, р. 20, 7—12 Lamberz). Порфирию и в голову не могло прийти, что заголовок можно понять как-то иначе, т. е. что в число ипостасей можно включить единое⁵, — хотя бы потому, что сам Плотин в одном из трактатов, словно предчувствуя возможные недоразумения, писал: Мощь единого «не возникла (οὐδὲ ὑπέστη), тогда как все другое возникло (ὑποστάντων) вслед за ней и благодаря ей. А то, что до возникновения (πρὸ ὑποστάσεως), как оно могло бы возникнуть (πῶς ἂν ὑπέστη) благодаря чему-то иному или хотя бы себе самому?» (VI, 8, 10, 36—38). Несколько ниже Плотин подчеркивает, что такие имена, как «бытие», «сущность», «ипостась», «энергия» и т. д., нельзя применять к единому; и если дальше он ими воспользуется, то только на сей раз ради убеждения и до некоторой степени — вопреки их смыслу — τὰ δὲ νῦν — τῆς κειθούσας χάριν καὶ τι παρανοητέον ἐν τοῖς λόγοις.

Таким образом, ни Плотин, ни Порфирий не могли понимать под тремя начальными ипостасями единое, ум и душу (которые для Плотина суть «три природы»), а понимали под ними — три главные, изначальные, осуществляющие более высокого начала: ум, душу и космос. Для последующих платоников, и тем более для христиан, полемический подтекст трактата Плотина перестал быть актуальным⁶. Но если для языческого платонизма число «три» в сочетании со словом «ипостась» не имело никакого особого смысла и поэтому проблема «трех ипостасей» в платонизме, можно сказать, и не возникала⁷, то для христианской традиции название трактата V, 1 стало очень приметным и значимым.

⁵ Тем не менее по сей день это общепринятое понимание заглавия трактата. Х. Дёрри, отмечая, что единое, конечно, mehr als ὑπόστασις, все-таки считает его ипостасью наряду с умом и душой, а заглавие трактата переводит: «Von den drei αρχή-artigen, grundlegenden Manifestationen des Seins (neben denen es noch unvollkommene andere gibt)» (Dörrie H. Ὑπόστασις. — Nachrichten der Akad. der Wiss. in Göttingen. Phil.-hist. Kl., Jg. 1955, № 3, S. 35—92 = eiusdem «Platonica minora». München, 1976, S. 12—69, bes. 45—51). Между тем о едином, уме и душе и в данном трактате V, 1, 8, 27, и в II, 9, 1, 1—20 Плотин говорит как о «трех природах» (φύσεις). На этом основании Х.-Р. Швицер (в письме к автору этой статьи) предлагает считать, что «три ипостаси» в заглавии V, 1 употреблены Порфирием нестрого, т. е. в смысле «три природы», соглашаясь при этом, что переводить ἀρχαὶ ὑποστάσεις следовало бы не Manifestationen des Seins, а Manifestationen des Einen. Основная мысль данных заметок состоит как раз в том, что и Плотин, и Порфирий употребляют соответствующие термины (φύσις, ὑπόστασις) обычно и единообразно: Плотин, толкуя «трех царей» II Письма в противовес Нумению, говорит, как и в II, 9, 1, о «трех природах» — едином, уме и душе, а не об уме, душе и космосе; Порфирий и в заглавии трактата, и в Sent. 30 подчеркивает то, что в целом более всего отличало платоновское понимание ума, души и космоса от понимания Нумения и всего Среднего платонизма, т. е. то, что ум, душа и космос — не три высшие начала, а только три главные «проявления» более высокого начала, употребляя слово ὑπόστασις в том же смысле, в котором оно встречается у Плотина. Специального рассмотрения требуют приводимые Кириллом Александрийским выдержки из «Философской истории» Порфирия (Cyr., Contra Jul. VIII, p. 271A = frg. XVI Nauck).

⁶ Поэтому Евсевий, ни минуты не сомневаясь, ставит Плотина и Нумения в один ряд. Поэтому же Дамаский — в том самом смысле, в каком Прокл (In Tim. III 165, 12—13) употребляет выражение τρεῖς ἀρχαὶ αἰτίαι, — говорит о «трех начальных ипостасях» в пределах ума, называя их νοῦς, δύναμις, ἀγαθόν (In Phaed. I, 202, 1—5; ср. триаду «халдейских оракулов» νοῦς, δύναμις, πατήρ) или θεός, νοῦς, ψυχή (In Phileb. 244, 7—14). См. Westerink L. G. The Greek Commentaries on Plato's Phaedo. V. II. Amsterdam, 1977, p. 122.

⁷ С этой точки зрения текст из речи «К Матери богов» (V) императора Юлиана (т. I, р. 218, 5—6 Hertlein), где корибанты названы — αἱ τρεῖς ἀρχαὶ τῶν μετὰ θεοῦς

Тому пример — первый серьезный читатель Плотина в христианской традиции — Евсевий Кесарийский. Начиная «Praeparationem Evangelicam», Евсевий объясняет, что побудило его взяться за этот труд: «Некоторые считают, будто у христианства нет разумной основы, будто бессмысленная вера и непроверенные утверждения определяют образ мыслей ревнителей этого имени; они говорят, что никто из христиан не может подкрепить истину провозглашаемого ими ясным логическим доказательством, что приходящих к ним они заставляют опираться только на веру и что верность христианству видят только в безрассудной и невопрошающей вере» (I, 1, 11; M^{gr}s). Таковы упреки эллинов. Когда же христиане обращаются к Ветхому Завету, на них, по Евсевию, восстают сыны еврейского народа — за то, что к их книгам прибегают иноплеменники и инородные (I, 2, 4—5). Евсевий возражает: полагая, будто пророчества Ветхого Завета относятся только к ним, евреи сами себя обманывают, ибо Слово Божие направлено ко всем народам, эллинам и варварам, мужам, женам и детям, бедным и богатым, мудрецам и простецам. Поэтому Евсевий не только обращается к Ветхому Завету, но и доказывает то, что для современного историка философии является совершенно невероятным, а именно, что эллины все спасительные для души положения своей философии заимствовали именно у евреев (X, 1, 3—4). Объясняя метод, избранный им самим, Евсевий вопрошал: «На какие же положиться нам доказательства?» — И отвечал так: «Конечно, не на сочинения наших приверженцев, — иначе покажется, будто мы выбираем только то, что нам на руку. Нет, пусть за нас свидетельствуют прославленные философы самих эллинов...» (I, 6, 8). И действительно, в XI книге, опираясь на тексты Платона и платоников, Евсевий старается показать, что от иудеев заимствовано трехчастное деление платоновской философии на физику, этику и логику; что все эти три части философии сходным образом разработаны Моисеем и Платоном.

Согласие Моисея и Платона (особенно в учении о первом начале, о сущем) до такой степени поразительно для Евсевия, что он затрудняется найти подлинную причину этого: «То ли Платон услышал об этом учении — ведь он был в Египте и вел там беседы именно тогда, когда евреи, потерпев поражение от персов, во второй раз покинули родину и переселились к египтянам; то ли он понял это сам, взглядываясь в природу вещей; то ли бог за что-то наградил его этим знанием» (XI, 8, 1). В самом деле, разве не ясно, восклицает Евсевий, что предивный Платон, переделав реченное у Моисея «Аз есмь сущий», написал в «Тимее»: «Что есть вечно сущее и не имеющее рождения?» (XI, 9, 5). Разве не ясно, еще раз вопрошает Евсевий, что от пророков учение Платона о неизреченности бога? И разве не совпадает Платон с Ветхим заветом в учении о единственности бога?

Для Евсевия несомненно также, что Платон и Ветхий Завет одинаково учат о «второй причине», о Разуме Отца, которого Соломон называл не Логосом, а Софией. Евсевий подтверждает это сходство цитатой из трактата Плотина ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΥΠΟΣΤΑΣΕΩΝ: «Кто восхищается этим зримым космосом, глядя на его величину и красоту, и на порядок вечного движения, и на богов в нем, видимых и незримых, и на демонов, на животных и все растения — тот, восходя к первообразу и к бытию более истинному, пусть увидит все это и там, но — умопостигаемое, вечно пребывающее у себя в свойственных ему сознании и жизни,

ἡρεῖσόνων γενῶν ὑποστάσεις, — показателен в двух отношениях: 1) τρεῖς ἀρχαὶ καὶ ὑποστάσεις не имеют никакого отношения к триаде «единое — ум — душа»; 2) слово ὑποστάσεις употреблено здесь в своем обычном значении: «проявление, обнаружение чего-то»; таким образом, «корибанты — три главные проявления высших, — [разумеется,] после богов — родов».

и пусть увидит, что во главе всего этого стоит „беспримесный“ ум и недостижимая для нас мудрость...» (V, 1, 4, 1—9 Henry — Schwyzer).

Последняя выдержка из Плотина, приведенная Евсевием для данного раздела, — из восьмой главы того же трактата⁸: «Отсюда и Платонова тройственность: все соотносится с царем всего, то есть с первым; и второе — со вторым; и третье — с третьим; говорит он также и об отце причины, называя причиной — ум, потому что ум у него — демиург, который, по Платону, сотворил душу в указанном сосуде. Поскольку причина — ум, отцом он называет благо и то, что за пределами ума и за пределами сущности. Во многих местах он называет сущее и ум идеей. Таким образом, Платон знал, что от блага — ум, а от ума — душа...» (Граер. Ев. XI, 17, 9—10). В данной цитате Плотин среди прочего имеет в виду платоновский текст из Второго Письма (312d), которое Евсей также цитирует в 20 главе той же XI книги. Глава эта уже самим Евсевием называется ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΥΠΟΣΤΑΣΕΩΝ. «Все соотносится с царем всего, и все существует благодаря ему, а второе соотносится со вторым, и третье — с третьим...». Евсей комментирует этот текст так: «Те, кто стремится разъяснить это место из Платона, под первым понимают бога, под вторым — причину, под третьим — мировую душу, считая и ее третьим богом...» (XI, 20, 3).

Итак, согласно толкованию Евсевия, три начальные ипостаси у Платона представлены как божество, причина и мировая душа, у Плотина же им соответствует триада единое — ум — душа, и обе эти триады следует соотносить с триадой Отец — Сын — Дух Святой. Благодаря Евсевию или, во всяком случае, после него трактат Плотина становится популярным у христианских авторов [его цитируют, приводя заголовок «О трех начальных ипостасях», Кирилл Александрийский, Феодорит, Василий Великий; Августин перевел название трактата *De tribus principalibus substantiis* (v. Plotini Opera. Ed. maior, edd. P. Henry et H.-R. Schwyzer. T. II, p. 260)]. Однако плодотворность сопоставления ипостасей христианской Троицы с триадой неоплатоников для историков византийской культуры⁹ не позволяет историку позднеантичной философии и культуры толковать конкретные тексты языческих философов в христианском духе.

Ю. А. Шичалин

FROM THE ENNEADS OF PLOTINUS
ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΥΠΟΣΤΑΣΕΩΝ (Enn. V, 1)

Yu. A. Shichalin

It is often said that for ancient Neoplatonism, in particular for Plotinus, the most important doctrine was that of the «three hypostases» — the One, Mind, and Soul. The only ground for this is the title (given above) of a treatise by Plotinus (Enn. V 1). But Plotinus ordinarily uses the word *ὑπόστασις* as meaning «realisation», «manifestation», «that which received its being from another», and this makes it impossible to see in the word «hypostasis» a reference to the supreme One, the primary being, which cannot be the realisation or manifestation, or «that to which being has been allotted» — all the more since Plotinus made a point of emphasising the illogicality of using the word hypostasis in reference to the One (VI, 8, 10, 38—39). The author attempts to show that (1) Plotinus, having for the first time established (Enn. V 1) the hierarchy of the higher substances

⁸ Перевожу, отражая интерпункцию Евсевия.

⁹ См., например: Культура Византии. М.: Наука, 1984, с. 54—55.

(φύσεις) — the One, Mind, (the demiurge) and Soul, gave a new interpretation to the «three kings» of Plato's second letter (312 d), despite the tradition of Middle Platonism, in particular, Numenius, who held that the three highest principles were Mind, Soul (demiurge) and Cosmos; (2) Porphyry (who edited the Enneads), when he gave the title «On the Three Principal Hypostases», was using the word hypostasis in Plotinus' usual sense and was trying to bring out in the title what was, in his opinion, the most important innovation of Plotinus: Mind, Soul, Cosmos are not the three highest powers (as, e.g., Numenius thought, calling them the three gods), but only three «principal manifestations» (ἀρχαὶ καὶ ὑποστάσεις) of a still higher power. (3) In a much later period the meaning of the polemics about Plotinus's treatise, reflected in Porphyry's title, had lost all interest. For example, Eusebius of Caesarea (Praep. Ev. XI 17, 18, 20) cites Plato's second letter, Enn. V 1 and the treatise «On the Good» by Numenius, as being in perfect agreement with one another on the doctrine of higher powers.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЕЩЕ РАЗ О КАРМАКАРАХ В «АРТХАШАСТРЕ» (В связи с книгой: А. А. ВИГАСИНА, А. М. САМОЗВАНЦЕВ. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984)

Из памятников древнеиндийской литературы «Артхашастра», ставшая известной с начала XX в., вызвала в науке едва ли не наибольшие дискуссии и разногласия. Только различия в датировке ее измеряются почти тысячелетием (от IV—III вв. до н. э. до VI—VII вв. н. э.).

Книга А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева является новым исследованием памятника в советской литературе. Авторы специально сосредоточивают внимание на заново переведенной ими III книге «Артхашастры», в частности на 13-й и 14-й главах этой книги, именуемых «Уставом о рабах и кармакарах». Нас в данном случае интересуют части этих глав, относящиеся к характеристике именно кармакаров как основной категории трудового населения, по крайней мере в тех частях Индии, где текст «Артхашастры» могли понимать и руководствоваться им в реальных отношениях.

Предложенная авторами датировка «Артхашастры» рубежом нашей эры или началом ее кажется убедительной. Окончательный текст ее может оказаться моложе дхармашастр. Косвенное доказательство этому — очевидный факт, что «Артхашастра» уже почти не упоминает варн и не соотносит с ними новые социальные категории — джати, тогда как дхармашастры были сосредоточены на варнах и характеризуют именно варновый общественный строй, а джати только упоминают как побочное явление. Дополнительным аргументом поздней датировки «Артхашастры» могут служить и необычайно широко развитая грамотность, и распространенность письменного делопроизводства, и развитие денежных отношений, судя по бесчисленным упоминаниям в тексте денежных штрафов. Авторы не смешивают понятия «варна» и «джати», и в этом их методологическое преимущество перед предшественниками. «Артхашастра» отражает общество более развитое, чем варновое. Следует согласиться с авторами, что джати — не варна, что джати есть эндогамное объединение экзогамных групп, но едва ли это уже каста в позднейшем смысле слова. Текст еще не оправдывает такого предположения, хотя в дальнейшем именно этот термин стал обозначением касты. Джати «Артхашастры» суть специализированные эндогамные общности в самом начале процесса кастообразования. Поэтому сомнительно, что каста «задолго до нашей эры была уже вполне сложившимся институтом» (с. 132). В тексте «Артхашастры» вообще нет настоящих кастовых названий. Поэтому термин «джати» лучше было оставить, как и термин «варна», без перевода.

Однако нельзя согласиться с авторами, не замечающими существования профессиональных джати в виде групп земледельцев, пастухов, ремесленников разных специальностей, а также актеров, врачей, цирюльников и других обслуживающих лиц, включая и самих брахманов в качестве жрецов. Важно отметить структурное положение и функциональную активность профессиональных джати, потому что именно из них выходили кармакары. О существовании профессиональных джати мы знаем еще из дхармашастр, где кроме них упоминаются и джати, образовавшиеся в результате смешанных браков или включения в общество этнических групп из состава периферийных племен.

Несмотря на многократные попытки индологов объяснить социальную категорию кармакара, до сих пор наши представления о ней весьма неопределенны. Одни считают их зависимой группой населения, близкой к рабам, другие, в том числе и наши авторы, относят их к лично свободным наемным рабочим. «Наемными рабочими» кармакаров нарекли переводчики на русский язык «Артхашастры», вышедшей в 1959 г. И эта квалификация их, несмотря на отсутствие в санскритском оригинале терминов «наем» и «наемный», несмотря на малую приложимость ее к древнему обществу, когда труд еще не стал товаром и не мог быть покупаем или нанимаем, принята и авторами нового перевода. Между тем это недоразумение мешает нам разобраться в истинном положении этой части населения.

Санскритский термин *кармакара* в переводе на русский точнее всего значит «выполняющий обязанность», но может также значить «производящий работу», «работник». Однако наилучший эквивалент санскритскому термину находим мы в хинди, а именно — *кам кармавала*, что значит «выполняющий работу». Часто на хинди этот термин заменяется своеобразной аббревиатурой «камин» (*kamin*), но обозначает то же, а именно — общинника из той или другой касты, традиционно работающего на других членов общины по системе джаджмани. А эта система предусматривает не наем работника, не договорные взаимные обязательства сторон, а традиционные, унаследованные от предков. Определенные семьи каминнов обслуживают определенные семьи джаджманов.

Конечно, современные взаимоотношения общинников из разных каст по системе джаджмани необычайно сложны. Но почему бы не предположить существование в древнем обществе какого-то начального или элементарного варианта этих взаимоотношений? Недаром же термины *кармакара* и *кам кармавала*, или *kamin*, значат одно и то же. Кстати, предположение о возможной связи кармакаров с системой джаджмани уже было высказано в печати, к сожалению, без аргументации, Е. Ричл и М. Шетелих¹.

Но прежде кратко опишем характерные черты системы джаджмани, имея в виду, что речь идет об отношениях в индийской общине. Уже в течение многих столетий индийская община состоит из большего или меньшего числа (может быть и 10, и 20) местных подразделений, разных каст, разных по роду занятий и по общественному положению, или кастовому рангу. В течение столетий экономические отношения в общине, особенно в Северной Индии, о которой и повествуется в «Артхашастре», осуществляются по традиционной системе джаджмани, которая предусматривает деление населения деревни на две функциональные категории — обслуживающих (*кам кармавале*, или *камин*) и обслуживаемых (*джаджман*, т. е. хозяин). У одного джаджмана может быть несколько каминнов из разных каст, так же как один камин обслуживает несколько, иногда много, джаджманов. Система джаджмани предусматривает также взаимные обязательства между определенными семьями тех и других. Обязательства традиционны, а нормы услуг и компенсации их другой стороной наследственны и передаются из поколения в поколение. Нарушения взаимных обязательств общественно наказуемы для тех и других. Вознаграждение за работу осуществляется преимущественно натурой или взаимными услугами по традиционным же нормам. Формы вознаграждения могут быть различны: и ответный труд, и сезонная выдача продуктов урожая, и доля дохода джаджмана, и предметы одежды, и ежедневная пища. Некоторые категории обслуживаемых не компенсируют услуги обслуживающих собственным трудом. Это преимущественно земледельческие касты, поэтому и называются они постоянными джаджманами. Большинство же других по отношению к одним кастам выступают каминнами, тогда как по отношению к другим — джаджманами. Так, гончар является каминном для большинства каст, но может быть и джаджманом, например для каст сапожников и прачек. Между некоторыми кастами происходит иногда обмен ролями. Плотник в отношениях с одним кузнецом может выступать в роли джаджмана, тогда как в отношениях с семьей другого кузнеца он выступает каминном.

В принципе между джаджманами и каминнами нет найма и договорных отношений. Соответствующие семьи функционируют в той или другой роли так же, как это делали их отцы и деды. Только нетрадиционные работы, сверх или помимо норм, осу-

¹ *Ritschl E., Schetelich M. Studium zum Kautilya Arthasastra. B., 1973, S. 116.*

ацествляются и компенсируются на договорных началах. В случае конфликтов стороны прибегают к советам почтенных, помнящих традиции соседей, всякого рода старейшин и, наконец, предоставляют решать дело деревенским или кастовым советам (*панчаятам*) той и другой стороны. Иногда эти советы освобождают камина от обязанностей по отношению к данному джаджману и назначают ему другого из той же касты. А бывает, что виноват джаджман и подыскать ему нового камина трудно. Обязать кого-нибудь работать каминем или содержать нового камина не полномочны никакие советы. Устаревшие нормы услуг и компенсации время от времени переосматриваются, чаще всего при посредстве тех же советов.

Такова в общих чертах система джаджмани. Конечно, в последнее время товарно-денежные отношения вторгаются в систему и деформируют ее. Но многие столетия она просуществовала без найма и договоров.

Сведения о кармакарах сосредоточены в 13-й и 14-й главах III книги «Артхашастры». В 14-й главе кармакара именуется синонимичным (как думает большинство исследователей) термином *бхритака*. В 13-й главе говорится об обязанностях обслуживаемого (хозяина), пользующегося трудом кармакара, к обслуживаемому его работнику. Устанавливается ответственность его за компенсацию труда работника, говорится о законных претензиях работника. В главе 14-й, наоборот, речь идет об ответственности работника перед хозяином и претензиях хозяина к работнику. И в этой роли ответчиков работники называются уже не кармакарами, а бхритаками. Новый термин значит уже не «выполняющий обязанность», а «получающий содержание», как переводят его авторы книги (с. 173).

Тот и другой термины альтернативно встречаются и в других местах текста «Артхашастры». Термин бхритака действительно может означать «вознаграждаемый», «оплачиваемый» работник, но может значить и «привлеченный к работе». Однако едва ли всякое вознаграждение и оплата являются условием и следствием найма. В данном случае речь идет о традиционной компенсации за услуги.

Рассматривая положение кармакаров, следует твердо помнить, что речь идет об отношениях в индийской общине. Диапазон специальностей кармакаров совпадает с разрядами каминев, или кам карневале, функционирующих в позднейшей системе джаджмани. Это земледельцы, пастухи, плотники, кузнецы и другие ремесленники, прачки, брдобрен и другие обслуживающие группы, а также торговцы, сказители, брахманы. Обязанности кармакаров соответствовали их профессиональной квалификации — традиционным занятиям их джати. Эти обязательства наследственно из поколения в поколение связывали определенные семьи кармакаров с определенными же семьями работодателей. Предположение авторов (с. 176—177) о наследственном найме по меньшей мере нелогично. Наем не может быть наследственным. Наем кармакаров превращал бы общину в биржу труда. Если они плохо выполняли свои обязанности, соответствующие общинные власти (авторы думают, что суды) отстраняли их от работы, штрафовали и заменяли их другими. В решении конфликтных ситуаций принимали участие и почтенные соседи, и умудренные опытом старейшины, и, возможно, панчаяты.

Гораздо меньше знаем мы из текста о том, на кого же конкретно работали кармакары. Известно только, что это могли быть и государство, и деревенская община, но, вероятнее всего, основную массу «хозяев» составляли семьи рядовых общинников — жителей той же деревни. Известно, что «хозяева» компенсировали труд кармакаров и как бы расплачивались с ними натурой, включая долю продуктов собственного труда, ежедневную пищу и повременное или посезонное вознаграждение. Если хозяева не выполняли свои обязательства по отношению к кармакарам или делали это плохо, они подлежали взысканиям и наложению штрафа со стороны тех же авторитетов общины. По существу «хозяин» в «Артхашастре» — это джаджман системы джаджмани, но в тексте нет для него определяющего термина.

Исследователи (в том числе и наши авторы) предполагают, что в хозяйствах свободных общинников кармакары работали на договорных началах. В действительности отношения между сторонами строились на неписаных и нигде не зафиксированных обычаях, нормах труда и возмещения за него. «Артхашастра» только констатировала небольшое число из бесчисленных взаимоотношений и норм компенсации. Если слово «наем» вообще отсутствует в «Архашастре», то и о договоре как условии работы

кармакаров текст ничего нам не сообщает. Тот и другой термины добавлены в текст, как мне представляется, самими переводчиками.

Итак, мой тезис заключается в том, что положение кармакаров времен «Артхашастры», т. е. в самом начале процесса кастообразования, было аналогично положению каминов, или кам карневале, в развитой кастовой системе джаджмани. Следовательно, кармакары — не наемные рабочие, а партнеры в традиционной системе джаджмани. К сожалению, категория джаджманов в «Артхашастре» менее определена и не была отмечена специальным термином.

М. К. Кудряцев

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ХАРАППЫ

Хараппская цивилизация долины Инда, открытая в ходе археологических исследований 20-х годов XX в., прочно вошла в фундамент знаний как эталон высоко развитых культур древнего мира. Именно к хараппской эпохе восходят истоки многих культурных традиций. Индостанского субконтинента — от пристрастия к ношению многочисленных браслетов до образов многоликих божеств. Первоначальный этап изучения этого замечательного феномена древности был связан с масштабными раскопками в 20-х и 30-х годах основных центров — Мохенджо-даро и Хараппы, когда были определены основные черты и особенности этой цивилизации древневосточного типа, воспринимавшейся в целом как нечто единое и статичное. Начало второму этапу более углубленного исследования положила активная деятельность М. Уилера, который не только провел на качественно новом методическом уровне раскопки Мохенджо-даро и Хараппы¹, но также приложил немало усилий к созданию в Индии и Пакистане местных археологических школ со своими традициями, приемами и национальными кадрами. После достижения в 1947 г. независимости в обеих странах развернулись широкие работы по учету археологических памятников, были заполнены огромные лакуны, существовавшие на археологической карте, на вновь открытых поселениях производились систематические и тщательные раскопки. В результате древние городские центры долины Инда были включены в целую древнюю культурную систему, распространившуюся на обширных пространствах и обнаруживающую все больше локальных, специфических формопроявлений как в пору сложения, так и в период упадка и постепенной дезинтеграции хараппской культурной общности.

Количественные изменения в информационном банке, возрастающий уровень методологических разработок в гуманитарных науках вообще, и в археологии в частности, объективно вели к наступлению нового этапа в исследовании хараппской проблематики, связанного с интенсификацией исследований, качественным повышением их уровня как на стадии получения информации, так и на стадии интерпретации. Определенным рубежом в этом отношении можно считать проведение в Бомбее в 1972 г. конференции «Радиоуглерод и индийская археология», материалы которой были оперативно изданы отдельной книгой². Наряду с традиционной тематикой здесь были широко использованы данные, полученные в результате применения новых методов точных наук. Вопросы теории и методологии выделены в особый раздел.

Наступление этого качественно нового этапа изучения хараппской цивилизации нашло яркое отражение в проведенных в последнее время конференциях, материалы

¹ *Wheeler R. E. M. Harappa 1946: the Defenses and Cemetery R-37.— Ancient India, 1947, № 3, p. 58—130.*

² *Radiocarbon and Indian Archaeology. Ed. Agrawal D. P., Ghosh A. Bombay, 1973. 526 p.*

которых изданы отдельными книгами, а также в новых обобщающих работах и особенно в фундаментальном сборнике, посвященном памяти видного исследователя древностей Индостана — М. Уиллера³. Важное значение для системного представления об основных достижениях начальных этапов исследований хараппских памятников имеет сборник «Древние города Инда», вышедший в 1979 г. под редакцией Г. Посела⁴. Сборник включает переиздание работ, посвященных различным аспектам этой проблематики, начиная с появившейся в 1875 г. статьи А. Канингама о Хараппе, где были впервые опубликованы (хотя культурно-исторически и не опознаны) хараппские находки, включая печать с иероглифической надписью⁵.

Нет необходимости в подробном изложении всех новых разработок, поднимающих узловые вопросы как конкретного, так и общеметодологического характера. Далее мы кратко остановимся на некоторых важных достижениях в изучении хараппской археологии и перспективных аспектах интерпретации этих новых археологических материалов. Поскольку пока отсутствует общепринятая система дешифровки протоиндской письменности, именно археологические материалы остаются основным источником для реконструкции культурных и социально-экономических процессов, протекавших в Индостане в III—II тыс. до н. э. Среди сводных работ, отчетливо характеризующих состояние исследований в указанных изданиях, можно отметить статьи Б. Тхапара «Шестьдесят лет изучения индских древностей»⁶ и Р. Дайсона «Смена парадигм в изучении индской цивилизации»⁷.

Новые полевые исследования, проводимые в Индии⁸ и Пакистане⁹, позволили перейти к изучению хараппского общества в его конкретных локальных проявлениях как системы поселений¹⁰. К сожалению, здесь остается слабо разработанной типология самих поселений, хотя в принципе признается наличие крупных городских центров, городков и сельских поселков. Если говорить о пространственных границах хараппской цивилизации, то здесь важное значение имеют открытия в Даймабаде и Шортугае. В районе Даймабада случайно был обнаружен ряд бронзовых скульптур: двухколесная повозка с возничим и упряжкой из двух быков и три фигуры на колесах — слона, носорога и буйвола. Проведенный анализ позволяет заключить, что эти изделия если и не являются непосредственно импортом из центральных областей хараппской цивилизации, то сделаны хараппским мастером на месте по строгим канонам хараппской торевтики¹¹. Наличие в Даймабаде археологического комплекса позднехараппского облика, в том числе с пуговицеобразными печатками, еще сохраняющими знаки позднехараппской письменности¹², раздвигает границы древнеиндской цивилизации до бассейна Годавери¹³. Открытие в Шортугае (на левом берегу Амударьи в Северном Афганистане) группы хараппских памятников, где помимо

³ Indus Civilization New Perspective. Ed. Dani A. H. Islamabad, 1981, p. 112; Harappan Civilization. A Contemporary Perspective. Ed. Possehl G. L. Oxford and IBH Publishing Co. New Delhi, Bombay, Calcutta, 1982, 440 p. (далее — HC); Frontiers of the Indus Civilization. Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume. Ed. Lal B. B., Gupta S. P. New Delhi, 1984, p. 540, 223 pl. (далее — FIC); *Allichin B. and R. The Rise of Civilization in India and Pakistan*. Cambridge University Press, 1982, p. 379.

⁴ Ancient Cities of the Indus. Ed. Possehl G. L. Vikas Publishing House. New Delhi, 1979, p. 422.

⁵ *Cunningham A. Harappa*.— Archeological Survey of India, p. 101—104; *Possehl G. L. Discovering Ancient India Earling Cities: the First Phase of Research*.— HC, p. 405—413.

⁶ *Thapar B. K. Six Decades of the Indus Studies*.— FIC, p. 1—25.

⁷ *Dyson R. H. Paradigma Changes in the Study of the Indus Civilization*.— HC, p. 417—427.

⁸ *Joshi F. A., Madhu Bala, Jassu Ram. The Indus Civilization: a Reconsideration on the Basis of Distribution Map*.— FIC, p. 511—530.

⁹ *Mughal R. New Archaeological Evidence from Bahawalpur, Indus Civilization*, p. 33—41.

¹⁰ *Chitavala Y. M. Harappan Settlements in the Kutch-Saurashtra Region: Patterns of Distribution and Routes of Communications*.— HC, p. 197—202.

¹¹ *Dhavalikar M. K. Daimabad bronzes*.— HC, p. 361—366.

¹² *Sali S. A. The Harappans of Daimabad*.— FIC, p. 175—184.

¹³ *Thapar. Six Decades...*, p. 7.

тишичной керамики имеется и печать с надписью¹⁴, подтверждает наличие в древности северного сухопутного пути, предположение о существовании которого было высказано автором этих строк в 60-х годах на основании находок вещей хараппского облика в поселениях бронзового века Южного Туркменистана. Вообще индо-среднеазиатские связи в эпоху палеометалла были, судя по всему, более разносторонними и глубокими, чем это представлялось ранее. Не говоря уже о находках зеркала типа Кулли с антропоморфной рукояткой в комплексах эпохи поздней бронзы в Южном Узбекистане¹⁵, весьма примечательно, что в Саразме, около Пенджикента, выше комплекса, являющегося местным проявлением геоксюрского локального варианта анауской культуры¹⁶, идет слой, где встречается расписная керамика на гончарном круге с мотивами явно не среднеазиатского, а среднебелуджистанского облика.

С самого начала выделения хараппских памятников как устойчивой культурной общности возник вопрос об их положении во времени. Наряду с наличием хараппских и «хараппоидных» находок в памятниках Месопотамии¹⁷ с 50-х годов все большее значение стали приобретать физические методы датирования и прежде всего радиоуглеродный метод¹⁸. Опираясь на эти данные, Д. П. Агравал не симпозиуме в Бомбее в 1973 г. подтвердил свою ранее высказанную точку зрения¹⁹ об отнесении хараппских памятников в нуклеарных областях к 2350—2000 гг. до н. э., а на периферии к 2200—1700 гг. до н. э.²⁰ Однако после того как лабораторией Пенсильванского университета была предложена корректировка привятых определений²¹, калиброванные даты дают по всему миру заметное, а местами и резкое удурвление основных датировок опорных археологических комплексов. Это обстоятельство иногда используется для создания преувеличенного представления о значимости тех или иных археологических культур Евразии. Введение коррекции к радиоуглеродным датам древнего Индостана²² также дает датировку значительной древности. Как отмечает автор последнего обзора К. Рамачандран, с учетом вводимой поправки зрелую Хараппу можно отнести к 2700—2100 гг. до н. э.²³ Но в таком случае возникают определенные противоречия с данными о хараппских проявлениях, в том числе — прямых импортах и памятниках Месопотамии, приходящихся на период ориентировочно с 2350 по 1700 гг. до н. э. Если же считать, что именно древнеиндийская цивилизация известна в клинописных источниках под именем Мелуххи — а эта точка зрения приобретает сейчас все больше сторонников²⁴, то эти хронологические рамки получают новое подтверждение. Неудивительно поэтому, что тот же К. Рамачандран пишет, что при использовании корректированных радиоуглеродных дат необходимо учитывать и месопотамскую хронологию²⁵. Поэтому следует, во-первых, осторожно отнестись к использованию корректированных дат для создания длинной хронологии, призывы к

¹⁴ Francfort H. P., Pottier M. H. Sondage preliminaire sur l'etablissement protohistorique harappéen et postharappéen de Shorttugai (Afghanistan de NE).— Arts Asiatiques, 1978, v. IV, p. 26—69; Francfort H. P. The Harappian Settlement of Shortughai.— FIC, p. 299—310; Франкфорт А. П. Хараппская традиция и бактрийская инновация в Шортугае.— В кн.: Древнейшие культуры Бактрии. Тезисы Советско-Французского симпозиума. Душанбе, 1982, с. 30—33.

¹⁵ Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, табл. XXXVIII, 6, 8.

¹⁶ Исakov A. Саразм — поселение эпохи палеометалла в долине Зарафшана.— В кн.: Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II Советско-Американский симпозиум. Ташкент, 1983, с. 62—65.

¹⁷ Gadd C. J. Seals of Ancient Indian Style Found at Ur.— Proceedings of British Academy, 1932, v. 18, p. 3—22.

¹⁸ Lal B. B. A Picture Emerges — an Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent.— Indian Archaeology, 1963, № 18—19, p. 208—221.

¹⁹ Agrawal D. P. The Copper Bronze Age in India. Delhi, 1971.

²⁰ Radiocarbon and Indian Archaeology, p. 209.

²¹ Ralph E. K., Michael H. V., Han M. Radiocarbon Dates and Reality.— MASCA Newsletter. The University Museum, 1973, v. 9, № 1, p. 1—20.

²² Buchanan B. A Dated Seal Impression Connecting Babylonia and Ancient India.— Archaeology, 1967, v. 20, № 2. Список дат с учетом коррекции см.: Ancient Cities of the Indus, p. 350—353.

²³ Ramachandran K. S. Dating of the Indus Civilization.— FIC, p. 558 f.

²⁴ Hansman J. A Periplus of Magan and Malukha.— BSOAS, 1973, v. 36, p. 554—584.

²⁵ Ramachandran. Op. cit., p. 559.

чему уже раздавались в печати²⁶, и, во-вторых, относить хараппскую цивилизацию ориентировочно к XXIV—XVIII вв. до н. э., как поступает и большинство исследователей, занимающихся этой проблематикой.

Вторая проблема прямым образом связана с резким увеличением массового археологического материала, характеризующего памятники хараппского типа в разных их локальных и хронологических проявлениях. Речь идет о тезисе об однородности или культурном однообразии и единообразии хараппской культуры. И Б. Тхапар²⁷ и Р. Дайсон²⁸ убедительно показали, что положение о монолитном единстве хараппской цивилизации уже не отвечает конкретному материалу. Внутри Хараппы вырисовываются различные региональные, районные и культурные группировки, различающиеся в силу целого ряда причин, в числе которых были и местные культурные традиции, и экология, и интенсивность торговых связей. Специалист по археологии Нового Света даже высказал парадоксальное мнение, что термин «индская цивилизация» — условная концепция, маскирующая реальность огромного разнообразия²⁹. Однако реализация этих в принципе вполне справедливых общих положений на конкретном и притом массовом археологическом материале (а размах проведенных исследований вполне позволяет осуществить эту операцию) практически даже не поставлена в повестку дня. И основная причина этого — слабый уровень типологических разработок, отвечающих современному уровню археологической методологии. Это, кстати, общая беда многих концепциональных построений, остающихся на уровне генерализованных моделей и лишь тонкими паутинками отдельных сопоставлений привязанных к надежной материализованной базе вещественных комплексов археологии. Можно полностью согласиться с Р. Дайсоном, что необходимо аналитическое описание зрелой Хараппы³⁰. Но столь же верно и то, что осуществить такое описание без типологических разработок (в первую очередь в области керамических материалов) практически невозможно. Традиции таких разработок имеются в индоанской археологии. Так, С. Пигготом для раннеземледельческих комплексов Белуджистана были выделены керамические стили, учитывающие цветовую гамму и систему орнаментации расписной керамики³¹. Детальная типология для стандартной гончарной посуды самой Хараппы предложена М. Уилером³². Более дробную систему описания керамических типов в основном на основании технологических и орнаментальных признаков внедрил и использовал для раннеземледельческих комплексов В. Фэрсервис³³, у которого фрагментарность имеющегося в его распоряжении подъемного материала практически исключала использование такого важного параметра, как форма сосудов. Именно детальная типология хараппской керамики позволит конкретно подойти к выделению культурных провинций как статистически устойчивого сочетания типов артефактов и прежде всего керамических изделий. Вполне вероятно, что они территориально будут близки практически выделяемым областям в рамках распространения памятников хараппского типа, как, например, это сделано в схеме Г. Посела³⁴. Но тогда это будет не внешняя чисто географическая группировка, а содержательная характеристика этих подразделений как объективно существующих культурных явлений. Выделение керамических провинций хараппской культуры на

²⁶ Mellaart J. Egyptian and Near Eastern Chronology: a Dilemma?— *Antiquity*, 1979, v. LIII, № 207, p. 6—18; Weinstein J., Kemp B. Radiocarbon Dating: two Replies to James Mellaart.— *Antiquity*, 1980, v. LIV, № 210, p. 21—88; Munn-Rankin M. Mesopotamien Chronology: a Reply to James Mellaart.— *Antiquity*, 1980, v. LIV, № 211, p. 128 f.

²⁷ Thapar. Op. cit., p. 14—15.

²⁸ Dyson. Op. cit., p. 418—420.

²⁹ Sharer R. Did the Maya Collapse? A New World Perspective on the Demise of Harappan Civilization.— НС.

³⁰ Dyson. Op. cit., p. 419.

³¹ Piggotti J. S. The Chronology of prehistoric North-West India.— *Ancient India*, 1946, № 1, p. 8—26; *idem*. Prehistoric India. Baltimore, 1950.

³² Wheeler. Harappa 1946...

³³ Fairervis W. A. Excavations in the Quette Valley. West Pakistan.— APAMNH, 1956, v. 45, pt. 2; *idem*. Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai Districts. West Pakistan.— APAMNH, 1959, v. 47, p. 12.

³⁴ Possehl C. L. The Harappan Civilization: a Contemporary Perspective.— НС, p. 15—28.

строго процедурной основе современной типологии было бы первым шагом на этом пути.

Определенные достижения имеются в сфере конкретной характеристики хараппского общества как социально-экономической реальности, хотя некоторые статьи при всей привлекательности широких заглавий порой не выходят за рамки самых общих заключений и рассуждений, не подкрепляемых анализом имеющихся археологических реалий³⁵. Наиболее заметны практические результаты в изучении разного рода производств, опирающиеся на применение новых методов анализа материалов, добываемых археологией. Так, весьма значительны успехи по реконструкции природной среды, в которой протекала жизнедеятельность носителей хараппской цивилизации³⁶, имеются превосходные материалы, характеризующие растительный сектор пищевой диеты³⁷. Таким образом, земледелие как основной источник получения продуктов питания в хараппском обществе предстает перед нами как поливное, полукультурное, с вероятным районированием в использовании различных видов растений³⁸ и широко использующее такой источник энергии, как тягловый скот³⁹.

Разнообразные специализированные ремесла были вторым важнейшим компонентом технологического способа производства хараппской цивилизации. Несмотря на сохранение определенного количества орудий, оснащенных кремневыми пластинами⁴⁰, которые, как показало их трасологическое исследование, использовались в качестве серпов, мясных ножей и при обработке дерева⁴¹, технологически прогресс определялся металлургией и металлообработкой. Изучению этих отраслей традиционно уделяется большое внимание⁴². Свидетельства концентрации соответствующих производств отмечены как в Мохенджо-даро, так и в Хараппе⁴³.

В последние годы не без влияния общетеоретических разработок западных, и в первую очередь американских, исследователей большое внимание уделяется вопросам развития торговли в древних обществах⁴⁴. Оживление этой тематики заметно и по исследованиям последних лет, посвященным хараппским материалам⁴⁵. В частности, подробно рассмотрен вопрос об источниках сырья для различного рода производств⁴⁶, ставились и проблемы социологической интерпретации этой важной стороны жизнедеятельности древних общественных организмов⁴⁷. Все более уверенно намечаются трассы древних торговых путей, связывающих Хараппу с окружающими странами. Выше уже говорилось о новых фактах, подтверждающих реальность функционирования сухопутного маршрута, уходящего из долины Инда на север и северо-восток. Новые раскопки памятников Туркменистана, и в частности крупного центра бронзового века Алтын-депе⁴⁸, доставляют все новые объекты хараппского круга, широко используемые западными и индийскими учеными в своих построениях. Весьма интересны находки в хараппских поселениях костей верблюда, в частности обнару-

³⁵ Malick S. C. Harappan Social and Political Life.— FIC, p. 201—209; Chitalwala V. M. The Problem of Class Structure in the Indus Civilization.— FIC, p. 212—215.

³⁶ Agrawal D. P., Sood R. K. Ecological Factors and the Harappan Civilization.— HC, p. 223—231; Thapar B. K. The Harappa Civilization: Some Reformations on Its Environments and Resources and Their Exploitation, HC, p. 3—14.

³⁷ Vishnu-Mittre Savithri R. Food economy of the Harappans.— HC, p. 205—221.

³⁸ Thapar. Six Decades..., p. 14.

³⁹ Lal B. B. Perhaps the Earliest Ploughed Field so Far Excavated Anywhere in the World.— Puratattva, 1970, v. 4, p. 1—3.

⁴⁰ Allchin B. Substitute Stones.— HC, p. 233—238; Kenoyer J. M. Chipped Stone Tools from Mohenjo-daro.— FIC, p. 117—135.

⁴¹ Коробкова Г. Ф. Трасологическое изучение орудий труда древней Индии. Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 1984, с. 39—43.

⁴² Agrawal D. P. Metal Technology of the Harappans.— FIC, p. 163—167.

⁴³ Gupta S. P. Internal Trade of the Harappans.— FIC, p. 419.

⁴⁴ Lamberg-Karlovsky C. C. Trade Mechanisms in Indus Mesopotamian Interrelation.— JAOC, 1972, v. 92, № 2, p. 222—230.

⁴⁵ Asthana S. Harappan Interest in Kuirman.— Man and Environment, 1979, v. 3, p. 55—60.

⁴⁶ Idem. Harappan Trade in Metals and Minerals: a Regional Approach.— HC, p. 271—285.

⁴⁷ Gupta. Op. cit., p. 417—432.

⁴⁸ Массон В. М. Печати протоиндского типа из Алтын-депе.— ВДИ, 1977, № 4, с. 147—156.

жение захоронения этого животного в Мохенджо-даро⁴⁹. Центр одомашнивания двугорбого верблюда локализуется в Южном Туркменистане и прилегающих районах Восточного Ирана, где он был приручен уже в IV тыс. до н. э.⁵⁰ Вероятнее всего именно необходимость в таком неприхотливом вычном животном для обслуживания сухопутных торговых путей и привела к использованию верблюда древними хараппцами.

Функционирование морского пути, скорее всего каботажного плавания, получило заметное подтверждение после открытия на Бахрейне печатей «стиля Персидского залива», соединявших черты месопотамской и хараппской глиптики⁵¹, и особенно после обнаружения аналогичной печати при раскопках важного центра хараппской торговли — Лотала⁵². Видимо, прав Б. Тхапар, рассматривающий некоторые памятники в прибрежной зоне Южного Белуджистана (Суткатендор, Сотка-кох, Балакот) как промежуточные порты на этом торговом пути⁵³. Вместе с тем эксплуатация природных ресурсов привела в Балакоте к развитию специализированного производства украшений из морских раковин⁵⁴. В свое время М. Маллоун, основываясь на находках различных объектов хараппского круга в районе Диялы, высказал мнение о наличии также сухопутного пути через Южный Иран, связывавшего две великие цивилизации Востока⁵⁵. Новые находки предметов хараппского импорта в Шахдаде в Кермане, где в III тыс. до н. э. располагался крупнейший центр художественной культуры Ирана, подтверждают эту точку зрения⁵⁶. Вместе с тем, выстраивая по археологическим свидетельствам цепочки древних торговых путей, не следует излишне модернизировать роль и значение торговли в жизни древних обществ. Помимо сырья в ее орбиту вовлекались лишь дорогостоящие, престижные предметы, как, например, каменные сосуды с художественными рельефами⁵⁷, служившие лишь узкому кругу древней элиты. Производство мелких аграрных обшин, в которые входила основная масса населения, оставалось во многом автаркичным, не затронутым товарными отношениями. Возможно, более детальные исследования проблемы взаимоотношений центра — округи с использованием технологических анализов для диагностики объектов ремесленных производств позволят как-то конкретизировать эту проблему.

Значительно меньше фактических материалов для характеристики социальной структуры хараппского общества. Большинство индийских исследователей не сомневаются в наличии там классового деления⁵⁸. Но конкретно раскрыть этот общий тезис на материалах археологии достаточно сложно, особенно учитывая то обстоятельство, что хараппские могильники мало изучены, и в тех случаях, когда, как в Калибангане, проводилось их исследование, в целом они представляли довольно аморфную картину⁵⁹. Наличие иерархической системы поселений, безусловно, восходит к достаточно сложной системе общественной организации, когда крупные центры осуществляли функцию регионального лидерства по отношению к сельской округе. Под контролем этих центров (и, естественно, его обитателей) находились значительные массы товарной продукции, сосредоточивавшейся в огромных зернохранилищах, открытых М. Уилером как в Хараппе, так и в Мохенджо-даро. Достаточно сложной была и внутренняя структура самих этих центров. «Цитадели» Хараппы и Мохенджо-даро, расположенные на искусственных платформах многометровой высоты и обрамленные по периметру мощными кладками с башнями или контрфорсами (какова бы ни была первоначальная функция этих платформ), своей замкнутой планировкой

⁴⁹ *Meadow R. H.* A Camel Skeleton from Mohenjo-daro.— FIC, p. 133—139.

⁵⁰ *Ермолова Н. М.* Где же одомашнили двугорбого верблюда?— Природа, 1976, № 10.

⁵¹ *Bibby T. G.* The «Ancient Indian Style» Seals from Bahrain.— Antiquity, 1958, v. 32, p. 243—244.

⁵² *Rao S. R.* A «Persian Gulf» Seal from Lothal.— Antiquity, 1963, v. 37, p. 96—99.

⁵³ *Thapar.* Six Decades..., p. 12.

⁵⁴ *Dales G. F.* The Balacot-ject: Summary of Four Years Excavations in Pakistan.— South Asian archaeology, Naples, 1979, v. 1, p. 241—274.

⁵⁵ *Mallonan M. E. L.* The Mechanism of Iranian Trade.— Iran, 1965, v. VIII.

⁵⁶ *Asthana S.* The Place of Shahdad in Indus Iranian Trade.— FIC, p. 353—361.

⁵⁷ *Khol Ph.* The «World-Economy» of West Asia in the Third Millenium B. C.— South Asian archaeology, Naples, 1979, v. 1, p. 55—85.

⁵⁸ *Lal B. B.* Some Reflections on the Structure Remains at Kalibangan. FIC, p. 61.

⁵⁹ *Sharma A. K.* The Harappan Cemetery at Kalibangan: a Study.— HC, p. 297—299.

противостояли основным массивам жилых кварталов, и их силуэт архитектурно доминировал над всем городским центром в целом. О происходящем в этих крупных центрах накоплении богатств свидетельствуют клады, включавшие, в частности, ценные произведения ювелиров.

Особый интерес представляет внутренняя структура Калибангана, тщательно изученная археологами Индии⁶⁰. В Калибангане, уступавшем по размерам и степени городского благоустройства Мохенджо-даро и Хараппе, но все же бывшем крупнейшим центром целого района, сосредоточенного вдоль реки Сараасвати, также налицо по меньшей мере двухчастная система. Меньшая часть в плане состояла из двух спаренных ромбов, имевших каждый отдельно размер 120×120 м и в целом образующих параллелограмм. Ее окружали обводные стены, возведенные из крупноформатного сырцового кирпича. В «южном ромбе» отсутствуют утилитарные строения, но налицо культовые сооружения, условно названные «алтарями огня» и алтарями-подиумами, где совершались жертвоприношения крупного рогатого скота. В «северном ромбе» подобные ритуальные сооружения отсутствуют — там уже располагались жилые дома, служившие, как полагают индийские исследователи, местом обитания жреческих семей, обслуживавших культовый центр. «Нижний город» Калибангана занимал площадь в 9 га и также имел в плане форму параллелограмма, обведенного сырцовыми стенами. Здесь находились просторные многокомнатные жилые дома, располагавшиеся вдоль основных и подсобных уличных магистралей. Таким образом, налицо по меньшей мере две социальные группы, территориально обособленные и различающиеся образом жизни. В данном случае, возможно, в общественном устройстве было много от теократических элементов, характерных для ранней стадии развития государственного организма, когда существовали так называемые «храмовые городки»⁶¹, одним из образцов которых и является Калибанган. Погребения в некрополе Калибангана, как правило, лишены инвентаря, и лишь в одной могиле пожилого мужчины обнаружено свыше 70 керамических сосудов. Имеются некоторые данные о наличии в хараппском обществе еще третьей группы, отличавшейся образом жизни и соответственно общественным, надо полагать, статусом. Это обитатели баракоподобных построек, раскопанных как в Хараппе, так и в Мохенджо-даро⁶². Видимо, это был другой полюс имущественной состоятельности и социальной значимости внутри хараппского общества.

Весьма показательно стремление вычленить из окружающего пространства по крайней мере нуклеарную часть хараппского поселения — так называемую цитадель. Правда, специальный анализ показал, что имеющиеся в ее стенах въезды осуществляли ограниченную военную функцию и нередко были снабжены лестничными маршами⁶³. Это обстоятельство, как и сравнительно ограниченное количество оружия (к тому же типологически слабо развитых форм), обнаруженного на хараппских памятниках, свидетельствует о том, что здесь, так же как в южнотуркменистанском Алтын-депе⁶⁴, была довольно слабо развита военная функция. Это, разумеется, отличало обе цивилизации от одновременных обществ Передней Азии, находившихся в непрерывном военно-политическом противоборстве, которое резко стимулировало развитие военного дела. Однако нет оснований полностью отрицать функцию убежища для укрепленных хараппских поселений, военную значимость которых справедливо подчеркивают многие авторы⁶⁵.

Наряду с содержательной характеристикой самого хараппского общества как такового важной проблемой остаются вопросы его происхождения. В настоящее время совершенно ясно, что истоки всех основных древнейших цивилизаций Старого и Нового света восходят к исходному пласту раннеземледельческих культур, где зародились основные их особенности, — от производства продуктов питания и специализированных производств до нового образа жизни; эти особенности составили

⁶⁰ Lal. Some Reflections...

⁶¹ Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981, с. 107 сл.; Redman Ch. L. The Rise of Civilization. San Francisco, 1978, p. 202.

⁶² Allchin B. and R. Op. cit.

⁶³ Kasarwan A. Harappan Gateways: a Functional Reassessment. — FIC, p. 63—73.

⁶⁴ Массон. Алтын-депе, с. 107.

⁶⁵ Dyson. Op. cit., p. 424; Lamberg-Karlovsky C. C. Sumer, Elam and the Indus: Three Urban Processes Equal one Structure. — ИС, p. 67.

специфические черты первых цивилизаций. Новые археологические работы на Индо-Пакистанском субконтиненте существенно удревели возраст первых земледельцев этого региона. Мы имеем в виду в первую очередь раскопки Французской экспедиции в Мергаре, на севере Белуджистана⁶⁶. Находки зерен культивируемого риса наряду с дикорастущими сортами в архаических по культурному облику комплексах по среднему течению Ганга лишь предвосхищали кардинальные перемены, которые в этой зоне наступили несколько тысячелетий спустя⁶⁷.

Древнейший комплекс Мергара, который с полным основанием можно именовать мергарской культурой неолитической эпохи, относится в основном к VI тыс. до н. э., и, быть может, он продолжал существовать в следующем тысячелетии, хотя открывшие его исследователи предпочитают говорить об его удревнении, а не омоложении. Кремневая пластинчатая индустрия этого древнейшего Мергара (Мергар I) со значительным числом геометрических микролитов в виде симметричных трапеций и сегментов имеет прямые аналоги в материалах южнотуркменстанского Джейтуна, как это и отмечают почти все исследователи⁶⁸. В Мергаре налицо такие характерные признаки эпохи производящей экономики, как глинобитные строения, domesticiрованные злаки и, при преобладании дикой фауны, мелкий рогатый скот. Судя по всему, перед нами местный очаг сложения производящей экономики, входящий по ряду признаков (в частности, по типу кремневой индустрии) в восточную культурную зону вместе с Джармо и Джейтуном⁶⁹. Возможно, именно с запада был получен ряд хозяйственных и культурных элементов, в том числе домашняя овца, центр одомашнивания которой, как показали специальные исследования зоологов, находился в Загросе и более западных областях. Наряду с этим местная специфика, и в частности включение в хозяйственный обиход местных пород животных, определяет культурный облик уже древнейших комплексов Мергара. Эта значительная культурная специфика, которую В. Ферсервис в одной из своих работ назвал «индианизацией», весьма рано, как показывают раскопки Мергара, стала характерной чертой раннеземледельческих культур Белуджистана и долины Инда. Несколько неожиданно отсутствие в Мергаре глиняной посуды, которая вообще является в данном регионе относительно поздней и появившейся почти сразу в совершенном виде. Дело в том, что уже в комплексе Мергар II Ж. Ф. Жариж находит расписную керамику высокого качества, сделанную с помощью «поворотного инструмента»⁷⁰. Позднее, как и в других раннеземледельческих комплексах Белуджистана, налицо керамика, сделанная на гончарном круге быстрого вращения. Таким образом, здесь почему-то отсутствует длительный период совершенствования гончарного производства, предшествующий внедрению такого совершенного инструмента, как гончарный круг, на который обычно приходится почти два тысячелетия. Это обстоятельство заставляет, в частности, отнестись пока с осторожностью к ранним датировкам Мергара, по которым гончарный круг здесь входит в употребление не только сразу, но и намного раньше, чем в Шумере (Урук) или Центральном Иране (Сиялк III). Возможно, в самом Мергаре, где вертикальная стратиграфия слабо выражена, еще будут выявлены какие-либо переходные комплексы. Но как бы то ни было, раннеземледельческая эпоха Индостана, ранее лишь угадывавшаяся по скудным материалам Кили-Гхул Мухаммеда (тоже бескерамического и, возможно, относящегося к культуре Мергара), теперь облекается в плоть и кровь полноценного археологического комплекса. Наличие этой надежной точки отсчета — существенный момент при рассмотрении проблемы происхождения Хараппы.

⁶⁶ Jarrige J. F., Lechevallia M. Excavations at Mehrgarh in Beluchistan.— South Asian Archaeology, Naples, 1979, v. 1, p. 633—636; Jarrige J. F. Excavations at Mehrgarh: Their Significance for Understanding the Background of the Harappa Civilization.— ИС, р. 79—84; *idem*. Towns and Villages of Hill and Plain.— FIC, p. 289—300; Жариж Ж. Ф. Связи Белуджистана и Средней Азии во второй половине III тыс. до н. э. в свете работ в районе Мергара.— В кн.: Древнейшие культуры Бактрии. Советско-французский симпозиум. Душанбе, 1982, с. 36—38.

⁶⁷ Массон В. М. Археологические исследования Аллахабадского университета.— ВДИ, 1982, № 1, с. 228 сл.

⁶⁸ Allchin B. and R. Op. cit., p. 106.

⁶⁹ Массон В. М. Значение археологических памятников Азии для изучения всемирной истории.— В кн.: Археология зарубежной Азии. Л., 1985, с. 4.

⁷⁰ Jarrige. Towns and Villages..., p. 297.

Как четко формулирует Б. Тхапар⁷¹, налицо два в известной мере диаметрально противоположных подхода. По концепции, последовательно отстаивавшейся М. Уилером, «идея цивилизации», так же как «идея письма» и другие кардинальные инновации, пришла в долину Инда из Двуречья⁷². В советской науке эта точка зрения была подвергнута сомнению⁷³. В обзоре раннеземледельческих культур Индостана в 1964 г. автор настоящей статьи писал: «Реальное рассмотрение конкретной исторической обстановки показывает, что сложение городской цивилизации в Синде и Пенджабе обусловили конкретные местные предпосылки, и прежде всего бурное развитие производительных сил. Так, древнеиндийская иероглифика возникла не потому, что Синда достигла вышедшая из Шумера «идея письма», а потому что введение письменности обуславливалось возросшими хозяйственными и общественными запросами древнеиндийского общества»⁷⁴. Развернуто обосновал подход к хараппской цивилизации как к местному явлению В. Фэрсервис, пришедший к заключению, что ее формирование было логическим завершением процессов, начавшихся в Белуджистанском регионе⁷⁵, т. е. в среде раннеземледельческих общин.

В принципе вокруг этих двух подходов, или парадигм, вращается и современное обсуждение этой важнейшей проблемы. Новые археологические открытия в обширной зоне, разделяющей Двуречье и долину Инда, привели к поиску передаточных инстанций в предполагаемом движении прогрессивных начал с запада на восток. После открытия в Юго-Восточном Иране таких памятников, как Яхья-тепе и Шахри-Соخته, К. К. Ламберг-Карловский допускал, что именно этот регион сыграл важную роль в процессах, приведших к сложению хараппской цивилизации⁷⁶. Такой подход оказал известное воздействие на некоторых индийских исследователей. Так, Б. Тхапар отмечал, что сложение обществ Яхья-тепе и Шахри-Соخته могло оказать формативное влияние на Хараппу, а наличие в том же регионе протоэламских общин, знакомых с пиктографией, могло стимулировать сложение системы письма и развитие общества в долине Инда⁷⁷.

В общесоциологическом плане генетическая связь древнеиндийской цивилизации с раннеземледельческими общинами того же региона не вызывает сомнений, и новые археологические открытия приносят все новые и новые тому доказательства. С включением новых территорий в систему эффективного земледелия технологические традиции (прежде всего в сфере гончарства и металлургии), сформировавшиеся в среде ранних земледельцев Белуджистана и частично долины Верхнего Инда (Рахман-дери, Джадилшур), получили дальнейшее прогрессивное развитие в хараппских городских центрах. Целый ряд местных земледельческих традиций может быть прослежен и в хараппском культурном комплексе. В области архитектуры это дальнейшее развитие такого важного элемента оседлого земледельческого поселения, как зернохранилище, известного со времен докерамического неолита Мергара. Сравнительно мелкий формат прямоугольного сырцового кирпича, определившийся в том же Мергаре, где он составлял $32-28 \times 14,5 \times 7$ см, продолжается в предхараппских комплексах Калибангана ($30 \times 20 \times 10$) и незначительно модифицируется в хараппских наслоениях того же памятника ($30 \times 15 \times 7,5$ — в жилых строениях, $40 \times 20 \times 10$ — в обводной стене). Близкие пропорции могут быть прослежены и в жженом кирпиче Мохенджо-даро с его стандартом в $28 \times 13,5 \times 5,7$. Квадратная форма знаменитых хараппских печатей, резко отличная от цилиндрических печатей Месопотамии, является прямым продолжением традиции квадратных печатей раннеземледельческой эпохи, изготовлявавшихся из камня, терракоты и кости. Как справедливо отмечает Ф. Дуррани, анализируя уникальную печать из ранних слоев Рахман-дери, представленное на ней совместное расположение животного и рядом с ним символических

⁷¹ Thapar. Six Decades..., p. 17.

⁷² Wheeler R. E. M. Early India and Pakistan to Asoka. L., 1959, p. 101—106.

⁷³ Массон В. М. Рец. на кн.: Wheeler M. Early India and Pakistan to Asoka. L., 1959.— ВДИ, 1962, № 3, с. 178—182. Transl. by H. Ch. Pande. Occasional paper № 4. Publ. by Field Research Projects, Coconut Grove. Florida, 1969.

⁷⁴ Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.— Л., 1964, с. 272.

⁷⁵ Fairservis W. A. The Roots of Ancient India. N. Y., 1971.

⁷⁶ Lamberg-Karlovsky. Trade Mechanisms...

⁷⁷ Thapar. Six Decades..., p. 18.

знаков прямо превосходит харапскую глиптику⁷⁸ и композиционно и, возможно, семантически. В керамической росписи Харappy, засвидетельствованной лишь на небольшом количестве сосудов и явно представляющей собой угасающую традицию, мотивы листьев пипала, рыб, орнамента, названного «рыбьей чешуей»⁷⁹, также имеют бесспорные раннеземледельческие прототипы. То же следует сказать и про терракоты Мохенджо-даро со сложным головным убором и, как убедительно показал Р. Олчин⁸⁰, про культ быка, прослеживаемый по росписи керамики предхарапского времени, где часто воспроизводится изображение крупной головы животного с листьями пипала между мощными рогами. Как известно, рогатый головной убор, судя по изображениям на печатях, был в харапскую эпоху своего рода символом божеств, приобретших уже антропоморфный облик. Это все традиционные, сугубо индостанские элементы культурного наследия.

Сложнее обстоит дело с попытками определить исходный локус того специфического культурного комплекса, который представляет археологическую культуру зрелой Харappy. Исследователи отмечают, что на целом ряде памятников, как, например, в Амри, происходит постепенное смешение местных и харапских элементов, не формирующихся на месте, а приходящих со стороны и как бы в готовом виде. В Калибангане, где налицо прямое перекрывание предхарапских наслоений харапскими, также фиксируется определенный разрыв между ними, когда зрелая Харappa появляется в готовом, сложившемся виде. Автор этих строк предложил видеть в формировании зрелого харапского комплекса процесс культурной мутации, когда складываются новые стандарты и эталоны и именно эти инновации определяют специфический облик культуры в целом⁸¹. Уже в предхарапский период шел активный процесс культурной конвергенции, охвативший провинции раннеземледельческих племен с различными культурными традициями⁸². Происшедший затем качественный культурный скачок, которым явилось сложение цивилизации как социокультурного явления, органически соединив традиции и инновации, и предопределил общий облик харапской культуры. Это был сложный диалектический процесс, и любые заимствования, если они имели место на селективной основе, инкорпорировались местной культурной средой в тех случаях, когда они отвечали сложившимся потребностям и тенденциям. В этом плане значение «шумерского фактора», если он и имел место, едва ли следует преувеличивать и уж во всяком случае придавать ему решающее, структурообразующее значение. Тем более пока нет убедительных данных о проникновении групп шумерского населения в долину Инда в III тыс. до н. э.⁸³ Недавно был, правда, поставлен вопрос о возможности существования шумерских торговых колоний в зоне харапской цивилизации⁸⁴. При этом вопрос во многом рассматривается по аналогии с данными клинописных источников о существовании мелуххского поселения в Лагаше, где проживали древнеиндские (коль скоро принимать отождествление Мелухха — Харappa) торговцы со своими семьями. Новый анализ соответствующих свидетельств письменных источников показывает, что имена обитателей этого лагашского анклава представляют собой транслитерацию на шумерский с местного, т. е. мелуххского, языка⁸⁵. Однако в отличие от этих данных у Дьюринг-Касперс нет бесспорных свидетельств существования шумерских выселков в харапских центрах. Он в основном опирается на находки в Мохенджо-даро и других памятниках печатей цилиндрической формы, действительно резко отличающихся от традиций местной глиптики. Однако изображения на цилиндрах не имеют чисто месопотамского характера и скорее

⁷⁸ Durrani F. A. Some Early Harappan Sites in Gomal and Banny Valleys.— FIC., p. 509.

⁷⁹ Allchin B. and R. Op. cit., p. 163.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Массон В. М. Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане.— В кн.: Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984, с. 69.

⁸² Allchin B. and R. Op. cit., p. 163.

⁸³ Gupta S. P., Asthana S. Harappa vis à vis Mesopotamian Urbanisation and Town Planning.— Man and Environment, 1978, v. II, p. 47—50.

⁸⁴ During Caspers E. C. L. Sumerian Trading Communities Residing in Harappian Society.— FIC, p. 363—370.

⁸⁵ Parpola S., Parpola A., Brunswing R. H. The Meluhha Village. Evidence of Acculturation of Harappan Traders in Late Third Millenium Mesopotamia.— Journal of Economy and History of Orient, 1977, v. XX, pt II, p. 126—165.

отражают определенный этап культурной ассимиляции. Но даже если и будет доказано наличие таких поселенцев в харапшскую эпоху, это мало повлияет на саму проблему происхождения этого знаменательного явления древнего мира, глубоко самобытного по своим основным параметрам.

Перспективность культурологического подхода к анализу харапшской цивилизации как на стадии ее возникновения, так и в период зрелости не вызывает сомнений. Отметим в этом плане интересные разработки К. К. Ламберг-Карловского, который предлагает видеть в Шумере, Эламе и Индии разное воплощение трех стадий развития, близких по содержанию⁸⁶. При этом он имеет в виду стадию первичной урбанизации, стадию первичной инкорпорации, осуществляющуюся, в частности, через механизм колонизации (эламские фактории в Иране, харапшская в Шортугае), и стадию вторичного вовлечения, когда активно происходит процесс аккультурации. Рассмотрение этих построений — особая тема. Однако нельзя не заметить, что сама постановка вопроса о прохождении обществом в трех регионах сходных стадий прямым образом выводит исследователей на признание наличия общих закономерностей исторического развития, что является составной частью мировоззренческой концепции советской исторической науки.

В. М. Массон

---

⁸⁶ *Lamberg-Karlovsky. Sumer...*

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО РАБСТВА

Рецензия посвящена рассмотрению концепции древнегреческого рабства, разработанной известным французским антиковедом-марксистом И. Гарланом. В 1982 г. он опубликовал монографию «Рабы в древней Греции»¹, а два года спустя — ее своеобразное продолжение — сборник текстов, освещающих ту же проблему (отрывки из греческих и латинских авторов, надписей и папирусов в переводе на французский язык)². Естественно, что наш анализ в первую очередь будет обращен к монографии.

Во «Введении» (с. 13—35) И. Гарлан кратко характеризует историографию проблемы и источников. Изучение древнегреческого рабства началось в эпоху Возрождения. Первоначально эта проблема находилась всецело в сфере интересов «эрудитов», собиравших материалы источников и снабдивавших их рассуждениями морального плана, осуждая рабство или защищая его. С середины XVIII в. можно говорить о возникновении нового подхода к античному рабству, преимущественно в трудах экономистов, которые, изучая способы существования человеческих обществ, организацию экономической жизни, вопросы демографии, обращались и к древности. С появлением трудов К. Маркса и Ф. Энгельса эта традиция начала оказывать влияние на историографию античности. Анализируя взгляды классиков марксизма на античное рабство, И. Гарлан проявляет особый интерес к проблеме «азиатского способа производства». Переходя к влиянию марксизма на изучение античного рабства, И. Гарлан пишет что первоначально оно проявлялось главным образом опосредствованно, через труды таких социологов, как К. Бюхер и М. Вебер, у которых влияние марксистских взглядов сочеталось с сильным эклектизмом. Реакцией на их работы стала концепция Э. Мейера, который попытался дать античному рабству чисто поли-

---

¹ *Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. Textes à l'appui. Histoire classique. Série dirigée par P. Vidal-Naquet. Paris: Francois Maspero, 1982, 217 p.*

² *Idem. L'esclavage dans le monde grec. Recueil de textes grecs et latins. Annales Littéraires de l'Université de Besançon, 305. Centre de Recherches d'Histoire Ancienne, v. 60. Paris: Les Belles Lettres, 1984, 163 p.*

тическое объяснение. Появился ряд исследований, содержащих интересную информацию, но лишенных широкой перспективы. Своего рода синтезом их результатов стала известная книга В. Л. Вестермана.

Далее автор обращается (тоже весьма кратко) к развитию советской историографии. Указав, что советским ученым выпала «трудная роль пионеров», И. Гарлан и здесь основное внимание уделяет изучению рабства в связи с проблемой азиатского способа производства, отрицательно оценивая результат известных дискуссий 20—30-х гг., в которых «азиатская» концепция была отвергнута. Возобладавшая в их ходе ориентация на то, что И. Гарлан называет «пятичленной формулой однолинейной эволюции», представляется ему «догматической». Вместе с тем И. Гарлан подчеркивает, что и такой подход отнюдь не означал полного единообразия научных взглядов, ссылаясь в этой связи на труды А. И. Тюменева, писавшего о качественном (а не только количественном) различии между античным и древневосточными обществами.

Примерно с 1960 г., полагает И. Гарлан, начинается новый этап в марксистском антиковедении, который связывается им с «реабилитацией» азиатского способа производства, широкими дискуссиями, расширением рамок разработки истории античного рабства. В этой связи И. Гарлан говорит о необходимости изучения проблемы общественно-экономической формации, отмечает заслуги группы французских исследователей-марксистов и издание советскими историками десяти томной серии «Исследования по истории рабства в античном мире».

В то же время, напоминает И. Гарлан, возродился интерес к проблемам рабства и у западных ученых различных направлений. Он выделяет работы М. И. Финли, изучавшего античное рабство в тесной связи с североамериканским рабством нового времени. В его трудах, как и в работах К. Моссе и П. Видаль-Наке, И. Гарлан подчеркивает стремление рассматривать эволюцию форм зависимости (не обязательно приводящую к классическому рабству) как результат «трансформации структуры общества в целом». Он отмечает радикальную критику этими учеными «гуманистического» подхода к проблеме рабства, развиваемого главным образом Майнцской школой (ФРГ) и связанного со стремлением противопоставить марксизму «вечные» ценности «западного гуманизма».

Кроме идеологических проблем история рабства в древней Греции ставит и проблемы методические и эпистемологические. Они во многом обусловлены фрагментарностью и неполнотой источников и отсутствием у древних авторов какого бы то ни было систематического описания рабства как института. И. Гарлан объясняет это явление не незначительностью самого феномена рабства, но тем, что оно находилось, как он считает, вне сферы интересов философов. Охарактеризовав основные источники, И. Гарлан указывает на сложность интерпретации терминов, обозначающих рабов, и завершает свое «Введение» вопросом о рабской ономастике.

В главе I (с. 37—97) И. Гарлан рассматривает рабство того типа, который он определяет понятием «l'esclavage-marchandise» (соответствует английскому *chattel slavery*), который особенно развился в классических Афинах³.

И. Гарлан прежде всего отмечает, что ни античные авторы, ни современные исследователи (историки и этнологи) не выработали ясного и точного определения рабства, которое выделяло бы его из других форм эксплуатации, основанной на внеэкономическом принуждении. Обычное понимание рабства связано с теми представлениями, которые возникли из практики нового времени (рабство в колониях европейских стран, затем на юге США), испытав вместе с тем влияние идей Аристотеля и римского права.

Краткий исторический обзор, по мысли И. Гарлана, позволит, обратившись если не к истокам, то скорее к формам, предшествующим афинской классической модели, лучше выявить те особенности социально-экономического развития, которые привели к ее формированию. Соответственно глава I распадается на две части: историче-

³ В дальнейшем мы будем пользоваться для обозначения этого типа рабства более привычным нам термином «классическое рабство», поскольку и сам И. Гарлан иногда вместо «l'esclavage-marchandise» говорит о «классическом рабстве», «рабстве афинского типа» и «классическом рабстве афинского типа».

скую и систематическую (хотя внешне это никак не отмечено). В первой из них рассматривается рабство в микенском обществе, гомеровское рабство и развитие рабства классического типа в архаическую эпоху. Систематическая часть посвящена анализу разных сторон этого феномена.

Микенское и гомеровское рабство, по мнению И. Гарлана, с точки зрения типологии входит в тот же ряд, что и классическое рабство афинского типа, однако некоторыми чертами отличается от него. Для понимания микенского рабства, подчеркивает И. Гарлан, следует постоянно учитывать характер общества, которое было однотипным с современными ему обществами Переднего Востока. Как и там, в микенском обществе рабство не выступало как антитеза свободы. Основное, что определяло место человека в обществе, — его отношение к дворцу. Свободные тоже зависели от дворца, и, с точки зрения современных представлений, их положение можно определить как положение «между рабством и свободой». Таким образом, с точки зрения И. Гарлана, разница между рабом афинского типа и микенским не только количественная (в Афинах рабов было больше), но и качественная. Качественные отличия: браки между свободными и рабами; участие рабов наряду со свободными в религиозных ассоциациях; наличие у рабов имущества; признание за ними права собственности; определенная (по крайней мере для части рабов) хозяйственная самостоятельность. Вместе с тем И. Гарлан отмечает и сходные черты в микенском и классическом рабстве: различие между частными и храмовыми рабами, одинаковые источники рабства (войны, пиратство, естественное воспроизводство, покупка).

В общем под тем же углом зрения рассматривается и гомеровское рабство — автора интересует вопрос, является ли «гомеровский раб» прямым предшественником классического раба афинского типа. Для суждения о рабстве в это время основные источники — «Илиада» и «Одиссея», созданные в VIII в. до н. э. (с разницей в два поколения), но их интерпретация, конечно, чрезвычайно сложна. Термины, обозначающие рабов, свидетельствуют об определенном континуитете: микенский раб — гомеровский раб — афинский раб классического типа. Однако И. Гарлан предостерегает от опасности преувеличения преемственности. Необходимо помнить о своеобразии понятия «свобода» в гомеровское время: оно применялось прежде всего для обозначения не статуса отдельного человека, а положения полиса, т. е. речь в таком случае шла о свободе данного общества, а не личности.

При исследовании гомеровского рабства, считает И. Гарлан, следует иметь в виду два важных обстоятельства: хронологическую разницу между поэмами и различные ситуации, в которых действуют их герои. В «Илиаде» проблема рабства освещена преимущественно с точки зрения судьбы военнопленных. Победенных мужчин обычно убивают, женщин порабощают, дети разделяют судьбу либо матери, либо отца. В «Одиссее» проблема рабства видится прежде всего с точки зрения места рабов в ойкосе аристократа. Первоначально создается впечатление, что большинство рабов — женщины, однако это — aberrация, поскольку многие события происходят в доме, а домашняя прислуга состоит преимущественно из женщин. Основная часть рабов вне дома — мужчины, но они заняты не земледелием, а используются как пастухи. По сравнению с «Илиадой» изменяются источники получения рабов, которых теперь захватывают или при набегах на земли соседей, или, чаще, в набегах на заморские страны. Захваченный раб может неоднократно переходить из рук в руки (или в качестве дара, или как объект купли-продажи). В связи со сказанным И. Гарлан с сочувствием цитирует Э. Бенвениста, считавшего, что сами понятия «купля», «продажа», «цена» вырабатывались в первую очередь в ходе операций с «живым товаром».

Одной из основных черт, отличающих гомеровское рабство от классического, по мнению И. Гарлана, является его «патриархальный» характер: в рамках одного ойкоса находились и раб и его хозяин, которые вместе трудились и нередко даже жили почти в одинаковых условиях. И. Гарлан, однако, предостерегает от идеализации положения раба, поскольку тот подвергался эксплуатации и целиком зависел от воли своего господина. Отсюда — и первые элементы «рабской идеологии», и первые признаки социального протеста. Но самое главное, что отличало гомеровского раба от раба классического типа, заключалось в том, что в это время (как и в микенское) антитеза раб — свободный еще не стала основной линией социального деления общества (основной была линия, отчленявшая аристократов от остальных категорий населения).

Именно поэтому, полагает И. Гарлан, в гомеровском рабе нельзя видеть прямого предшественника раба классического типа.

Дальнейшее развитие рабства освещается Гесиодом, лирическими поэтами VII—VI вв. до н. э. (Архилох, Гишпонакт, Феогнид, у которых впервые появляется и термин *δοῦλος*) и более поздней исторической традицией относительно Афин и Хиоса. И. Гарлан выражает свое согласие с широко распространенным в современной научной литературе тезисом о том, что развитие политической свободы в Греции идет параллельно развитию классического рабства. Он различает здесь два встречных ряда причин: экономический прогресс — развитие рабства — прогресс демократии; прогресс демократии — развитие рабства — экономический прогресс. В первом случае отправным пунктом является развитие ремесла и торговли и одновременно уменьшение числа рабочих рук в Греции в результате «великой колонизации», а также технологический прогресс. Во втором — усиление демоса за счет аристократии или по чисто экономическим причинам, или вследствие изменения военной структуры общества (политическая тактика) или просто из-за возрождения общинного «духа» и вкуса к политической свободе в связи с улучшением материальных условий жизни. В целом весь этот процесс И. Гарлан рассматривает как результат сочетания возможностей (открытых ростом производства) и необходимостей (рождавшихся из борьбы за эмансипацию рядовых членов общества) в обществе, где издавна существовала частная собственность и по соседству с которым находился варварский мир, готовый предоставить «человеческий скот».

«Систематическая» часть главы I, посвященная анализу того типа рабства, который И. Гарлан называет *l'esclavage-marchandise*, начинается с характеристики юридического статуса афинского раба, которая дана в общем в весьма традиционном духе. Хотя никто не сомневался в том, что раб — существо человеческое, с точки зрения права он прежде всего представлял собой объект собственности. Хозяином раба мог быть любой свободный, независимо от его статуса. Только очень незначительная часть рабов принадлежала коллективу граждан в целом, причем для юридического положения раба это значения не имело. Раб не имел права собственности. Его семья, если и существовала реально, была лишена каких-либо юридических оснований. Вместе с тем некоторые ограничения власти господина обуславливались либо традициями старого семейного права, либо установлениями полиса. Начиная с IV в. до н. э. эмпирически установилась практика признания юридической правоспособности раба в отношении тех экономических функций, которые ему поручал господин.

Следующий вопрос, исследуемый И. Гарланом, — источники рабства. В Афинах свобода гражданина охранялась очень строго, и он мог быть обращен в рабство только в исключительных случаях, вследствие чего подавляющая часть рабов не была уроженцами Аттики и, более того, греками. В этом отношении рабовладельческая теория хорошо согласуется с практикой. Все народы варварской периферии снабжали Грецию рабами, но роль различных регионов менялась во времени. Первоначально преобладал фракийский мир и скифы, позднее на первое место выдвинулась Малая Азия. Часть рабов-варваров попадала в руки греков благодаря посредничеству их соплеменников, но подавляющая масса — военная добыча, результат различных конфликтов между варварами, между греками и между греками и варварами. Законы войны оставались прежними и неизменными: имущество побежденного и он сам считались законной и полной собственностью победителя. Судьба побежденных определялась в зависимости от множества факторов, как правило, сугубо практического характера: обстоятельства победы, состав армии, «качество» побежденных и т. д. Подсчитано, что примерно в четверти известных случаев побежденные порабощались. Обычно их продавали сразу же после сражения, но были и специальные рынки, находившиеся как на периферии греческого мира (Византий, Эфес, Танаис, Пагасы в Фессалии), так и в важнейших торговых центрах (Хиос, Делос, Коринф, Эгина, Афины). Помимо регулярной войны рабов давали разбой и особенно пиратство. Еще одним источником пополнения рабской силы служило естественное воспроизводство, значение которого зависело от того, насколько легко можно было получить рабов извне (на Родосе в II в. до н. э., доморожденные составляли только одну восьмую часть рабов).

По мнению И. Гарлана, нет оснований сомневаться в широком распространении в древней Греции классического рабства афинского типа. Касаясь вызвавшего много

споров вопроса об абсолютной численности рабов, автор отмечает, что в настоящее время, по крайней мере в отношении Афин, среди исследователей установилось некое единодушие: считается, что численность рабов росла до 431 г. до н. э., упала в годы Пелопоннесской войны и медленно возрастала в течение первых 75 лет IV в. до н. э. Большинство историков склоняется к тому, что рабов в Афинах было около ста тысяч, что составляло примерно одну треть всего населения.

Более важным, нежели абсолютное число рабов, И. Гарлан справедливо считает вопрос об их месте в производстве. Он начинает анализ с рабской прислуги в доме, опираясь преимущественно на данные Аристофана и афинских ораторов V—IV вв. до н. э. Рабская прислуга, естественно, численно очень различная в зависимости от достатка хозяина, имела в большинстве домов афинских граждан. Выступая против высказывавшегося в научной литературе мнения о непроизводительном характере деятельности этих рабов, автор приводит два основных соображения: во-первых, домашняя работа подразумевала и определенные производственные функции (помол зерна, ткачество и др.); во-вторых, большинство граждан владело участком земли, который они обрабатывали сами с помощью рабов, т. е. одни и те же рабы использовались и для производительного труда и как прислуга. Если судить по комедии Аристофана, зевгиты — «средние» крестьяне, составлявшие социальную основу Перикловой демократии, имели каждый не менее трех рабов. Гораздо большее число их было занято в хозяйствах крупных землевладельцев; здесь можно говорить уже и об определенной специализации труда, и о рабах-управляющих.

Если значение рабского труда в сельском хозяйстве до сего времени остается еще объектом дискуссий, то никто из исследователей не сомневается в том, что в ремесле Афин рабство играло «важную, если не основную роль». Благодаря изображениям на керамических изделиях и особенно речам ораторов IV в. до н. э. можно констатировать, что ремесленники, не имевшие небольшого числа рабов, им помогавших, составляли исключение и что даже существовали мастерские, в которых работали исключительно рабы. Но увеличение числа рабов в пределах мастерской не сопровождалось усилением разделения труда. Некоторые отрасли ремесла были исключительно рабскими, прежде всего горное дело. Наряду с метеками, по крайней мере в IV в. до н. э., большое место рабы занимали в банковской деятельности.

Помимо частных Афины знали и государственных рабов. Многочисленные рабы находились в распоряжении различных магистратов: охранники тюрем, палачи, служители в архивах и др.

Большинство частных рабов трудилось под непосредственным надзором господ. Когда хозяйство было достаточно большим, а господина отвлекала политическая или иная деятельность, особое значение приобретал эпитроп — раб-управляющий. Рабовладелец мог также сдавать своих рабов в аренду на разные сроки, индивидуально или коллективно. Определенную категорию составляли рабы, жившие отдельно и ведшие свое «дело», платя хозяину «оброк», размер которого зависел от ряда обстоятельств. Указывая на несомненный рост числа рабов последней категории, И. Гарлан справедливо связывает эту тенденцию с развитием товарно-денежных отношений, влиявших на эволюцию форм эксплуатации, но не менявших существенно отношений собственности.

В связи с данной проблемой автор касается и вопроса о рентабельности рабского труда, подчеркивая, что его нельзя решать без учета специфики рабовладельческого общества. В силу этого следует иметь в виду ряд факторов: невозможность в принципе для гражданина работать за плату на другого, превосходство, с точки зрения системы ценностей, земельной собственности над иными видами ее и др. Что касается соотношения труда рабов и свободных, то, как полагает И. Гарлан, нет никаких оснований считать, что рабский труд вытеснил труд свободных, и говорить здесь о какой-либо конкуренции.

Последний параграф главы I посвящен практике освобождения рабов. Хотя рабов стали освобождать, видимо, еще в архаическую эпоху, юридические нормы выработывались постепенно, по мере развития самой практики. Число освобожденных заметно увеличивается начиная с IV в. до н. э. Ксенофонт и Аристотель видят в надежде на освобождение наилучший стимул для раба. Большое количество манумиссий эллинистического времени позволяет достаточно хорошо представить юридическую

сторону отпуска раба на волю. Автор обращает внимание также на следующие обстоятельства: число отпущенниц лишь ненамного превосходило число отпущенников; а плата за свободу примерно равнялась рыночной цене на раба.

Говоря о формах освобождения, И. Гарлан выступает против мнения тех исследователей, которые считают древнейшей формой сакральную. Первоначально отпущенный пользовался полной юридической свободой, но со временем его свобода все более ограничивается всякого рода обязательствами по отношению к бывшему хозяину (*парамоне*). Юридическое положение такого вольноотпущенника стало объектом многих дискуссий, причем сам И. Гарлан считает наиболее возможным определить его как положение «между рабством и свободой». В обычных условиях вольноотпущенник редко имел возможность стать полноправным гражданином.

Глава II (с. 99—133) — «Между свободой и рабством: общинное порабощение». Как отмечает И. Гарлан в вводной части, рабство классического типа известно лучше и представляет феномен рабства в его наиболее чистом виде, но эта «модель» не исчерпывает всего многообразия форм эксплуатации несвободного труда в греческом мире. Современные историки охотно объясняют эти разнообразные формы, используя понятие «зависимость». Это понятие удобно, чтобы отметить разницу с классическим рабством, но вместе с тем оно скрывает различия между формами зависимости, объединенными этим понятием, которые не меньше, чем между ними и классическим рабством. Другое выражение, используемое некоторыми историками (Д. Лотце, М. Финли), — «между свободой и рабством» (определение Поллукса). В этом случае возникает сложность чисто методического порядка: «спектр» общественных состояний помещается между двумя крайностями — рабством и свободой, но сами точки отсчета берутся из афинской практики, т. е. находятся вне той реальности, в которой эти формы существуют, и тем самым носят нормативный характер, что деформирует перспективу исторического процесса. Поэтому И. Гарлан предпочитает понятие «общинное порабощение», подразумевающее наиболее типичные формы порабощения, имевшие коллективный, а не индивидуальный характер. Этим понятием охватываются и внутриобщинные формы порабощения (например за долги), и межобщинные (например илотия). Порабощенный человек не переставал признаваться (более или менее) членом общины — той же, что и его эксплуататор, или другой. Наиболее показательно в этом отношении запрещение отделять его от общины путем продажи за границу, существовавшее, как кажется, во всех этих случаях.

В первом параграфе главы II И. Гарлан рассматривает эту форму порабощения, которая возникла в результате внутренней дифференциации коллектива. Наиболее яркий пример — порабощение аттического крестьянина в досолоновское время. Современные историки, опираясь прежде всего на Аристотеля, полагают, что часть свободных крестьян Аттики превратилась в рабов (в классическом смысле этого понятия) в результате действия экономических сил (оказавшись в долгу у богатых и лишившись части урожая). Это объяснение (имеющее много вариантов), как отмечает И. Гарлан, не учитывает, однако, других источников, которые, по мнению нашего автора, не связывают порабощение с задолженностью. Вслед за М. Финли и И. Гарлан интерпретирует предсолоновский кризис в свете, как он пишет, «глобального анализа явления зависимости». В архаических обществах более стремились к захвату производительных сил (земли и тех, кто на ней работает), как и к фиксации социальных связей, чем к получению прибыли в виде процентов за долги. В этих условиях «долг» между неравными партнерами мог более служить тому, чтобы узаконить, санкционировать, кодифицировать отношения зависимости, чем тому, чтобы их породить, т. е. подчиненное положение скорее было предварительным условием, чем следствием задолженности. Поэтому более правильно, видимо, считать, что в том начальном пункте, который завершился кризисом, находились не свободные крестьяне, а «класс членов общины» [пелаты и (или) гектеморы], который был подчинен (в силу неизвестных нам причин, но не из-за завоевания) в форме, аналогичной порабощению илотов. Сказанное не исключает, что порабощение по чисто экономическим причинам, несомненно, завершилось в конце VII в. до н. э. кризисной ситуацией, увлекающей зависимых крестьян и даже часть свободных крестьян на путь превращения в классических рабов. Возникла угроза самому существованию тех связей, которые создавали общину. Она была снята реформами Солона и массовым ввозом чужеземных рабов.

Однако пример Афин вовсе не свидетельствует о том, что в греческом мире гражданин не мог быть превращен в раба своими согражданами, в частности и за долги. Известно несколько такого рода примеров, относящихся к классической эпохе, особенно на Крите. Но лучшие примеры рабства за долги дает Птолемеевский Египет, хотя они и послужили предметом многих дискуссий.

Тот факт, что в Египте зависимость часто возникала из контракта, помогает, по мнению И. Гарлана, ретроспективно объяснить отношение к наемному труду в классических Афинах, т. е. понять, почему работа по найму на другого означала, с точки зрения господствующих представлений, падение социального статуса нанимавшегося, частичную утрату им свободы. Рассматривая этот вопрос, И. Гарлан поддерживает идею, высказанную К. Моссе: тот, кто получал плату за свой труд, продавал не сам труд (абстрактная концепция, которая по-настоящему развивается только там, где господствуют товарные отношения), но свое тело или скорее свою физическую силу — часть тела. Говоря иными словами, свободный человек продавал часть самого себя, ставя тем самым себя в отношения зависимости, поскольку на той стадии развития работник еще не способен продать себя как чисто рабочую силу, как реальность, независимую от него самого.

Следующий параграф посвящен внутриобщинному порабощению, а именно всем социальным категориям, которые Поллукс поместил между свободой и рабством, а также некоторым другим, которых античные авторы сравнивают с илотами (справедливо) или отождествляют с ними (ошибочно). Этот тип порабощения возник в результате покорения одной общины другой и близок даннической зависимости.

Основное внимание И. Гарлан уделяет собственно илотам, которые определяются прежде всего как местное население. Однако среди историков нет согласия по поводу их этнического происхождения и обстоятельств порабощения. Из двух теорий возникновения илотии — в результате завоевания или социальной дифференциации — преобладает первая. Однако в любом случае, как отмечает И. Гарлан, в дальнейшем илотия развивалась под влиянием внутренних процессов.

Самый важный вопрос: от кого зависели илоты? Античные авторы высказывали разные суждения на этот счет, и сложность ответа на этот вопрос обусловлена двойственностью положения илота — по отношению к общине и к спартиату. В общем, по мнению И. Гарлана, можно считать, что это была коллективная зависимость от общины, поскольку участок земли (клер) не был собственностью спартиата. Кроме того, только государство могло изменить статус илота, освободить его и включить в одну из многочисленных промежуточных категорий. Илоты не могли быть переданы от одного хозяина другому и проданы за границу, где автоматически признавались свободными.

Статус некоторых других социальных категорий, которые упомянуты Поллуксом и равно встречаются в дорийских областях, несколько отличается от положения илотов. Очень трудно понять ситуацию на Крите, несмотря на относительное обилие источников.

Помимо дорийских полисов те же формы зависимости наблюдаются в Центральной Греции. Часто (и справедливо) сравнивают с илотами пенестов Фессалии, но И. Гарлан, находя это обоснованным, вместе с тем указывает и на разницу в их положении, обусловленную иной социально-экономической обстановкой в Фессалии.

С другой стороны, аналогичные системы возникли в эпоху «великой колонизации» в ряде греческих городов, вступивших в непосредственный контакт с «варварским» миром: киллирии в Сиракузах, мариандины в Гераклее, зависимое крестьянство на Боспоре и др. Греческие города Анатолии, благополучие которых покоилось в большой мере на эксплуатации рабов классического типа, также получали часть дохода от местного покоренного населения. Это — лелеги в Карии, долионы и мигдоны у Кизика; было зависимое население у Приены, Милета и др. В конечном итоге И. Гарлан характеризует эту систему зависимости как оригинальный способ эксплуатации, по существу даннического характера, который в греческом мире более напоминает отношение полиса-победителя с побежденным, чем эксплуатацию рабов афинского типа или илотов.

В отдельном параграфе рассматривается проблема *лаоид* в эллинистических царствах Востока. Александр и его наследники нашли здесь способ эксплуатации кре-

стьянской массы, существовавший уже давно и напоминавший илотию, но не идентичный ей. Этот способ производства, который восприняли греки-победители, по словам И. Гарлана, называют «азиатским». Суть его заключается в том, что прибавочный продукт, произведенный общинами, теоретически свободными (греки по крайней мере никогда не рассматривали их членов как рабов), имеющими слабые признаки дифференциации и живущими в условиях определенной автаркии на землях, наследственное владение которыми за ними признано, изымается непосредственно государственным аппаратом в виде налога в пользу «деспота», воплощавшего «высшую общину», и подчиненной ему социальной элиты (создаваемой главным образом по этническому признаку).

Рассматривая вопрос о *лаой*, И. Гарлан подчеркивает скудость источников и невозможность в связи с этим ответить на важнейшие вопросы. Интерпретация даже основных источников из Малой Азии, в которых упоминаются *лаой*, вызывает трудности. Еще более тяжелым становится положение, когда мы подойдем к вопросу о системе эксплуатации многочисленных «народов» или деревень, имевших статус пареквов и катеков. Что же говорить об остальной эллинистической Малой Азии? Мы не знаем, как повлиял приход греков на положение крестьян, ранее зависимых от царя, аристократии, городов, храмов. Возможно, местами эксплуатация увеличилась, но в какой пропорции, и какую форму она имела?

В Египте также существовали *лаой*, но несколько иного типа. Благодаря папирусам здесь лучше, чем в Селевкидской Азии, известно, как греки использовали традиционную систему эксплуатации, которая хотя и не была рабовладельческой, также основывалась на различных формах внеэкономической эксплуатации. Эта система в эпоху Птолемеев не только не ослабела, а даже усилилась из-за введения, под влиянием греческого права, договорной практики «свободной» экономики.

Особый параграф посвящен сакральному рабству, которое известно и в Греции, но основная информация происходит с эллинистического Востока, где сакральное рабство имело давнюю традицию. В храмовых организациях, которые сохраняли свою административную автономию и права собственности, засвидетельствованы разнообразные формы зависимости, вплоть до классического рабства. Основная масса иеродулов по своему статусу напоминает *лаой*: они обладали определенной степенью экономической независимости, располагали своей земельной собственностью, имели ряд гарантий перед лицом властей и жречества; некоторые из них сами владели рабами. Иеродулы известны также в храмах местных божеств в Птолемеевском Египте.

В конце исследования различных типов зависимости, которые встречаются в греческом мире, И. Гарлан обращается к вопросу о «диффузии» классического рабства в тех полисах и странах, для которых ранее были характерны иные формы зависимости. Этот вопрос возникает начиная с VI в. до н. э., когда некоторые из них начинают испытывать влияние классического рабства, которое, как кажется автору, представляло «высший» способ эксплуатации. И. Гарлан различает города колониального мира и города собственно Греции. В последних классическое рабство начинает появляться по крайней мере с IV в. до н. э. — в городе в виде прислуги, тогда как в основном секторе экономики, сельском хозяйстве сохраняется традиционная структура до конца эпохи эллинизма, особенно в Спарте. Изменение это происходило не «изнутри», т. е. не путем превращения зависимого населения в рабов классического типа, а «извне», т. е. после того, как зависимые становились свободными. Динамика развития примерно та же, что в Афинах при Солоне.

Гораздо сложнее была обстановка на эллинистическом Востоке. Здесь Египет снова дает большие возможности для изучения, чем Западная и Центральная Азия. Но и тут и там следует рассматривать вопрос о распространении классического рабства отдельно в городе и деревне. В Малой Азии, где греческое влияние в течение долгого времени ограничивалось городом, рабство в сельском хозяйстве в доримский период почти неизвестно. В еще большей мере сказанное относится к остальной части Селевкидской империи. Несколько иной была ситуация в Египте, где распространение рабства было связано с присутствием греков: рабы известны, например, у военных поселенцев. Но были они и у местного населения; местные жители скромного достатка могли держать одного-двух рабов, часто сообща. В общем рабы составляли не более десяти процентов от общего населения и использовались преимущественно как домаш-

ния прислуга. В городах Востока рабство получило более широкое распространение, поскольку здесь было много греков, которые принесли с собой привычные для них отношения. Однако и тут рабов меньше использовали в ремесле, чем в качестве административного персонала и домашней прислуги.

В целом же, по мнению И. Гарлана, на Востоке господствовал азиатский способ производства, который не отступил автоматически перед более «развитым» способом производства, принесенным сюда греками, и завоеватели приспособились к нему. Исключение составляли только несколько торговых и ремесленных центров, но и в них постепенно, в связи с общей «ориентализацией», возвращались старые социальные отношения. Общий итог: распространение классического рабства на Востоке было остановлено («блокировано») ранее существовавшими здесь различными способами эксплуатации, тоже основанными на внеэкономическом принуждении.

Глава III носит название «Рабовладельческие теории и практика». В первом ее параграфе рассматриваются древние теории, оправдывавшие рабство. И. Гарлан указывает, что греки, в общем, не ставили под сомнение сам институт рабства, хотя довольно часто отмечали несправедливость порабощения отдельных людей. У Гомера человек становится рабом только благодаря вмешательству богов или судьбы; нет людей, предрасположенных к рабству, но каждый может из-за превратности судьбы стать рабом. Только в эпоху классики появляется концепция, согласно которой некоторые народы самой природой предназначены быть рабами. Немалую роль в развитии этого представления сыграли греко-персидские войны, способствовавшие выработке у греков чувства превосходства над варварами. Впервые сформулировал и попытался обосновать такую концепцию Гиппократ, свой вклад в нее внес и Платон, но наиболее разработанную теорию «рабства по природе» изложил Аристотель (в рамках анализа полиса). Однако уже с середины V в. до н. э. сторонники теории естественного единства человеческого рода, вышедшие из среды софистов, стали развивать противоположный взгляд. Тем не менее до конца классической эпохи в Греции не засвидетельствованы в какой-либо форме антирабовладельческие взгляды. Принцип единства человеческого рода не приходил в противоречие с рабовладельческой идеологией, поскольку его сторонники говорили о единстве, а не о равенстве людей. Никто не оспаривал рабство как институт.

Далее рассматривается вопрос об обществе без рабов в греческой политической мысли. Воображаемые общества без рабов представляют один из вариантов утопии, где все равны и каждый сам удовлетворяет свои потребности. В этих утопиях И. Гарлан различает две традиции согласно тому, достигается ли это удовлетворение из-за скромности потребностей или по причине природного изобилия. В первом случае — это естественное состояние, которое свойственно грекам на начальных этапах развития или примитивным народам, во втором — это «золотой» век, который также относится в мифическое прошлое, или «земля обетованная». Первая традиция начинается с Геродота, который находит общество без рабов в далеком прошлом, когда пеласги жили еще в Аттике. Начиная по крайней мере с Гесиода, «золотой век» отождествляется с царствованием Кроноса. Как подчеркивает И. Гарлан, все это были общества, которые не уничтожили рабство, а вообще не знали его. Здесь все производится природой и, чтобы существовать, не надо трудиться. В целом можно считать, что общества без рабов в греческой политической мысли находились вне пределов реального мира, «вне истории».

В следующем параграфе («Необходимость рабства») И. Гарлан указывает, что афиняне эпохи классики, в общем, не сомневались в практической необходимости рабства. Наиболее систематично этот вопрос трактовал Аристотель, для которого раб неотделим от элементарной общественной ячейки — семьи. Дело здесь, однако не в экономической необходимости, у Аристотеля рабы выступают прежде всего как прислуга, а не как работники и тем самым производители. Предназначение раба — удовлетворять нужды рабовладельца и его семьи. Раб нужен для того, чтобы обеспечить рабовладельцу свободное время для занятия спортом, философией, политикой. Все эти представления связаны с концепцией «благой жизни», как ее ярко выразил Аристотель, поскольку полис существовал для того, чтобы обеспечить гражданам не только жизнь, но прежде всего «благоую жизнь».

В связи с этим И. Гарлан ставит вопрос о том, как сказалося на политической

мысли греков (в плане проблемы взаимоотношений с рабами) многообразие вариантов реального положения рабов (рабы, занятые в Лаврионских рудниках, в ремесленных мастерских, общественные рабы и т. д.). Хотя в основе отношения к рабам лежала идея обращения с ними как с домашними животными, на более практическом уровне активно обсуждался вопрос, нужно ли хозяину в обращении с рабами ограничиваться приказами или для пользы дела необходимы и объяснения.

Отдельный параграф отведен рабам в политической жизни. В теории раб не мог принимать в ней никакого участия, однако здесь можно выявить некоторые нюансы в зависимости от того, идет ли речь о рабах афинского типа или типа илотов. В первом случае раб — это варвар, «абсолютный иностранец», и как таковой совершенно чужд полису, тогда как во втором раб — член общины, хотя и покоренной, но не исчезнувшей совершенно, и поэтому, например, в Спарте освобожденный илот находился в ином положении, чем вольноотпущенник в Афинах. Обратившись к свидетельствам источников об участии рабов в политической жизни, И. Гарлан приходит к выводу, что таких случаев, в общем, мало и все они были следствием чрезвычайных обстоятельств.

Большое внимание в главе III уделено вопросу о роли рабов в военном деле. В обычных условиях они занимали очень незначительное место в армии (слуги при войсках). Основной принцип рабовладельческого общества, лучше всего сформулированный Ксенофонтом: не доверяй оружия рабам. Однако источники засвидетельствовали ряд исключений. На военных кораблях рабов использовали в качестве гребцов (в Афинах редко, в других полисах — чаще). В общем, к военной службе рабов привлекали только в критические моменты, когда у полиса уже не было других ресурсов, а гражданам угрожала опасность самим превратиться в рабов.

И. Гарлан, известный своими работами по военному делу, выявляет здесь некоторые закономерности. Прежде всего рабов предпочитали использовать во флоте в качестве гребцов, а в сухопутных силах — как легковооруженных, что объясняется господствующей системой представлений: и тех и других общественное мнение всегда ставило ниже гоплитов. Далее, совершенно несомненно, что всегда предпочитали призывать под оружие рабов типа илотов, поскольку, по мнению И. Гарлана, они более, чем другие категории рабов, стремились к свободе. Это в свою очередь ставит вопрос о том, какую награду обещали рабам. Обычно — свободу, тогда как гражданские права им обещали и предоставляли только социальные реформаторы. Наконец, И. Гарлан обращает внимание еще на одно обстоятельство: рабам, призванным под оружие, свободу давали в разное время — тем, кто сражался в качестве гоплитов, — перед началом военных действий, гребцам — после их окончания. Наш автор в этом справедливо видит также бесспорное влияние существующей системы представлений: раб не может быть воином-гоплитом; чтобы получить право воевать как гоплит, он должен сначала повысить свой статус, т. е. перестать быть рабом.

Специальный параграф посвящен рабским восстаниям. Здесь И. Гарлан тоже исходит из различия между двумя типами рабов — классических и типа илотов. Илоты всегда были враждебны спартамцам, но восставали только тогда, когда государство оказывалось под угрозой (вследствие ли вражеского нашествия или природного катаклизма). Классические рабы восставали, в общем, очень редко, причина чего заключается в их деперсонализации, отсутствии какого-либо единства. Единственный период, когда произошло несколько рабских восстаний, — последняя треть II в. до н. э. Римское вторжение в Грецию и Малую Азию привело к ряду народных восстаний, в которых часто участвовали и рабы.

Последний параграф главы III — «От сопротивления к согласию». И. Гарлан отмечает, что и афиняне и спартамцы боялись своих рабов, представлявших для них постоянную угрозу. Имеется между ними, однако, и одно очень важное отличие: в Спарте боялись восстания коллектива рабов против коллектива рабовладельцев, тогда как в Афинах этот страх имел, так сказать, индивидуальный характер.

Формы протеста рабов были самыми разнообразными: бегство, кражи хозяйского имущества, саботаж и др., но, по мнению И. Гарлана, их нельзя считать типично рабскими, поскольку, рождаясь естественно и спонтанно, все они характерны для любого общества, основанного на внеэкономическом принуждении. И. Гарлан вместе с тем решительно выступает против мнения тех ученых, которые находят в некоторых

выступлениях рабов какую-либо сознательную направленность на подрыв самой рабовладельческой системы. Наиболее типичная форма протеста — бегство, особенно частое во время войн. Однако рабы-беглецы вряд ли рассчитывали получить свободу; вероятнее думать, что ими двигали иные надежды (оказаться у более снисходительного хозяина, например). Свободным раб мог стать, только оказавшись на родине, что, как правило, было маловероятно.

И. Гарлан подчеркивает свое согласие с теми исследователями, которые отрицают наличие у рабов какой-либо идеологии и даже своей религии. Рабы не создали, даже в зародыше, так сказать, антиидеологию, противостоящую идеологии господ. И в этом отношении рабы были интегрированы в общую структуру общества.

В «Заключениях» (с. 217—224) И. Гарлан ставит два взаимосвязанных (как он сам подчеркивает) принципиальных вопроса: была ли древняя Греция рабовладельческим обществом, а греческие рабы — социальным классом? Ответ на первый вопрос зависит от того, как мы определим понятие «раб»: отнесем ли мы сюда только раба классического афинского типа или этим понятием будут охвачены все варианты зависимости, известные в древней Греции — от классического раба до илота и долгового раба. И. Гарлан принимает первое решение, этим обусловлен и его конечный вывод — собственно рабовладельческое общество существовало в Греции только ограниченное время и на ограниченной территории — в Афинах и ряде других центров того же характера в классическое и эллинистическое время.

Обращаясь ко второй проблеме, наш автор считает, следуя М. Годелье, что у К. Маркса понятие «класс» употребляется в двух смыслах: для капиталистического общества, когда оно применяется в строгом («экономическом») смысле слова, а для докапиталистических обществ — в метафорическом, обозначая человеческие группы, аналогичные классам капиталистического общества, но не идентичные им. Именно поэтому, согласно И. Гарлану, он пользуется как равнозначными понятиями класс, сословие, статус, используя их для того, чтобы подчеркнуть сходство либо оттенить отличие охватываемых этими понятиями групп от классов капиталистического общества.

Мы специально стель подробно изложили содержание монографии И. Гарлана. Причина этого, в общем, представляется очевидной: работы марксистского характера на Западе выходят достаточно редко ⁴, и, думается, читателям «Вестника древней истории» будет интересно ознакомиться не только с общими взглядами известного французского антиковеда на проблему рабства в древней Греции, но и с его выводами по более частным вопросам.

Нам кажется, что книга И. Гарлана вызовет интерес у всех специалистов по истории античности, что обусловлено несколькими обстоятельствами. Автор ее прекрасно знает предмет исследования и его знания получены путем тщательного и глубокого анализа очень широкого круга источников. Изданный И. Гарланом сборник текстов, освещающих проблему рабства, еще более рельефно подчеркивает справедливость сказанного. С точки зрения фактологической, работа И. Гарлана практически безукоризненна ⁵.

И. Гарлан прекрасно знает историографию проблемы. Несмотря на небольшой объем книги, в ней дан, правда, краткий, но яркий анализ как наиболее важных работ по истории рабства прошлого времени, так и современных исследований и по общим проблемам, и по отдельным вопросам истории древнегреческого рабства ⁶. Сам характер книги, в которой силен полемический момент, позволяет думать, что автор ее имеет в виду гораздо большее число работ и мнений, чем указанные им.

Книга И. Гарлана, бесспорно, свидетельствует о вступлении антиковедения (точнее, той ее отрасли, которая исследует социальную структуру Греции античной

⁴ См., например, *Ste. Croix G. E. M. de. The Class Struggle in the Ancient World. L., 1981.*

⁵ Мы нашли только одну фактическую ошибку — неверную ссылку на Эскина (I, 97) на с. 77 (возможно, впрочем, — результат опечатки).

⁶ Достаточно хорошо И. Гарлан знает и специальную советскую литературу по проблемам древнегреческого рабства, но лучше — современную. К сожалению, более старая литература известна ему, видимо, главным образом по весьма тенденциозной книге: *Raskolnikoff M. La recherche en Union Soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain. Strasbourg, 1975.*

эпохи) на качественно новую ступень, ибо в ней сделана попытка синтезировать в рамках единой концепции те многочисленные новые выводы, которые были получены рядом больших научных коллективов, занимающихся сейчас разработкой проблем древнего рабства (мы имеем в виду прежде всего десятитомную серию по истории античного рабства, выпущенную сектором истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, работы центра по изучению древней истории при Безансонском университете, и историков социалистических стран, многочисленные работы, выпущенные под эгидой Майнцской школы). Автор почти всегда проверяет выводы своих предшественников материалом источников и принимает их только тогда, когда собственный анализ приводит его к таким же заключениям. В результате эти выводы по конкретным вопросам либо принимаются И. Гарланом целиком, либо отвергаются, но всегда с четкой и обоснованной аргументацией, как и его собственные оригинальные решения и положения. Иногда же И. Гарлан соглашается с предшественником частично, указывая тогда, где именно расходятся их пути исследования. В качестве примера можно сослаться на блестящие страницы книги, посвященные роли рабов в военном деле (с. 178—192). Исследуя этот вопрос, И. Гарлан идет тем же путем, что и К. В. Вельвей⁷, делая сходные выводы, но там, где позитивист Вельвей ставит точку, И. Гарлан начинает второй, более глубокий этап исследования — свои «позитивные» выводы он «состыковывает» с более общими проблемами социального строя и соответствующей ему системы ценностей древнегреческого общества. В результате он получает новые выводы, интересные и ярко освещающие суть тех явлений, которые рассматривались на первом этапе. Это небольшой, но убедительный пример, демонстрирующий превосходство марксистского исследовательского метода над позитивистским.

Высокая оценка книги И. Гарлана не означает, однако, что мы полностью разделяем его концепцию. Мы согласны с многими выводами, к которым он пришел в результате рассмотрения различных сторон древнегреческого рабства. В сущности основное расхождение касается возможности применения понятия «азиатский способ производства» к исторической реальности древней Греции. И. Гарлан принадлежит к тому направлению сторонников этой концепции, которое наиболее распространено среди французских исследователей-марксистов (прежде всего следует назвать Ж. Сюрэ-Канала и М. Годелье). Одна из важнейших особенностей этого направления заключается в том, что его сторонники находят азиатский способ производства практически во всем мире, т. е. он предстает не как специфически восточное явление, а как универсальная стадия в истории человечества в период разложения первобытнообщинного строя. Как иронически заметил один из критиков этого направления, поскольку термин «азиатский» теряет здесь всякую связь с содержанием, то не лучше ли было бы назвать его «французским»⁸. Концепция И. Гарлана идет, в общем, в русле этих представлений: классическое рабство существует в Греции ограниченное время и в ограниченном числе центров, все же остальные формы зависимости в сущности укладываются в рамки азиатского способа производства.

Не будучи специалистом по истории древнего Востока, я не могу затрагивать здесь вопрос о возможности применения этого понятия к древневосточным обществам. Мне, однако, представляется справедливым вывод, который сделали некоторые из наших специалистов, изучавшие развитие представлений К. Маркса и Ф. Энгельса об истории докапиталистических формаций, а именно, что классики марксизма в конце концов отказались от концепции азиатского способа производства⁹.

Прежде чем говорить о возможности применения этого понятия к истории древней Греции и анализа на его базе социальных отношений в древнегреческом обществе, представляется необходимым сказать несколько слов о теоретико-историографическом аспекте рецензируемой книги. И. Гарлан пытается провести различие между настоящим марксистом и марксистом-догматиком по линии признания или отрица-

⁷ *Welwei K.-W.* Unfreie im antiken Kriegsdienst. Bd. I. Athen und Sparta. Wiesbaden, 1974; Bd. II. Die kleineren und mittleren griechischen Staaten und die hellenistischen Reiche. Wiesbaden, 1977.

⁸ *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975, с. 25 сл.

⁹ Там же, с. 113 сл.

ния концепции азиатского способа производства. Думается, это ложный принцип. Притом И. Гарлан по существу отказывается рассматривать взгляды противников его концепции. С его точки зрения, достаточно написать, что автор придерживается традиционных взглядов на рабовладение, чтобы позволить себе не входить с ним в дискуссию. Так, например, И. Гарлан поступает в отношении взглядов И. М. Дьяконова (прим. 1 на с. 100). Может быть, этот упрек покажется излишне суровым, но у нас создается впечатление, что И. Гарлан к решению некоторых вопросов подходит именно догматически, заменяя анализ «приспособленным» фактов к заранее заданной схеме.

Самый яркий пример — итоговое построение И. Гарлана, когда в «Заключении» он выходит на самый высокий уровень теоретического исследования, стараясь связать результаты своих конкретных исследований с основными теоретическими вопросами. Как пишет сам И. Гарлан, решая вопрос о том, можно ли включать в понятие «раб» помимо рабов классического типа и иные формы зависимости, он долго колебался и отказался от этого только по одной причине: в случае позитивного решения пришлось бы признать, что и древневосточные общества типологически близки древнегреческому. Таким образом, трактовка автором понятия «раб» определяется не тем конкретным материалом, который был им изучен, а боязнью «экспрополиции» выводов. Не ведет ли такая логика к появлению нового догматизма, догматизма азиатского способа производства, мешающего понять правильную историческую перспективу?

Как нам кажется, некоторые решения, которые предлагает И. Гарлан, продиктованы в конечном счете именно этой жесткой схемой и вступают в противоречие не только с материалом источников, но и с другими положениями самого автора. И. Гарлан, например, считает, что микенское рабство входит в тот же типологический ряд, что и классическое. Это утверждение вряд ли бесспорно. Можно согласиться с И. Гарланом, что по своей сути структура микенского общества близка переднеазиатским обществам II тыс. до н. э. Но тогда в концепции И. Гарлана имеется внутреннее противоречие: в целом общество удивительно близко переднеазиатским, а важный структурный элемент его имеет иную природу. При этом необходимо отметить, что обоснование именно такого определения микенскому рабству не приводится. Все те факты, которые автор сообщает, убеждают скорее в том, что рабы микенской Греции более близки иным формам зависимости, нежели рабам классического типа.

Чем же можно объяснить это внутреннее противоречие? Думается, что единственное рациональное объяснение заключается в том, что признание тезиса о сходстве микенских рабов с переднеазиатскими поставит вопрос о динамике развития рабовладения в Греции, т. е. о причинах появления рабства классического типа. В сущности эта проблема — одна из основных, она лучше других выявляет внутреннее противоречие в концепции И. Гарлана.

Отчасти с нею связан вопрос о сущности социального кризиса, который разразился в предсолоновское время. Вызывает возражение понимание И. Гарланом характера порабощения аттического крестьянства. Наш автор резко критикует мнение, согласно которому часть афинских граждан в результате социальной дифференциации превращается в рабов. При этом И. Гарлан особо подчеркивает свое несогласие с тем, что этот процесс вызван чисто экономическими причинами. Взамен он предлагает свое объяснение, которое состоит из двух положений: афинские крестьяне уже задолго до этого находились в зависимости от аристократии; в VII в. до н. э. чисто экономические причины вызвали кризис, нашедший свое разрешение в реформах Солона. Но, во-первых, причина закабаления крестьянства не выясняется, а только отодвигается в более раннее время. Во-вторых, сам кризис в сущности И. Гарлан тоже объясняет чисто экономическими причинами. Тем самым он в целом возвращается к позиции тех, кого критиковал, с одним отличием — постулируя очень раннюю зависимость крестьянства от аристократии (вернее, части ее). Однако последнее положение не выглядит убедительным. Сошлемся в данной связи на исследования Ю. В. Андреева¹⁰, который показал, что для гомеровского времени нельзя говорить о зависимости крестьянства от аристократии. Аристократия не была социальным слоем, про-

¹⁰ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (Гомеровский период): Л., 1976, с. 92 слл.

живостоящим крестьянству, а представляла собой только верхушечную группу крестьянства. Взгляды Ю. В. Андреева, в общем, согласуются с той картиной, которую рисует Ч. Старр¹¹ и которая, как представляется, более адекватно отражает историческую реальность, нежели схема И. Гарлана. Более того, в их концепциях выявляется динамика развития (чего нет у И. Гарлана), которая, как представляется, и отражает процесс становления классового общества в Аттике. В IX в. до н. э. — общество еще бесклассовое, аристократия не отделилась от основной массы крестьянства, хотя и отличалась от него богатством и рядом привилегий. Однако именно в это время происходит ряд событий, придавших процессу социального развития большую динамичность. Это убыстрение имело своим результатом, в частности, усиление социальной активности аристократии, стремившейся всеми средствами превратить свои относительные привилегии в полное господство над обществом. Результатом этого явилось и растущее закабаление крестьянства и превращение части его в рабов классического типа. Если мы будем рассматривать процессы, приведшие к предолоновскому кризису в Аттике, именно в такой перспективе, то, видимо, отпадает необходимость постулировать какие-то специальные «чисто экономические причины», которые появились вдруг позднее.

Далее, по мнению И. Гарлана, такие формы зависимости, как илотия, пенестия и т. п., нельзя считать более примитивными, нежели классическое рабство, архаическими, «незавершенными». Нельзя также полагать, что они «автоматически» (снова намек в сторону «догматических» исследований?) отступали, когда приходили в контакт с «более развитыми» формами, т. е. классическим рабством. Проблемы «автоматизма» мы коснемся ниже, в связи с рабством на эллинистическом Востоке. Теперь же — несколько слов о соотношении этих двух основных типов зависимости (т. е. классического рабства и «общинного порабощения») с точки зрения длительной исторической перспективы. Если мы сравним, таким образом, эти две формы, то совершенно неизбежным будет вывод о постепенном исчезновении второй из них, которая уступает классическому рабству одну область за другой. Исчезли пенестия (в IV в. до н. э.), илотия (в эллинистическую эпоху), исчезли, наконец, все странные и противоречивые критские формы и т. д. И. Гарлан сам пишет об этом процессе, но затем делает следующий вывод (которому придает особое значение): процесс исчезновения илотов, пенестов и других групп зависимых крестьян означает их превращение не в рабов классического типа, а в свободных крестьян. Он сравнивает те процессы, которые происходили в Спарте, Фессалии и других областях, с тем, что происходило в Аттике при Солоне. Мы согласны с И. Гарланом и в этом. Но мы в отличие от него считаем, что каждый, кто сказал «а», должен сказать и «б». Что значили реформы Солона с точки зрения развития социальной структуры для Аттики? Они означали создание условий для развития классического рабства, которое действительно и начало бурно развиваться. Нет никаких сомнений в том, что аналогичные процессы происходили в упомянутых выше областях Эллады. Общество того времени не могло существовать без подневольной рабочей силы, да и нет у нас никаких свидетельств, которые позволяли бы считать, что после исчезновения пенестии и илотии в Фессалии и Спарте вообще исчезла эксплуатация человека человеком. Таким образом, процесс социального развития в Греции означал, с точки зрения длительной исторической перспективы, постоянное и неуклонное сокращение (и вполне возможно в определенном периоде — почти полное исчезновение) «общинного порабощения». А это в свою очередь заставляет думать, что форма эксплуатации, более адекватно отражающая имманентно присущую рабовладельческому способу производства сущность (т. е. классическое рабство), постепенно вытесняла другие формы эксплуатации, которые (в условиях Греции) выступают, в конце концов, как более примитивные по сравнению с рабством классического типа.

Другой аспект этой же проблемы — вопрос о соотношении классического рабства и иных форм зависимости на эллинистическом Востоке. Отметим, что этот вопрос один из немногих, при решении которых И. Гарлан обратился к научной литературе, не проверяя данными источников чужие выводы, которым он следовал. Это можно

¹¹ Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500. B. C. N. Y., 1977, p. 148 ff.

понять. Сам И. Гарлан — специалист прежде всего по классическому периоду, а взгляды Х. Крайсига¹² очень созвучны его собственным. Однако они определялись заранее заданной схемой: государство Селевкидов — типичное древневосточное государство. Отсюда — и стремление Х. Крайсига преуменьшить численность рабов классического типа, невнимание к ряду документов, говорящих о рабстве именно этого типа (например манумиссии из Суз) и т. д.¹³ Х. Крайсиг недостаточно учитывает факт строительства большого числа греческих полисов на Востоке, которое неизбежно вело к распространению (по крайней мере в самих полисах) рабства классического типа. От Х. Крайсига ускользает и другой фундаментальный факт: влияние античных отношений собственности и античной социальной структуры на судьбы местной крестьянской общины. Но, как показала Е. С. Голубцова, в общинах, находящихся на городской земле, «идет постоянный процесс роста частного землевладения, выделения из среды общинников административной верхушки, которая захватывала власть в свои руки. Общинные земли сами общинники делят на частные участки, имеют место случаи продажи земли, сдачи ее в аренду, передачи по наследству лицам, не входящим в состав общины»¹⁴. В целом этот процесс можно назвать процессом роста частного и распада общинного землевладения. Х. Крайсиг же рисует весьма статичную картину, лишенную подлинной исторической динамики.

Такова база, на которую опирался И. Гарлан, рассматривая проблему распространения рабства классического типа на эллинистическом Востоке, и которая определила его конечный вывод, согласно которому старые традиционные отношения (производные от азиатского способа производства) «блокировали» распространение рабства классического типа.

Еще один аспект проблемы взаимоотношения различных форм внеэкономической эксплуатации. В данном случае (как и раньше, говоря о взаимоотношениях рабства афинского типа и таких форм, как илотия, пенестия) И. Гарлан острее своей критики направляет против тех анонимных авторов, которые якобы считают, что при столкновении классического рабства и иных форм зависимости последние автоматически уступают место первому. Думается, что такая упрощенная, заранее заданная схема (или «блокирование» или «автоматическое отступление») уже предрешает неверную перспективу исследования. Более правильным, очевидно, будет рассматривать взаимодействие этих явлений в перспективе борьбы, соперничества, наконец, взаимовлияния (как это предполагает марксизм), не пытаясь заранее определить победителей, которые выявляются в конечном счете самим процессом развития, испытавшим влияние многих факторов. В советской исторической литературе, посвященной проблемам эллинизма (в том числе и его социальной истории), такой подход укрепился по крайней мере с 1953 г., и хотя выводы различных историков по отдельным вопросам разнятся, принципиальное понимание эпохи эллинизма как времени взаимодействия греческих и местных начал едино и оправдало себя.

Внимательный читатель рецензии, видимо, уже смог определить ту основную задачу, которую поставил перед собой ее автор, критически рассматривая ряд положений и выводов И. Гарлана. В конечном счете мы старались показать, что он, перенося на почву Греции понятие азиатского способа производства, вступал в резкие противоречия с фактами. Социальную историю древнегреческого рабства адекватно постичь, пользуясь этой системой понятий, как представляется, невозможно.

Неприемлемым мы считаем и предлагаемое в работе И. Гарлана «метафорическое» употребление понятия «класс» применительно к докапиталистическим обществам. Такая трактовка классов представляется нам эклектической.

И под конец еще одно соображение. И. Гарлан не сделал попытки рассмотреть древнегреческий полис как одну из наиболее ярких и своеобразных форм организации рабовладельцев. Подобный подход к древнегреческому полису, во-первых, как представляется, помог бы лучше понять характер древнегреческого общества в целом, ибо анализировать его, абстрагируясь от важнейшего элемента — государства, невоз-

¹² *Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. В., 1978.*

¹³ Подробнее см. рецензию на названную книгу Х. Крайсига: *Гаубов В. А., Кошелев Г. А. — ВДИ, 1980, № 4, с. 190 сл.*

¹⁴ *Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М., 1972, с. 170 сл.*

можно. Во-вторых, это помогло бы автору скорректировать свое представление о роли общинных начал, ибо община многообразна и в различные исторические периоды может играть различную роль.

Наша критика отнюдь не означает (подчеркнем еще раз) стремления принизить значение исследования И. Гарлана. Наш спор с французским ученым — это спор историков, единых в понимании основного подхода к изучению проблем исторического развития античного мира. Книга И. Гарлана займет заслуженное ею место среди трудов, посвященных социальной истории античности. К ней должны будут обращаться все, кого интересует и волнует эта проблема.

Л. П. Маринович

Studia Phoenicia. Bijdragen van de Interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (National Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek)/Travaux du Groupe de contact interuniversitaire d'études phéniciennes et puniques (Fonds National de la Recherche Scientifique). I. Redt Tyrus/Sauvons Tyr. II. Histoire Phénicienne/Fenicische geschiedenis. Ed. Gubel E., Lipiński E., Servais-Soyez B. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. V. 15). Uitgeverij Peeters. Leuven, 1983. 244 p.

В 1983 г. в известной востоковедной серии «*Orientalia Lovaniensia Analecta*» опубликован в качестве 15-го ее тома сборник статей по истории и истории культуры финикийцев под редакцией Э. Губеля, Э. Липиньского и Б. Серва-Суайе. Сборник состоит из двух частей. Первая, озаглавленная «Спасем Тир», содержит материалы коллоквиума, состоявшегося 30 апреля 1981 г. в Королевских музеях искусства и истории в Брюсселе в связи с организованной там выставкой ЮНЕСКО «Спасем Тир, город восьми цивилизаций» в рамках кампании по спасению Тира и посвященного его экономической и политической истории, искусству, археологическим и нумизматическим материалам. Здесь также говорится о деятельности Бельгийского национального комитета по спасению Тира. Вторая часть, озаглавленная «Финикийская история», включает доклады, прочитанные на коллоквиуме, состоявшемся 16 декабря 1982 г. в Институте высших исследований в Брюсселе, и посвященные проблемам истории и археологии Карфагена, Переднеазиатской Финикии, финикийского Кипра, а также представлениям о финикийцах, сложившимся в античной литературе.

Оба коллоквиума были проведены созданной в 1979/80 г. Бельгийской межуниверситетской группой финикийско-карфагеноведческих исследований. Во введении к первой части сборника Э. Липиньский отметил, что особый интерес этой группы к Тирю обусловлен как выставкой, так и публикацией в течение последних десятилетий ряда монографий, посвященных этому городу, ролью, которую он сыграл в межэтнических и межгосударственных контактах древности.

Статья Г. Бунненса «Тир и море» (с. 7—21) в целом посвящена выяснению обстоятельств, превративших Тир в один из богатейших и могущественнейших торговых городов Средиземноморья, чье влияние простиралось вплоть до Гибралтара. По мнению автора, ситуация в период 1200/1100 гг. до н. э. складывалась благоприятно для движения финикийцев на запад. Речь идет прежде всего о разрушении микенской цивилизации. Кроме того, кризис, охвативший, по мысли Г. Бунненса, весь Восток начиная с XII в. до н. э. и вызвавший разрушение крупных центров (таких, как Угарит), лишил финикийские города, очевидно менее затронутые опустошениями, значительной части источников сырья и клиентуры. Г. Бунненс полагает, что финикийцы стремились найти вдалеке компенсацию тому, что они потеряли на Востоке, — новые месторождения металлов. Автор считает, что в какой-то момент своей истории Тир господствовал над определенными территориями за пределами своей округи, в частности над Сидоном, и это давало ему необходимые ресурсы для экспансии. К тому же естественные условия способствовали его превращению в великолепный порт, существование ко-

того хорошо засвидетельствовано египетскими и ассирийскими материалами. Говоря о развитии мореходного дела, Г. Бунненс выделяет, отталкиваясь от ассирийских рельефов, три типа судов: небольшое суденышко с поднятой кормой и носом, украшенным головой трудно идентифицируемого животного (по его мнению, это суденышко близко гадесским судам, которые Страбон (С99) именует ἵπποι, а также современным мальтийским dghaisa); многовесельные суда, причем Г. Бунненс полагает, что в распоряжении тирян имелись пентеконтеры; торговые суда с округленными обводами, которые греки именовали словом γαῦλος предположительно семитского происхождения. Что касается проблемы «таршишских кораблей», оживленно дискутирующейся в современном финикиеведении, то Г. Бунненс считает, что любых сближение с уже известными типами судов остается чисто гипотетическим, и острожно предполагает, что этот термин вообще не относился к какому-то определенному типу судов, а им обозначались корабли различных типов, на которых из определенных стран привозились драгоценности. Наконец, автор приводит материалы, свидетельствующие об использовании тирянами в их плаваниях на запад северного средиземноморского пути через Кипр, а также вдоль побережья Малой Азии, минуя Родос, к Криту, а затем через Мальту к «финикийскому треугольнику» (Северо-Западный Магриб, Западная Сицилия, Южная Сардиния).

В целом концепция Г. Бунненса соответствует имеющимся в нашем распоряжении материалам, однако его истолкование отдельных деталей вызывает сомнения. Так, в самом начале статьи (с. 7) он пишет, что «ни одно свидетельство, ни литературное, ни археологическое», не подтверждает активности финикиян вне Финикии или непосредственно соседних с ней областей до знаменитых экспедиций Хирама в страну Офир (X в. до н. э.). В этом контексте, вероятно, следовало бы упомянуть и библейское свидетельство (I Цар., 10, 22) о «таршишском корабле» царя Соломона, который раз в три года отправлялся в плавание вместе с кораблем Хирама, вероятнее всего, в Таршиш. Однако гораздо важнее другое. Античная традиция (Plin., NH 16, 216; Ps.-Arist., De mirab. ausc. 134; Vell. Pat., I, 2, 4) позволяет, в частности, датировать основание Утики 1112 г. до н. э. и Гадеса — концом XII в. до н. э. (Vell. Pat., I, 2, 4). Эти свидетельства, никогда и никем не опровергнутые, достаточны для того, чтобы говорить об активности финикиян в отдаленных странах задолго до X в. до н. э., тем более что основанию колоний должны были предшествовать длительные доколониационные контакты. Столь же сомнительно мнение Г. Бунненса об обстоятельствах гибели Угарита (с. 8), причину которой он видит в кризисе, начиная с XII в. потрясавшем весь Восток. Однако в обжитательной печи в Угарите обнаружены коши и переводы на угаритский язык ряда документов (они опубликованы в PRU, V), в том числе доставленных извне и не содержащих информации о кризисных явлениях. Можно, следовательно, думать, что Угарит погиб внезапно, в результате естественной катастрофы, разрушившей город. Г. Бунненс для иллюстрации концепции кризиса XII в. привлекает известный рассказ из египетского повествования о поездке Ун-Амуна, а именно о том, как библский царь только после унижительных для Ун-Амуна переговоров соглашается предоставить ему необходимый кедр. Обращение к тексту памятника показывает, однако, что речь здесь идет об утверждении политической самостоятельности Библа, царь которого может, если пожелает, не выполнить желание своего египетского контрагента, а вовсе не о сокращении сбыта.

Статья Э. Губеля «Искусство Тира в первом и втором железном веке; предварительный обзор» (с. 23—52) посвящена важной и до настоящего времени плохо разработанной проблеме. Хронологические рамки изложения, посвященного по необходимости ограниченному кругу памятников, охватывают 1200—900 гг. (I железный век) и 900—555 гг. (II железный век). В статье рассматриваются изделия из слоновой кости, обнаруженные в Арслан Таше, Хорсабаде, Нимруде и других ассирийских городах. Капитель в виде пальмы, выполненная из слоновой кости, картуш на рукоятке скипетра из Нимруда, а также статуи в натуральную величину из Тира и Царепата позволяют Э. Губелю предполагать существование египтизирующего направления в тирском искусстве начала I тыс. до н. э. Изучение терракот из Тира и других финикийских центров и регионов выявило ряд местных мотивов. Среди терракот: мужская голова в высокой конической шапке, типичном финикийском одеянии, известном из Библа эпохи ранней бронзы и употребляемом до настоящего времени ливанскими крестьянами

ми; женщина, играющая на тамбурине, аналогичная терракоте из Телль Шикмонь конца IX — начала VIII в. (возможна традиция, связанная с культом 'Астарты); сидящая в кресле беременная женщина, вероятно богиня (мотив, распространенный в Финикии повсеместно и связанный, как полагает У. Кьюликен, с культом ханаанейской богини деторождения Кушарту¹); посвятителю — мужчины и женщины, причем одна рука их поднята в молитвенном жесте; сидящая богиня, кормящая ребенка. Традиционность тирской коропластики Э. Губель считает возможным объяснить различиями между официальным искусством города, усваивающим стилистику и направление искусства своего политического союзника, и искусством, служившим интересам частных заказчиков. Печати обнаруживают египетские мотивы, но уже в финикизирующем варианте. Египетское влияние в целом достигает своего пика в VIII в. и постепенно падает к середине I тыс. до н. э.

Г. Кестемон в статье «Тир и ассирийцы» (с. 53—78), основываясь на документации: Ашшурнацирапапа II, Салманассара III, Тиглатпалассара III, Синаххериба и Асархаддона, выделяет в Финикии северный и южный регионы. Первый включает области Симиры-Арки, Арвада и Сийанну-Ушну; второй — области Тира, Сидона, Библа и Батруна. На севере преобладающую роль играл Арвад, а на юге — Тир; впрочем, в Южной Финикии существовали два царства: Тирско-Сидонское с центром в Тире (при Синаххерибе и Асархаддоне — в Сидоне) и Библское. Г. Кестемон считает вероятным, что Южная Финикия представляла собой конфедерацию, включавшую под верховной властью Тира также зоны Сидона и Библа. К моменту, когда ассирийцы появились на побережье Средиземного моря, власть Тира распространилась до границ современного Ливана. Этим объясняется, по мнению автора, тот факт, что Ашшурнацирапал II в 876 г. получал дань от Тира в окрестностях устья Оронта. Во время первого похода Салманассара III в 859 г. дань от Тира была получена там же. С этим же Г. Кестемон связывает и упоминание в списках даний, полученных Тиглатпалассаром III, от южнофиникийских городов Тира, Сидона и Библа непосредственно после Хаттины и Куэ, а также импорт царем Соломоном лошадей из Муцура и Куэ при посредстве Тира и употребление финикийского языка в надписях, происходящих из Зенджирли и Кара-тепе. В царствование Тиглатпалассара III Северная Финикия становится ассирийской провинцией. С царствования Саргона II начинается ассирийское наступление на юг Финикии. Основываясь на ассирийском документе ND 2715² (письмо Курдиашшурламура, заместника Кашпуны, Тиглатпалассару III), Г. Кестемон устанавливает, что ассирийские власти стремились обеспечить преимущественное положение Ассирии в финикийской торговле.

К сожалению, некоторые утверждения Г. Кестемона кажутся недостаточно убедительно обоснованными. Так, титул *skn* «управитель» не обязательно означает должностное лицо федеративного государства, как думает автор. Угаритские параллели, которые он, в частности, имеет в виду, показывают, что *skn* мог быть как главой местных городских магистратов, так и царским чиновником; надпись КА I 31 из Лимассола не дает основания для какого-либо однозначного ответа. Доказательства Г. Кестемона в пользу тирского и вообще южнофиникийского «присутствия» на севере Финикии также вызывает сомнения. Получение ассирийскими царями дани от тирян у устья Оронта легко может быть объяснено нежеланием тирского правительства допустить приход ассирийских войск непосредственно во владения Тира. Упоминание в списках плательщиков даний Тира, Сидона и Библа непосредственно после Хаттины или Куэ может объясняться этой же причиной. Доставка лошадей из Муцура и Куэ говорит только о существовании нормальных торговых связей Тира с этими областями. Наконец, употребление финикийского языка в надписях из Сам'ала и Киликии легко объясняется традиционным финикийским культурным влиянием, а для Сам'ала еще и наличием ханаанейского субстрата.

Э. Варменоль посвятил свою статью (с. 79—89) изогнутым мечам, найденным в Сирии и Ливане — в окрестностях Тира, в погребениях Хамата, в одном из погребений Телль 'Арки (Северный Ливан), датированном концом VIII — началом VII в. до н. э. В Хамате обнаружено десять мечей — три бронзовых и семь железных — в кре-

¹ *Culican W. Dea Tyria gravida.* — *AJBA*, 1969, № 1/2, p. 35—50.

² *Saggs H. W. F. The Nimrud Letters 1952.* — *Iraq*, 1955, v. 7, p. 127 f.

мационных погребениях 1200—800 гг. до н. э., из них девять с плоскими эфесами, так называемые Griffenzungenschwerter типа Haue II, родина которых — Центральная Европа; они находились в изогнутом состоянии в погребальных урнах. Автор объясняет соответствующий ритуал присутствием в Хамате критян.

П. Настер изучает в своей статье (с. 91—95) характерные черты тирских монет V—IV вв. до н. э. К ним он относит: указание номинала (šlšn или lšlšn — $\frac{1}{30}$ мины и mḥš ksr — половина сикла серебра); изображение дельфина, играющего над волнами, или ракушек mugex; на оборотной стороне — изображение совы в египетском стиле с бичом и скипетром Осириса; изменение типа около 400 г. до н. э.: на лицевой стороне дельфин, оседланный Мелькартом; около 340 г. — переход от финикийского стандарта к аттическому.

Тирские монеты императорского времени (преимущественно эпохи Северов) исследуются в обстоятельной статье Б. Серва-Суайе (с. 97—112). Это был период, когда при Септимиусе Севере Тир стал римской колонией, а Элагабал превратил в римскую колонию Сидон. При Элагабале на короткое время обострилось тирско-сидонское соперничество, поскольку Элагабал отнял у Тира его прерогативы, и на сидонских монетах стали появляться образы, которые Тир мог считать своими; в свою очередь Тир в своей чеканке монет обращался к темам, связанным с местными героями. После восстановления римской колонии в Тире в царствование Александра Севера чеканка монет в Тире продолжалась и прекратилась окончательно с гибелью Галлиена в марте 268 г. Сюжеты тирских монет связаны с легендами о похищении Европы, Кадме и Элиссе.

Легенде о Фойнике в Тире посвящена обильно документированная статья С. Бонне-Цавеллас (с. 113—123). Автор прослеживает связи античных и ранневизантийских преданий о Фойнике с Тиром и Карфагеном, а преданий о детях Фойника — с финикийской колонизацией в средиземноморском мире. В образе Фойника С. Бонне-Цавеллас видит греческое воплощение семитского эпонима (Ханаан), которому греки приписали все, что они считали специфически финикийским, — алфавит, музыкальные инструменты, морскую экспансию. Особого внимания заслуживают приведенные в статье материалы о финикийской колонизации Фасоса, где найден храм Геракла VII в. до н. э., причем его культ обнаруживает специфически финикийские черты — запрет приносить в жертву свиней и коз, празднование Сотерии на Фасосе в том же месяце, что и праздник в честь Мелькарта в Тире.

Статья П. Свиггера «Трон Астарты: надпись из Тира II в. до н. э.» (с. 125 — 132) посвящена надписи KAI 17, которая была найдена в Хирбет Тайибе, на юго-восточной окраине Тира, в 1907 г. на подножии каменного трона и датируется II в. до н. э. Надпись гласит:

lrbty l'štrt'š bgw hqdš
šly'nk 'bd'bst bn bdb'l

«Госпоже моей Астарте, которая посреди святилища, которое принадлежит мне, — я, Абдубасти, сын Бодба'ала».

В целом перевод и интерпретация интересующей нас надписи в статье П. Свиггера не отличается от общепринятых (см. комментарий к KAI) и его полемика против уже отвергнутых истолкований С. Ронцвалля представляется излишней. Комментируя текст, П. Свиггер упоминает правило, согласно которому в древнейшем финикийском письме энклитическое местоимение первого лица единственного числа обозначается на письме (-y) только при имени, находящемся в генитиве, тогда как в более позднее время написание -y упогребляется повсеместно. Следует заметить, однако, что материал, которым мы вынуждены оперировать, слишком ограничен, чтобы этот постулат мог выглядеть убедительно. Весьма странно замечание П. Свиггера, утверждающего, что В. Реллиг не принимает для qdš'š ly перевод «частное святилище», поскольку он понимает 'š ly как «который принадлежит ей». При этом П. Свиггер ссылается на KAI 11, с. 25, цитируя перевод В. Реллига следующим образом: «welche in ihrem Heiligtum ist». Между тем в соответствующем месте KAI, 11, с. 25 В. Реллиг переводит: «welche in meinem Heiligtum ist». Таким образом, рассуждения П. Свиггера по поводу возможности истолкования энклитического местоимения -y как местоимения третьего лица единственного числа женского рода (что само по себе не исключено) и против такой интерпретации в данном случае, явно направленные против В. Реллига, кажутся беспредметными.

В двух статьях Д. Гомес-Фредерика (с. 133—148) содержится рассказ о деятельности Бельгийского национального комитета по спасению Тира и описание уже упоминавшейся выставки.

Вторая часть сборника открывается статьей Ж. Деберга «Карфаген: археология и история. Порты — Бирса» (с. 101—157). Автор излагает результаты археологических работ, проводившихся по призыву ЮНЕСКО в Карфагене рядом французских, английских, американских и западногерманских экспедиций, в ходе которых существенно изменились наши представления о топографии, истории и цивилизации Карфагена. В статье, в частности, речь идет о развитии карфагенских портовых сооружений от V в. до н. э. до III Пунической войны, подвергавшихся усовершенствованиям и модификациям; свой облик, известный по дошедшим до нас описаниям, они приняли во второй половине и в конце III в. до н. э. На склонах Бирсы между 660—620 гг. находился некрополь; в начале IV в. там появились металлургические мастерские, а с конца III в., после II Пунической войны, — частные дома, архитектура и декор которых соответствовали жилищам Керкуана. Кажется вероятным мнение тех исследователей, которые видят в этом строительстве результат государственной инициативы, более конкретно — деятельности Ганнибала, когда он возглавлял Карфагенское государство.

М. Дюбюиссон посвятил свою статью теме: «Образ карфагенянина в латинской литературе» (с. 159—167). Причину двойственности в изображении карфагенян (народ, цивилизованный и рафинированный со всеми его слабостями и в то же время народ, обладающий недостатками, свойственными обществам, находящимся на низком уровне общественного развития) автор видит в двойственной природе самих карфагеняно-финикиян, смешавшихся с африканскими племенами.

Статья Г. Буннекса (с. 159—193) «Географические соображения по поводу места, занимаемого Финикией в экспансии Ассирийской империи» существенно дополняет статью Г. Кестемона из первой части сборника и уточняет ее положения. Г. Буннекс отмечает, что расположение наиболее процветавших городов Финикии — Тира и Сидона, — в частности, было недостаточно благоприятным для связей с внутренними районами сиро-палестинского региона. Исключение составляет Арвад. Изучая походы ассирийских царей от Тигатпалассара I до Ашшурбанапала, автор приходит к заключению, что, начиная с Салманассара III, Ассирия переходит к планомерному завоеванию Сирии и Палестины. Однако Финикия не входила в эти завоевательные планы, поскольку находилась в стороне от сухопутных путей, ведущих в Египет, к тому же доступ к ней с востока был затруднен. Кроме того, готовность финикийских городов платить дань делала эти походы излишними.

Статья К. Бонне-Цавеллас «Бог Мелькарт в Финикии и в бассейне Средиземного моря: культ национальный и официальный» (с. 195—207) представляет собой краткую сводку свидетельств о почитании Геракла-Мелькарта как в Тире, так и за его пределами. Национальный характер культа автор видит в том, что Мелькарт играл роль защитника и основателя города (Тира), а официальный — в том, что в отпращивании культа принимали участие представители власти.

Статья Э. Липиньского «Кипрский Карфаген» (с. 209—234) содержит исследование всех источников, упоминающих Кипрский Карфаген, прежде всего, разумеется, надписи KA I 31, а также списков данников Асархаддона и Ашшурбанапала. Изучение имени ^mDa-mu-ú-si — одного из царей Кипрского Карфагена (^{URU}Qar-ti-ha-da-aš-ti) — привело Э. Липиньского к мысли, что оно указывает на существование культа Таммуза-Адониса на Кипре, в частности в Карфагене, который автор идентифицирует с Лямассолом.

Заключает сборник обзорная статья П. Ватле «Финикияне и гомеровская традиция» (с. 235—243), в которой рассматриваются все упоминания о финикиянах в «Илиаде» и «Одиссее» и приводятся сведения о занятиях финикиян (ремесло, торговля, в том числе похищение людей и торговля рабами), их нравах и образе жизни.

В целом рецензируемый сборник является одним из свидетельств бурного развития современного финикиеведения и того, в общем, высокого уровня, которого оно достигло в Бельгии.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1984 г.*

I. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

1. *Андреев И. Л.* Открытие Л. Морганом рода и разработка Ф. Энгельсом теории докапиталистических формаций.—ВФ, 1984, № 11, с. 31—48.
2. Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984, 56 с. Из содержания: *Воробьев В. А.* Индоевропейское и неиндоевропейское в греческой медицинской терминологии, с. 6—7; *Гиндин Л. А.* К генезису языка древних македонцев, с. 8—9; *Гиндин Л. А.* К древнебалкано-балтийским языковым отношениям, с. 9—10; *Гордезиани Р. В.* Древнейшие балкано-картвельские языковые параллели, с. 10; *Джасукаян Г. Б.* Фракийцы в Армении, с. 11—12; *Еловел Ф. К.* Этимологии др.греч. *κρήνη* «источник», с. 12—13; *Казанскене В. П.* К этимологии др.греч. *ῥήχον*, с. 16—18; *Казанский Н. Н.* Троянское письмо. К постановке вопроса, с. 18—19; *Королев А. А.* Социальные и лингвистические аспекты раннего кельтского общества, с. 21—22; *Куркина Л. В.* Паннония как один из центров славянской миграции, с. 23—25; *Левинская И. А.* К вопросу о фракийском происхождении культа *Ἐξορ ἕφιστος*, с. 25—26; *Молчанов А. А.* Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и «эгейский»), с. 27—28; *Наумов Е. П.* Менандр о вторжении «варваров» во второй половине VI в. (К вопросу о славянизации карпато-балканских земель), с. 28—29; *Николаев С. Л.* «Кавказоидные» элементы палеобалканского субстрата, с. 29—31; *Откупщиков Ю. В.* Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе, с. 32—34; *Подосинов А. В.* Центральноеазиатский фольклор на Балканах? (К интерпретации Ovid., *Metam.* XV, 356—360), с. 34—35; *Раевский Д. С.* Эллинское искусство на службе скифского и фракийского общества. Некоторые аспекты сопоставления, с. 36—37; *Сергеев В. М.* Структурно-статистический анализ кипро-минойского текста из Энкоми, с. 40—42; *Тохтасев С. Р.* О передвижении согласных во фракийском языке, с. 42—43; *Топоров В. Н.* Из области балкано-малоазийских ономастических соответствий; с. 43—44; *Топоров В. Н.* К истории дионисийского комплекса, с. 44—46; *Урушадзе А. В.* Остров Лемнос в мифах и традициях, с. 46; *Цивьян Т. В.* О мифопоэтическом использовании ботанического словаря на Балканах, с. 47—48; *Цымбурский В. Л.* Гом *Πείρος* ~ фрак. *Ἐπρος* ~ хетт. *Piḫaš*, с. 48—50; *Черняк А. Б.* Лингвистическая ситуация на Нижнем Дунае в середине IV в. сквозь призму готской орфографии (Гот. *g-[j]*), с. 50—51; *Чистяков Г. П.* О трех группах топографических текстов у Павсания, с. 51—52; *Шелов-Коведяев Ф. В.* Об интерпретации монет с надписью *ΣΙΝΑΩΝ*, с. 52—53; *Яйленко В. П.* Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Европейской Сарматии и Скифии, с. 53—54.
3. Античная гражданская община. Межвузовский сб. Научн. тр. МГЭПИ, М., 1984, 131 с.
4. Античное искусство в теории и практике советской науки 1920—1930-х го-

* Указатели литературы, опубликованной в 1962—1983 гг., см. ВДИ, 1967, № 1 и № 3; 1969—1973, № 4; 1974, № 1 и № 4; 1975—1977, № 4; 1978, № 1 и № 4; 1979—1983, № 4; 1984, № 1 и № 4; 1985, № 4. Работы, вышедшие до 1984 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под № 4, 10, 20, 47, 53, 65, 66, 81, 83, 113, 116, 121, 182, 184, 217, 226, 233, 294, 315, 320, 333, 361, 375, 390, 414, 435, 441, 463, 528, 533, 570, 575, 603, 614, 617, 621, 634, 636, 637, 651, 653—655, 659, 664, 671, 679, 683, 695, 696, 710, 720, 725, 733.

- дов. Крат. тез. докл. науч. конф. 16—17 марта 1983 г. Гос. Эрмитаж. Л., 1983, 44 с.
5. Античное наследие в культуре Возрождения М., Наука, 1984, 285 с.
  6. Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984, 318 с.
Рец.: Кондаков И.— Новый мир, 1985, № 2, с. 269—270; *Богуславский В. М.*— ВФ, 1985, № 8, с. 169—171.
  7. Бахтина О. И. Новый учебник «История древнего мира».— ПИШ, 1984, № 5, с. 6—9.
В основу учебника положен учебник Ф. П. Коровкина.
  8. Богомолов А. С. «Быть» и «иметь»: эллинизм и современность.— ВФ, 1984, № 6, с. 66—72. [*Рец. на англ. яз., с. 173*]
  9. Богомолов А. С. Некоторые проблемы истории античной философии.— НДВШ. Филос. науки. М., 1984, № 5, с. 47—57.
  10. Борузович В. Г. История древнегреческой литературы. 2-е изд., испр. и доп. СГУ. Саратов, 1982, 454 с.
  11. Волков М. П. Рационализм античного мышления в контексте культуры.— В кн.: Человек, философия, культура. М., 1984, вып. 1, с. 65—70.
Становление науки.
  12. Вопросы классической филологии VIII. МГУ. М., 1984, 229 с.
  13. Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Межвузовский сб. научн. тр. Свердловск: изд-во Свердловского юридического ин-та, 1984, 136 с.
  14. Габричевский А. Г. Античность и античное.— В кн.: Античность в культуре и искусстве последующих веков. Материалы науч. конф., 1982. М., 1984, с. 5—13.
Статья 1924 г.
  15. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индо-европейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2-х т. Тбилиси, 1984, т. I, 428 с.; т. II, 1328 с.
  16. Ганиев Р. М. К вопросу философско-педагогических аспектов мировоззрения периода раннеклассовых обществ. Бирский пед. ин-т. Бирск, 1984, 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 16728 от 16.05.84.
Ликург, Фалес, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Цицерон, Сенека.
  17. Герои Эплады. Легенды и мифы древней Греции. Для среднего школьного возраста. Пер. Шауга О. Кишинев: Лит. артистикэ, 1984, 125 с., илл. [На молд. яз.]
  18. Гиндин Л. А., Мерперт Н. Я. Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований), в № 79, с. 3—10.
  19. Глазьев В. Л. Западное Средиземноморье: системы расселения и образы пространства, в № 30, с. 16—39.
  20. Гоголашвили Р. А. О некоторых вопросах восточного и античного рабства.— Тр. Тбили. гос. ун-та, 1983, т. 243, с. 71—81. [На груз. яз. *Рец. на русск. яз.*]
  21. Голубцова Е. С. Новое в изучении античного мира.— В кн.: Новое в исторической науке. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1984, с. 125—134.
  22. Гринбаум Н. С. Классики марксизма-ленинизма и античная культура.— Тр. Тбили. гос. ун-та, 1984, т. 249, с. 5—34.
  23. Гринцер П. А. Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений».— В кн.: Контекст. 1983. Литературно-теоретические исследования. М., 1984, с. 38—47.
  24. Десятчиков Ю. М. К. Маркс и Ф. Энгельс о генезисе раннего города, в № 58, с. 41—45.
  25. Джохадзе Д. В., Стяжкин Н. И. Развитие идей диалектической логики в античном обществе.— ВФ, 1984, № 4, с. 116—125.
  26. Доровских Л. В. Древнегреческий язык. Учебное пособие по спецкурсу для студентов филол. фак. Изд. 2-е, испр. и доп. Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1984, 88 с., табл.
  27. Дронченко А. И. Содержание и характер проявления интегративной функции философии в античное время.— В кн.: Диалектический материализм и философские вопросы естествознания. М., 1984, с. 162—173.
  28. Европейский эпос античности и средних веков: Гомер. Илиада. Одиссея; Вергилий. Энеида; Песнь о Роланде; Данте. Божественная комедия. Б-ка мировой лит. для детей, т. 31. М.: Дет. лит., 1984, 735 с. Нахов И. Книги на все времена, с. 3—30.
  29. Еремича В. М. Проблема недосказуемых предложений в античной философии.— ВФ, 1984, № 3, с. 120—124.
Евклид, Аристотель, Климент Александрийский, Архимед.
  30. Западное Средиземноморье в первом тысячелетии до н. э. Л.: Эрмитаж, 1984, 254 с.
  31. Застенкер Н. Е. Очерки истории социалистической мысли. М.: Мысль, 1984, 286 с.
  32. Ильинская Л. С. Этнические и культурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья в микенскую эпоху. Сицилия и Эгеида. Учебное пособие. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1983, 87 с.
  33. Іноземна філологія. Львів, 1984, вип. 74. Питання класичної філології, № 20, 118 с.
  34. История древнего Рима. Учебник для вузов. Бокцаин А., Кузицин В., Маяк И. Пер с русск. Рига: Звайгзне, 1984, 339 с. илл. [На литовск. яз.]
  35. Источниковедение истории древнего Востока. Учебник для вузов. Берлев О. Д., Вигасин А. А., Гиоргадзе Г. Г. М.: Вышп. шк., 1984, 392 с.
  36. Кириленко Е. И. Теория познания

- И. Г. Дройзена.— В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984, с. 198—199.
37. *Коранашвили Г. В.* О предпосылках развития рабовладельческого способа производства.— Кавказско-ближневосточный сборник, Тбилиси, 1984, вып. 7, с. 24—34. [Рез. на англ. яз., с. 174]
38. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира. Учебник для 5-го кл. М., 1984. Переводы на языки народов СССР: грузинский — Тбилиси: Генатлеба, 279 с.; казахский — Алма-Ата: Мектеп, 240 с.; таджикский — Душанбе: Маориф, 272 с.; литовский — Каунас: Швиеса, 238 с.; украинский — Киев: Радянська школа, 279 с.
39. *Кузавинис К. Ю., Валкунас Л. С.* Латинский язык. Учебник для 9—11 кл. Изд. 2-е, испр. и доп. Каунас: Швиеса, 1984, 376 с., илл. [На литовск. яз.]
40. *Кузицин В. И., Садовская М. С., Строецкий Ю. М.* История древнего мира. Метод. указания для студентов-заочников ист. фак-тов ун-тов. Науч.-метод. каб. по заоч. и вечерн. обучению. МГУ. М., 1984, 97 с.
41. *Кузьмин Е. С., Якунин В. А.* Психологические воззрения в античную эпоху. Учебное пособие. ЛГУ. Л., 1984, 94 с.
42. *Кун Н. А.* Легенды и мифы древней Греции. Предисл. Бокшанина А. Г. Минск: Нар. асвета, 1984, 462 с., илл.
43. *Кун Н. А.* Легенды и мифы древней Греции. Пособие для учителя. Фрунзе: Мектеп, 1984, 445 с., илл.
44. *Лободанов А. П.* К исторической теории эпитета: античность и средневековье.— Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1984, т. 43, № 3, с. 215—226.
45. *Меликишвили Г. А.* «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи.— Кавказско-ближневосточный сборник, Тбилиси, 1984, вып. 7, с. 9—23.
46. *Можейко И. В.* 7 и 37 чудес. Ереван: Айастан, 1984, 320 с., илл. [На арм. яз.]
47. *Можейко М. А.* Социо-культурные основания генезиса первых натурфилософских картин мира (На материале античной философии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Белорусский гос. ун-т. Минск, 1983, 16 с.
48. *Моллаков В., Дурдыбасев Б., Абдиаликов Д.* Вероятностное знание в античной философии.— Изв. АН Тадж. ССР, сер. обществ. наук, 1984, № 3, с. 56—63. [Рез. на англ. яз.] Идеи случайности, необходимости, вероятности у Демокрита и Аристотеля, Эпикура и Лукреция.
49. *Молок Л., Сугрובהва О.* Випперовские чтения-82: Античность в культуре и искусстве последующих веков.— В кн.: Советское искусствознание. 1982, М., 1984, вып. 2 (17), с. 395—401.
50. *Нероновал В. Д.* Исследование в советской историографии соотношения сословия рабов и класса рабов в древнем мире. Учебное пособие. ПГУ. Пермь, 1984, 76 с.
51. *Овчарова Д. А.* Эстетическая проблема генезиса античной классической трагедии и ее катарсического воздействия: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. МГУ. М., 1984, 22 с.
52. Общество и государство в древности и средние века. МГУ. М., 1984, 169 с.
53. Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982, 287 с.
- Реуц.: Шахнович М. И.* У истоков науки.— В кн.: Религия первобытных обществ в свете современных данных. Л., 1984, с. 145—152; *Кожин П.*—ВДИ, 1984, № 1, с. 175—178.
54. *Павленко Ю. В.* Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств.— В кн. Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984, с. 169—218.
55. Периодизация всемирной истории. Учебное пособие. КГУ. Казань, 1984, 224 с.
56. *Полонская К. П., Поляева Л. П.* Хрестоматия по ранней римской литературе. Вступит. ст. М. Л. Гаспарова М.: Высш. шк., 1984, 225 с., илл. Часть текста парал.: латин., русск.
57. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Межвузовский сб. ЛГУ. Л., 1984, 176 с.
58. Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. Материалы методологического семинара кафедры истории древнего мира и средних веков. МГПИ им. В. И. Ленина. Межвузовск. сб. научн. тр. М., 1984, 79 с.
59. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Учебное пособие. КГУ. Казань, 1984, 81 с., карты.
60. *Рожанский И. Д.* Наука в контексте античной культуры.— В кн.: Наука и культура. М., 1984, с. 188—199.
61. *Рыданных В. И.* Соотношение всеобщего объективного и юридического закона в философско-правовых учениях древнего мира.— В кн.: Социальные процессы: содержание и структура. Сб. научн. тр. Иркутск, 1984, с. 137—147. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 17904 от 15.08.84.
62. Семантический анализ понятий в историко-философских исследованиях. Сб. научн. тр. Новосибирск, 1984, 123 с.
63. *Сергеев Н. А.* Эллиническая цивилизация в научном творчестве Арнольда Тойнби: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук: КГУ. Казань, 1984, 18 с.
64. *Согомонов А. Ю.* Технологический базис полиса и колонизации: некоторые

- современные зарубежные концепции, в № 3, с. 7—15.
65. *Содоморт А. О.* Жива античність. Київ, 1983.
Рец.: *Кобів Й.* Живе відлуння античності.— *Жовтень*, 1984, № 9, с. 120—122; *Шанін Ю.* Від «Іліади» до «Метаморфоз».— *Всесвіт*, 1984, № 10, с. 148—150; *Корж Н.* Минаючи кордони чащ.— *Прапор*, 1984, № 12, с. 110—111.
66. *Соколов Н. П.* О движущих силах перехода от рабства к феодализму в Западной Европе.— В кн.: *Философские проблемы общественного прогресса*. Горький, 1982, с. 58—76.
На материале варварских государств I—IV вв.
67. *Талашов Н. С.* Проблема античного наследия в буржуазной историографии ФРГ.— В кн.: *Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения*. Томск, 1984, с. 197—198.
68. *Тихолаз А. Г.* Карл Маркс как историк античной философии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Киевский гос. ун-т. Киев, 1984, 24 с.
69. *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. XXIV. Культура и искусство античного мира, 6. Л.: Искусство, 1984, 174 с.
70. *Тулчий Н. А.* Пособие по медицинской латыни. Для мед. ин-тов. Минск: Вышэйш. шк., 1984, 159 с.
71. *Уколов В. И.* Представления об истории на рубеже античности и средневековья.— В кн.: *Идейно-политическая борьба в средневековом обществе*. М., 1984, с. 38—68.
72. *Фролов Э. Д.* Кафедра истории древней Греции и Рима истфака ЛГУ.— В кн.: *Вопросы истории исторической науки*. Л., 1984, с. 80—103.
73. *Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе. Пер. с немецк. В. А. Сеферьянц. Предисл. и ред. Г. Б. Федорова. М.: Прогресс, 1984, 311 с., илл.
74. *Хомелев Г. В.* Развитие понятия позитивной критики в античной философии.— Уч. зап. каф. обществ. наук вузов Ленинграда, филос. и социол. исслед., 1984, вып. 22, с. 49—59.
75. *Чузно Т. А.* Теоретико-методологические основы исторической концепции Т. Моммзена.— В кн.: *Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения*. Томск, 1984, с. 200—201.
76. *Шилюк Н. Ф.* Закономерности развития государства в рабовладельческом обществе, в № 13, с. 3—17.
77. *Широкова Н. С.* Кельтские друиды. Учебное пособие. ЛГУ. Л., 1984, 70 с.
78. *Элез А. Й.* Становление предмета философии в учениях античных мыслителей. Центросоюз СССР. Моск. гос. кооп. ин-т. М., 1984, 106 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20534 от 26.04.85.
79. *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология*. Ин-т славяноведения и балканистики, Ин-т всеобщей истории, Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1984, 279 с.

PERSONALIA

80. *Аракелян Б. Н.* Материалы к библиографии ученых Армянской ССР. № 32. Вступ. ст.: Саркисян Г. Х., Тирацян Г. А. Библи. сост. Бабаджанян Р. А. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1984, 67 с. [Текст на русск. и арм. яз.]
М. Ф. А х у н д о в
81. *Гусейнов Э. Ш.* М. Ф. Ахундов и древнегреческая культура.— *Изв. АН АзССР, сер. ист., филос. и права*, 1983, № 4, с. 98—103. [Рез. на азерб. яз.]
П ь е р Б р и а н
82. *Розовский А. А.* Пьер Бриан — исследователь раннего эллинизма. Казанский гос. авиационный ин-т. Казань, 1984, 41 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 19346 от 18.01.85.
В. П. Б у з е с к у л
83. *Кадеев В. И.* В. П. Бузескул как историк.— *Вестник Харьков. гос. ун-та*, 1983, № 238, с. 48—52.
И. И. В е й ц к и в с ь к и й
84. *Лисовой И. А., Пелецишин М. А.* Вейцківський І. І.— дослідник античної історії.— *Вісник Львів. гос. ун-ту, сер. іст.*, 1984, вип. 20, с. 78—81. [Рез. на русск. яз.]
А. Ф. Л о с е в
85. *Джохадзе Д. В.* Беседа с профессором А. Ф. Лосевым.— *ВФ*, 1984, № 1, с. 144—149.
86. *Список печатных трудов А. Ф. Лосева, в № 12, с. 227—228.* [Без подписи]
87. *Чхенкелі Т.* Жизнь в науке. К 90-летию со дня рождения А. Ф. Лосева.— *Лит. Грузия*, 1984, № 3, с. 146—148.
А. П. М а н ц е в и ч
88. *Смирнова Г. А. П.* Манцевич. (Некролог).— *Сообщения Гос. Эрмитажа*, 49. Л., 1984, с. 91.
Э. А. М е н а б д е
89. *Памяти Э. А. Менабде.*— *Кавказско-ближневосточный сборник*, Тбилиси, 1984, вып. 7, с. 5—8.
Н. Н. М у р з а к е в и ч
- 89а. *Коцневский А. С.*— Из истории Одесского Археологического музея. Н. Н. Муракевич (1806—1883), в № 439, с. 80—88.
Н. А. О н а й к о
90. *Памяти Надежды Анисимовны Онайко.*— *СА*, 1984, № 4, с. 312.
М. Я. С ю з ю м о в
91. *Михаил Яковлевич Скюзюмов (1893—1982).* Некролог.— *ВВ*, 1984, т. 45, с. 285—288 [Без подписи]. Приложение: список трудов М. Я. Скюзюмова.
П. Н. Ш у л ь ц
92. *Щеглов А. Н.* Памяти Павла Николаевича Шульца.— *СА*, 1984, № 3, с. 285—287.

93. *Аверинцев С. С.* Античный риторический идеал и культура Возрождения, в № 5, с. 142—154.
94. *Баткин Л. М.* Мотив «разнообразия» в «Аркадии» Саннацаро и новый культурный смысл античного жанра, в № 5, с. 159—171.
95. *Брагина Л. М.* Гражданский гуманизм и античная этико-политическая мысль, в № 5, с. 20—27.
96. *Ваганова Е. О., Мавлеев Е. В.* Древнегреческая мифология и испанская живопись эпохи Возрождения, в № 5, с. 262—272.
97. *Вулих Н. В.* Античные мотивы и образы в повести Гоголя «Тарас Бульба». — Русская литература, 1984, № 1, с. 143—153.
98. *Гайденок П. П.* Николай Кузанский и античный платонизм. — В кн.: Античность в культуре и искусстве последующих веков. Материалы научн. конф., 1982, М., 1984, с. 55—71.
99. *Горфункель А. Х.* Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения, в № 5, с. 6—19.
100. *Дерюгин А. А.* Античные стихотворные формы в русской поэзии начала XIX века. — В кн.: Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1984, с. 111—116.
101. *Евдокимова Л. В.* Французская ренессансная комедия второй половины XVI в. и античная традиция, в № 5, с. 198—204.
102. *Иванов В. В.* О происхождении древнегреческого ἐλέφας «слоновая кость», «слон», в № 79, с. 66—75.
103. *Иванова И. И.* Сравнительный анализ методов античной, средневековой и классической индуктивной логики: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ. М., 1984, 25 с.
104. *Кудрявцев О. Ф.* Античные представления о фортуне в ренессансном мировоззрении, в № 5, с. 50—57.
105. *Либман М. Я.* Статуя юноши с горы Елены и искусство Дунайской школы: античные мотивы в искусстве немецкого Возрождения, в № 5, с. 257—262.
106. *Лисовий І. А.* Дослідження античної історії в Чехословацькій Соціалістичній Республіці (1945—1970). — Вісник Львів. гос. ун-ту, сер. іст., 1984, вип. 20, с. 58—64. [Рез. на русск. яз.]
107. *Масдла Ю. И.* О современных попытках «оживления» латыни как языка международного общения. — Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, 1984, вып. 671: Interlinguistica Tartuensis, № 3, с. 58—73.
108. *Медведев И. П.* Идея общественно-гос. договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (В связи с книгой Пьера Брюнеля), в № 5, с. 136—141.
109. *Михайлов Ал. В.* Гёте и отражение античности в немецкой культуре на рубеже XVIII—XIX вв. — В кн.: Контекст. 1983: Лит.-теорет. исслед. М., 1984, с. 113—148.
110. *Михайлова М. Б.* Античный элемент в формировании города Возрождения (Теория и практика), в № 5, с. 214—220.
111. *Неверов О. Я.* Из собрания древностей Медичи и Орсини, в № 5, с. 273—283.
Античные геммы.
112. *Нессельтраус Ц. Г.* Иллюстрации к произведениям античной литературы в немецкой первопечатной книге, в № 5, с. 249—257.
113. *Панченко Д. В.* Пифагорийские источники «Города Солнца»: Кампанелла и Псевдо-Окелл. — Вспомогат. ист. дисциплины, 1983, т. 15, с. 186—192.
114. *Парфенов А. Т.* Художественная функция античной истории в английской драматургии эпохи Возрождения (Римские трагедии Бена Джонсона), в № 5, с. 188—198.
115. *Ревакина Н. В.* Античные источники итальянской гуманистической педагогики XV в., в № 5, с. 66—79.
116. *Рогович М. Д.* Специфика рецепции античной философии в древней Армении и Киевской Руси. — В кн.: Давид Непобедимый — великий философ древней Армении. Ереван, 1983, с. 588—589.
117. *Рутенбург В. И.* Античное наследие в культуре Возрождения (Некоторые вопросы историографии), в № 5, с. 40—50.
118. *Стерлигов А. Б.* Античные сюжеты во французской книжной миниатюре конца XIV—XV вв., в № 5, с. 233—249.
119. *Тахо-Годи А. А.* Гимнографические и энкомастические тенденции в позднеантичной прозе, в № 5, с. 180—195.
В трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита.
120. *Холодовский Р. И.* Данте и Вергилий (Литература раннего итальянского Возрождения и традиции античной классики), в № 5, с. 154—158.
121. *Хосроев А. Л.* Роман об Александре на Ближнем Востоке (Коптская версия): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ЛГУ. Л., 1983, 15 с.
122. *Цыбенко О. П.* ВАКХИКА: К вопросу о смысловой трансформации лексики классической трагедии в позднеантичном эпосе, в № 33, с. 69—74. Исследование смысловой и жанровой трансформации «Вакханок» Эврипида в «Дионисиках» Нонна.
123. *Чернышева М. И.* Роль греческих параллелей в лексикографической практике. Отбор и подача слов греческого происхождения в словаре русского языка XI—XVII вв. — В кн.: Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984, с. 201—210.

24. Черняк И. Х. Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности, в № 5, с. 27—40.
125. Штекли А. Э. «Утопия» и античные представления о равенстве, в № 5, с. 89—98.
126. Эльфонд И. Я. Леонардо Бруни и греческая философия, в № 5, с. 58—65.
- РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ,
ВЫШЕДШИЕ ДО 1984 г.
127. Амузин И. Д. Кумранская община. М.: Наука, 1983, 328 с.
Рец.: Старкова К. Б.—ВДИ, 1985, № 1, с. 187—189.
128. Античная Греция. В 2-х т. М., Наука, 1983. Т. 1. Становление и развитие полиса, 423 с.; т. 2. Кризис полиса, 383 с.
Рец.: Кузищев В. И.—ВИ, 1985, № 8, с. 131—135.
129. Бонард-Левин Г. М., Грантовский Э. Л. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1983.
Рец.: Раевский Д. С.—НАА, 1984, № 5, с. 166—171; Кузьмина Е. Е.—ВДИ, 1984, № 3, с. 130—133.
130. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Грозный: Чеч.-инг. кн. изд-во, 1982, 95 с.
Рец.: Шелов Д. Б.—Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки, 1983, № 4, с. 100.
131. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, 455 с.
Рец.: Азбунов М. В.—СА, 1985, № 2, с. 267—272.
132. История древнего мира. В 3-х т. М.: Наука, 1982, изд. 2-е. М.: Наука, 1983.
Рец.: Саркисян Г. Х.—НАА, 1984, № 5, с. 158—166; Никифоров В. К. К началу истории.—Знание — сила, 1985, № 1, с. 23—25.
133. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
Рец.: Мещеряков В. Ф.—СА, 1984, № 3, с. 248—257.
134. Кацман Н. Л. Сборник упражнений по латинскому языку. М., 1983.
Рец.: Гончарова Н. А., Казаченок Т. Г.—Вестник Беларус. гос. ун-та, сер. филология, журналистика, педагогика, психология, 1984, № 2, с. 81.
135. Кессиди Ф. Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982, 220 с.
Рец.: Доброхотов А. Л.—ВФ, 1984, № 5, с. 165—166.
136. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах: культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983, 239 с.
Рец.: Соловьев В. Такая загадочная кушанская эпоха.—Коммунист, Таджикистана, 1984, 28 окт.
137. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981.
Рец.: Русаева А. С., Зубарь В. М.—СА, 1984, № 4, с. 266—269.
138. Мушегян Х. А. Денежное обращение в Армении V в. до н. э.—XIV в. н. э. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983, 353 с.
Рец.: Сейфиддини М. А.—Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1984, № 4, с. 233—236.
139. Немировский А. И. Этруски. М.: Наука, 1983, 261 с.
Рец.: Цыбенко О. П.—ВИ, 1984, № 10, с. 136—138.
140. Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
Рец.: Ольдерогге Д. А., Поплинский Ю. К. Проблемы скифологии в перспективе истории и этнографии.—ВДИ, 1984, № 4, с. 149—159.
141. Пьянков И. В. Бактрия глазами античных историков. Душанбе, 1982.
Рец.: Пулядов У., Акилов Э. Монография по истории Бактрии.—Садои Шарк (Голос Востока), Душанбе, 1984, № 1, с. 129—132. [На тадж. яз.]
142. Сенек Л. А. Трагедии. М.: Наука, 1983, 340 с.
Рец.: Чирва А. Театр Сенеки, представленный вновь.—Лит. обозрение, М., 1984, № 11, с. 70—72.
143. Тимофеева Н. К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980, 113 с.
Рец.: Дараган К. Я.—В кн.: Религия мира: история и современность. Ежегодник. 1983. М., 1983, с. 226—228.
144. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980, 69 с.
Рец.: Кобахия Б. С.—СА, 1985, № 2, с. 272—276.
145. Широков О. С. История греческого языка. М.: Изд-во МГУ, 1983, 147 с.
Рец.: Зайцев А. И., Откупщиков Ю. В. Новое пособие по истории греческого языка.—Вестник МГУ, сер. филол., 1985, № 2, с. 86—89.
146. Шталь И. Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983, 296 с.
Рец.: Гринбаум Н. Эпос гомеровских поэм.—ВЛ, 1984, № 7, с. 242—247.

II ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

147. Аврелий Марк. Наедине с собой. Пер. с древнегреч. Ульяйнайте Е., предисл. Скейвиса Р. Вильяма: Минтис, 1984, 167 с. [На литовск. яз.]
148. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. Сб. подг. Нахов И. М., М.: Наука, 1984, 398 с. Переводы из сочинений Антисфена, Диогена, Кратета, Керкида, Диона подг. Нахов И. М., Грабарь-

- Пассек М. Е., Шульц Ю., Баранова Н. Б. Примеч. и коммент. сост. Навхов И. М.
149. *Аристотель*. Органон. М.: Наука, 1984, 304 с.
Рец.: *Лукин Р. К.* — ВФ, 1985, № 6, с. 170.
150. *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. Т. 4. Пер. с древнегреч. Вступит. ст. Кесиди Ф. X. Этические сочинения Аристотеля; Доватур А. И. «Политика» Аристотеля. Ин-т философии АН СССР. М.: Мысль, 1984, 830 с.
Содержание: Никомахова этика (пер. Брагинской Н. В.); Большая этика (пер. Миллер Т. А.); Политика (пер. Жебелева С. А.); Поэтика (пер. Гаспарова М. Л.).
151. *Гермоген*. Об идеях или о видах слова I 1—12. Пер. Васильевой Т. В., в № 12, с. 88—152. Тахо-Годи А. А. Комментарий, с. 152—160.
Трактат греческого риторика II — начала III в. н. э.
152. *Гомер*. Илиада. Пер. с древнегреч. Гнедича Н. Предисл. Нейхардт А., примеч. Ошерова С. М.: изд-во Правда, 1984, 430 с., илл.
153. *Демосфен*. Филиппика. Пер. с древнегреч. и коммент. Сарисвили Г. Тбилиси: Генатлеба, 1984, 141 с.
154. *Дамоклов меч*. Античная новелла. Сост. и пер. с древнегреч. и латинск. яз. Кобова И., Цымбалюка Ю. Вступит. ст. Кобова И. Киев: Дніпро, 1984, 285 с., илл. [На укр. яз.]
155. *Еврипид*. Медея. Пер. и предисл. Бикколова Х. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984, 93 с., илл. [На башк. яз.]
156. История Узбекистана в источниках. Сост. Лукин Б. В. Ин-т истории АН УзССР. Ташкент: Фан, 1984, 222 с.
Из содержания: Памятники античной письменности; Античные авторы, с. 47—205: Эсхил, Геродот, Еврипид, Ктесий, Ксенофонт, Эфор, Аристотель; О походах Александра Македонского в Среднюю Азию и восстаниях народов, населявших ее, против иезомемного ига*; Арриан, Квинт Курций Руф, Диадор Сицилийский, Помпей Трог и Юстин, Плутарх, Дорожник Александра, Страбон, Полибий, Плиний, Тацит, Иосиф Флавий, Дион Хрисостом (Дион из Прусы), Аппиан, Дионисий Периегет, Климент Александрийский, Полиен, Клавдий Птолемей, Секст Эмпирик, Элиан, Порфирий, Аврелий Виктор, Аммиан Марцеллин, Евсевий.
157. *Менандр*. Комедии. *Герод*. Мимиабы. Пер. с древнегреч., коммент. Ярхо В., Подземской Н. М.: Искусство, 1984, 293 с. илл.
Содержание: Менандр. Комедии: Брюзга, Самиянка, Третейский суд, Остриженная, Щит. Герод. Мимиабы: Сваха или Сводня, Сводник, Учитель, Жертвоприношение Асклепию, Ревнивица, Бапмачник, Сон.
См. также № 667.

* Краткое изложение Б. В. Луниным походов Александра Македонского в Среднюю Азию, с. 74—83.

III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

158. *Андрух С. И.* Монета скифского царя Хараспа из раскопок Тире, в № 437, с. 143—148.
159. *Анохин В. А.* «Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии, в № 420, с. 3—36; табл.
160. *Боголюбов М. Н.* Два согдийских титула (Лингвистический анализ бактрийской надписи из Дашти Навур).— Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковед. наук, 1984, № 412, вып. 25, с. 22—29.
161. *Брашинский И. Б.* Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской.— НЭ, 1984, т. 14, с. 3—22. Прил.: список использованных в работе археологических комплексов, содержащих гераклеийские клейменные амфоры.
IV — начало III в. до н. э.
162. *Булатович С. А.* Находки римских республиканских монет в Северо-Западном Причерноморье, в № 433, с. 119—126. Прил.: список республиканских монет, найденных на о-ве Змеиный.
163. *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина (11).— В кн.: Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984, с. 125—140. [Рез. на франц. яз.]
164. *Виноградов Ю. Г.* Боспорские монеты с надписью АГОЛ.— Тезисы конференции, посвященной памяти В. Ф. Гайдукевича. Л., 1984.
165. *Грандмезон Н. И.* 100 лет «Общему каталогу монет» П. О. Бурачкова.— СА, 1984, № 2, с. 273—274.
Каталог античных монет Северного Причерноморья.
166. *Загинайло А. Г., Гребенкин В. Н.* Классификация ранних серебряных монет Истрии.— НЭ, 1984, т. 14, с. 23—39, табл.
V—IV вв. до н. э.
167. *Карапетян М., Саргсян Г.* Штемпели армянских киликийских монет.— Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1984, № 3, с. 99—101. [На арм. яз.]
168. *Карышковский П. О.* Клад ольвийских монет из долины р. Кучурган, в № 433, с. 111—119.
169. *Карышковский П. О.* Новые материалы о монетах Эминака, в № 437, с. 78—89. Ольвия.

170. Кротошкин В. В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье, в № 549, с. 137—141.
171. Лившиц В. А. Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака.—, Эпиграфика Востока, 1984, 22, с. 18—40.
172. Медведева Л. И. Монеты Керкинитиды.— НЭ, 1984, т. 14, с. 40—49, табл. Прил.: Каталог монет Керкинитиды.
173. Михельбертас М. М. Римские монеты из курганного могильника III—V вв. у дер. Вайтекунай (Радвилишский р-н).— Тр. АН ЛитССР, сер. обществ. наук, Вильнюс, 1984, № 2, с. 39—44. [На литовск. яз. Рез. на русск. яз.]
174. Небєридзе Г. О. Про поширення римських монет у Східній Європі.— Археологія, 1984, вип. 48, с. 12—19.
175. Никитин А. Б. Датированные драхмы Фраата III и хронология сузианских медных элист.— СА, 1984, № 4, с. 249—252.
176. Пидаев Ш. Монеты — зеркало эпохи. Ташкент: Узбекистан, 1984, 23 с. [На узб. яз.]
177. Ртвеладзе Э. В. Астилогана-Астогана.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1984, вып. 19, с. 81—84.
Интерпретация бактрийской надписи.
178. Ртвеладзе Э., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары.— Обществ. науки в Узбекистане, 1984, № 6, с. 54—58.
179. Соломонок Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, 144 с., илл.; указатель граффити: с. 140—141.
180. Столярик Е. С. Новые находки монет в первой половине I тысячелетия н. э. в западных районах Одесской области.— В кн.: Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э., с. 105—107.
181. Фролова Н. А. Монетное дело Форфора (285—308 гг. н. э.).— СА, 1984, № 2, с. 34—53. [Рез. на англ. яз.]
182. Шамба С. М. Монетное обращение в Абхазии с античной эпохи до начала распада единого грузинского царства (V в. до н. э.— XIII в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Центр. археол. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси, 1983, 25 с.
183. Шелов Д. Б., Алисимов А. И. Находки монет в Танаисе в 1973—1980 гг.— НЭ, 1984, т. 14, с. 50—60. Прил.: список монетных находок.
См. также № 467, 482, 497, 537, 613, 692.

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ *

184. Алексидзе Л. Орфическое время и неоплатонизм.— В кн.: Четвертая республиканская конференция молодых ученых-филологов. Сухуми, 21—25 дек. 1983 г. План работы и тексты. Тбилиси, 1983, с. 18. [На груз. яз.]
185. Андреев Ю. В. Мужские союзы в структуре дорийского полиса, в № 57, с. 4—20.
186. Андреев Ю. В. Община в поэмах Гомера.— Тр. Тбил. гос. ун-та, 1984, т. 249, с. 131—148.
187. Андрушко В. А. Античный диалог и диалог Возрождения (Платон. «Софист» 243^а и Николай Кузанский «Простец о мудрости»), в № 5, с. 116—126.
188. Аронов Р. А., Терентьев В. В. Категория пространства в философии Платона.— НДВШ. Филос. науки, 1984, № 1, с. 79—88.
189. Асмус В. Ф. Платон: эйдология, эстетика, учение об искусстве.— В кн.: Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984, с. 3—44.
190. Бежаншвили М. Н. Теоретико-модельная интерпретация аподиктической силлогистики Аристотеля.— Сообщ. АН ГССР, 1984, т. 115, с. 181—184.
191. Бериашвили М. Т. К вопросу о сакральном праве (На примере древних государств — хеттского, греческого).— Вестник Гос. музея Грузии, 1984, вып. 37 — В, с. 55—64.
192. Билимович З. А. Греческие бронзовые гидрии эрмитажного собрания, в № 69, с. 72—79, илл. Каталог греческих бронзовых гидрий, с. 80—82. [Рез. на англ. яз., с. 169]
193. Бородай Т. Ю. Семантика слова *CHORA* у Платона, в № 12, с. 58—73.
194. Бочаров В. А. Аристотель и традиционная логика: анализ силлогистических теорий. М.: изд-во МГУ, 1984, 133 с., илл.
195. Видгоф В. М. Проблема эмоций и эмоционального общения в эстетике Аристотеля.— В кн.: Общение и культура личности. Томск, 1984, с. 171—175.
196. Гараканидзе И. И. Пифагорейские проблемы в связи с теорией численных отношений.— Изв. АН ГССР, сер. философии и психологии, 1984, № 2, с. 48—60. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
197. Геворкян А. Т. Методологический анализ «Тимея» Платона.— В кн.: Ежегодник Армянского отделения философского общества СССР. 1983. Методологический анализ научного познания. Ереван, 1984, с. 208—228. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

* Учебники и учебные пособия см. в общем разделе.

198. Гибрадзе Р. Н. Понятие справедливости в учении Платона и Аристотеля. — Изв. АН ГССР, сер. философии и психологии, 1984, № 4, с. 13—24. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
199. Гончарова Т. В. Еврипид. М.: Молодая гвардия, 1984, 270 с., илл.
200. Горан В. П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Ин-т истории, филологии и философии АН СССР. Новосибирск: Наука, 1984, 208 с.
201. Горан В. П. Проблема онтологического статуса случайности в философии Демокрита. — В кн.: История философии и современная идеологическая борьба. Новосибирск, 1984, с. 106—126.
202. Горан В. П. Семантический анализ термина «тюхе» во фрагменте Демокрита об «Идоле случая», в № 62, с. 3—19.
203. Гринбаум Н. С. Ранние формы литературного языка (Древнегреческий язык). Л.: Наука, 1984, 127 с.
204. Гусейнов А. А. Этика Аристотеля. М.: Знание, 1984, 64 с.
205. Десницкая А. В. К истории развития грамматической категории винительного падежа в индоевропейских языках: функции винительного падежа в языке гомеровской «Илиады». — В кн.: Десницкая А. В. Сравнительное языковедение и история языков. Л., 1984, с. 81—124.
206. Доватур А. И. «Политика» Аристотеля, в № 150, с. 38—52.
207. Евсюков В. В. Мифологический образ колесницы — микрокосмоса в философских текстах Востока и античности, в № 62, с. 41—54. В том числе у Платона.
208. Еремина В. М. Проблема недоказуемых предложений в античной философии. — ВФ, 1984, № 3, с. 120—124. Аристотель, Евклид.
209. Зайцев А. И. О некоторых особенностях рецепции ионийской натурфилософии Великой Греции, в № 30, с. 153—164.
210. Залюбовина Г. Т. Динамика становления государственности в Афинах, в № 58, с. 10—21.
211. Ильинская Л. С. Урбанистические образования догреческой Сицилии, в № 30, с. 165—184.
212. Исаева В. И. Фракийские сюжеты у Исократы и Демосфена, в № 79, с. 174—181.
213. Исаева Н. Н. Греческие терракотовые статуэтки времени высокой и поздней классики (450—350 гг. до н. э.): типология, иконография, интерпретация: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. искусствоведения. МГУ. М., 1984, 26 с.
214. Кадыржанов Р. К., Нысанбаев А. Н. О культурном контексте генезиса математического знания. — ВФ, 1984, № 8, с. 117—121.
- Древнегреческая математика как начало истории математики: выделение области количественных отношений.
215. Казанскене В. П. К этимологии др. греч. $\delta\epsilon\lambda\epsilon\alpha\rho$ и $\beta\lambda\eta\rho$, в № 79, с. 80—85.
216. Казанский Н. Н. Название хлеба в языках Восточного Средиземноморья, в № 79, с. 85—91. Часть текста на примерах греческого языка (Архилох, Гомер).
217. Карасева Т. А. Древнейшие грекоиталийские языковые контакты. — В кн.: Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1983, с. 139—146.
218. Кареев Л. И. Искусство звучащего слова в античном времени (Древняя Греция и древний Рим): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. искусствоведения. Московский гос. ин-т культуры. М., 1984, 17 с.
219. Кессиди Ф. Х., Кондзёлка В. В. Аристотель в оценке Маркса: проблема теоретического воспроизведения действительности. — НДВШ. Филос. науки, 1984, № 1, с. 71—78.
220. Кессиди Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля, в № 150, с. 8—37.
221. Клебанова М. Ю. Концепция художественной целостности произведения в античной эстетике. Ин-т мировой литературы АН СССР. М., 1984, 61 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18848 от 28.11.84. В сочинениях Платона и Аристотеля.
222. Козловская В. И. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1984, 108 с.
223. Козловская В. И. К вопросу о характере фокейско-финикийских отношений в Испании VIII—VI вв. до н. э., в № 3, с. 15—21.
224. Кондзёлка В. В. Суспільно-політичні та економічні передумови становлення і розвитку античної філософії, в № 33, с. 82—87. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
225. Коплатадзе Г. В. Учение Аристотеля о стиле. — В кн.: Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1984, ч. 2, с. 25—34. [На груз. яз.]
226. Коротких Л. М. Фокейская колонизация Испании. Эмпорион: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛГУ. Л., 1983, 21 с.
227. Кошеленко Г. А. Классики марксизма-ленинизма о двух путях формирования древнегреческой государственности, в № 53, с. 5—10.
228. Кошеленко Г. А. Проблемы становления государственности в древней Греции. — Тезисы докладов конференции «Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное». Отделение истории АН СССР. М., 1984, с. 36—41.
229. Кудулите А. В. Диалектные особенности языка Алкмана: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол.

- наук. Тбил. гос. ун-т. Тбилиси, 1984, 24 с.
230. *Кузнецов В. Д.* Организация строительных работ в Эпидавре (Обработка камня).— СА, 1984, № 1, с. 170—182. [Рез. на англ. яз.]
231. *Кузнецов В. Д.* Ремесло классической Греции: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1984, 25 с.
232. *Кузнецова Т. И., Миллер Т. А.* Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий. Ин-т мировой литературы АН СССР. М.: Наука, 1984, 213 с.
233. *Кузьмина А. Г.* Из античной историографии. Геродот Галикарнасский о Северной Африке.— В кн.: Историографический сб. Проблемы политической и классовой борьбы. Межвузовский научный сб. Саратов, 1983, вып. 10, с. 63—75.
234. *Лаптева М. Ю.* Политическое развитие ионийских поселений XI—IX вв. до н. э., в № 13, с. 17—24.
235. *Лосева И. Н.* Понятие «знание» в древнегреческой традиции.— Вопр. истории естествознания и техники, 1984, № 4, с. 31—41. [Рез. на англ. яз.]
- Платон, Аристотель.
236. *Луканин Р. К.* «Органон» Аристотеля. Ин-т философии АН СССР. М.: Наука, 1984, 303 с.
Рец.: Стяжкин Н. И.— ВФ, 1985, № 6, с. 170.
237. *Майстренко М. И.* К вопросу о происхождении мифа об Орфее, в № 33, с. 92—98. [Рез. на немецк. яз.]
238. *Михеладзе Э. Н.* Логическое учение Аристотеля с точки зрения современной формальной логики: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филос. наук. Ин-т философии АН СССР М., 1984, 32 с.
239. *Миминошвили Р. С.* Пелазгия в «Илиаде» (Из истории греческих литературных взаимосвязей).— В кн.: Историко-филологические разыскания. Ч. 2. Тбилиси, 1984, с. 40—56.
240. *Молчанов А. А.* Методика работы с минойскими текстами (Дешифровка и интерпретация), в № 79, с. 101—109.
241. *Мчедlishvili Л. И.* Интерпретация аподиктической силлогистики Аристотеля.— В кн.: Многозначные, релевантные и паранепитворечивые логики. Труды семинара по логике Ин-та философии АН СССР. М., 1984, с. 110—118.
242. *Мчедlishvili Л. И.* Эктезис в силлогистике Аристотеля.— Там же, с. 119—129.
243. *Мчедlishvili Л. И.* Симпозиум по логике Аристотеля.— НДВШ. Филос. науки. М., 1984, № 6, с. 164—166. Тбилиси, ноябрь 1983.
244. *Набарейшвили К. Г.* К проблеме характера в греческой драме.— Сообщ. АН ГССР, 1984, т. 116, № 3, с. 649—652. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]
245. *Нахов И. М.* Трагический катарсис и жанр утешения (К вопросу о сущности катарсиса), в № 12, с. 74—87.
Теория трагического катарсиса Аристотеля.
246. *Нейшардт А.* Предисловие.— В кн.: Гомер. Илиада. М., 1984, с. 3—12.
247. *Нерсисянц В. С.* Платон. М.: Юрид. лит., 1984, 104 с.
248. *Нерсисянц В. С.* Сократ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1984, 189 с. Указ. имен. с. 186—189.
249. *Падучева Е. В.* О семантических связях между басней и ее моралью (На материале басен Эзопа).— В кн.: Паремнологические исследования. М., 1984, с. 223—251.
250. *Перевалов С. М.* О характере военной организации гомеровского общества, в № 58, с. 22—29.
251. *Перфильев В. В.* Правовые взгляды Гераклита в свете полисной системы организации греческого общества, в № 13, с. 40—50.
252. *Петрушев В. А.* К вопросу об оценке политико-правовых воззрений Демокрита.— В кн.: Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и юрид. фак-та МГУ. М., 1984, с. 30—31.
253. *Печатнова Л. Г.* Первая навархия Менандра.— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, № 20, с. 107—110.
254. *Печатнова Л. Г.* Социально-экономическая ситуация в Спарте на рубеже V—IV вв. до н. э. (Закон Эпитадея), в № 57, с. 32—48.
255. *Пичикийн И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1984, 294 с., илл.
256. *Поляков И. В.* Философские допущения в концепции языка Аристотеля, в № 62, с. 20—40.
257. *Ревак Н. Г.* Питания про варваризми у творах античних грамматиків, в № 33, с. 34—40. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
258. *Римский В. П.* Культурно-исторический статус материализма и атеизма Демокрита.— В кн.: Социологические проблемы познания и культуры. Новочеркасск, 1984, вып. 4, с. 22—41. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 20051 от 20.03.85.
259. *Римский В. П.* Мифологическая культурная традиция в философии Демокрита и Платона.— В кн.: Человек, философия, культура. М., 1981, вып. 1, с. 70—73.
Их отношение к мифам Гомера и Гесиода.
260. *Румишце И. Я.* Поэтико-семантическая оппозиция «медь-золото» в поэзии Пиндара. МГУ. М., 1984, 22 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 16979 от 01.06.84.
261. *Савельева О. М.* О взаимосвязи мышления и личности в интерпретации

- греческих лирических поэтов VII—VI вв. до н. э., в № 12, с. 47—57.
262. *Светилова Е. И.* Проблема образования Халкидского союза в современной историографии. МГУ. М., 1984, 38 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18496 от 12.10.84.
263. *Сеземан В.* Сократ и проблема самопознания. — В кн.: *Dogove ir tradicijos. Vilnius*, 1984, p. 275—337. [На литовск. яз.]
264. *Сидорова Н. А.* Афины. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Искусство, 1984, 207 с., илл.
265. *Сидорова Н. А.* Группа коринфских ваз из собрания Музея изобразительных искусств. — В кн.: *Памятники культуры. Новые открытия. Л.*, 1984, с. 371—380.
266. *Славятинская М. Н.* О поэтическом употреблении дублетных морфологических форм в языке Гомера, в № 12, с. 5—26.
267. *Славятинская М. Н.* Этнонимы в поэтическом тексте, в № 79, с. 119—127.
Поэмы Гомера.
268. *Созоменов А. Ю.* Проблема этнических контактов в древнем городе (Греки в городах Востока в доэллинистическую эпоху), в № 58, с. 48—53.
269. *Строжецкий В. М.* К оценке афиноспартанского соперничества в 70-е годы V в. до н. э., в № 57, с. 20—31.
270. *Теперик Т. Ф.* Функция сентенций в трагедиях Софокла: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1984, 22 с.
271. *Федерякин В. Н.* Целочисленные отношения в архитектуре древней Греции VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. архитектуры. М., 1984, 24 с.
272. *Фролов Э. Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л.: изд-во ЛГУ, 1984, 193 с.
О Сократе, Ксенофонте, Исократе.
273. *Фролов Э. Д.* У истоков сицилийской тирании (Выступление Панэтия в Леонтинах), в № 30, с. 98—119.
274. *Ходза Е. Н.* К вопросу об отражении греческой комедии в коропластике, в № 69, с. 63—71, илл. [Рез. на англ. яз., с. 169]
Эрмитажные античные терракоты IV в. до н. э.
275. *Циркин Ю. Б.* Греки и Тартесс, в № 30, с. 40—60.
276. *Цымбургский В. Л.* К интерпретации некоторых древнемакедонских глосс, в № 79, с. 152—157.
277. *Челидзе М. И.* К вопросу об Аристотеле как историке философии. — НДВШ. Филос. науки, 1984, № 4, с. 144—146.
278. *Шарыпкин С. Я.* К особенностям синтаксиса дати́ва в аркадо-кипрском диалекте, в № 33, с. 59—68. [Рез. на немецк. яз.]
279. *Шичалина Е. Ф.* Поэтико-мифическое пространство и гомеровский ландшафт (На материале «Одиссеи»), в № 12, с. 27—46.
280. *Шталь И. В.* Ино-Левкодея. Пути эпического изображения (На материале гомеровского эпоса), в № 30, с. 144—152.
281. *Южявичене Н. А.* Обзоры исторических деятелей в «Истории» Геродота: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1984, 20 с.
См. также № 10, 17, 19, 26, 28, 32, 42, 48, 51, 73, 102, 342, 424, 426.

V. ЭЛЛИНИЗМ

282. *Аветисян К. А.* Земельные отношения в Сирии конца IV—I вв. до н. э. (Царские и полисные земли), в № 52, с. 3—14.
283. *Аветисян К. А.* Эллинистическое градостроительство Сирии (Конец IV—I вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. МГУ. М., 1984, 18 с.
284. *Афанасьева Е. В.* К вопросу о связях древнегреческой, среднегреческой и сербской редакции романа об Александре Македонском. — В кн.: *Древнерусская литература. Источниковедение. Л.*, 1984, с. 31—44.
285. *Голубцова Е. С.* Формы эксплуатации сельского населения Малой Азии, в № 79, с. 157—165.
От эпохи эллинизма до III в. н. э.
286. *Горончаровский В. А.* Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (К проблеме контактов): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. Л., 1984, 14 с.
287. *Гуркин В. А.* Историческая параллель эмпирических наук эллинизма и нового времени. — В кн.: *Актуальные проблемы методологии историко-научных исследований. М.*, 1984, с. 195—215. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 17569 от 23.07.1984.
288. *Дандамаев М. А.* Вавилония до македонского завоевания и эллинизм. — *Кавказско-ближневосточный сборник*, Тбилиси, 1984, вып. 7, с. 116—122. [Рез. на англ. яз., с. 165].
289. *Житомирский С.* Несостоявшаяся встреча. — *Наука и религия*, 1984, № 7, с. 31—34.
Гелиоцентрическая теория Аристарха: свидетельства о ней в сочинениях древнегреческих философов.
290. *Круглов Е. А.* Греко-карийское государство в IV в. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛГУ. Л., 1984, 16 с.
291. *Круглов Е. А.* Греко-карийское государство в IV в. до н. э. (Роль гекатомнидов в эллинизации страны). —

- Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15988 от 15.03.84.
292. *Круглов Е. А.* Характер и особенности правления Мавсола Карийского (377—353 гг. до н. э.).— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, № 8, с. 106—109. [Рез. на англ. яз.]
293. *Лордкипанидзе О. Д.* «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура» (Трудности дефиниции).— Изв. АН СССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1984, № 2, с. 38—57. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
294. *Мирзаяев С. Б.* Политическое учение Полибия.— Изв. АН ТаджССР, 1983, № 4, с. 11—17.
295. *Мирзаяев С. Б.* Сравнительный анализ словарных статей о Полибии.— В кн.: Повышение эффективности законодательства в свете решений XXVI съезда КПСС. Душанбе, 1984, с. 93—100.
296. *Панасенко Ю. Ф.* Функции эпитетов в гимнической традиции эпохи эллинизма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1984, 26 с.
297. *Панченко Д. В.* Ямбул и Кампанелла (О некоторых механизмах утопического творчества), в № 5, с. 98—110.
298. *Попов А. И.* Из истории политической борьбы в Сиракузах в IV в. до н. э. (Гетерия «600»).— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, № 2, с. 38—42. [Рез. на англ. яз.]
299. *Попов А. И.* Социальная борьба и политическое развитие Сиракуз в раннеэллинистический период: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛГУ. Л., 1984, 16 с.
300. *Попов А. И.* Тирания Агафокла Сиракузского в историографии XIX—XX веков, в № 57, с. 48—70.
301. *Попов А. И.* Характер власти Агафокла Сиракузского (307—289 гг. до н. э.).— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15878 от 1.03.84.
302. *Попов А. И.* Царская власть Агафокла Сиракузского. ЛГУ. Л., 1984, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15878 от 1.03.1984.
303. *Ротермель Л. Р.* Проблемы эллинизма в творчестве Ф. Альтгейма. КГУ. Казань, 1984, 30 с.
304. *Санкидзе Л. Д.* Александр Македонский. Тбилиси: изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984, 377 с. [На груз. яз.]
305. *Сафроняк О. В.* Трактат Аполлония Дискола про ім'я, в № 33, с. 41—47. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
306. *Свенцицкая И. С.* Полис и община: к вопросу о формировании общинного самоуправления в эллинистический период, в № 57, с. 71—80.
307. *Сергеев Н. А.* Эллинистическая цивилизация в научном творчестве Арнольда Тойнби: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, КГУ. Казань, 1984, 18 с.
308. *Фрелих Ида.* Исторические элементы в позднеканонической и апокрифической литературе эпохи эллинизма (II в. до н. э.—I в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Ин-т востоковедения АН СССР. Л., 1984, 23 с.
309. *Черниговский В. Б.* Эллинистические историки «трагического» направления и Тацит.— Вестник МГУ, сер. филология, 1984, № 1, с. 25—31.
310. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. Пер. с немецк. Послесловие: Ботвинник М. Н., Нейхардт А. А. Фриц Шахермайр и его книга об Александре, с. 366—374. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1984, 384 с.
311. *Шахнович М. М.* Эпикур о происхождении религии.— В кн.: Религия первобытного общества в свете современных данных. Сб. научн. тр. Л., 1984, с. 32—47.
312. *Шлетте Ф.* Кельты между Алезией и Пергамом. История кельтской культуры. Пер. с немецк. Галгинас А. Вильнюс: Моклас, 1984, 143 с., илл. [На литовск. яз.]
313. *Шофман А. С.* Распад империи Александра Македонского. Казань: изд-во КГУ, 1984, 224 с., илл. Рец.: *Талашова Н. С., Ременников А. М.*— ВИ, 1985, № 7, с. 135—137.

См. также № 8, 45, 73, 82, 441.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ*

314. *Абушаева Л. Б.* Лексика, связанная с понятием «Осада (взятие) города» в древнерусском переводе «Истории» Иосифа Флавия (В сопоставлении с древнегреческим оригиналом).— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, № 14, с. 73—77. [Рез. на англ. яз.]
315. *Аюкян А. П.* Римско-восточные взаимоотношения в области военной тактики.— Вестник Ерев. гос. ун-та, сер. обществ. наук, 1983, № 3, с. 49—70. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
316. *Андреев М. Л.* «Два Менехма» Плавта и структуры комедии итальянского Возрождения, в № 5, с. 172—180.
317. *Баженова Т. М.* Христианская церковь в политической системе Римской империи IV в., в № 13, с. 80—89.
318. *Борецкий М. И.* Идейное содержание басен Авиана, в № 33, с. 75—81. [Рез. на немецк. яз.]
319. *Борисковская С. П.* Этруско-коринфская керамика в собрании Эрмитажа,

* Учебники, учебные пособия см. в общем разделе.

- в № 69, с. 21—30; Каталог этрусско-коринфских ваз к ст., с. 31—33, илл. [Рез. на англ. яз., с. 169]
320. *Борухович В. Г.* Проблемы ранней истории Рима и Италии на I Национальном конгрессе итальянских историков в Перудже 13 окт. 1967 г.— В кн.: Историкографический сб. Проблемы политической и классовой борьбы. Межвузовский науч. сб. Саратов, 1983, вып. 10, с. 148—154.
321. *Брагинская Н. В.* *Fata libelli* (Судьба книги Филострата Старшего «Картины»).— В кн.: Античность в культуре и искусстве последующих веков. Материалы науч. конф., 1982. М., 1984, с. 14—41.
322. *Гагуа И. П.* Сказание об аргонавтах в творчестве Овидия Назона.— В кн.: Историко-филологические разыскания. Ч. 2. Тбилиси, 1984, с. 7—18. [На груз. яз.]
323. *Ганцев М. А.* Плотин о соотношении дискурсивного и недискурсивного мышления (Критический анализ исходных методологических установок).— В кн.: Некоторые вопросы историко-филологической науки. М., 1984, с. 75—83.
324. *Гарасимчук С. И.* Остатки древнего оптимизма и коэволютивизма в латинском языке конца III — начала II в. до н. э. (На материале комедий Плавта), в № 33, с. 3—7. [Рез. на немецк. яз.]
325. *Гаталина Л.* Вазы группы Орвьето в Эрмитаже.— Сообщения Гос. Эрмитажа, 49. Л.: Искусство, 1984, с. 42—43. [Рез. на англ. яз., с. 73].
Этрусские чернофигурные сосуды. Конец VI — начало V в. до н. э.
326. *Гаталина Л. И.* Расписная керамика местных апулийских мастерских в собрании Эрмитажа, в № 69, с. 34—48, илл. [Рез. на англ. яз., с. 169].
327. *Гигаури Ц. В.* Некоторые вопросы композиции «Аргонавтики» Валерия Флакка.— В кн.: Историко-филологические разыскания. Ч. 2. Тбилиси, 1984, с. 19—24.
328. *Глушанин Е. П.* Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии IV — начала V в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛГУ, 1984, 21 с.
329. *Глущенко Л. М.* Словообразовательные модели субстантивации прилагательных в латинском языке, в № 33, с. 8—15. [Рез. на немецк. яз.]
330. *Гончарова Н. А.* Способы выражения побудительного значения у глагола FACERE (На материале классической и постклассической латыни).— Вестник Беларус. гос. ун-та, сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1984, № 1, с. 46—49.
331. *Деревнин А. А.* Учение Цицерона о государстве.— В кн.: Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и юрид. фак-та МГУ. М., 1984, с. 28—30.
332. *Деревнин А. А.* Учение Цицерона о происхождении общества, государст-
- ва и права.— В кн.: Из истории развития политико-правовых идей. М., 1984, с. 45—49.
333. *Долидзе Т.* Методика обучения философии Аристотеля в неоплатонической школе Амония Гермаса.— В кн.: Четвертая республиканская конференция молодых ученых-философов. Сухуми, 21—25 дек. 1983 г. План работы и тезисы. Тбилиси, 1983, с. 36—37. [На груз. яз.]
334. *Домбровский Р. О.* Классификация латинских деминутивов, в № 33, с. 15—19. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
335. *Дуров В. С.* Эниак как сатирик.— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, № 2, с. 57—62. [Рез. на англ. яз.]
336. *Елагина А. А.* Тацит и его историческая концепция: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. КГУ. Казань, 1984, 16 с.
337. *Залесский Н. Н., Мавлеев Е. В.* Южная Этрурия и начало этрусской цивилизации. Археологический материал, теоретизирование и историческая реальность, в № 30, с. 185—213.
338. *Игнатенко А. В.* К вопросу о политизации римской общины в «царский» период, в № 13, с. 51—66.
339. *Ильинская Л. С.* Древнее Ромула (К истории Лация. VIII—VI вв. до н. э.).— ВИ, 1984, № 6, с. 184—188.
340. *Камова И. М.* Видо-временные значения латинского глагола.— В кн.: Функционально-семантические параметры слова и предложения. Барнаул, 1984, с. 39—43.
341. *Карасева Т. А.* Фонетическая вариативность и семантика в латинском языке.— В кн.: Фонология и просодия слова. М., 1984, с. 117—121.
342. *Кареев Л. И.* Искусство звучащего слова в античном времени (Древняя Греция и древний Рим): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. искусствоведения. Московский гос. ин-т культуры. М., 1984, 17 с.
343. *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. Пер. с русск. Ереван: Айтаган, 1984, 485 с. [На арм. яз.]
344. *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: изд-во МГУ, 1984, 255 с.
345. *Крицкая С. Ю.* Марк Теренций Варрон и античная этимология (На материале трактата «О латинском языке»): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук, МГУ. М., 1984, 22 с.
346. *Лазарев С. А.* Комплектование римской армии в IV в. н. э. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1984, 36 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18874 от 30.11.84.
347. *Лазарев С. А.* Характер военной службы в позднеримской армии. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1984, 22 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18890 от 04.12.84.
348. *Леснищкая М. М.* Об этрусских тра-

- дияция в римском портрете республиканского периода, в № 30, с. 230—251.
349. *Лисовий І. А.* Клавдій Еліан та його місце у розвитку античної історіографії, в № 33, с. 87—91. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
350. *Литичевский Г. С.* Человек и море в «Естественной истории» Плиния Старшего. Соотношение теоретического и практического. — В кн.: Актуальные проблемы методологии историко-научных исследований. М., 1984, с. 67—86. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 17569 от 23.07.1984.
351. *Лопатина М. Г.* Инфинитив при прилагательных у поэтов I в. до н. э., в № 12, с. 218—226. Латинские поэты.
352. *Мавлеев Е.* Мастер зеркала В. 509 из Эрмитажа. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 49. Л.: Искусство, 1984, с. 43—46. [Рез. на англ. яз., с. 73]. Этрусское зеркало. Изготовлено после 320 г. до н. э.
353. *Мавлеев Е. В.* Судьба греческого сказания о «Суде Париса» в Этрурии VI—III вв. до н. э., в № 69, с. 49—63, илл. [Рез. на англ. яз., с. 169]. Обзор эрмитажной коллекции амфор и зеркал.
354. *Мавлеев Е. В.* Этрусские зеркала. — СА, 1984, № 2, с. 21—34. [Рез. на англ. яз.]
355. *Майстренко М. И.* Орфей в произведениях Павсания, Диона Хриостома и Лукиана. Одесский гос. ун-т. Одесса, 1984, 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 17597 от 26.07.84.
356. *Мах А. С.* Генезис и семантика латинской сельскохозяйственной лексики (На материале памятников II в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбил. гос. ун-т. Тбилиси, 1984, 24 с.
357. *Межеричкий Я. Ю.* «Модели» единогополчного правления в идеологии раннего принципата, в № 3, с. 104—115.
358. *Михайловский Ф. А.* Трибунская власть в политической системе принципата Августа (Несколько точек зрения), в № 3, с. 92—104.
359. *Неверов О. Я.* Коллекция Лайд Брауна (К истории скульптурного собрания Эрмитажа), в № 69, с. 4—20, илл. [Рез. на англ. яз., с. 169] Коллекция античных вещей, главным образом римского времени.
360. *Немировский А. И.* Этрусская загадка. — ВИ, 1984, № 3, с. 95—107.
361. *Окунь Ю. А.* Рональд Сайм и проблемы древнеримской истории: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. КГУ. Казань, 1983, 25 с.
362. *Оленич Р. М.* Связь и соперничество стоико-пергамской и александрийской грамматических теорий на римской почве (Noten), в № 33, с. 19—26. [Рез. на немецк. яз.]
363. *Олейник Т. И.* Корнелий Тацит о республиканском красноречии и о причинах его упадка в императорском Риме, в № 33, с. 98—104. [Рез. на немецк. яз.]
364. *Олишук Р. Л.* Влияние семантико-грамматических факторов на адъективацию причастий настоящего времени действительного залога (На материале языка писем Цицерона и Плиния Младшего), в № 33, с. 27—34. [Рез. на немецк. яз.]
365. *Парфенов В. Н.* Триумвир Марк Эмилий Лепид, в № 57, с. 126—140.
366. *Полонская К. П.* К вопросу о степени субъективности авторского «я» в римской поэзии эпохи республики, в № 12, с. 196—208.
367. Проблемы происхождения и социально-политического развития раннего Рима. Современная зарубежная историография. Реф. сб. Редкол. Маяк И. Л. и др. Ред.-сост. Медовичев А. Е. ИНИОН АН СССР. М., 1984, 218 с.
368. *Рухиладзе Р. С.* Восток в позднеантичной греческой литературе. Лукиан. — Кавказско-ближневосточный сборник, Тбилиси, 1984, вып. 7, с. 123—133. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
369. *Саверкина И.* Копии и варианты фидиевых скульптур в Эрмитаже. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 49. Л.: Искусство, 1984, с. 49—51. [Рез. на англ. яз., с. 73]. Римские копии I в. до н. э. — IV в. н. э.
370. *Самуткина Л. А.* Плутарх о древней комедии, в № 33, с. 104—111. [Рез. на немецк. яз.]
371. *Саникидзе Л. Д.* Римская империя. Тбилиси: изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984, 347 с., илл. [На груз. яз.]
372. *Саришвили Г.* Лирика Катуллы. — Мнатоби (Светоч), Тбилиси, 1984, № 8, с. 136—140. [На груз. яз.]
373. *Селецкий Б. П.* Значение реформы Марии Гратидиана в борьбе между римской аристократией и демократией в период гражданских войн, в № 3, с. 86—92.
374. *Сенів М. Г.* Семантико-синтаксичні функції прийменників у латинській мові, в № 33, с. 47—53. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
375. *Сергеев И. П.* К вопросу об «антисенаторской политике» Септимия Севера. — Вестник Харьков. гос. ун-та, 1983, № 238, с. 89—94.
376. *Сидорова Н. А.* Бронзовые треножники из Вульчи, в № 30, с. 214—229.
377. *Сизов С. К.* Аграрная ситуация в Сицилии в середине II в. до н. э. и возникновения рабов, в № 30, с. 120—143.
378. *Силади А. Г.* Этрусски на Западе, в № 30, с. 61—74. Торговые связи.
379. *Симонова Т. А.* К вопросу оценки философии Плотина. — В кн.: Некоторые проблемы совершенствования развитого социализма. Республ. науч.-теорет. конф. молодых ученых и специалистов, посвящ. 60-летию присвоения ВЛКСМ имени В. И. Ленина. Тез. докл. Рига, 23—24 ноября 1984 г. Рига, 1984, с. 41—43.

380. *Синица В. Г.* Латинские термины с именным суффиксом -tio/aio (Лексико-семантическое исследование): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбил. гос. ун-т. Тбилиси, 1984, 48 с.
381. *Смоляк Л. Ю.* Морфолого-синтаксичні особливості субстантивациі part. praes. act. (На матеріалі твору А. Корнелія Цельса «De medicina»), в № 33, с. 54—55. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
382. *Содомора А. О.* Простір як елемент образності в поезії Горація, в № 33, с. 111—116. [Рез. на русск. и немецк. яз.]
383. *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. изд. 2-е. М.: Мысль, 1984, 342 с.
384. *Ушаков Ю. А.* Роль преторианской гвардии во внутривосточной жизни Римского государства при первых императорах, в № 3, с. 155—130.
385. *Федоров Н. А.* О некоторых семантических особенностях лексической группы iucundus—iucunditas в текстах Цицерона, в № 12, с. 209—217.
386. *Циммерман К.* Аттические рыбные блюда в Западном Средиземноморье, в № 30, с. 75—97. Середина I тыс.
387. *Черняк А. Б.* К интерпретации сообщения Тацита о Вононе.— Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1984, № 4, с. 208—215. [Рез. на арм. яз.]
388. *Черняков И. Т.* Утерянный остров Плиния.— Природа, 1984, № 9, с. 50—55. Сообщения Плиния об острове в низовьях Днестра.
389. *Чернышов Ю. Г.* Легенды об «островах блаженных» в античной литературе I в. до н. э.— Вестник ЛГУ, сер. ист., яз., лит., 1984, № 20, с. 104—107. [Рез. на англ. яз.]
390. *Шмалько А. В.* Лукиан как источник по истории Вифинии-Понта.— Вестник Харьков. гос. ун-та, 1983, № 238, с. 84—89.
391. *Штаерман Е. М.* Римские рабы (Исторический очерк).— ВИ, 1984, № 2, с. 102—118. См. также № 19, 28, 48, 51, 56, 73, 75, 84, 122, 184, 218, 232, 257, 305, 309, 428, 435, 436, 600.
- РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ
392. *Армичева В. И.* Внешняя торговля Испании в период Ранней империи, в № 52, с. 15—28.
393. *Армичева В. И.* Социально-экономические отношения в испанских провинциях в I—II вв. н. э. (К вопросу о романизации испанских провинций): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ. М., 1984, 17 с.
394. *Бандровський О. Г.* Радянська історична наука про римську експансію у Карпато-Дунайський регіон (I—III ст.).— Вісник Львів. гос. ун-ту, сер. іст., 1984, вип. 20, с. 52—58. [Рез. на русск. яз.]
395. *Крыжин С. М.* Внешнее завоевание и судьбы античного города на примере римских провинций Фракия и Мёзия в I—III вв. н. э., в № 58, с. 59—70.
396. *Фигман И. Ф.* Приписные колонны (адскрипции — энапографы) по данным папирусов.— В кн.: Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984, с. 166—226.
397. *Циркин Ю. Б.* Романизация Испании к концу Римской республики, в № 3, с. 70—86.
398. *Циркин Ю. Б.* Сельские объединения в римской Испании, в № 57, с. 154—173.
399. *Шабана И. Ю.* Галльские панегирики (Сборник XII Panegyric Latini как источник). МГУ. М., 1984, 27 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 16192 от 4.04.84.
400. *Шабана И. Ю.* Латинские панегирики конца III—IV веков как исторический источник (Програмный характер галльских панегириков): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, МГУ. М., 1984, 18 с.
401. *Шабана И. Ю.* Социальное положение авторов сборника XII Panegyrici Latini, в № 52, с. 29—38. Галлия III—IV вв.
402. *Широкова Н. С.* Институт клиентелы у древних кельтов, в № 57, с. 140—153.
403. *Шмалько А. В.* Административно-правовая политика Рима в провинции Вифиния-Понт в I в. н. э. Харьков. гос. ун-т. Харьков, 1984, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 17217 от 27.06.84.
404. *Шмалько А. В.* Римская социальная политика в провинции Вифиния-Понт в I в. н. э. Харьков. гос. ун-т. Харьков, 1984, 16 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 17218 от 27.06.84. См. также, № 77, 285, 609.
- ХРИСТИАНСТВО*
405. *Антонова Е. В.* Место проблемы свободы воли в раннем христианстве.— В кн.: IV Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии» (4—8 мая 1984 г.). Тез. конф. Вып. 8. Философия, политика, культура. М., 1984, с. 10—12.
406. *Бычко А. К.* У истоков христианского иррационализма. Киев: изд-во политической литературы Украины, 1984, 138 с. Имеется глава: Античный интеллектуализм в тунике.
407. *Бычков В. В.* Эстетика Аврелия Августина: М.: Искусство, 1984, 264 с.
408. *Гарицев М. А.* Августин и Плотин.— В кн.: IV Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксист-

* Работы по истории христианства в указателе включены выборочно.

- ско-ленинской философии» (4—8 мая 1984 г.). Тез. конф. Вып. 8. Философия, политика, культура. М., 1984, с. 12—14.
409. *Грицай С. И.* Два гностических документа космогонического содержания из коптской библиотеки в Наг-Хаммади («Ипостась архонтов» и «Трактат без названия» — НХ II, 4, 5). — В кн.: Древний и средневековый Восток: история, филология. Проблемы источниковедения. М., 1984, с. 42—54.
410. *Грицай С. И.* Две коптские рукописи из Наг-Хаммади как источник по изучению связей гностицизма и религии древнего Египта: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т востоковедения АН СССР. М., 1984, 20 с.
411. *Дзикович Е. А.* Сравнительный анализ категории прекрасного в эстетических теориях Августина и Фомы Аквинского. — В кн.: Актуальные вопросы теории и истории эстетики. М., 1984, с. 112—129. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18167 от 04.09.84.
412. *Косидовский Э.* Сказания евангелистов. Пер. с польск. Растенене С. Вильнюс: Вага, 1984, 389 с., илл. [На литовск. яз.]
413. *Семенов Л. Е.* Актуальные теоретико-методологические проблемы изучения идеологии античного христианства. — В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984, с. 25—27.
414. *Семенов Л. Е.* К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной доктрине раннего христианства. — В кн.: Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. IV. Казань, 1970.
415. *Уманская Т. А.* Культурология патристики и историко-философская концепция Аврелия Августина. — В кн.: IV Всесоюзные философские чтения молодых ученых «XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии» (4—8 мая 1984 г.). Тез. конф. Вып. 8. Философия, политика, культура. М., 1984, с. 14—16. Античная, языческая и христианская философия и культура в учении Августина.
416. *Энгельс Ф.* О первоначальном христианстве. Сб. М.: Политиздат, 1984, 48 с.
Содержание: Бруно Бауэр и первоначальное христианство; Книга откровения; К истории первоначального христианства.
См. также № 119, 317.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР. КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

417. *Азбунов М. В.* Античная география Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ. М., 1984, 22 с.
418. *Азбунов М. В.* Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов о Причерноморье. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 г. М.: Наука, 1984, с. 239—246.
419. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984, 391 с., илл., схемы, карты, указатели имен, географических и этнических названий.
420. Античная культура Северного Причерноморья. Сб. научн. трудов. Киев: Наук. думка, 1984, 216 с.
421. Археологические открытия 1982 года. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1984, 527 с.
422. Археологический сб. Гос. Эрмитажа, вып. 25. Материалы и исследования по археологии СССР. Контакты и взаимодействия культур Евразии. Л.: Искусство, 1984, 136 с. [Рез. на англ. яз.]
423. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Предисл. Щеглова А. Н. Л.: Наука, 1984, 248 с., илл.
- Торговые связи народов Северного Причерноморья. Археологические памятники.
424. *Буравчук Н. П.* Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея, в № 433, с. 88—96.
Найдены в городах и некрополях Северного Причерноморья.
425. *Ванчугов В. П., Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа, в № 437, с. 5—24.
426. *Валтина М. Ю.* Греко-варварские контакты VII—VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛОИА АН СССР. Л., 1984, 18 с.
427. *Внуков С. Ю.* Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории. — Вестник МГУ, сер. ист., 1984, № 6, с. 45—60.
428. *Герцигер Д. С.* Античные канделябры в собрании Эрмитажа, в № 69, с. 83—89; каталог античных канделябров — с. 90—99. [Рез. на англ. яз. с. 169—170].
Из археологических комплексов Северного Причерноморья, Прикубанья и Италии.
429. *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Светильники в погребальном обряде ан-

- гичных городов Северного Причерноморья, в № 420, с. 147—156.
430. *Кругликова И. Т.* Античная археология. Учебное пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1984, 216 с., илл.
431. *Курбатов А. А.* Характер культа Ахилла в Северном Причерноморье, в № 3, с. 30—56.
432. *Мельникова Е. А.* Сектор истории древнейших государств на территории СССР в 1982 г.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1983. М., 1984, с. 242—248.
433. Новые археологические исследования на Одешине. Сб. научн. тр. Киев: Наук. думка, 1984, 146 с., илл.
434. *Охотников С. Б., Паслина Е. П.* Находки амфор в Черном море, в № 433, с. 97—101.
435. *Подосинов А. В.* Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н. э.— В кн.: Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979, с. 19—32.
436. *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1983. М., 1984, с. 8—178. [Рез. на англ. яз.]
437. Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Сб. ст. Одесский Археологический музей АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, 164 с., илл.
438. *Сапрыкин С. Ю.* Тирания в припонтских государствах, в № 57, с. 80—108.
439. Северное Причерноморье. Материалы по археологии. Сб. научн. тр. Одесский Археологический музей АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, 155 с.
440. *Тарадаш А. М.* Сюжеты Троянской войны на чернофигурных вазах из Одесского археологического музея, в № 433, с. 102—107.
441. *Тодуа Т. Т.* Политика Фарнака I Понтийского в Причерноморье.— Тр. Тбил. гос. ун-та, 1983, т. 243, с. 82—84.
442. *Шелов Д. Б.* Полевая археология и охрана археологических памятников.— СА, 1984, № 1, с. 5—10. См. также № 162, 165, 255, 286.
- БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО**
443. *Арсеньева Т. М.* Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса, в № 549, с. 20—23.
444. *Виноградов Ю. А.* Раскопки Мирмекия, в № 421, с. 248.
445. *Горончаровский В. А.* Раскопки Илурата, в № 421, с. 251—252.
446. *Грач Н. Л.* Раскопки Нимфея, в № 421, с. 253—254.
447. *Кущина Н. Э.* К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (По материалам некрополя Пантикапея из собрания Отдела античного мира Эрмитажа), в № 69, с. 147—163, илл. [Рез. на англ. яз., с. 170]
448. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Раскопки на Крымском побережье Азовского моря, в № 421, с. 294—295.
449. *Молев Е. А.* Исследования городища, некрополя и хоры Китея, в № 421, с. 301—302.
450. *Никитина И. П.* Институт проксении в условиях протоэллинистической монархии на Боспоре, в № 13, с. 27—40.
451. *Николаева Э. Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1984, 22 с.
452. *Петерс Б. Г.* Раскопки на Керченском полуострове, в № 421, с. 317—318.
453. *Пичилян Й. Р.* Культовая античная архитектура Европейского и Азиатского Боспора, в № 420, с. 88—105.
454. *Сазанов А. В.* К изучению теонимии Боспорского царства.— В кн.: Этническая ономастика. М., 1984, с. 157—163. История теонима Артемиды.
455. *Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло античного Боспора: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ. М., 1984, 24 с.
456. *Семенова Е. Е.* Царская власть и общинное самоуправление на Боспоре, в № 3, с. 22—29.
457. *Соколова Е. К.* Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа), в № 69, с. 125—137, илл. [Рез. на англ. яз., с. 170].
458. *Чевелев О. Д.* Раскопки в Восточном Крыму, в № 421, с. 339—340.
459. *Черненко Е. В.* Битва при Фате и скифская тактика.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 59—75. 310—309 гг. до н. э.
460. *Шелов Д. Б.* Антропоморфный амулет из Танаиса, в № 549, с. 241—246. См. также № 509.
- ХЕРСОНЕС
И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ**
461. *Дашевская О. Д.* Раскопки Беляуса и Западно-Донузлавского городища, в № 421, с. 255—256. Материал датируется IV—III вв. до н. э.
462. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Исследование Керкинитиды, в № 421, с. 258—259.
463. *Зедгенидзе А. А.* Херсонес Таврический в классический период: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1983, 26 с.
464. *Золотарев М. И., Рижов С. Г.* Новый склеп западного некрополя Херсонесу.— Археология, 1984, вып. 48, с. 68—78.
465. *Золотарев М. И.* Раскопки в Северо-Восточном районе Херсонеса, в № 421, с. 261.
466. *Зубарь В. М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса, в № 421, с. 262—263.

467. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса, в № 421, с. 263—265.
468. *Калашник Ю. П.* Обломок римского воинского диплома из Херсонеса, в № 69, с. 165—168. [Рез. на англ. яз., с. 170]
469. *Кац В. И., Монахов С. Ю.* История и перспектива изучения херсонесских остродонных амфор. — В кн.: Историко-графический сб. Проблемы политической и классовой борьбы. Межвузовский научн. сб. Саратов, 1983, вып. 10, с. 75—90.
470. *Кобылина М. М.* Рельефная плита из Херсонеса, в № 549, с. 99—103.
471. *Колесников А. Б.* Античные сельские усадьбы Евпаторийского маяка. — Вестник МГУ, сер. ист., 1984, № 4, с. 76—86.
472. *Кругликова И. Т.* Исследование античных усадеб в Крыму, в № 421, с. 283—284.
473. *Кузицын В. И.* Раскопки позднеримской виллы в окрестностях Севастополя, в № 421, с. 284—285.
474. *Латышева В. А.* Работы Северокрымской экспедиции, в № 421, с. 287—288. Амфорные обломки с клеймами Синопы, Фасоса, Гераклея, Херсонеса.
475. *Неверов О.* Ахеменидский цилиндр из Херсонеса. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 49. Л.: Искусство, 1984, с. 47—49. [Рез. на англ. яз., с. 73]
476. *Николаенко Г. М.* Исследования на Гераклейском полуострове, в № 421, с. 306—307.
477. *Орлов К. К.* Работы Ай-Тодорского отряда, в № 421, с. 309—310.
478. *Пальцева Л. А.* К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху, в № 57, с. 108—126.
479. *Рыжов С. Г.* Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса, в № 421, с. 326—327. Имеется материал IV в. до н. э.
480. *Федоров Б. Н.* К вопросу о связях некоторых надгробий некрополя Херсонеса Таврического IV—III вв. до н. э. с жилой архитектурой города. — В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., 1984, вып. 14, с. 3—8.
481. *Щелов А. Н.* Раскопки и разведки в Северо-Западном Крыму, в № 421, с. 345—346.
- См. также № 172, 179, 504, 623.
- ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН
482. *Белецкий А. А., Русяева А. С.* Граффити магического содержания из Ольвии, в № 439, с. 51—58.
483. *Буйских С. Б.* Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых веков нашей эры: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН УССР. Киев, 1984, 19 с.
484. *Буйских С. Б.* Основные элементы фортификации хоры Ольвии первых веков н. э., в № 420, с. 189—201.
485. *Буйских С. Б., Бураков А. В.* Работы на ольвийской периферии, в № 421, с. 246—247.
486. *Диамант Э. И.* Лепная керамика античных поселений Побережья Одесского залива IV—III вв. до н. э., в № 437, с. 127—143.
487. *Диамант Э. И.* О датировке Лузановского поселения, в № 433, с. 83—88. Конец V или начало IV—III в. до н. э.
488. *Диамант Э. И.* Складное костяное веретено из раскопок Кошарского поселения, в № 439, с. 117—119.
489. *Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л.* Исследования Березанской экспедиции, в № 421, с. 257—258.
490. *Зайцева К. И.* Ольвийские кубки и канфары VI—IV вв. до н. э., в № 69, с. 110—124, илл. [Рез. на англ. яз., с. 170]
491. *Карышковский П. О.* Ольвийские мольпы, в № 439, с. 42—51.
492. *Козуб Ю. И.* Историческая топография некрополя Ольвии, в № 420, с. 156—173.
493. *Крапивина В. В.* К вопросу о застройке Ольвии во II—III вв. н. э., в № 420, с. 201—214.
494. *Крыжицкий С. Д.* Основные итоги изучения затопленной части нижнего города Ольвии, в № 420, с. 36—65.
495. *Ксенофонтowa И. В.* Керамика первых веков н. э. из раскопок поселения на острове Березань (По материалам Эрмитажа), в № 69, с. 138—146. [Рез. на англ. яз., с. 170]
496. *Кудренко А. И.* О водоснабжении Ольвии в IV—II вв. до н. э., в № 420, с. 178—189.
497. *Лейпунская Н. А.* Заметки о некоторых группах амфор из Ольвии, в № 439, с. 113—117.
498. *Лейпунская Н. А.* Керамика из затопленной части Ольвии, в № 420, с. 65—88.
499. *Лейпунська Н. О.* Ливарні форми з Ольвії — Археологія, 1984, вип. 45, с. 68—75.
500. *Мазарати С. Н.* Раскопки древнегреческого поселения на о-ве Березань, в № 421, с. 289—290.
501. *Марченко К. К.* Работы Нижнебугской экспедиции, в № 421, с. 293—294.
502. *Островерхов А. С.* Образ птицы в искусстве ольвийской школы «звериного» стиля, в № 437, с. 62—77.
503. *Рубан В. В.* Раннеэллинистические фимиатерии из Нижнего Побужья, в № 433, с. 108—111.
504. *Русяева А. С.* Економічні та культурно-політичні відносини Ольвії з Херсонесом. — Археологія, 1984, вип. 44, с. 7—14.
505. *Русяева А. С.* Терракоты с Березанского поселения (Из раскопок В. В. Лапина), в № 420, с. 129—147. Прил.: каталог терракот.
506. *Скржинская М. В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани, в № 420, с. 105—129.
507. *Черненко Е. В.* Деталь ножен ксифоса из Ольвии, в № 420, с. 174—178.

508. Черняков И. Т. Исследования Буго-Днестровской экспедиции, в № 421, с. 341.
509. Яйленко В. П. К проксеннической деятельности Ольвии и Боспора, в № 79, с. 110—123.
См. также № 159, 168, 169.

ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

510. Екимова В. Н. Наконечники стрел из Никония, в № 437, с. 120—127.
511. Загинайло А. Г. Открытие оборонительной стены в Никонии (Предварительное сообщение), в № 433, с. 74—79.
512. Загинайло А. Г. Охранные раскопки Овидиопольского поселения, в № 421, с. 259.
513. Клейман И. Б. К датировке ранних участков оборонительных стен в Тире, в № 439, с. 58—65.
514. Клейман И. Б. О раскопках Тирь в 1940 г., в № 433, с. 66—74.
515. Клейман И. Б. Раскопки в Тире, в № 421, с. 267.
516. Новиченкова Н. Г. Работы Ялтинского краеведческого музея, в № 421, с. 307—308.
Археологический материал датируется I в. до н. э. — IV в. н. э.
517. Охотников С. Б. О характере греко-варварских взаимоотношений в Нижнем Поднестровье в VI—V вв. до н. э., в № 437, с. 49—62.
518. Самойлова Т. Л. Античный город Тира доримского времени: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1984, 23 с.
519. Самойлова Т. Л. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тирь, в № 439, с. 119—129.
520. Секерская Н. М. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония, в № 439, с. 129—135.
521. Секерская Н. М. О торговых связях Никония с Мендой, в № 433, с. 79—83.
См. также № 158.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

522. Абаев В. И. Фракийский социальный термин Tarabosteis, в № 79, с. 18—21.
523. Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. — СА, 1984, № 1, с. 104—122. [Рез. на англ. яз.]
524. Алексеев А. Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э. (По бляшкам-апликам и наконечникам стрел), в № 422, с. 65—75. [Рез. на англ. яз., с. 133]
525. Алексеев А. Рукоять парадного ахеменидского мяча из Чертомлыкского кургана. — Сообщения Гос. Эрмитажа, 49. Л.: Искусство, 1984, с. 38—41. [Рез. на англ. яз., с. 74].
Конец VI — начало IV в. до н. э.

526. Анфимов Н. В. Меотские городища аулов Октябрьский и Шенджия. — В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984, с. 112—127.
527. Анфимов Н. В. Меотский могильник I—II вв. н. э. близ станции Елизаветинской. — В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984, с. 83—111.
528. Балонов Ф. Колесный транспорт сарматской эпохи. — В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980, с. 69—85.
529. Барцева Т. Б. Металл скифского времени из районов Днепровского лесостепного правобережья. — КСИА, 1984, № 178, с. 17—21.
530. Бессонова С. С. О культуре оружия у скифов. — В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 3—21.
531. Бессонова С. С., Черных Л. А., Курный С. А. Курганы у с. Филатовка. — В сб.: Курганы степного Крыма. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, с. 41—68, илл.
В одном из погребений скифского времени найдена расписная родоскопическая ойнохойя VII в. до н. э.
532. Буданова В. П. Взаимоотношения готов с Римом и Византией конца III — первой половины IV в. в античной и средневековой традиции. — В сб.: Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984, с. 15—37.
533. Буданова В. П. К вопросу о формировании вестготов и остготов (По данным письменных источников). — В сб.: Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983, с. 4—28.
534. Буданова В. П. Этническая структура «государства Германариха» (По данным письменных источников). — КСИА, 1984, № 178, с. 35—40.
О расселении готов в Северном Причерноморье в IV в.
535. Брашинский И. Б., Марченко К. К. К вопросу об этнической агрибуции Елизаветовского городища на Дону, в № 549, с. 24—28.
536. Ванчугов В. П., Островерхов А. С. Позднекиммерийский курган близ Одессы, в № 433, с. 57—65.
VIII—VII вв. до н. э.
537. Виноградов Ю. Г. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Довбасса и Поволжья, в № 549, с. 37—43.
538. Визюков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (Опыт статистической обработки). — СА, 1984, № 2, с. 54—69. [Рез. на англ. яз.]
539. Высотская Т. Н. Работы Альминского отряда, в № 421, с. 249—250.
540. Гаврилюк Н. О. Скифські імітації форм античного гончарного посуду. — Археологія, 1984, вип. 48, с. 7—11.
541. Геннинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным. — В кн.: Фридрих

- Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984, с. 124—153.
542. *Гиндин Л. А.* Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV), в № 79, с. 36—42.
543. *Горелик М. В.* Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 119—121.
544. *Горелик М. В.* Про «фракійські» шоломи.— Археологія, 1984, вип. 44, с. 14—28.
545. *Грантовский Э. А., Раевский Д. С.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху, в 79, с. 47—66.
546. *Грач Н. Л.* Круглодонные серебряные сосуды из кургана Кульоба (К вопросу о мастерских), в № 69, с. 100—109, илл. [Рез. на англ. яз., с. 17]
547. *Гребенников Ю. С., Недопако Д. П.* Скифский меч с Нижнего Побужья.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 126—128.
548. *Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф.* Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское, в № 437, с. 148—161.
549. Древности Евразии в скифо-сарматское время. Сб. ст. Ин-т археологии АН СССР. Предисл. Мошковой М. Г. М.: Наука, 1984, 263 с., илл.
550. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, 117 с., илл.
551. *Дашевская О. Д.* О подбойных могилах у поздних скифов, в № 549, с. 53—60.
552. *Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю.* Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 75—82.
553. *Ермолова И. Е.* Общественный строй гуннов последней четверти IV — начала V в.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 г. М.: Наука, 1984, с. 229—238.
554. *Житников В. Г., Марченко К. К.* Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону.— СА, 1984, № 3, с. 162—170. [Рез. на англ. яз.]
555. *Златковская Т. Д.* Пути сохранения древнебалканской обрядовой традиции, в № 79, с. 165—174. Фракийские культы.
556. *Зубарь В. М., Симоненко А. В.* О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 148—155.
557. *Кадников Е. А.* Скифский врач Токсарис.— Сов. здравоохранение, 1984, № 7, с. 68—70. Настенная живопись склепа № 9 Неаполя Скифского.
558. *Клочко Л. С.* Верхний плечевой ояк скифів.— Археологія, 1984, вип. 47, с. 57—68.
559. *Ковпаненко Г. Т.* Исследование курганов в Киевской области, в № 421, с. 273.
560. *Ковпаненко Г. Т.* «Червона могила» у с. Флярковка, в № 549, с. 107—113. Памятник VI—V вв. до н. э.
561. *Колосовская Ю. К.* К вопросу об агафирсах, в № 79, с. 181—193.
562. *Корпусова В. Н.* Курганы у с. Целинное.— В сб.: Курганы степного Крыма. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, с. 69—107, илл. Среди прочих находок имеется погребение IX в. знатного киммерийского воина.
563. *Костенко В. И.* Сарматское погребение с инталией из могильника у с. Подгорное, в № 549, с. 124—130.
564. *Костенко В. И.* Среднесарматский период в истории Северного Причерноморья (Историко-археологический очерк), в № 596, с. 157—166.
565. *Кузнецова Т. М.* Анахарсис и Скил.— КСИА, 1984, № 178, с. 11—17. Генеалогия скифских царей. Интерпретация данных Геродота и надписей.
566. *Лукьянко С. И.* О караванной торговле аорсов, в № 549, с. 161—165.
567. *Максименко В. Е.* Савроматские кенотафы Сладководского могильника, в № 549, с. 165—173.
568. *Марковин В. И.* О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия, в № 549, с. 178—183.
569. *Махнева О. А.* Работы в Неаполе Скифском, в № 421, с. 296.
570. *Медведев А. П.* О новом типе сарматских курганов.— Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1983, т. 227, с. 144—151.
571. *Медведев А. П.* Погребение позднесарматского времени на Верхнем Дону, в № 549, с. 183—188.
572. *Мелюкова А. И.* Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н. э., в № 79, с. 224—234.
573. *Мелюкова А. И.* Курганы скифских кочевников у с. Николаевка, в № 437, с. 90—103.
574. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение на поселении Надлиманское III, в № 549, с. 188—191.
575. *Мозолевский Б. Н.* Скифская степь. Киев: Наук. думка, 1983, 199 с., илл. [На укр. яз.]
576. *Моруженко А. А.* Городища лесостепных племен междуречья Днестра и Дона в VII—III вв. до н. э. (Оборонительные сооружения жилищ и хозяйственные постройки). Донецк. гос. ун-т. Донецк, 1984, 209 с., илл. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 18268 от 13.09.84.
577. *Моруженко А. А.* Раскопки поселения у с. Лихачевка, в № 421, с. 302—303.

578. *Моруженко А. А., Янушевич З. В.* Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII—III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы, в № 596, с. 128—141.
579. *Мошкова М. Г.* Культурные сооружения Лебедевского могильника, в № 549, с. 196—201.
- Западный Казахстан, памятники II—III вв. до н. э.
580. *Мошкова М. Г.* О дате сарматских погребений Авиловского могильника на Иловле.— В кн.: Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984, с. 18—30.
581. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наук. думка, 1984, 134 с., илл.
582. *Мурзин В. Ю.* Проблема происхождения скифов в сучасній історіографії.— Археологія, 1984, вип. 46, с. 22—31. [Рез. на русск. яз.]
583. *Музгод С. Е.* Скифские архаические погребения на р. Волчьей, в № 596, с. 115—127.
584. *Нейгардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. ЛО Ин-та истории СССР АН СССР. Л., 1984, 44 с.
585. *Нечитайло А. Л., Бунатян Е. П.* Курганная группа близ с. Чкалово.— В сб.: Курганы степного Крыма. Ин-т археологии АН УССР, Киев: Наук. думка, 1984, с. 6—40, илл.
- Скифо-сарматские погребения.
586. *Ольговский С. Я., Полін С. В.* Скифське поховання VI ст. до н. е. на Херсонщині.— Археологія, 1984, вип. 44, с. 69—84.
587. *Онайко Н. А.* О сахновской пластине.— СА, 1984, № 3, с. 18—27. [Рез. на англ. яз.]
588. *Отроценко В. В.* Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 121—126.
589. *Охотников С. Б.* Скифский меч из г. Котовска Одесской области, в № 439, с. 112—113.
- V в. до н. э.
590. *Петренко В. Г.* Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада.— СА, 1984, № 2, с. 155—164. [Рез. на англ. яз.]
591. *Петренко В. Г.* Сарматское погребение из могильника у с. Лупарево, в № 549, с. 202—205.
592. *Полін С. В.* Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщині.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 103—119.
593. *Полін С. В.* Про сарматське завойвання Північного Причорномор'я.— Археологія, 1984, вип. 45, с. 24—34. [Рез. на русск. яз.]
- Археологические памятники IV—I вв. до н. э.
594. *Попова Е. А.* Каменные изваяния с территории Малой Скифии.— Вестник МГУ, сер. ист., 1984, № 3, с. 79—85.
595. *Попова Е. А.* Монументальное изобразительное искусство в истории и культуре Малой Скифии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, М., 1984, 24 с.
596. Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Межвузовский сб. научн. тр. Днепропетр. гос. ун-т. Днепропетровск, 1984, 176 с., илл.
597. *Пузикова А. И.* Работа сектора скифо-сарматской археологии в 1980—1982 гг.— КСИА, 1984, вып. 178, с. 98—101.
598. *Радзиевская В. Е.* Работы на Коломакском городище, в № 421, с. 321—322.
599. *Раевский Д. С.* От киммерийского орнамента к скифскому звериному стилю, в № 549, с. 213—217.
600. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Учебное пособие. Казанск. гос. пед. ин-т. Казань, 1984, 81 с., карты.
601. *Ромашко В. А.* Работы в Западном Донбассе, в № 421, с. 324—325.
602. *Рябова В. О.* Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скифського часу.— Археологія, 1984, вип. 46, с. 31—44. [Рез. на русск. яз.]
603. *Семенов А. И.* Микроскопические исследования древних стрел из кургана Чертомлык.— Археологический сб. Гос. Эрмитажа, вып. 24. Л.: Искусство, 1983, с. 78—80. [Рез. на англ. яз., с. 118]
604. *Симоненко А. В.* Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья.— В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 129—147.
605. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1984, 184 с., илл.
606. *Смирнова Г. И.* О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре, в № 422, с. 43—60. [Рез. на англ. яз., с. 132]
607. *Суничук Е. Ф., Фокеев М. М.* Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная, в № 437, с. 103—120.
608. *Трубачев О. Н.* Indoarica в Скифии и Дакии, в № 79, с. 148—152.
609. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* «Царства» Буребисты и Децелаба: союзы племен или государств? (I в. до н. э.— начало II в. н. э.).— ВИ, 1984, № 7, с. 59—80. [Рез. на англ. яз.]
610. *Чежина Е. Ф.* Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху, в № 422, с. 61—64. [Рез. на англ. яз., с. 133]
611. *Черненко Е. В.* Длинные копья скифов, в № 549, с. 231—235.
612. *Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984, 117 с., илл.

613. Черненко И. Т. Связи сабаатиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем (По керамическим находкам), в № 439, с. 34—42.
614. Членова Н. Л. Где жили аримасы? — В кн.: Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983, с. 21—36.
615. Членова Н. Л. О времени появления праиндоевропейского населения в Северном Причерноморье, в № 79, с. 259—266. Прил.: Словарь гидронимов (толкование В. И. Абаева), с. 267—268.
616. Шрамко Б. А. Из истории скифского вооружения. — В кн.: Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984, с. 22—39.
617. Шрамко Б. А. К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла. — Вестник Харьков. гос. ун-та, 1983, № 238, с. 119—125.
618. Шрамко Б. А. Обработка кожи в Скифии, в № 596, с. 142—156.
619. Шрамко Б. А. Раскопки Гелона, № 421, с. 344—345.
620. Шрамко Б. А. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии. — В кн.: Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984, с. 218—230.
621. Щегленко А. В. Обряд погребения лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII—III вв. до н. э. — Вестник Харьков. гос. ун-та, 1983, № 238, с. 110—119.
622. Яценко И. В. Зооморфная ручка с городища Чайка в окрестностях Евпатории, в № 549, с. 256—259.
623. Яценко И. В. Полевые исследования в округе Евпатории, в № 421, с. 346—347.
- См. также № 18, 435, 459, 637, 708, 710, 721, 725.

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ *

624. Абаев В. Троянский конь. Кавказские параллели. — Лит. Осетия, Орджоникидзе, 1984, № 63, с. 99—109; № 64, с. 115—126.
Сюжетные параллели «Илиады» Гомера и эпических сказаний кавказских народов.
625. Абрамова М. П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками, в № 549, с. 15—20.
626. Аюкян А. А. Термины «Албания» и «албанцы» в греко-латинских и древнеармянских источниках (Семантический анализ): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛО Ин-та востоковедения АН СССР. Л., 1984, 18 с.
627. Аюкян А. Торговые сношения Армении с соседними странами (I—III вв.). — Вестник обществ. наук. АН АрмССР, 1984, № 2, с. 62—71. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
628. Аюкян Г. П. Древняя Армения в торговле Запада с Востоком (Первые века нашей эры). — СА, 1984, № 2, с. с. 70—90. [Рез. на англ. яз.]
629. Алексидзе Л. З. Ступени познания в трудах Прокла Диадоха и Иоанна Петрици. — Изв. АН ГССР, сер. философии и психологии, 1984, № 2, с. 41—47. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
На материале комментария Иоанна Петрици к «Первоосновам теологии» Прокла.
630. Апакидзе А. М., Николаишвили В. Н. Раскопки в Мцхета, в № 421, с. 419—420.
631. Аракелян Б. Н. Археология. — В кн.: Достижения науки в Советской Армении (1920—1980). Ереван, 1984, с. 264—273.
632. Аракелян Б. Н. Раскопки в Арташате и Гарни, в № 421, с. 440—441.
633. Ахмедов Г. М. Раскопки античного слоя городища Кабала, в № 421, с. 431—432.
634. Бабаев И. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э.— III в. н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1982, 40 с.
635. Ботохадзе А. В. Настакисская экспедиция, в № 421, с. 422—423.
636. Вашакидзе Н. О. Итоги полевых исследований Пичвнарского могильника эллинистического времени в 1980 г. — В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 12. Тбилиси, 1983, с. 64—86. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
637. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Материалы погребальных памятников Среднего Пригеречья о роли сарматов в этно-культурной истории Северного Кавказа. — В кн.: Кочевники Азово-Каспийского междуморья, Орджоникидзе, 1983, с. 102—104.
638. Воронов Ю. Н. Исследования Цибилиума, в № 421, с. 423—424.
639. Воронов Ю. Н. Краснолаковая посуда Ассилии V—VI вв. — Изв. Абхазского ин-та яз., лит. и ист., Тбилиси, 1983, № 12, с. 88—96.
640. Габелия А. Н. Поселения колхидской культуры (На материалах Абхазии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1984, 16 с.
641. Гаглов Р. Х. О некоторых типах привозных бус из могильников позднеантичного времени Южной Осетии. — Изв. Юго-Осет. НИИ, Тбилиси, 1984, вып. 28, с. 3—17.
642. Гаглов Р. Х. Работы в Южной Осетии в № 421, с. 424.
643. Гадилов Ф. В. Работы Сельбирского отряда, в № 421, с. 432.
Кабала.
644. Гацерелия А. К. Августин и Грузия. — Изв. АН ГССР, сер. яз. и лит., 1984, № 1, с. 88—111. [На груз. яз.]
Влияние Августина на развитие грузинской философской мысли.
645. Геюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании (По данным археологии и письменных источников). Баку: Элм, 1984, 192 с., илл. [Рез. на азерб. и англ. яз.]

* См. также раздел III.

646. *Джавашвили Г. А.* Антропоморфная пластика в языковой Грузии (Неолит — позднеантичная эпоха). Тбилиси: изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984, 117 с., илл. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
647. *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Гос. Эрмитажа. М.: Искусство, 1984, 238 с. илл.
648. *Канецян А. Г.* Античные черепицы из раскопок Арташата. — СА, 1984, № 1, с. 183—191. [Рез. на англ. яз.]
649. *Карапетян И. А.* Раскопки Карачхора, в № 421, с. 443. Эллинистическое поселение.
650. *Карамедова А. А.* Разведка античных памятников Шеки Белоканской зоны. — В кн.: Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане, 1979 г. Баку, 1984, с. 38—46.
651. *Кахидзе А. Ю.* Погребения с черепичным перекрытием из Пичвнари. — В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 12. Тбилиси, 1983, с. 53—63. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.] Ранний эллинизм.
652. *Керефов Б. М.* О культовых сосудах Северного Кавказа сарматского времени. — В кн.: Этнография и современность. Нальчик, 1984, с. 145—152.
653. *Кессиди Ф. Х.* Давид Анахт (Непобедимый) и некоторые вопросы древнегреческой философии. — В кн.: Давид Непобедимый — великий философ древней Армении. Ереван, 1983, с. 550—557.
654. *Ковалевская В. Б.* Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Удлубачаналы в Карачаево-Черкесии. — Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии, 1983, вып. 2, с. 18—34.
655. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. Послесловие Раевского Д. С. М.: Наука, 1984, 192 с.
656. *Козенкова В. И.* Погребения сарматского времени в ущелье р. Карца в Северной Осетии, в № 549, с. 113—119.
657. *Кочарян Г. Г.* Двин в античную эпоху: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР. Ереван, 1984, 25 с.
658. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Сев.-Осет. НИИ истории, филологии и экономики. Орджоникидзе, 1984, 302 с., илл.
659. *Lafontaine G.* La traduction arménienne des «Categories» d'Aristotele par David L'invincible. — В кн.: Давид Непобедимый — великий философ древней Армении. Ереван, 1983, с. 432—445.
660. *Лордкипанидзе О. Д.* Город-храм Колхиды (История археологических раскопок в Вани). Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1984, 93 с., илл.
661. *Лордкипанидзе О. Д.* Тайна, которую хранит Вани. Науч.-попул. очерк. Изд. 2-е, доп. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984, 124 с., илл.
662. *Мамаишвили Н. Ф., Джавашивили К. А.* Позднеримский некрополь с. Череми. — В кн.: Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси, 1984, с. 105—129. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]
663. *Меликишвили Н. Г.* К вопросу о грузинском переводчике «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. — Изв. АН ГССР, сер. яз. и лит., 1984, № 4, с. 103—115. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
664. *Морчадзе Т.* Керамика Шида Картли античного времени: по петрографическим данным. — В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 12. Тбилиси, 1983, с. 95—96. [На груз. яз.]
665. *Оганян О. А.* Раскопки в Шамираме, в № 421, с. 443—444.
666. *Османов Ф. А.* Находки античного периода на Сангалакском плоскогорье. — В кн.: Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане, 1979 г. Баку, с. 33—38.
667. *Петрици И.* Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадох. Пер. с древнегруз. и послесловие Панцхави И. Д., примеч. Тевзаде Г. В. Ин-т философии АН СССР. М.: Мысль, 1984, 286 с.
Рец.: *Махарадзе М.* Иоани Петрици в серии «Философское наследство». — Мнатоби, Тбилиси, 1984, № 11, с. 171—176. [На груз. яз.]
668. *Погребова М. Н.* Кабанская пряжка «восточного типа», в № 549, с. 205—210.
669. *Рамишвили Р. М.* Исследования Бачичальского могильника, в № 421, с. 427—428.
670. *Рамишвили Р. М.* Картлийское царство в первой половине I тысячелетия нашей эры (Историко-археологические исследования): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Центр. археол. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси, 1984, 55 с.
671. *Рамишвили Р. М.* Могильник и поселение в Ахали-Жинвали по раскопкам 1971—1977 гг. — В кн.: Жинвали. Тбилиси, 1983, с. 81—130. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.] Античные памятники.
672. *Саркисян Г. Х.* Список парфянских Аршакидов в раннесредневековой армянской историографии. — Кавказ и Византия, 1984, вып. 14, с. 130—141.
673. *Тер-Мартirosов Ф. И.* Раскопки в Ширакаване, в № 421, с. 445—446.
674. *Тирацян Г. А.* Раскопки древнего Армавира, в № 421, с. 446—447.
675. *Топчян А.* Об одной особенности поэмы Гомера и «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. — Вестник обществ. наук. АН АрмССР, 1984, № 4, с. 58—67. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
676. *Урушадзе А. В.* Страна волшебницы. Медеи. Тбилиси: изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984, 23 с. [Текст паралл. на русск. и англ. яз.]
677. *Фролов Б. А.* Начало первобытной символики (По материалам изучения древнейших культур Армении и сопред-

- дельных территорий).— Историко-филологический журнал АрмССР, 1984, № 1, с. 54—66. [Рез. на арм. яз.]
678. Цихегоджи-Никалакеви. Закария П. П., Ломоури Н. Ю., Левкинадзе В. А., Гвинчидзе П. О. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984, 80 с., илл. [На груз. яз.]
679. Чхаидзе Л. В. Материалы Гонио-Апсара эпохи эллинизма.— В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 12. Тбилиси, 1983, с. 87—94. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
680. Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми: Алашара, 1984, 99 с., илл.
- См. также № 167, 182, 526.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ *

681. Абдуллаев А. Отчет о работе Яванского археологического отряда за 1978 г., в № 684, с. 88—101.
682. Абдуллаев К. Зооморфная ручка с городища Старого Термеза.— Обществ. науки в Узбекистане, 1984, № 4, с. 44—45.
683. Археологические работы в Таджикистане. 1977 г. Вып. XVII. Ин-т истории АН ТаджССР. Душанбе: Дониш, 1983, 316 с.
684. Археологические работы в Таджикистане. 1978 г. Вып. XVIII. Ин-т истории АН ТаджССР. Душанбе: Дониш, 1984, 376 с.
685. Атаханов Т. М., Радилловский В. В. Археологическое исследование городища Калаи Шодмон в 1978 г., в № 684, с. 146—155. Найдено большое количество кушанской керамики.
686. Вайнберг Б. И., Юсупов Х. Ю. О фортификационных особенностях парфянской крепости Игда-кала на Узбое.— В сб.: Памятники Туркменистана, 1984, № 1, с. 23—25. [Рез. на англ. яз.]
687. Вдовин В. Ю. Хумы Южного Туркменистана парфянского и сасанидского времени (парфиены и апаварктикены).— В кн.: Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 1984, с. 80—95.
688. Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г., в № 683, с. 56—79.
689. Гамкрелидзе А. Ш. О некоторых аспектах социально-экономического строя Парфянского государства.— Изв. АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1984, № 4, с. 46—57.
690. Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы, в № 422, с. 99—107. [Рез. на англ. яз., с. 134.]
691. Гутльев Г. Работы в Чарджоуской и Ашхабадской областях, в № 421, с. 487—488. Имеются находки позднекушанского времени.
692. Денисов Е. П. Работы в Ленинградском и Дангаринском районах, в № 683, с. 86—94. Обнаружен нумизматический материал.
693. Денисов Е. П. Раскопки могильника ксиров в Дангаринском районе в 1978 г., в № 684, с. 131—138.
694. Долгоруков В. С. Оборонительные сооружения Дильберджина, в № 696, с. 58—92. [Рез. на франц. яз.]
695. Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л.: Наука, 1983, 112 с. Рец.: Максименко Г. А.— СА, 1985, № 2, с. 290—294.
696. Древняя Бактрия. Материалы Советского-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука, 1983, 152 с. [Рез. на франц. яз.]
697. Заднепровская Т. Н., Заднепровский Ю. А. Основная современная советская литература по археологии эпохи раннего железа Средней Азии и Казахстана (1959—1982 гг.).— В кн.: Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984, с. 97—122.
698. Зеймаль Е. В. Работы Гиссарского отряда в 1978 г., в № 684, с. 139—145.
699. Зеймаль Е. В. Раскопки в окрестностях Шахринау, в № 683, с. 80—85. Кушаны.
700. Исаков А. И. Работы Косатарошского отряда в 1977 г., в № 683, с. 210—224. Имеется античный материал.
701. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган: стратиграфия и периодизация. Ин-т археологии АН УзССР. Ташкент: Фан, 1984, 160 с., илл.
702. Кабанов С. К. Терракоты из раскопок на Афрасиабе.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1984, вып. 19, с. 72—80.
703. Ким О. А. Древний город Средней Азии (К вопросу о его формировании), в № 58, с. 53—58.
704. Кругликова И. Т. Буллы из Джигатепе, в № 696, с. 141—151. [Рез. на франц. яз.]
705. Кругликова И. Т. Десять лет работы Советско-Афганской экспедиции.— КСИА, 1984, вып. 180, с. 45—52.
706. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии: погребальный обряд. Ин-т востоковедения АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша. М.: Наука, 1984, 237 с. Рец.: Соловьев В. Такая загадочная кушанская эпоха.— Коммунист Таджикистана, 1984, 28 окт.
707. Майстренко С. А. Функциональные особенности каменных орудий из Алты-депе (по раскопкам 1980 г.).— Изв. АН ТаджССР, сер. обществ. наук, 1984, № 5, с. 89—92. [Рез. на англ. яз.]
708. Мандельштам А. М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии, в № 549, с. 173—177.
709. Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыч (Некоторые итоги и перспективы), в № 695, с. 25—33.

* Работы по истории Средней Азии в указателе включены выборочно. См. также раздел III.

710. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975, 228 с., илл., табл., рис.
711. *Массон В. М.* Археологические работы на новостройках и изучение древних культур, в № 695, с. 3—9.
712. *Никоноров В. П.* Падение Парфянской державы (конец II — начало III в. н. э.). — Памятники Туркменистана, 1984, № 1, с. 28—30.
713. *Пидаев Ш. Р.* Керамика Джига-Тепе из раскопок 1976 г., в № 696, с. 112—124. [Рез. на франц. яз.]
714. *Пилипко В. Н.* Поселение раннежелезного века Гарри-Кяриз I. — В кн.: Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984, с. 28—53.
715. *Пичикян И. Р.* Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г., в № 684, с. 102—115.
716. *Пичикян И. Р.* Раскопки Каменного городища в 1977 г., в № 683, с. 95—109. Кушаны.
717. *Пугаченко Г.* Позднеантичная живопись Бактрии-Тохаристана: тенденции и стиль. — В кн.: Из истории живописи Средней Азии. Ташкент, 1984, с. 87—113.
718. *Пугаченко Г. А.* Работы Мианкальской группы, в № 421, с. 480—482.
719. *Пугаченко Г. А.* Раскопки южных городских ворот Дильберджина, в № 696, с. 93—111. [Рез. на франц. яз.]
720. *Пугаченко Г. А.* Халчаня. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966, 287 с., илл.
721. *Пьянков И. В.* Аскатаки-скифы и восточные каспии. — Памироведение, 1984, вып. 1, с. 107—120.
722. *Пьянкова Л. Т., Алексин В. А.* Советско-Французский симпозиум «Археология древнейшей Бактрии». — СА, 1984, № 4, с. 307—312.
723. *Савчук С. А.* Керамическая печать из Дальверзин-тепе с изображением Гиппокампа. — СА, 1984, № 3, с. 212—213.
724. *Савчук С. А.* Предметы малого искусства из Кампыр-тепа. — Обществ. науки в Узбекистане, 1984, № 7, с. 39—41. Кушанская Бактрия.
725. *Саддуллаев А. С.* О культурных связях Северной Бактрии с областью Чаचा до середины I тыс. до н. э. — Сб. научн. тр. Ташк. гос. ун-та, 1983, № 707, с. 3—9.
726. *Сарианиди В. И.* Бактрия сквозь мглу веков. М.: Мысль, 1984, 159 с., илл.
727. *Седов А. В.* Разведки и раскопки в Бешкентской долине, в № 683, с. 110—119. Кушаны.
728. *Сердитых З. В.* Полис в структуре Греко-Бактрийского государства, в № 58, с. 45—48. На материале Ай-Ханум.
729. *Ставиский Б. Я.* Раскопки Кара-тепе в Старом Термезе, в № 421, с. 482—483.
730. Топрак-кала. Дворец. Ин-т этнографии АН СССР. М.: Наука, 1984, 303 с., илл. Рец.: *Аскарлов А. А.* — Обществ. науки в Узбекистане, 1985, № 2, с. 65—66.
731. *Филанович М. И.* Раскопки в Ташкенте, в № 421, с. 483—484.
732. *Ягодин В. Н.* Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии, в № 696, с. 33—57. [Рез. на франц. яз.]
733. *Яйленко В. П.* Древнегреческая поэзия Бактрианы. — В кн.: Научная конференция «Проблемы культуры и искусства Афганистана». Тезисы докладов. М., 1982. См. также № 160, 163, 171, 177, 178, 579, 672.

Сост. И. Е. Борщ

ДОПОЛНЕНИЕ К УКАЗАТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1933 г.

(ВДИ, 1985, № 4, с. 213)

473. *Железчиков Б. Ф.* Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья в VI в. до н. э. — I в. н. э., в № 478, с. 48—60.
474. *Житников В. Г.* Эволюция строительных комплексов Елизаветовского городища, в № 355, с. 64—67.
475. *Засецкая И. П.* Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V в. н. э.), в № 478, с. 70—84.
476. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Институт археологии АН УССР. Киев: Наукова думка, 1983, 379 с., илл.
477. *Ильинская В. А.* Скифы и Кавказ (тезисы доклада), в № 348, с. 55—56. [Рез. на англ. яз., с. 101] Доклад на Всесоюзном симпозиуме «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры». Ленинград, февраль 1979 г.
478. История и культура сарматов. Межвузовский науч. сб. Саратов: изд-во СГУ, 1983, 144 с., илл.
479. *Каменецкий И. С.* Код для описания погребального обряда. — В кн.: Древности Дона. М. Наука, 1983, с. 224—250.
480. *Колтузов С. Г.* Кивжал из некрополя Неаполя Скифского. — СА, 1983, № 2, с. 222—224.
481. *Колтузов С. Г., Пуздровский А. Е.* Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя Скифского, в № 354, с. 149—153.
482. *Копылов В. П.* Типы семьи у населения дельты Дона и их развитие в V—IV вв. до н. э., в № 355, с. 67—73. По материалам Елизаветовского курганного могильника.
483. *Костенко В. И.* Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья. — В кн.: Древности Степного Поднепровья в III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1982, с. 69—75.
484. *Кригер В. А.* Сарматские курганы левобережья нижнего течения реки Урал, в № 478, с. 103—114.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ПАМЯТИ С. Я. ЛУРЬЕ (1891—1964)

30 октября 1984 г. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР состоялись чтения памяти широко известного ученого, исследователя античной истории и культуры Соломона Яковлевича Лурье (в связи с 20-летием со времени его смерти). Было прочитано пять докладов, либо непосредственно посвященных научной деятельности С. Я. Лурье, либо связанных с тематикой и приемами его исследований.

А. И. Злыцев (кафедра классической филологии ЛГУ) сделал сообщение «Труды С. Я. Лурье в области истории античной философии». Докладчик отметил, что С. Я. Лурье еще в 1916 г. заинтересовался только что опубликованными новыми папирусными отрывками софиста Антифонта, затем от Антифонта перешел к изучению философии Демокрита, и это стало на всю жизнь одним из центральных направлений его научного творчества. Докладчик подчеркнул значение подготовленного С. Я. Лурье и вышедшего посмертно наиболее полного и комментированного собрания фрагментов Демокрита (греческий текст, перевод, комментарий). В заключение А. И. Злыцев указал на непреходящую актуальность трудов С. Я. Лурье, обосновавшего, в частности, взгляд на Демокрита как на вершину развития античного материализма и показавшего недостоверность позднейших свидетельств, приписавших Демокриту представление о божественности атома.

Об исследованиях С. Я. Лурье по истории Ближнего Востока в древности шла речь в докладе *А. К. Глазриловой* (ЛОИИ СССР). Работы С. Я. Лурье, посвященные этой тематике (их около 30), содержат весьма разнообразный материал: анализ социальных идей раннего христианства, толкование отдельных мест Ветхого и Нового Завета, рассмотрение палестинских надписей и египетских папирусов, обзор и анализ проблем, связанных с историей диаспоры, и др. Вопросы эти занимали С. Я. Лурье в течение всей его жизни, хотя с середины 30-х по середину 50-х годов, в пору работы над Демокритом и историей античной математики, публикаций на эту тему не было. Работы С. Я. Лурье, связанные с библеистикой в широком смысле слова, тесно переплетаются с другими его исследованиями в отношении ведущих идей, метода и научного стиля памятников древности.

В докладе *Э. Д. Фролова* (кафедра истории древней Греции и Рима ЛГУ) «Эйсимнегия — „выборная тирания“» рассматривался вопрос об исторических корнях и значении архаической эйсимнегии. Истоки институционализированной эйсимнегии восходят, по-видимому, к древнейшей доисторической поре. Эйсимнеги — судьи в любом агоне, позднее могли стать своего рода правителями, а в архаическое время выполняли функции посредников в период смут. Неубедительны попытки некоторых современных исследователей поставить под сомнение историчность эйсимнегии — «выборной тирании» (по словам Аристотеля). Ее историчность подтверждается как существованием эйсимнегии в качестве ординарной магистратуры в позднейшее — классическое и эллинистическое время, так и теми ее глубокими корнями, которые через микенское время прослеживаются до первобытной древности.

Важную роль в кумулятивном развитии научного знания играет передача не только результатов, но и приемов исследования. Доклад *Д. В. Панченко* (ЛОИИ СССР) «„Брахманы-пифагорейцы“ Кампанеллы» представлял собой опыт применения руди-

ментарного метода, систематически используемого в «Истории античной общественной мысли» С. Я. Лурье. Анализ античной традиции показывает, что основанием для ассоциации брахманов с пифагорейцами послужили сообщения о приверженности тех и других к вегетарианству и учению о метемпсихозе. Между тем граждане Города Солнца Кампанеллы, охарактеризованные как «брахманы-пифагорейцы», считают метемпсихоз возможным лишь в исключительных случаях, а о вегетарианстве Кампанелла говорит как об установлении, от которого они со временем отказались. Следовательно, образ брахманов-пифагорейцев, основавших идеальное государство, должен был сложиться значительно раньше, чем замысел литературной утопии получил письменное воплощение. Ряд деталей в тексте «Города Солнца» позволяет реконструировать в общих чертах ранний этап замысла Кампанеллы и обогатить наше представление об эволюции Кампанеллы в годы его идейного становления.

Л. Я. Лурье (Государственный музей истории Ленинграда) выступил с сообщением «С. Я. Лурье как исследователь карательной политики царизма». В 1917—1918 гг. С. Я. Лурье работал над разбором дел бывшего Департамента полиции. Эти занятия дали ему материал для большого очерка «„В старое доброе время“ (из архива б. Департамента полиции)», опубликованного пятью фельетонами летом 1918 г. в могилевской газете «Эхо», фактическим редактором которой являлся сам С. Я. Лурье. Этот очерк, не характерный для С. Я. Лурье по тематике, отличается, как и другие его работы, ясностью композиции, точностью в постановке исследовательских вопросов и раскрывает еще одну сторону его научной деятельности — публицистическую.

Д. В. Панченко

* * *

13 января 1986 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков Львовского гос. университета им. Ив. Франко состоялось расширенное заседание, приуроченное к 95-летию со дня рождения профессора С. Я. Лурье. В заседании приняли участие также члены кафедры классической филологии университета, кафедры латинского языка Львовского медицинского института, сотрудники отделения философии Института общественных наук АН УССР, а также преподаватели других вузов.

Во вступительном слове *Ю. М. Гроссман* уделил внимание тому большому вкладу, который С. Я. Лурье внес в советское антиковедение и в воспитание специалистов. С докладом «Львовский период научной и педагогической деятельности С. Я. Лурье» выступил *И. У. Кобов* (Львов). Докладчик подчеркнул, что 50—60-е годы — время работы С. Я. Лурье в Львовском гос. университете — были для него периодом творческого расцвета. Кроме множества статей, напечатанных в советской и зарубежной научной периодике, С. Я. Лурье были изданы такие книги, как «Язык и культура микенской Греции» (1957) и пособие для студентов «Основы исторической фонетики греческого языка с учетом языка микенских надписей» (1961), завершено монументальный труд «Демокрит» (изданный посмертно в 1970 г.), содержащий собрание всех дошедших до нас текстов с переводом, комментариями и исследованиями автора-составителя. Кроме того, был опубликован ряд научно-популярных книжек для младших школьников («Письмо греческого мальчика» на украинском языке, «Заговорившие таблички», книжка об Архилохе «Неугомонный», совместно с М. Н. Ботвинником — «Путешествия Демокрита»). С. Я. Лурье вел большую педагогическую и воспитательную работу: руководил аспирантами, эпиграфической практикой студентов отделения классической филологии; благодаря его инициативе в 1959 г. был основан научный ежегодник «Питання класичної філології» («Вопросы классической филологии», к настоящему времени вышло 20 выпусков), сплотивший вокруг себя многих античников.

С воспоминаниями о С. Я. Лурье выступили его ученики — *В. П. Маслюк*, *А. А. Содомора*, *С. Я. Шарыпкин*, *М. И. Кузьма-Врублевская*, *И. А. Лисовой* (Львов), *Б. Б. Виц* (Гродно) и *В. В. Чолач* (Тернополь). Были зачитаны воспоминания

Я. С. Лурье (Ленинград) и *Э. И. Соломоник* (Симферополь). Свои воспоминания прислали *В. Г. Борухович* (Саратов), *М. Н. Ботвинник* (Ленинград), *М. Ф. Резникова* (Харьков) и *В. А. Гринюк* (Петропавловск Камчатский).

Научные доклады и сообщения были посвящены проблемам античной истории и культуры. *Б. Б. Виц* в докладе о социально-политических взглядах Демокрита подчеркнула, что большую работу по исследованию упомянутой проблемы проделал *С. Я. Лурье*. По ее мнению, приверженность к идеалу *ισονομία* (равноправие) и демократические взгляды Демокрита выражены в его прямом высказывании в пользу демократии, об этом же свидетельствует ряд косвенных высказываний, а также его демократическая теория воспитания. Его «лучшие» (только выборные) должностные лица — это не «знатные», а люди мудрые и «справедливые». Опубликованная в 1976 г. *П. Германом* новая копия теосской надписи Syll.³ 37,38 (ок. 470 г. до н. э.) подтвердила предположение *С. Я. Лурье* о единстве законов Теоса и его колонии Абдер. Она, однако, доказывает не «умеренный», а широкий характер абдерской демократии, идеологом которой был Демокрит. *Б. Б. Виц* высказала предположение, что к концу жизни Демокрита его взгляды эволюционируют в сторону сочувствия угнетенным.

В сообщении *С. Я. Шарыпкина* «С. Я. Лурье и лингвистические проблемы микенологии» был дан обстоятельный анализ работ *С. Я. Лурье* и показан весомый вклад ученого в исследуемую проблему.

Функциональный статус термина «*optimates*» в политических трактатах Цицерона «О республике» и «О законах» рассмотрела *Л. М. Глуценко* (Львов). Она раскрыла его содержание на основании всестороннего изучения творческого наследия римского оратора и обобщения трудов советских ученых.

Доклад *И. А. Лисового* «Античная эпиграфика в ЧССР» был посвящен развитию эпиграфических исследований в Чехословакии начиная с прошлого века. Особенно много внимания уделяли эпиграфисты ЧССР изучению и публикации надписей в последние десятилетия — 50—70-е годы. Так, публикацию латинских надписей, выявленных на территории Словакии, осуществили *И. Чешка* и *Р. Гошек* (1967), а античных надписей из коллекции Пражского университета — *В. Марек* (1977). Результатом многолетней деятельности *Л. Видмана* было издание фастийской муниципальной хроники (1957, 1982), а также сборника греческих и латинских надписей о культуре Исиды и Сераписа (1969). Определенный вклад внесли эпиграфисты ЧССР и в подготовку «Корпуса греческих надписей» (*Я. Печирка*) и «Корпуса латинских надписей» (*Л. Видман*).

Исторический анализ проблемы «В. Я. Брюсов и античное культурное наследие» представил *С. П. Качараба* (Львов). Отдавая должное работам советских ученых (*Э. С. Литвин*, *М. Л. Гаспаров* и др.), автор наметил пути дальнейших исследований проблемы.

В заключение старший библиограф научной библиотеки Львовского гос. университета *В. Н. Кутик* рассказал о подготовке библиографического справочника о *С. Я. Лурье*.

Ю. М. Гроссман, И. А. Лисовой

ПРИЛОЖЕНИЕ

M. TULLII CICERONIS
PRO L. FLACCO ORATIO

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
РЕЧЬ В ЗАЩИТУ Л. ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

Перевод с латинского и комментарии В. О. Горенштейна

В 59 г., в первый консулат Г. Юлия Цезаря, у власти стояли объединившиеся в политический союз Цезарь, Помпей и Красс (так называемый первый триумvirат). Цицерон, уклонившийся от этого союза, отошел от государственной деятельности и ограничился выступлениями в суде, носившими и политический характер. Так, он дважды защищал А. Минуция Ферма, сторонника оптиматов, и добился его оправдания. Он защищал своего коллегу по консулату Г. Антония Гибриду, который в 63—62 гг. руководил военными действиями против Катилины и по окончании проконсулата в Македонии был привлечен к суду.

Л. Валерий Флакк принадлежал к патрицианскому роду Валериев, из которого, по преданию, вышел П. Валерий Попликола (согласно традиции — первый консул Рима после изгнания царей). Его отец, Л. Флакк, был консулом в 86 г. и отправился на Восток, на войну против Митридата VI Евпатора и для борьбы с Суллой; в начале 85 г. он после неудачной попытки возмутить войска Суллы был убит своими солдатами.

Обвиняемый в деле 59 г. Л. Валерий Флакк в 86 г. участвовал в походе в Азию под началом отца, в 83 г. — в походе в Галлию под началом дяди, Г. Валерия Флакка; в 78 г. был военным трибуном у проконсула П. Сервилия Ватии, успешно действовавшего против пиратов в Киликии; затем в Испании он был квестором пропретора

М. Пупия Писона Кальпурниана, а в 68—67 гг.— легатом Кв. Цецилия Метелла во время войны на Крите, после которой Крит стал римской провинцией. В 63 г. претор Л. Флакк участвовал в раскрытии заговора Катилины, арестовав на Мульвиевом мосту послов аллоброгов и захватив имевшиеся у них письма, содержавшие улики против заговорщиков.

В 62 г. Л. Флакк был пропретором провинции Азии; в 61 г. его сменил Кв. Цицерон. В начале 59 г. Флакк был обвинен в разграблении провинции и привлечен к суду, скорее всего на основании Сервилиева закона о вымогательстве, проведенного в 104 г. плебейским трибуном Г. Сервилием Главдией. Обвинителем Л. Флакка был Д. Лелий, субскрипторами (вторыми обвинителями) — Г. Апулей Дециан и некий Цетра (имя искажено). Лелий расследовал обстоятельства дела на месте, для чего выезжал в Азию; он привез оттуда свидетелей против Флакка. Председателем суда был Т. Веттий (Вектий). Начатый по обвинению в вымогательстве процесс против Л. Флакка, участника подавления движения Катилины, при цезарианцах в качестве обвинителей превращался в политический процесс, направленный против Цицерона, консула 63 г., и против оптиматов.

Цицерон защищал Флакка вместе с выдающимся оратором Кв. Гортенсием Горталом, который говорил первым. Речь Цицерона дошла до нас неполностью; возможно, что она была им сокращена впоследствии и составлена из отдельных выступлений оратора при втором слушании дела: 1) из речи, произнесенной перед вторым допросом свидетелей (§ 1—27); 2) из ряда кратких выступлений, прений с обвинителем (альтеркация) при допросе каждой группы свидетелей (§ 28—69); 3) из ответа Цицерона Дециану (§ 70 сл.). Возможно также, что опубликованная Цицероном речь представляет собой действительно произнесенную речь, прерывающуюся допросом свидетелей и чтением документов.

Суд оправдал Л. Флакка.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЛУЦИЯ ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

I. Когда я, среди величайших испытаний для нашего Города и державы, при необычайно тяжелом положении государства¹, имея в лице Луция Флакка союзника и помощника, разделявшего со мною решения и опасности, спасал от резни вас и ваших жен и детей, спасал от разорения храмы, святилища, Город, Италию, то я надеялся, судьи, способствовать возвеличению Луция Флакка, а не ходайтствовать о его забывлении от несчастий. И право, в какой из почетных наград римский народ, всегда предоставлявший их предкам Луция Флакка, отказал бы ему самому, после того как он заслугами своими перед государством почти через пять столетий обновил древнюю славу Валериева рода, некогда заслуженную им при освобождении отечества². (2) И если бы вдруг нашелся человек, который стал бы либо умалять его заслуги, либо враждебно относиться к его доблести, либо завидовать его славе, то для Луция Флакка, по моему мнению, было бы лучше подвергнуться суду несведущей толпы,— впрочем, без всякой опасности для себя,— чем суду мудрейших и избранных мужей³. И право, я никогда не думал, что кто-нибудь станет создавать опасности и злоумышлять против высокого положения Луция Флакка при посредстве тех самых людей, которые тогда положили основания и защитили благополучие не одних только своих сограждан, но и других народов⁴. И даже если бы

¹ Имеется в виду заговор Катилины. Ср. Цицерон, К близким, V, 2, 8 (14); Саллюстий, «Катилина», 42.

² По преданию, в 509 г., после изгнания царей, первыми консулами были Луций Юний Брут и Тарквиний Коллатин; в том же году последнего сменил Публий Валерий Попликола (Публикола), предок обвиняемого (см. ниже XI, 25).

³ Возможно, имеется в виду голосование в консульских комициях. Оратор противопоставляет его решению суда в составе 25 сенаторов, 25 римских всадников и 25 эврных трибунов.

⁴ Цицерон вначале приписывал заслугу подавления заговора Катилины лично себе; впоследствии, когда положение изменилось не в его пользу, он стал говорить, что действовал, следуя воле сената (ср.: В защиту Суллы, 21; О доме, 50; 94; В защиту Сестия, I; 144; Против Писона, 7; Филиппика II, 11).

кто-нибудь замыслил когда-либо погубить Луция Флакка, я все же никогда не подумал бы, судьи, что Децим Лелий, сын честнейшего мужа, сам надеющийся достигнуть высшего почета, возьмет на себя подобное обвинение, какого скорее можно было бы ожидать от ненависти и бешенства преступных граждан, а не от его доблести и образования, полученного им в юности. И право, часто видя, что прославленные мужи отказывались от вполне оправданной вражды к гражданам с заслугами, я никогда не думал, что какой-либо друг нашего государства, после того как преданность Луция Флакка отечеству стала очевидной, неожиданно проявит к нему вражду, отнюдь не будучи им оскорблен. (3) Но так как мы во многом ошиблись, судьи,— и в своих личных делах, и в государственных,— то мы и терпим то, что должны терпеть. Я прошу вас об одном: помнить, что все устои государства, весь государственный строй, вся память о прошлом, наше благополучие в настоящем, надежды на будущее — все это в вашей власти и всецело зависит от вашего голосования, от одного этого приговора. Если государство когда-либо умоляло судей проявить проницаемость, строгость, мудрость и осмотрительность, то оно особенно горячо умоляет вас об этом в настоящее, да, в настоящее время.

II. Вам предстоит вынести приговор не о государстве лидийцев или мисийцев, или фригийцев, которые пришли сюда по наущению или по принуждению, но о своем собственном государстве, о положении граждан, о всеобщем благополучии, о надеждах всех честных людей,— если только осталась какая-то надежда, которая даже теперь смогла бы укрепить в стойких гражданах их образ мыслей и их убеждения; все другие прибежища для честных людей, оплот для невиновных, устои государства, мудрые решения, средства помощи, права — все это уничтожено. (4) Кого же призывать мне, кого заклинать, кого умолять? Сенат ли? Но он сам просит вас о помощи и понимает, что укрепление его авторитета поручено вашей власти. Или римских всадников? Но ведь вы, пятьдесят человек, первые в этом сословии, вынесете такой приговор, который выразит мнение всех остальных. Или римский народ? Но именно он передал в ваши руки власть над честными людьми. Поэтому, если мы на этом месте, если мы перед вашим лицом, если мы при вашем посредстве, судьи, не сохраним не авторитета своего, уже утраченного нами, но самогo своего существования, висящего на волосок, то у нас уже не останется прибежища. Или вы, судьи, быть может, не видите, к чему клонится этот суд, о чем идет дело, для какого обвинения выкладываются основания? (5) Осужден тот, кто уничтожил Катилину, дошедшего войной на отечество⁵. Как же не бояться тому, кто изгнал Катилину из Города?⁶ Влекут, чтобы покарать того, кто добыл улики посягательства на ваше существование. Как же быть спокойным за себя тому, кто постарался их найти и раскрыть? Преследованию подвергаются участники принятых решений, их помощники и слутники. Чего не ожидать для себя зачинателям, начальникам, руководителям? О, если бы недруги мои и всех честных людей вместе со мною... (*лакуна*), то неизвестно, кем были бы тогда все честные люди: предводителями ли или же соратниками моими в деле сохранения всеобщего благополучия...

(Фрагменты, сохраненные схоластиком из Боббио)

(1) Он предпочел сказать: удалены.

(2) Чего пожелал для себя мой близкий друг Цетра?

(3) Что же Дециан?

(4) О, если бы слава принадлежала мне! Итак, сенат большинством...

(5) Бессмертные боги! Повторяю, Лентула...

(Миланский фрагмент)

(6) ... посторонним, когда его частная жизнь и его характер известны. Поэтому я не допущу, чтобы ты, Децим Лелий, присваивал себе это право и навязывал этот закон и положение другим людям на будущее, а нам на настоящее время ... (*лакуна*). Когда ты заклеишь юность Луция Флакка, когда ты представишь в позорном виде последующие годы его жизни, когда ты докажешь растрату им своего состояния, его постыдные личные дела, его дурную славу в Городе, его

⁵ Гай Антоний Гибрида, коллега Цицерона по консулату 63 г., разбивший войска Катилины под Писторией в январе 62 г.

⁶ Сам Цицерон (ср. Против Катилины, I).

пороки и гнусные поступки, как нам говорят совершенные им в Испании, Галлии, Калликки, на Крите — в провинциях, где он был у всех на виду, — только тогда станем мы слушать, что думают о нем жители Тмола и Лоримы⁷. Но Луция Флакка, которому желают оправдания столь многочисленные и столь важные провинции, которого очень многие граждане из разных областей Италии, связанные с ним давней дружбой, защищают, которого наше общее отечество держит в объятиях, памятуя о его недавней великой услуге, я (даже если вся Азия потребует его выдачи для казни) буду защищать и дам отпор. Что же? Если Азия — не вся, не наилучшая, не безупречная ее часть и притом не добровольно, не по праву, не по обычаю, не искренно, а под давлением, по наущению, по внушению, по принуждению, бессовестно, опрометчиво, из алчности, по нестойкости — обратилась в этот суд при посредстве жалких свидетелей, причем сама она никакой справедливой жалобы на беззакония заявить не может, — то все же, судьи, уничтожат ли эти свидетельские показания, относящиеся к короткому времени, доверие к обстоятельству, признанным всеми и относящимся к продолжительному времени? Итак, я как защитник буду держаться следующего порядка боевых действий, обращающих врага в бегство: я буду теснить и преследовать обвинителя и, кроме того, потребую, чтобы противник обвинял открыто. Ну, что, Лелий? Разве что-нибудь... (*лакуна*). Проводил ли он время в тени деревьев и в занятиях науками и искусствами, свойственными этому возрасту? Ведь он еще мальчиком отправился на войну вместе с отцом-консулом. Без сомнения, даже ввиду этого кое-что... так как подозрение...

(Фрагменты, сохраненные схолиастом из Боббио)

- (1) Но если ни распущенность Азии ... на самый нестойкий возраст ...
- (2) С этих лет он присоединился к войску своего дяди Гая Флакка.
- (3) Выехав как военный трибун с Публием Сервилием, достойнейшим и неподкупнейшим гражданином....
- (4) Удостоенный самых лестных отзывов с их стороны, он был избран в квесторы.
- (5) При Марке Писоне, который сам заслужил бы прозвище «Фруги», если бы не получил его от предков⁸.
- (6) Он же начал новую войну и завершил ее.
- (7) Выданный не свидетелям из Азии, а лагерным товарищам обвинителя.

(Фрагменты, сохраненные писателями)

- (8) Какова должна быть, по вашему мнению, его преданность римскому народу, какова должна быть его верность?
- (9) ... прирожденная ничтожность и приобретенное чванство.

(Фрагменты, сохраненные Николаем Кузанским)

- (10) Человека храбрейшего и многоопытного обманщика...
- (11) Что, кроме произвола, кроме наглости, кроме бессмыслицы, содержат ваши свидетельские показания, когда свидетельницей в пользу храбрейшего и виднейшего мужа является сама победа?
- (12) ... и немалую доблесть в военном деле, судьи!
- (13) Я защищаю храброго и выдающегося человека, сильного духом, необычайного усердия и величайшего благоразумия.
- (14) ... смолоду участвовавшего во многих различных войнах, прежде всего отличного начальника и человека — если говорить правду — телом и душой, стремлениями и привычками рожденного и призванного к военным делам и к военному искусству.
- (15) Предки наши, судьи, были так убеждены в необходимости оберегать таких людей, что защищали их не только тогда, когда они почему-либо навлекли на себя ненависть, но и тогда, когда они действительно были виноваты. Поэтому они обыкновен-

⁷ Жалобы жителей Тмола и Лоримы ниже не рассматриваются. Возможно, что о них уже высказался Кв. Гортенсий.

⁸ Первым Кальпурнием Писоном, получившим прозвище «Ф уги» (честный), был Луций Кальпурний Писон, плебейский трибун 149 г.

но не только награждали таких людей за их успешные действия, но и оказывали им снисхождение после их проступков.

- (16) Встаньте, прошу вас, честнейшие люди и храбрейшие посланцы весьма уважаемой и прославленной гражданской общины, отразите — во имя бессмертных богов! — клятвопреступления и оскорбления со стороны тех, чьи копья вы так часто отражали.
- (17) Человек, отмеченный всеми украшениями доблести и славы, который, мне кажется, как образец древней строгости нравов и как напоминание о старине сохраняется в нашем государстве по воле богов.

* * *

III. (6) Итак, с какими же доводами ты, Лелий, нападаешь на этого мужа? Он был под началом императора Публия Сервилия⁹ в Киликии военным трибуном; об этом умалчивают. Он был у Марка Писона квестором в Испании; о его квестуре не сказано ни слова. В войне на Крите он принимал деятельное участие и вынес на своих плечах ее бремя вместе с выдающимся императором¹⁰; но и насчет этого обвинение немо. Его судебной деятельности как претора, разнообразной по содержанию и дающей много поводов для подозрений и неприязни, не касаются, а ведь его претурю, совпавшую с опаснейшими для государства событиями¹¹, восхваляют даже его недруги. «А вот свидетели, — говорите вы, — ее порицают». Прежде чем говорить о том, какие это свидетели, какие надежды, чье влияние, какие побуждения привели их сюда, сколь они ничтожны, сколь они бедны, сколь они вероломны, сколь они наглы, я выскажусь о них вообще и о положении, в каком все мы находимся. Во имя бессмертных богов! И вы, судьи, о том, как человек, год назад творивший суд в Риме, годом позднее творил его в Азии, станете расспрашивать неизвестных вам свидетелей, а сами путем сопоставлений ничего не будете решать? При таком разнообразии судебных дел выносятся так много решений, бывает так много обиженных влиятельных людей. Было ли когда-нибудь высказано против Флакка, уже не говорю — подозрение (оно обыкновенно все же бывает ложным), нет, хотя бы единое слово гнева или боли? (7) И в алчности обвиняется тот, кто, занимая доходнейшую должность, отказался от позорного стяжания, а в злоречивейшей гражданской общине, при занятии, очень легко навлекающем подозрения, избежал всякого злоречия, уже не говорю — обвинений? Обхожу молчанием то, чего не следует обходить: невозможно указать хотя бы одно проявление алчности в частной жизни Луция Флакка, хотя бы один спор из-за денег, хотя бы один низкий поступок в делах имущественных. На основании чьих же свидетельских показаний, если не на основании ваших, смогу я опровергнуть заявления этих людей? (8) И этот деревенский житель из Гмола, человек, неизвестный, уже не говорю, — у нас, но даже и у своих земляков, станет вам указывать, каков Луций Флакк, в котором вы оценили скромнейшего юношу, важнейшие провинции — неподкупного мужа, ваши войска — храбрейшего солдата, заботливейшего начальника, бескорыстнейшего легата и квестора, каков Луций Флакк, которого вы, здесь присутствующие, признали непоколебимейшим сенатором, справедливейшим претором и преданнейшим государству гражданином?

IV. (9) Неужели насчет того, о чем вы сами должны быть свидетелями перед другими людьми, вы станете слушать других свидетелей? И каких! Прежде всего я скажу (и это относится к ним всем), что это — греки; говорю это не потому, чтобы я более чем кто-либо другой отказывал этому народу в доверии; ведь если кто-нибудь из ваших соотечественников, по своим стремлениям и склонностям, не чуждался этих людей, то

⁹ Император — во времена Республики почетное высшее военное звание. Титулом императора солдаты приветствовали полководца после решительной победы; он давал право на триумф. Публий Сервилий Ватия в 78 г. был проконсулом Киликии и боролся с пиратами; после триумфа получил прозвище «Исаврийский».

¹⁰ Консул 69 г. Кв. Цецилий Метелл завоевал Крит в войне 68—66 гг. и получил прозвище «Критский».

¹¹ Имеется в виду заговор Катилины.

это, полагаю, был именно я. И я был таким именно тогда, когда у меня было больше досуга. Итак, среди греков есть много честных, ученых, добросовестных людей, которых на этот суд не вызывали, но есть и много бессовестных, необразованных, ничтожных, которые привлечены сюда, как я вижу, из разных соображений. Так вот, о греках вообще я скажу следующее: я отдаю им должное в области литературы, признаю их познания во многих науках, не отказываю им в приятности речи, в остроте ума, в цветистости языка; наконец, если они приписывают себе что-нибудь еще, не возражаю и против этого; но добросовестностью и честностью в свидетельских показаниях народ этот не отличался никогда, и они не знают, какова сила, каково влияние, каково значение всех этих качеств. (10) Откуда известно выражение: «Обменяемся свидетельскими показаниями»? Разве его приписывают галлам или испанцам? Оно всецело относится к грекам, так что даже люди, не знающие греческого языка, знают, как это говорится по-гречески. Так взгляните же, с каким выражением лица, с какой самоуверенностью они говорят; вы тогда поймете, насколько добросовестны они как свидетели. Нам они никогда не отвечают на вопрос, обвинителю же — всегда больше, чем он спросил; они никогда не беспокоятся о том, как им доказать то, что они говорят, но всегда — о том, что им говорить, чтобы вывернуться из затруднительного положения. Марк Луркон¹² давал показания, будучи сердит на Флакка, так как, по его собственному признанию, его вольноотпущенник был осужден порочащим его приговором. Но Луркон не сказал ничего такого, что могло бы повредить Флакку, хотя и желал этого; ему помешала его совесть. С каким смущением, однако, давал он показания, как он дрожал, как бледнел! (11) Какой вспыльчивый человек Публий Септимий, как сердит был он на приговор своему управителю! И он все же колебался, и сознание долга все-таки порою боролось с его гневом. Марк Целий, бывший недругом Флакка за то, что он признал недопустимым для себя как откупщика выносить приговор откупщику во вполне ясном деле, был исключен Флакком из числа рекуператоров¹³; он все же сдержался и — если не говорить о его желании — не представил суду ничего такого, что могло бы повредить Флакку.

V. Если бы это были греки и если бы наши правила и воспитание не были сильнее, чем чувство досады и неприязни, то все они сказали бы, что были ограблены, истерзаны, лишены своего имущества. Свидетель-грек выходит вперед с желанием повредить и обдумывает не слова клятвы, а слова, какими он может повредить; по его мнению, самое позорное — проигрывать дело, когда тебя опровергают и изобличают; против этого он и готовится, ничто другое его не заботит. Поэтому свидетелями выбирают не честнейших и вполне достойных доверия, а самых бессовестных и самых речистых. (12) Вы же в суде по самому незначительному делу оцениваете свидетеля внимательно. Даже зная человека в лицо, его род, его трибу, вы все-таки находите нужным выяснить, каковы его нравственные правила. А когда наш гражданин дает свидетельские показания, то как сдержан он, как взвешивает все выражения, как боится сказать что-нибудь с пристрастием или гневом, сказать о чем-либо больше или меньше, чем необходимо! Неужели вы думаете, таковы же люди, в чьих глазах клятва — шутка, свидетельские показания — игра, всеобщее уважение — пустые слова, а заслуги, награда, милость, благодарность всецело зависят от бессовестной лжи? Но не стану затягивать свою речь; ведь она может быть бесконечной, если я захочу рассказать о легкости, с какой весь этот народ дает свидетельские показания. Итак, ближе к делу; я буду говорить об этих вот ваших свидетелях.

(13) Мы столкнулись с упорным обвинителем, судья, с недругом, во всем вызывающим ненависть к себе и неприятным; этим своим рвением он, надеюсь, принесет большую пользу и своим друзьям, и государству; но это дело и обвинение он, несомненно, на себя взял, движимый необычным пристрастием. Какая свита сопровождала его при расследовании! Я говорю «свита»; вернее, какое огромное войско! Какие расходы, какие затраты, какая расточительность! Хотя это и полезно для нашего дела, я все же говорю об этом робко, опасаясь, как бы Лелий не решил, что в том, что он взял на себя ради

¹² О свидетелях-римлянах; см. ниже 88 сл., 100.

¹³ Рекуператоры первоначально разрешали споры между римлянами и чужеземцами, в частности как провинциальные судьи; впоследствии их компетенция распространилась и на споры между римлянами в частных делах. Их коллегия состояла сначала из трех, затем из пяти и одиннадцати человек.

славы, я в своей речи искал основания для недоброжелательства к нему. VI. Поэтому оставляю все это в стороне; я только попрошу вас, судьи,— если до вас дошли молва и толки о насильственных, самочинных действиях, о применении оружия, о войсках, то вспомните это; ввиду негодования, вызванного всем тем, что я перечислил, этот недавно принятый закон установил определенное число спутников при расследовании. (14) Но — не буду касаться этих насильственных действий — как много совершенно поступков, порицать которые мы не можем, так как они совершены по праву обвинителя и в соответствии с обычаем, по сетовать на них мы все-таки вынуждены! Во-первых, во всей Азии распространились толки о том, что Гней Помпей, злейший недруг Луция Флакка, потребовал, чтобы Лелий, друг его отца и очень близкий ему человек, привлек Луция Флакка к этому суду, и обещал помочь Лелию для выполнения этой задачи всем своим авторитетом, влиянием, богатствами и средствами. Грекам это казалось тем более правдоподобным, что они недавно видели в этой же провинции, что Лелий был в дружеских отношениях с Флакком. Авторитет же Помпея, среди всех столь великий, сколь велик он и должен быть, исключителен в этой провинции, которую он недавно избавил от морских разбойников и от войны с царями¹⁴. К тому же тех, кто не хотел выезжать из дома, Лелий запугивал вызовом в качестве свидетелей; тех, кто не мог оставаться дома, он склонял к поездке большими и щедро предоставляемыми деньгами на дорогу. (15) Так этот сообразительный юноша воздействовал на богатых страхом, на неимущих — платой, на глупых — обманом; так были добыты эти великолепные решения, которые здесь читаются, объявленные не после обмена мнениями и не на основании подлинных данных, не скрепленные клятвой, а принятые поднятием рук, при криках возбужденной толпы.

VII. О, сколь прекрасны обычай и порядок, унаследованные нами от предков! Конечно, если бы их придерживались! Но они каким-то образом уже ускользают у нас из рук. Ведь наши предки, мудрейшие и неподкупнейшие мужи, повелели, чтобы народная сходка была лишена власти. Они повелели, чтобы те постановления, которые плебс должен был вынести или народ — принять, выносились или отвергались после роспуска сходки, после определения участков для голосования, после распределения сословий: разрядов и возрастов, по трибам и центуриям, после выступлений авторов закона, после промюльгации¹⁵ в течение многих дней ознакомления с вопросом. (16) Но в Греции гражданские общины управляются безрассудной толпой, сидящей на сходках. Итак,— не говорю о нынешней Греции, которая уже давно сражена и разорена своими же решениями,— даже древняя Греция, некогда процветавшая благодаря своим богатствам, владычеству и славе, пала из-за одного вот какого зла: неумеренной свободы и своеволия народных сходок. Всякий раз, когда в театре рассаживались неискушенные люди, необразованные и невежественные, они начинали бесполезные войны, ставили во главе государства мятежных людей, изгоняли из него граждан с величайшими заслугами. (17) И если это не раз случалось в Афинах тогда, когда они славились не только в Греции, но и чуть ли не среди всех народов, то какой сдержанности, по вашему мнению, можно ожидать от народных сходок во Фригии или в Мисии? Люди, принадлежащие к другим народностям, часто вносят беспорядок даже в наши сходки. Что же, по-вашему, бывает, когда они остаются одни? Некий Афинагор из Ким был высечен розгами за то, что осмелился вывезти зерно во времена голода; по требованию Лелия была создана народная сходка; Афинагор выступил и — грек перед лицом греков — не говорил о своей вине, а пожаловался на наказание. Они подняли руки — вот вам и решение. И это — свидетельские показания? Только что пообедав, незадолго до того насытившись всяческими подачками, пергамские сапожники и мастера по изготовлению поясов одобрили своим криком все, что было угодно Митридату¹⁶, державшему в своих руках эту толпу не своим авторитетом, а щедрой кормежкой. И это свидетельские показания гражданской общины? Я сам официально приво-

¹⁴ Имеются в виду военные действия Помпея против средиземноморских пиратов (67 г.) и против понтийского царя Митридата VI Евпатора.

¹⁵ Промюльгация — ознакомление римских граждан с законопроектом, для чего записи его текста выставлялись на форуме. Выше описывается порядок голосования в комициях.

¹⁶ Митридат Пергамский считался побочным сыном Митридата VI Евпатора. Впоследствии Цезарь назначил его тетрархом Галатии (см. ниже, 41).

зид свидетелей из Сицилии, но это были свидетельские показания не возбужденной толпы, а сената ¹⁷, давшего клятву. (18) Поэтому я не стану спорить с отдельными свидетелями; вам самим следует решить, возможно ли признать их слова свидетельскими показаниями.

VIII. Блестящий молодой человек знатного происхождения, речистый, приезжает с многочисленной и весьма нарядной свитой в греческий город и требует созыва народной сходки; людей богатых и влиятельных, дабы они против него не выступали, он запугивает вызовом в Рим для свидетельских показаний; неимущих и незначительных прельщает видами на поездку и денежным пособием на дорогу, а также своей личной щедростью. Что касается ремесленников и лавочников и всех этих подонков гражданских общин, то трудно ли натравить их, а особенно на того человека, который еще недавно был облечен высшим империем ¹⁸, но не смог списать высшего расположения именно из-за своего звания магистрата с империем. (19) Конечно, заслуживает удивления то, что те люди, которым ненавистны наши секиры ¹⁹, люди, у которых наше имя вызывает ожесточение, для которых пастбищный сбор, десятина, пошлины равносильны смерти, охотно хватаются за любую возможность нам повредить, какая им только представится! Итак, когда вы будете слушать предлагаемые решения, вспомните, что вы слышите не свидетельские показания, а голос безрассудства черни, что вы слышите голос ничтожнейших людей, слышите возбужденные выкрики, доносящиеся со сходки ничтожного народа. Поэтому тщательно изучите сущность и смысл обвинений; вы не найдете ничего, кроме одной только видимости, ничего, кроме запугивания и угроз.

IX. (20) Казна гражданских общин пуста, поступлений от сборов — никаких. Есть два способа добыть деньги: либо заем, либо подати. Книг заимодавца не предьявлено, о введении каких-либо податей не сообщают. Но с какой легкостью греки склонны составлять подложные отчеты и вносить в свои книги все, что им выгодно, ознакомьтесь, прошу вас, из письма Гнея Помпея к Гипсею ²⁰ и из письма Гипсея к Помпею. (Письма Помпея и Гипсея.) Не находите ли вы, что я на основании этих писем достаточно ясно доказал вам привычную разнузданность и бесстыдное своеволие греков? Или мы, быть может, поверим, что те, кто обманывал Гнея Помпея, и притом в его присутствии, обманывал его без внушения с чьей-либо стороны, оказались, по настояниям Лелия, боязливими и добросовестными по отношению к Луцию Флакку в его отсутствие? (21) Но допустим даже, что на местах записи не были подделаны; могут ли они теперь внушать к себе уважение и доверие? Ведь закон требует, чтобы их передавали претору в трехдневный срок и чтобы судьи печатали их; их передают чуть ли не на тридцатый день. Ведь именно для того, чтобы было трудно подделать записи, закон и повелел передавать их печатанными в общественное место; но их печатают уже подделанными. Какая же разница, будут ли записи переданы судьям с таким опозданием или совсем не будут переданы?

X. Далее, если пристрастные свидетели действуют заодно с обвинителем, то будут ли они все-таки считаться свидетелями? Где в таком случае чувство ожидания, обычное в суде? Ведь ранее, после того как обвинитель высказывался резко и неприемлемо, а защитник отвечал ему просительно и униженно, в третью очередь ожидалось выступление свидетелей, которые говорили либо без всякого пристрастия, либо скрывали свое пристрастие. (22) Но что происходит здесь? Сидят они все вместе, поднимаются со скамей обвинителей, ничего не скрывают, ничего не опасаются. Но разве мне не нравится только то, что они сидят бок о бок? Из одного и того же дома вы-

¹⁷ Местное собрание старейшин.

¹⁸ Империй—во времена Республики полнота власти высших магистратов (консул, проконсул, претор, пропретор), ограниченная коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах города Рима — также и интерцессией коллеги и илебейских трибунов. Империй слагался из права авспиций (птицагаданий), набора и командования войском, созыва комиций, принуждения и наказания. Магистрату, уже облеченному гражданской властью (*potestas*), империй представлялся особым куриатским законом (*lex curiata de imperio*). Лицо, облеченное империем, не было вправе входить в пределы померия (сакральная городская черта).

¹⁹ Секиры, заключенные в ликторских фасцах,— принадлежность ликторов, телохранителей старших магистратов.

²⁰ Публий Плавций Гипсей был квестором Помпея во время третьей войны с Митридатом VI Евпатором.

ходят они; если они запнутся хотя бы на слове, у них уже не окажется пристанища. Может ли быть свидетелем человек, если обвинитель допрашивает его, не испытывая при этом ни малейшего беспокойства и не боясь, что он ответит что-нибудь нежелательное? Где в таком случае та заслуга оратора, за которую когда-то хвалили как обвинителя, так и защитника: «Он хорошо допросил свидетеля, хитро подошел к нему, поймал на слове, добился, что хотел, опроверг и заставил замолчать?» (23) Зачем тебе, Лелий, спрашивать свидетеля, который, прежде чем ты ему скажешь: «Спрашиваю тебя...», выложит даже больше, чем ты велел ему ранее у себя дома? Зачем допрашивать его мне, защитнику? Ведь обыкновенно либо опровергают утверждение свидетелей, либо порицают их за их образ жизни. Каким рассуждением опровергну я слова человека, который говорит: «Мы дали...» — и ничего более? Итак, надо выступить против него самого, раз в его речи доказательства отсутствуют. Что же выскажу я против неизвестного мне человека? Поэтому мне приходится сетовать и горько жаловаться — что я делаю уже давно — на всю несправедливость обвинения и прежде всего вообще на этих свидетелей. Ведь выступает народ, самый недобросовестный в своих свидетельских показаниях. Ближе к делу: то, что ты называешь решениями, это, утверждаю я, не свидетельские показания, а крики неимущих людей и какой-то бессмысленный бунт жалких греков, собравшихся на сходку. Пойду еще дальше. Того, кто совершил деяние, здесь нет; того, кто, как нам говорят, ушлатил наличными, сюда не вызвали; записей частных лиц нам не предъявляют, официальные записи остались у обвинителя; все зависит от свидетелей, а они живут вместе с нашими недругами, проводят время вместе с нашими противниками, поселились вместе с обвинителями. (24) Словом, что здесь, по-вашему, происходит: расследование и установление истины или же невинности поражение и гибель? Ведь в этом деле много таких обстоятельств, судьи, что, если ими даже возможно пренебречь, когда это касается данного обвиняемого, все же при существующем положении и как пример на будущее это внушает страх.

XI. Если бы я защищал человека низкого происхождения, отнюдь не блистательного в жизни, которого молва не препоручила бы нам, то я все же стал бы просить граждан за этого гражданина во имя свойственной всем людям человечности и милосердия о том, чтобы вы неизвестным, натравленным на него свидетелям, соседям обвинителя по скамьям, его сотрапезникам, его лагерным товарищам, грекам по их легкомыслию, варварам по их жестокости, не выдавали своего гражданина, молящего вас, и не показывали остальным людям опасного примера для подражания в будущем. (25) Но так как слушается дело Луция Флакка, из чьей ветви рода был тот, кто первым был избран в консулы, кто был первым консулом в нашей гражданской общине ²¹, Флакка, чья доблесть, после изгнания царей, в государстве была утверждена свобода, Флакка, чья ветвь рода сохранилась вплоть до нашего времени при неизменном предоставлении ей почетных должностей и империя и при немеркнущей славе их деяний, и так как Луций Флакк не только не изменял этой исконной и признанной доблести предков, но как претор проникся стремлением защищать свободу отечества, видя, что именно это возвеличивает славу его рода, то могу ли я страшиться того, что дело этого обвиняемого в дальнейшем послужит пагубным примером, раз в этом случае, даже если бы Флакк в чем-либо погрешил, все честные люди сочли бы должным закрыть на это глаза? (26) Впрочем, я не только не требую этого, судьи, но, наоборот, прошу и заклинаю вас рассмотреть все это дело самым тщательным образом, устремив на него глаза, как говорится. В обвинении не будет обнаружено ничего, засвидетельствованного по совести, ничего, основанного на истине, ничего, вызванного скорбью; наоборот, все окажется извращенным по произволу, из чувства раздражения, из пристрастия, связанным с подкупом и клятвопреступлением.

XII. (27) Итак, рассмотрев в целом пристрастия этих свидетелей, я обращусь к отдельным жалобам и обвинениям со стороны греков. Они жалуются на то, что у гражданских общин были истребованы деньги будто бы на постройку флота. Мы это признаем, судьи! Но если это — преступление, то оно либо в том, что требовать этого не

²¹ В действительности после изгнания царей первыми консулами Рима были Луций Юний Брут и Тарквиний Коллатин; последнего, согласно традиции, в первый же год Республики заменил Публий Валерий Публикола (Попликола).

было дозволено, либо в том, что в кораблях не было надобности, либо в том, что за все время претуры Луция Флакка флот не выходил в море. Дабы ты понял, что это было дозволено, ознакомься с постановлением сената, принятым в год моего консулата, — тем более что оно нисколько не расходилось с постановлениями всех предшествующих лет. (Постановление сената.) Итак, наша ближайшая задача — выяснить, был ли нужен флот. Кто же будет решать этот вопрос: греки или какие-нибудь чужеземные народы, или же наши преторы, наши военачальники, наши императоры? Со своей стороны, я полагаю, что, находясь в такой стране и провинции, окруженной морем, изобилующей гаванями, опоясанной островами, следовало выходить в море не только с целью защиты, но и для прославления нашей державы. (28) Ведь правила поведения и величие духа наших предков выражались именно в том, что они, в частном быту и в личных расходах довольствуясь самым малым, вели самую скромную жизнь, но в делах, имевших отношение к империи и достоинству государства, всячески стремились к славе и блеску. Ведь в домашнем быту ищут хвалы за воздержность, а при управлении государством — за достоинство. И если у Луция Флакка был флот даже только для обороны, то кто будет так несправедлив и станет порицать его за это? — «Морских разбойников не было». — А кто может поручиться, что их не будет? — «Ты, — говорит обвинитель, — умаляешь славу Помпея». — Наоборот, это ты создаешь ему новые затруднения. (29) Ведь Помпей уничтожил флоты морских разбойников, их города, порты, пристанища; проявив высшую доблесть и необычайную быстроту, он достиг мира на море. Но он отнюдь не соглашался, да и не мог согласиться на то, что, если где-нибудь покажется какое-либо суденышко морских разбойников, это будет поставлено ему в вину. Поэтому он, находясь в Азии и уже завершив все войны на суше и на море, все же повелел этим же гражданским общинам поставить ему флот. Но если Помпей признал это нужным тогда, когда все могло быть безопасным и умиротворенным благодаря его имени в его присутствии, то какое, по вашему мнению, решение следовало принять и что следовало сделать Флакку после отъезда Помпея? XIII. (30) А разве мы здесь по предложению самого Помпея не постановили в год консулата Силана и Мурены ²², чтобы флот выходил в море у берегов Италии? Разве в то время, когда Луций Флакк требовал гребцов в Азии, мы здесь не израсходовали 4 300 000 сестерциев на плавание по Верхнему и Нижнему морям ²³? А разве годом позже, при квесторах Марке Курции и Публии Секстии не были израсходованы деньги на флот? А разве в течение всего этого времени не было конницы на побережье? Ведь ниспосланная богами слава Помпея в том и состоит, что, во-первых, те разбойники, которые тогда, когда ему было поручено вести войну на море, бродили и распространились по всему морю, нами все покорены; затем — в том, что Сирия — наша, что Киликию мы удерживаем под своей властью, что Кипр со своим царем Птолемеем не осмеливается ничего предпринять; кроме того, что благодаря доблести Метелла Крит принадлежит нам; что разбойникам неоткуда отплыть, некуда возвратиться; что все заливы, мысы, берега, острова, приморские города замкнуты на крепкие запоры нашей державы. (31) Даже если бы за все время претуры Флакка в море не появилось ни одного морского разбойника, его бдительность все-таки не заслуживала бы порицания; ведь именно потому, что у него был флот, их и не было, как я склонен думать. И если я на основании свидетельских показаний римских всадников Луция Эппия, Луция Агрия, Гая Цестия и присутствующего здесь прославленного мужа Гнея Домиция ²⁴, бывшего тогда легатом в Азии, утверждаю, что в то самое время, когда, по твоим словам, во флоте не было надобности, очень многие люди были захвачены морскими разбойниками, то и тогда решение Флакка потребовать для себя гребцов все же будут осуждать? А если пиратами даже был убит знатный человек из Адрамиттия, чье имя известно почти всем нам, — кулачный боец Атианакт, победитель в Олимпии? А ведь для греков — если уж говорить о том, чему они придают значение, — это обстоятельство, можно сказать, более важно, чем справить триумф ²⁵ в Риме.

²² Децим Юний Силан и Луций Лициний Мурена были консулами в 62 г. Гней Помпей возвратился в Рим в начале 61 г.

²³ Верхнее море — Адриатическое, Нижнее море — Тирренское.

²⁴ Плебейский трибун Гней Домиций Кальвин 59 г.

²⁵ Триумф — религиозный акт в честь Юпитера Капитолийского, приуроченный к возвращению в Рим полководца-победителя в войне с внешним врагом. Он состоял в торжественном шествии и жертвоприношении Юпитеру.

«Но ты никого не взял в плен». Как много было людей, начальствовавших на побережье, которые, не взяв в плен ни одного морского разбойника, все же обеспечили безопасность на море! Ведь пленение — дело случая; это зависит от места, от стечения обстоятельств, от удачи. Принять меры предосторожности в целях защиты нетрудно; надо разумно использовать не только укрытые места для пристанища, но и благоприятную погоду и ее перемены.

XIV. (32) Остается выяснить, своим ли ходом флот этот выходил в море и на весах ли плавал он или же только в записях о расходах и в отчетах. Возможно ли при таких обстоятельствах отрицать то, чему свидетельницей вся Азия, — что флот был разделен на две части, причем одна из них плавала выше Эфеса, другая — ниже Эфеса? С этим флотом Марк Красс, знаменитый муж, совершил плавание из Эноса в Азию; на этих кораблях Флакк отправился из Азии в Македонию²⁶. В чем же можно усмотреть недобросовестность претора: в численности ли кораблей или же в неравномерном распределении расходов? Он потребовал половину той суммы, какую назначил Помпей; мог ли он действовать мягче? Но он распределил денежные взносы в соответствии с расчетами Помпея, который, в свою очередь, сообразовался с распределением, произведенным Луцием Суллой²⁷. После того как последний распределил взносы между всеми гражданскими общинами провинции в известном соотношении, Помпей и Флакк, требуя денег на расходы, следовали его расчетам. Но эта сумма не внесена полностью и поныне. (33) «Он этого не показывает в своем отчете». — Верно, но какая прибыль ему от этого? Ведь он, беря на себя ответственность за истребование денег, сам признает то, в чем ты хочешь усмотреть преступление. Как же возможно доказать, что он, не показывая этих денег в своем отчете, сам создает для себя повод для обвинения, для чего не было бы повода, если бы он показал их в своем отчете? Но ведь ты утверждаешь, что мой брат, сменивший Луция Флакка, не требовал денег на набор гребцов. Со своей стороны, я радуюсь, когда хвалят брата моего, Квинта, но радуюсь больше, если эти похвалы относятся к более важным и более значительным делам. Он принял иное решение, взглянул на положение по-иному: он полагал, что в какое бы время ни распространился слух о появлении морских разбойников, он тотчас же снарядит флот, какой только захочет. Словом, мой брат первым в Азии постарался освободить гражданские общины от этого расхода на гребцов. Но преступления обыкновенно усматривают тогда, когда кто-либо требует затрат, каких ранее не было, а не тогда, когда преемник изменяет что-нибудь из того, что ранее установили его предшественники. Что другие совершат впоследствии, Флакк не мог знать; что было совершено до него, он видел.

XV. (34) Но так как об обвинении, предъявленном всей Азией, уже сказано, перейду теперь к обвинению со стороны отдельных гражданских общин; из них на первом месте у нас, конечно, должна быть гражданская община Акмония. Глашатай громко вызывает посланцев из Акмонии. Выходит один только Асклепиад. Пусть они выйдут вперед! Даже глашатай ты заставил солгать. Ведь этот муж, конечно, обладает достаточным авторитетом, чтобы быть представителем своей гражданской общины, осужденный у себя на родине позорнейшими для него приговорами²⁸ и заклеянный официальной записью; о его низких поступках, прелюбодеяниях и разврате говорят письма жителей Акмонии, которые я нахожу нужным обойти молчанием не только ввиду их многочисленности, но и ввиду позорнейшей непристойности выражений. Он сказал, что община дала Флакку 206 000 драхм. Он только сказал это, ничего не предъявил, но добавил (во всяком случае, он должен был это доказать, так как это касалось его лично), что дал 206 000 драхм как частное лицо. Но ведь этот бессовестнейший человек и мечтать никогда не смел о таких деньгах, какие, по его словам, от

²⁶ Энос — приморский город во Фракии. В 62 г., когда Помпей возвращался в Италию, Марк Лициний Красс выехал из Рима в Азию через Македонию и Фракию. Флакк отправился в Македонию по окончании своего наместничества в Азии.

²⁷ Имеются в виду мероприятия Суллы после заключения мира с Митридатом в 84 г. Пираты, связанные с Митридатом, не переставали угрожать провинциям и мореплаванию.

²⁸ *Iudicium turpe* — приговор, влекущий за собой утрату гражданских прав (*roepa capitalis*), а также приговор за некоторые *delicta privata* — кражи, присвоение чужого имущества, бесчестные поступки.

него получили. (35) Он говорит, что дал эти деньги при посредстве Авла Секстилия и своих братьев; Секстилий мог их дать; братья же Асклепиада такие же нищие, как и он сам. Итак, выслушаем Секстилия; пусть, наконец, выступят сами братья, пусть они солгут так бессовестно, как им будет угодно, и скажут, что дали то, чего у них никогда не было. Впрочем, когда их поставят лицом к лицу с нами, они, быть может, скажут что-нибудь такое, в чем не будет возможности их уличить. «Я не привозил Секстилия», — говорит Асклепиад. Подай записи. — «Я не захватил их». — Представь, по крайней мере, своих братьев. — «Я не вызывал их как свидетелей». Итак, неужели того, что здесь заявил один только Асклепиад, человек нищий, позорный образ жизни ведущий, всеобщим мнением осужденный, на свою бессовестность и наглость положившийся, не представив записей, не представив поручителя, мы испугаемся как обвинения и свидетельских показаний? (36) Он же говорил, что данный Флакку жителями Акмонии письменный хвалебный отзыв, который мы предъявили, — подложный. Правда, опорочить этот хвалебный отзыв было весьма желательно для нас; ведь как только этот великолепный представитель своей гражданской общины взглянул на официальную печать общины, он сказал, что его сограждане и другие греки обыкновенно то, что следует, запечатывают, сообразуясь с обстоятельствами. Оставь же себе этот хвалебный отзыв; ведь доброе имя и достоинство Флакка зависят не от свидетельских показаний жителей Акмонии. Ведь ты сам даешь мне в руки то доказательство, какого это дело требует более всего, — что греки не отличаются ни строгостью правил, ни стойкостью, ни твердостью в решениях, наконец, даже честностью в свидетельских показаниях. Разве только построение твоих показаний и твоей речи позволяет установить следующее различие: в пользу Флакка в его отсутствие гражданские общины, как говорят, кое-что сделали, а Лелию в его присутствии, хотя он и действовал лично, имеем закона, по праву обвинителя, а кроме того, утратил их и угрожал им своим влиянием, они по этому поводу ничего не написали и ничего не запечатали. XVI. (37) Я, со своей стороны, часто видел, судьи, что в мелочах обнаруживаются и заключаются важные вещи, например в случае с этим вот Асклепиадом. Хвалебный отзыв, предъявленный мною, был запечатан азиатской глиной, почти всем нам знакомой; ею пользуются все — не только для официальных, но и для частных писем, какие, как мы видели, изо дня в день присылаются откупщиками, нередко каждому из нас. Да ведь и свидетель, взглянув на печать, не сказал, что мы предъявляем подложный отзыв, но проявил свойственное всей Азии легкомыслие, которое мы, конечно, полностью признаем. Итак, наш хвалебный отзыв, который, по его словам, нам дали, сообразуясь с обстоятельствами, который, как он сам признает, во всяком случае, нам дали, запечатан глиной, между тем как на тех записях свидетельских показаний, которые, как говорят, были даны обвинителю, мы увидели восковую печать. (38) В связи с этим, судьи, если бы я думал, что постановления жителей Акмонии и письма прочих фригийцев для вас убедительны, то я стал бы изо всей мочи кричать и спорить, призвал бы в свидетели откупщиков, поднял бы на ноги дельцов, сослался бы на вашу осведомленность; обнаружив восковую печать, я убедился бы в том, что свидетели пойманы с поличным и что наглая ложь всех их показаний доказана. Но теперь я не стану ни слишком яростно напирать на это, ни чересчур хвалиться, ни наседать на этого бездельника, словно он действительно свидетель, ни задерживаться на всей совокупности свидетельских показаний жителей Акмонии, независимо от того, вымышлены ли они здесь на месте, что очевидно, или же, как говорят, присланы с родины. Свидетельских показаний этих людей, которым я готов уступить этот хвалебный отзыв, я вовсе не испугаюсь, так как они, по словам Асклепиада, люди ненадежные.

XVII. (39) Перехожу теперь к свидетельским показаниям жителей Дорилея: когда им предоставили слово, они сказали, что потеряли официальные письма вблизи Спелунк²⁹. О, неизвестные пастухи, склонные к литературе, раз они стащили у свидетелей одни только письма! Но я подозреваю другую причину; иначе эти свидетели, пожалуй, покажутся вам мало изворотливыми: в Дорилее, как я предполагаю, кара за подделку и подлог писем строже, чем в других местах; если бы они представили подлинные письма, то они не смогли бы предъявить обвинения; если бы они представили подложные, то они подлежали бы каре; они и признали превосходнейшим

²⁹ Город в Апулии, через который должны были проезжать жители Дорилея.

выходом сказать, что потеряли письма. (40) И так, пусть они успокоятся и примирятся с тем, что я зачту это себе в приход и займусь другим. Они не позволяют мне этого. Какой-то никому не известный человек дополняет их показания и говорит, что дал деньги частным путем. Это уже совершенно нетерпимо. Ведь даже тот, кто читает официальные записи, — те, что находились в распоряжении обвинителя, не должен заслуживать доверия; но правила судопроизводства все же оказываются соблюденными, когда сами записи, каковы бы они ни были, предъявляются. Но когда человек, которого никогда не видел ни один из вас, о ком никто не слышал, заявляет только одно: «Я дал...», — то станете ли вы, судьи, сомневаться, защищать ли вам знатнейшего гражданина от этого никому не известного фригийца? Ведь недавно трое почтенных и достойных римских всадников³⁰ не поверили этому же человеку, когда он в деле, касавшемся спора о статусе, говорил, что человек, которого объявляли свободным, его родственник. Как же тот, кто не внушил доверия к себе как свидетель, когда дело касалось его личного оскорбления и родственных уз³¹, в то же время может обладать большим авторитетом в деле об уголовном преступлении? (41) К тому же, когда тело этого жителя Дорилея при большом стечении народа, во время вашего заседания несли для погребения³², то ответственность за его смерть Лелий пытался возложить на Луция Флакка. Ты, Лелий, ошибаешься, думая, что если твои приспешники живы, то это для нас опасно, — тем более что смерть эта произошла, мне кажется, из-за твоей собственной небрежности: фригийцу, никогда не видевшему смоковницы, ты подставил корзину фиг. Его смерть тебе принесла некоторое облегчение: ты избавился от постояльца-обжоры. Но какую пользу она принесла Флакку, раз этот человек был здоров, пока выступал здесь, и умер, уже выпустив свое жало и дав показания? Что же касается Митридата³³, главной опоры твоего обвинения, то после того как он, допрашивавшийся нами в течение двух дней, выложил все, что хотел, он удалился опровергнутый, избалованный, сломленный. Он ходит, надев панцирь; человек искушенный и опытный, он боится, что Луций Флакк теперь, когда он уже не может уйти от его свидетельских показаний, может запятнать себя преступлением; человек, который до своего выступления как свидетель, когда он все-таки мог чего-то достигнуть, собой владел, теперь старается присоединить к своим лживым свидетельским показаниям насчет Луция Флакка обоснованное обвинение в злодеянии. Но так как вопрос об этом свидетеле и обо всем этом «митридатом» обвинении тонко и красноречиво разобрал Квинт Гортенсий, то я, как я себе и наметил, перейду к дальнейшему.

XVIII. (42) Главный сеятель смуты среди всех греков — это сидящий вместе с обвинителями пресловутый Гераклид из Темна, человек глупый и болтливый, но, как ему кажется, настолько ученый, что он даже называет себя их наставником. Но тот, кто столь искателен, что изо дня в день приветствует всех вас и нас, в Темне, несмотря на свои почтенные годы, не смог пройти в сенат и, хотя заверяет, что он может даже других обучать ораторскому искусству, сам проиграл все позорнейшие судебные дела. (43) Вместе с ним как посланец приехал Никомед, человек такой же удачливый, который не смог пройти в сенат ни при каких обстоятельствах и был осужден и за кражу, и как член товарищества³⁴. Глава посольства Лисаний, правда, вошел в сословие сенаторов, но, так как чересчур глубоко вникал в государственные дела, был осужден за казнокрадство и утратил как свою собственность, так и звание сенатора. Эти три человека утверждали, что подложны даже записи нашего эрария; ведь они заявили, что при них находятся девять рабов, хотя прибыли без единого спутника. В записи постановления, как я вижу, главное участие принимал

³⁰ Это были, несомненно, рекуператоры (см. прим. 13).

³¹ При отпуске на свободу заинтересованное лицо могло выступать лично. От его имени мог выступить так называемый *adsertor in libertatem*. Председатель Дорилея мог выступить как адсертор.

³² Похоронные процессии следовали в Риме через форум и комиций и останавливались перед ораторской трибуной, с которой произносилась речь о заслугах умершего.

³³ О Митридате Пергамском см. выше (17). Он, очевидно, обвинил Флакка в покушении на его жизнь с целью устранения опасного свидетеля.

³⁴ *Actio pro socio* — судебное преследование за нарушение договора о товариществе и обязанностей его члена.

Лисаний; имущество его брата, так как он не платил общине, в претору Флакка было продано в пользу казны. Существуют еще некий Филипп, зять Лисания, и Гермобий, чей брат Полид был осужден за хищение государственных средств. XIX. Они заявляют, что дали Флакку и людям, бывшим вместе с ним, 15 000 драхм. (44) Но ведь я имею дело с гражданской общиной, весьма строгой и точной в ведении записей, в которой не взять себе и сестерция без участия пятерых преторов, троих квесторов и четверых казначеев³⁵, избираемых народом. Из такого большого числа людей не вызван ни один, а эти вот люди, составив запись о том, что эти деньги были даны именно Флакку, говорят, что они, давая их ему, записали другую, большую сумму, якобы израсходованную на восстановление храма; все это совсем не согласуется одно с другим; ведь либо все следовало внести в отчеты тайно, либо все внести открыто. Когда они записывают выдачу денег на имя Флакка, они ничего не боятся, ничего не опасаются; когда эти же люди относят ее к расходам на общественные работы, они страшатся того самого человека, которого они ранее презирали. Если деньги дал претор, как об этом записано, то он уплатил наличными через квестора, квестор — через казначейство, казначейство — либо за счет сборов, либо за счет податей. Это никогда не будет походить на обвинение, если ты не разъяснишь мне всех сведений — и насчет людей, и насчет записей.

(45) Что касается записи, имеющейся в этом же постановлении, — что виднейшие люди в гражданской общине, занимавшие высшие должности, в год претуры Флакка стали жертвами обмана, то почему их нет на суде и почему они не названы в постановлении? Ибо я не верю, чтобы в этой части постановления имелся в виду человек, который теперь встает, — Гераклид. Относится ли к числу виднейших граждан тот, кого присутствующий Гермипп передал для суда над ним, тот, кто даже полномочия посланца, какие он осуществляет, от своих сограждан не получил, а выпросил, приехав из Тмола, тот, кто в своей гражданской общине не был удостоен ни одной почетной должности и кому за всю жизнь было поручено лишь одно дело и притом такое, какое поручалось только самым незначительным людям? В год претуры Тита Авфидия³⁶ он был назначен хранителем казенных запасов зерна; получив за зерно деньги от претора Публия Вариния³⁷, он скрыл это от сограждан и, более того, поставил это зерно им в счет. После того как в Темне это узнали и раскрыли на основании письма, полученного от Вариния, и когда Гней Лентул³⁸, бывший цензор, патрон Темна, прислал письмо о том же, этого Гераклида впоследствии никто не видел в Темне. (46) А дабы вы могли понять всю его бессовестность, прошу вас ознакомиться с самым делом, вызвавшим у этого ничтожнейшего человека озлобление против Флакка. XX. Гераклид, будучи в Риме, купил у малолетнего Мекулония угоды в Кимах. Так как на словах он себя выдавал за богача, но не обладал ничем, кроме бессовестности, которую вы видите, то он взял деньги взаймы у Секста Стлога, присутствующего здесь нашего судьи, влиятельного человека, который это подтверждает; он хорошо знает Гераклида. Стлога все же одолжил ему деньги при поручительстве Публия Фульвия Нератия, виднейшего человека. Чтобы расплатиться с ним, Гераклид занял деньги у римских всадников Гая и Марка Фуфиев, людей влиятельных. Здесь он, клянусь Геркулесом, «выклевал ворове глаз»³⁹, как говорится. Ведь он подвел присутствующего здесь Гермиппа, образованного человека, своего согражданина, который должен был бы хорошо знать его. Ибо именно по его поручительству он занял деньги у Фуфиев. Гермипп спокойно уезжает в Темн, так как Гераклид говорит, что он уплатит Фуфиям деньги, занятые у них при его поручительстве, как только получит плату от своих учеников. (47) Ведь у него как у ратора обучалось несколько богатых юношей, причем они уходили от него большими невеждами, чем были, поступая к нему; но ему никого не удалось одурачить настолько, чтобы ему доверили хотя бы один сестерций. И вот, после того как он тайно уехал из Рима,

³⁵ Оратор заменяет наименования должностных лиц греческой гражданской общины привычными для римлян соответствующими названиями.

³⁶ Квестор 84 г., пропретор Азии около 74 г.

³⁷ Публий Вариний Глабр, пропретор Азии в 72 г.

³⁸ Гней Корнелий Лентул Клодиан, консул 72 г., цензор 70 г.

³⁹ Поговорка: обмануть самого хитрого человека (ср. Цицерон, «В защиту Мурены», 25).

не уплатив многим людям мелких долгов, он прибыл в Азию и на вопрос Гермиппа насчет долга Фуфиям ответил, что уплатил им все деньги. Между тем вскоре после этого к Гермиппу приехал от Фуфиев вольноотпущенник с письмом; деньги требуют от Гермиппа; Гермипп требует их от Гераклида; притязания Фуфиев он все же удовлетворяет сам, не сносясь с ними лично, и оправдывает свое поручительство; Гераклида же, мечущегося и уваливающего, он преследует в суде. Дело рассматривается рекуператорами. (48) Не думайте, судьи, что люди, склонные обманывать и отрицать свои долги, не оказываются одинаково бессовестными, где бы они ни находились. Он поступил точно так же, как обыкновенно поступают наши должники, — заявил, что он вообще не делал займа в Риме; имени Фуфиев он, по его утверждению, вообще никогда не слышал, а Гермиппа, добросовестнейшего и честнейшего человека, моего старого друга, моего гостеприимца, блистательнейшего и виднейшего гражданина в своей общине, он оскорбил всяческой бранью и хулой. В то время этот ловкач еще кичился своей невероятной быстротой в произнесении речи, но после того как были оглашены свидетельские показания Фуфиев и его заемные письма на их имя, этот наглец вдруг струсил, говорун онемел. Поэтому рекуператоры при первом же слушании решили дело как вполне ясное, не в его пользу. Так как он не выполнил их решения, он был присужден Гермиппу и уведен им⁴⁰. XXI. (49) Вот вам честность Гераклида, достоверность его свидетельских показаний и вся причина его озлобления против Флакка. Отпущенный впоследствии Гермиппом, которому он продал нескольких рабов, Гераклид ездил в Рим, затем возвратился в Азию, после того как мой брат уже сменил Флакка. Он обратился к моему брату и представил дело так, будто рекуператоры вопреки своей воле, вследствие принуждения и запугивания со стороны Флакка вынесли неправильное решение. Как человек справедливый и принципиальный, мой брат постановил: если Гераклид отвергает судебное решение, то он должен заплатить вдвойне; если он говорит, что рекуператоры были в то время запуганы, то теперь его будут судить те же рекуператоры. Гераклид отказался и, словно не было вынесено никакого решения, никакого судебного приговора, тут же начал требовать от Гермиппа рабов, которых он сам ему продал. Легат Марк Гратидий, к которому обратились, отказал ему в слушании дела и объявил, что решение по делу должно оставаться в силе. (50) Так как Гераклиду деваться было некуда, он возвратился в Рим; за ним по пятам следует Гермипп, ни разу не отступивший перед его бессовестностью. Гераклид требует от сенатора Гая Плоция, влиятельного мужа, бывшего в Азии легатом, нескольких рабов, которых он, по его словам, после того как он был осужден, был вынужден ему продать. Квинт Насон, достойнейший муж, который когда-то был претором, избирается как судья. Так как он дал понять, что выскажется в пользу Плоция, то Гераклид отказался от него как от судьи, и так как суд был не по закону, то он отказался от всего дела. Не кажется ли вам, судьи, что я уделил достаточно внимания каждому свидетелю в отдельности, а не выступаю, как я решил вначале, против всех свидетелей сообща?

(51) Перехожу к Лисанию, принадлежащему к той же гражданской общине, твоему особому свидетелю, Дециан! Познакомившись с ним в Темне, когда он был еще юношей, ты, так как он тогда радовал тебя, нагой, пожелал, чтобы он всегда был наг; ты увез его из Темна в Аполлониду, ты ссудил конца деньгами под большие проценты, все же взяв залог⁴¹. По твоим словам, этот залог перешел к тебе; ты его сохраняешь и поныне и владеешь им. Этого свидетеля ты, подав ему надежду на обратное получение угодия его отца, принудил приехать для дачи показаний; так как он еще не давал показаний, то я и жду, что именно он скажет. Знаю я этих людей, знаю их привычки, знаю их прихоти. Итак, хотя и предвижу, что он готов сказать, я все-таки не стану приводить возражений, пока он не выскажется. Ибо

⁴⁰ Несостоятельный должник, не выполнивший решения суда в течение 30 дней, мог быть «присужден» своему кредитору, который заключал его в свою домовую тюрьму.

⁴¹ *Fiducia* — залог, который должник передавал заимодавцу в полную собственность путем манципации или *in iure cessio*, отказ от прав собственности перед лицом должностного лица с правом обратного получения этого имущества после уплаты долга. При неуплате долга в течение определенного срока имущество могло быть продано заимодавцем.

он все извратит и придумает что-нибудь другое. Поэтому пусть он хранит то, что подготовил, а я сохранию все свои силы для ответа на то, что он преподнесет.

XXII. (52) Перехожу теперь к той гражданской общине, которой я не раз выражал большое расположение и оказал много важных услуг и к которой мой брат относится с особенным уважением и приязнью. Если бы эта гражданская община обратилась к вам с жалобами при посредстве честных и достойных людей, то я волновался бы больше. Но что подумать мне теперь? Что жители Тралл поручили дело своей гражданской общины Меандрию, неимущему, ничтожному человеку, без должного положения, не пользующемуся уважением, без ценза? Где же были Пифодоры, Архидемы, Эпигоны и другие люди, и у нас известные, и знаменитые среди своих соотечественников, где был весь этот великодушный и славный цвет вашей общины? Не правда ли, если бы жители Тралл вели дела добросовестно, им было бы стыдно, что Меандрия называют, уже не говорю — посланцем, но вообще жителем Тралл? И этому вот посланцу, этому вот официальному свидетелю отдали бы они своего патрона (после того как их патронами были его отец и предки) на заклятие свидетельскими показаниями гражданской общины? (53) Это не так, судьи, конечно, не так. Я сам при судебном разбирательстве одного дела недавно видел Филодора свидетелем от имени Тралл, видел Паррасия, видел Архидема, причем этот же Меандрий вертелся подле меня как бы в качестве прислужника, подсказывая мне, что я мог бы сказать во вред его согражданам и гражданской общине, если бы я захотел. Ведь не найти человека более ничтожного, более нищего, более порочного, чем он. И если именно ему жители Тралл поручили выразить их огорчение, хранить их грамоты, свидетельствовать о несправедливости, совершенной по отношению к ним, и передать их жалобы, то пусть они оставят свою гордыню, откажутся от своего самомнения, будут менее заносчивы и признают, что в лице Меандрия выражен облик гражданской общины. Но если они сами всегда считали, что его следует раздавить и растоптать уже на родине, то пусть они перестанут придавать значение тем свидетельским показаниям, передать которые от своего имени не согласился никто.

XXIII. Но я изложу обстоятельства дела, дабы вы могли понять, почему эта гражданская община и не подвергла Флакка суровым нападкам, и не запитила его с благожелательностью. (54) Они были раздражены против него из-за своего долга Кастрицию⁴²; насчет всего этого уже ответил Гортенсий; они неохотно выплатили Кастрицию деньги, которые они уже давно ему были должны. Отсюда и вся ненависть, отсюда и все недовольство. Когда Лелий приехал в Траллы к раздраженным людям и речами своими разбередил рану, связанную с долгом Кастрицию, то видные люди промолчали; они не пришли на созванную тогда народную сходку и отказались нести ответственность за это постановление и свидетельские показания. На этой народной сходке было так мало оптиматов⁴³, что первым из первых оказался Меандрий, который языком своим, словно опахалом мятежа, возбудил неимущих людей, собравшихся на сходку. (55) Итак, узнайте, каковы справедливое огорчение и жалобы этой общины, добросовестной, какой я всегда ее считал, и достойной уважения, какой ее жители хотят считать. Они жалуются на то, что деньги, которые им были переданы гражданскими общинами на имя Флакка-отца, у них отняли. Я рассмотрю в другом месте, что было дозволено Флакку; теперь я только спрашиваю представителей Тралл, считают ли они те деньги, которые, согласно их жалобе, у них были отняты, своими, переданными им гражданскими общинами в их полное распоряжение. Я очень хочу услышать ответ. «Мы, — говорит Меандрий, — не говорим этого». А что в таком случае? — «Что эти деньги нам доставили и доверили на имя Флакка-отца для устройства игр в его честь». — Что же дальше? «Этих денег, — говорят они, — тебе не было дозволено брать». (56) Я сейчас рассмотрю этот вопрос, но сначала остановлюсь на одном обстоятельстве: значительная, богатая, влиятельная гражданская община жалуется на то, что ей не удалось сохранить за собой чужую собственность; она говорит, что она ограблена, так как у нее нет того, что ей не принадле-

⁴² О римском всаднике Кастриции см. Цицерон, К Аттику, II, 7, 55; XII, 28, 3. Община Траллы была должником Кастриция, обратившегося к суду претора Флакка, который решил дело в пользу Кастриция.

⁴³ Оратор прибегает к привычным для римлян понятиям: «оптиматы», «народная сходка».

жало. Возможно ли сказать или вообразить себе что-нибудь более бессовестное? Был выбран один город для того, чтобы в нем хранились деньги, собранные во всей Азии в предназначенные для оказания почестей Луцию Флакку. Все эти деньги, вместо оказания почестей, были использованы для стяжания и ростовщичества; они были возвращены только через много лет. XXIV. (57) Какое же беззаконие было совершено по отношению к гражданской общине? «Но гражданская община весьма недовольна этим». — Верю; ведь вопреки ее чаяниям утрачен доход, который она, в чаяниях своих, уже сожрала. — «Но она жалуется». — Она поступает бессовестно; не на все то, что нам неприятно, мы можем справедливо жаловаться. — «Но она обвиняет Флакка очень настойчиво». — Не гражданская община, а неискушенные люди, натравленные Меандрием. В связи с этим хорошенько постарайтесь припомнить, сколь безрассудна бывает толпа, какова свойственная грекам ничтожность, сколь сильно воздействует на народную сходку речь, призывающая к мятежу. Даже здесь, в нашей преисполненной достоинства и самообладания гражданской общине, когда на форуме постоянно происходит суд, постоянно присутствуют магистраты, постоянно бывают честнейшие мужи и граждане, когда на ростры⁴⁴ взирает и держит их в своей власти курия⁴⁵, карающая за безрассудство и руководящая исполнением долга, то сколь сильные волнения на сходках вам все же приходится видеть! Что же, по-вашему, происходит в Траллах? Не то же самое ли, что и в Пергаме? Или, быть может, эти гражданские общины хотят, чтобы думали, что одному письму Митридата⁴⁶ было легче подвигнуть и толкнуть их на нарушение дружбы с римским народом, своих клятв в верности, всех требований долга и человечности; чем на то, чтобы они своими свидетельскими показаниями нанесли вред сыну того, кого они некогда признали нужным прогнать от своих стен оружием? (58) Поэтому не называйте мне, с целью возражения, знаменитых гражданских общин; ведь эта ветвь рода никогда не испугается тех свидетелей, которых она презирала как врагов. Но вы должны признать что-нибудь одно: если вашими гражданскими общинами правят советы первых граждан, то эти гражданские общины начали войну с римским народом не из-за безрассудства толпы, а по решению своих оптиматов; если же эта смута тогда была вызвана безрассудством неискушенных людей, то позвольте мне отличать заблуждения черни от государственного дела.

XXV. (59) «Но ведь Луцию Флакку брать себе эти деньги не было дозволено». — Признаете ли вы, что это было дозволено Флакку-отцу, или не признаете? Если это было дозволено, — а ему, несомненно, было дозволено взять себе деньги, собранные для оказания ему почестей, из которых он ни одной не был удостоен, — то сын взял себе деньги отца по праву; если же этого не было дозволено, то все-таки после его смерти не только сын, но и любой наследник мог взять их себе с полным правом. Но именно тогда жители Тралл — после того как сами они в течение ряда лет давали эти деньги в большой рост — все же добились от Флакка всего, чего хотели добыться, и не были столь бессовестны, чтобы осмелиться сказать то, что сказал Лелий, — что эти деньги у них отнял Митридат. Ведь кто не знал, что Митридат больше старался возвеличивать жителей Тралл, чем их грабить? (60) Если бы я говорил об этом так, как мне следует говорить, то вопрос о том, насколько мы должны доверять свидетелям из Азии, я, судьи, рассмотрел бы строже, чем рассматривал до настоящего времени. Я предложил бы вам вспомнить войну с Митридатов, вызвавшее чувство жалости жестокое истребление всех римских граждан, происшедшее в одно и то же мгновение в стольких городах, выдачу наших преторов, наложение оков на легатов, чуть ли не уничтожение самой памяти об имени Рима и всяких следов нашей державы не только в тех местностях, где жили греки, но даже в их записях. Митридат же они называли богом, отцом, спасителем Азии, Евгием, Нисием, Вакхом, Либером. (61) В одно и то же время вся Азия заперла ворота перед консулом Луцием Флакком, а этого каппадокийца не только принимала в своих городах, но даже сама призывала. Да будет нам дозволено, если забыть это мы не можем, хотя бы молчать;

⁴⁴ Метафора: речи ораторов к народу. Ростры — ораторская трибуна.

⁴⁵ Метафора: сенат, чаще всего собиравшийся в Гостилиевой курии.

⁴⁶ Имеется в виду истребление по приказу Митридата VI в. 88 г., во время первой войны между Митридатов и Римом, всех римлян, находившихся в городах Малой Азии. По данным античных авторов, было убито около 80 тысяч человек.

да будет мне дозволено сетовать на ничтожность греков, а не на их жестокость. Могут ли доверять им те, чьего существования они вообще не хотели допустить? Ведь одетых в тоги они истребили — кого только смогли; самое название «римские граждане» они, насколько это зависело от них, уничтожили.

XXVI. Далее, разве они не заносчиво ведут себя в нашем Городе, который они ненавидят, среди нас, на которых они и смотреть не хотят, в том государстве, для уничтожения которого у них не хватило не присутствия духа, а сил? Пусть взглянут они на этот вот цвет посланцев и представителей за Флакка, приехавших из подлинной и нетронутой Греции; затем пусть они сами себя оценят; затем пусть они сравнят себя с этими вот людьми; затем, если осмелятся, пусть поставят себя по достоинству выше них. (62) Здесь находятся представители Афин, города, где, как считают, зародились науки, просвещение, религия, земледелие, права, законы и откуда они распространились по всей земле; по преданию, из-за владения этим городом, ввиду его красоты, возник спор даже между богами. Город этот столь древен, что сам, как говорят, породил своих граждан, и одну и ту же землю называют их родительницей, кормилицей и отечеством; значение его столь велико, что уже почти исчезнувшее и угасшее имя Греции все еще живет благодаря славе этого города. (63) Здесь находятся и лакедемоняне; общеизвестная и прославленная доблесть их гражданской общины, как считают, была укреплена не только природой, но и их установлениями; во всем мире одни они вот уже более семисот лет живут по одним и тем же обычаям и законам, не изменявшимся ни разу. Здесь находятся многочисленные посланцы из всей Ахайи, Беотии, Фессалии — местностей, которыми Луций Флакк недавно управлял как легат при императоре Метелле. Не обойду молчанием и тебя, Массилия, знавшая Луция Флакка как военного трибуна и квестора; установления и значение этой гражданской общины, скажу я, по всей справедливости следует поставить выше установлений и значения не только Греции, но, пожалуй, и всех народов; столь удаленная от областей, установлений и языка всех греков Массилия, окруженная на краю света галльскими племенами и омываемая волнами варварства, так управляется мудростью своих оптиматов, что прославлять ее устройство всем людям легче, чем с ним соперничать. (64) Вот каковы представители за Флакка, вот каковы свидетели его невинности! Итак, мы можем отразить натиск греков при посредстве самих греков.

XXVII. Впрочем, кто не знает, — конечно, если этот человек когда-либо старался хоть сколько-нибудь ознакомиться с положением этих дел, — что в действительности существуют три греческие народности? Одни из них — афиняне, считавшиеся ионийским племенем, другие назывались эолянами, третьи — дорьянами. И вот вся эта Греция, процветавшая благодаря молве, благодаря славе, благодаря философии, благодаря многим наукам, а также своему владычеству и воинским подвигам, занимает и всегда занимала, как вы знаете, так сказать, небольшое место в Европе. Завоеванное ею морское побережье Азии она окружила рядом городов, дабы держать народы этой страны в своей власти не под защитой колоний, а как бы в осаде. (65) Поэтому прошу вас, свидетели из Азии, — когда вы действительно захотите составить себе мнение о доверии, какого заслуживают ваши показания в суде, представьте себе Азию и вспомните не то, что чужеземцы о вас обыкновенно говорят, а то, что вы сами о себе думаете. Ведь Азия ваша, если не ошибаюсь, состоит из Фригии, Мисии, Карии и Лидии. Так вот, это ваша или наша поговорка, что «фригиец битый становится лучше»? Что касается Кarii, то не с ваших ли слов стало ходячим: «Если хочешь рискнуть, свяжись с карийцем»? Далее, какая греческая поговорка более избита и распространена, когда к кому-нибудь выражают презрение, чем «последний из мисийцев»? А что сказать о Лидии? Кто из греков когда-нибудь написал комедию, в которой раб, главное действующее лицо, не был бы лидийцем? Итак, оскорбляем ли мы вас тем, что решили опираться на ваше собственное суждение о себе? (66) Мне лично кажется, что о качествах свидетелей из Азии я сказал уже достаточно и даже слишком много; но все-таки, судьи, ваше дело — все то, что можно сказать об их ненадежности, непостоянстве и пристрастии, даже в том случае, если я говорю об этом недостаточно, принять во внимание и обдумать.

XXVIII. Следующий вопрос — о недовольстве из-за золота иудеев⁴⁷. Вот, не-

⁴⁷ Иудеи, жившие за пределами Палестины, ежегодно вносили сбор (по 2 драхмы, по данным Иосифа Флавия) на нужды Иерусалимского храма.

сомненно, причина, почему дело это слушается недалеко от Аврелиевых ступеней⁴⁸. Именно из-за этого обвинения ты, Лелий, и выбрал это место и собрал эту толпу. Ты знаешь, как велика эта шайка, как велико в ней единение, как велико ее значение на народных сходках. Поэтому я буду говорить, понизив голос, чтобы меня слышали одни только судьи; ведь в людях, готовых натравить иудеев на меня и на любого честнейшего человека, недостатка нет; не стану им это облегчать. (67) Хотя золото обычно из года в год от имени иудеев вывозилось в Иерусалим из Италии и из всех наших провинций, Флакк эдиктом своим запретил вывозить его из Азии. Кто искренно не похвалил бы его за это, судьи? О запрете вывоза золота сенат принимал строжайшие постановления и неоднократно в прошлом, и в год моего консулата. Борьба с этим варварским суеверием было долгом строгости, презирать, ради блага государства, толпу иудеев, нередко приходившую в ярость на народных сходках, — долгом высшего достоинства. «Но ведь Гней Помпей, — скажут мне, — взяв Иерусалим, ни к чему не прикоснулся в святилище, хотя и был победителем»⁴⁹. — (68) В этом случае, как и во многих других, он поступил особенно мудро; в городе, столь склонном к подозрениям и к злоречию, он не подал ни малейшего повода к пересудам хулителей; ибо не религия иудеев и притом наших врагов, не сомневаюсь, помешала нашему выдающемуся императору сделать это, а его личная порядочность. В чем же преступление Флакка, если ты нигде не обнаруживаешь хищений, одобряешь эдикт, признаешь дело решенным, не отрицаешь того, что золото было найдено и предьявлено в присутствии всех; о том, что все было совершено достойнейшими мужами, свидетельствуют обстоятельства дела. В Апамее при посредстве римского всадника Квинта Цесия, честнейшего и бескорыстнейшего человека, у всех на глазах на форуме у ног претора⁵⁰ было взвешено около 100 фунтов задержанного золота; в Лаодикее при посредстве присутствующего здесь Луция Педуцея, нашего судьи, — немногим более 20 фунтов; в Адрамитии при посредстве легата Гнея Домиция... (*лакуна*); в Пергаме — немного. (69) Отчет, касающийся золота, верен; золото — в Эририи; хищений не раскрыто; все дело — в стремлении вызвать ненависть к нам. Произнося речь, от судей отворачиваются и обращаются к слушателям, толпящимся вокруг. В каждом государстве своя религия, Лелий, у нас своя. Когда Иерусалим был независим, а иудеи — мирными, то совершение ими своих религиозных обрядов все же было несовместимо с блистательностью нашей державы, с достоинством нашего имени, с заветами наших предков; теперь — тем более, так как этот народ, взявшись за оружие, показал, каковы его чувства к нашей державе; насколько он дорог бессмертным богам, мы поняли, так как он побежден, так как сбор дани с него сдан на откуп, так как он порабощен.

XXIX. (70) И вот, так как все то, что ты хотел представить как основания для обвинения, как видишь, превратилось в повод к восхвалению, то перейдем теперь к жалобам римских граждан. Первой из них, конечно, пусть будет жалоба Дециана. Какая же несправедливость была совершена по отношению к тебе, Дециан? Ты ведешь дела в независимом городе⁵¹. Прежде всего позволь мне проявить любопытство: доколе будешь ты вести дела, тем более при твоём происхождении?⁵² Вот уже в течение тридцати лет ты постоянно бываешь на форуме, но на пергамском. Через большие промежутки времени, если твои дела заставляют тебя выехать на чужбину, ты приез-

⁴⁸ Имеется в виду Аврелиев трибунал, построенный, скорее всего, консулом 74 г. Марком Аврелием Котгой.

⁴⁹ Во время третьей войны с Митридатом в Палестине происходила борьба между фарисеями, сторонниками первосвященника Гиркана, и Аристовулом, братом Гиркана. Легаты Помпея Габиний и Скавр встали на сторону Аристовула, но Помпей, прибывший в Палестину в конце 65 г., встал на сторону партии фарисеев. Партия Аристовула подняла восстание, но была побеждена, Иерусалимский храм был взят после осады. Помпей вошел в святая святых храма, но пощадил его сокровища (см. *Иосиф Флавий*, Иудейская война, I, 7, 6).

⁵⁰ То есть перед трибуналом претора. Апамея и Лаодикей — города во Фригии, Адрамитий — приморский город в Мисии.

⁵¹ В Аполлониде: ср. выше (51). Независимые гражданские общины (*civitates liberae*) были свободны от военной оккупации, имели суды на основании своих законов (автономия). Этим судам были подсудны и римские граждане.

⁵² Отец обвинителя Гай Аппулей Дециан был осужден, по-видимому, за преступление против величества и удален в изгнание, где он впоследствии перешел на сторону Митридата.

жаешь в Рим с новым обликом, но с древним родовым именем, в одежде из тирского пурпура ⁵³, из-за которой я только могу позавидовать тебе, так как это твой единственный наряд, в котором ты так долго щеголяешь. (71) Но пусть будет по-твоему; тебе хочется вести дела. Почему не в Пергаме, не в Смирне, не в Траллах, где римских граждан много и где суд творит наш магистрат? Ты наслаждаешься покоем; тяжбы, толпа, претор тебе ненавистны; ты радуешься тому, что греки свободны. Почему же тогда с жителями Аполлониды, глубоко преданными римскому народу, с нашими вернейшими союзниками, один ты обращаешься более жестоко, чем с ними когда-либо поступал Митридат или даже твой отец? Почему из-за тебя им нельзя наслаждаться свободой, почему им вообще нельзя быть свободными? Ведь они — самые рачительные, самые неподкупные люди во всей Азии, очень далекие от развращенности и ничтожности греков, довольные своим положением отцы семейств, землепашцы, сельские жители; их поля плодородны и стали еще лучше после заботливой обработки. Вот в этом краю ты и пожелал владеть поместьем. Правда, я бы предпочел — и это подобало бы тебе больше, — чтобы ты, если тебя так радовали тучные поля, приобретал их где-нибудь здесь: в Кростуминской области или в Капенской. (72) Но пусть будет по-твоему! Есть поговорка Катона: «Главное не деньги, а ноги» ⁵⁴. Да, далеко от Тибра до Каика ⁵⁵, где, пожалуй, сам Агамемнон заблудился бы со своими войсками, не найди он проводника в лице Телефа ⁵⁶. Но я делаю тебе и эту уступку: тебе понравился город, местность пришлась по сердцу. Почему бы не купить?

XXX. По своему происхождению, положению, доброму имени, богатству первый человек в этой гражданской общине — Аминт. Его тещу, недалекую, но довольно богатую женщину, Дециан завлек и, так как она не понимала, что именно происходит, завладел ее поместьями и расселил в них своих рабов. Он отнял у Аминта беременную жену, которая родила дочь в доме у Дециана; в настоящее время у него находится жена Аминта и его дочь. (73) Придумал ли я хоть что-нибудь из того, что говорю, Дециан? Это известно всем знатым людям, известно честным мужам, наконец, известно нашим соотечественникам, известно рядовым дельцам. Встань, Аминт, потребуй, чтобы Дециан возвратил тебе не деньги, не поместья; пусть он, наконец, оставит у себя твою тещу; пусть он вернет тебе жену, пусть отдаст несчастному отцу его дочь. Тело твое, которое он изувечил ударами камней, палок и меча, руки твои, которые он размозил, пальцы твои, которые он переломал, жилы, которые он рассек, вернуть тебе он не может. Дочь, повторяю, дочь возврати несчастному отцу, Дециан! (74) И ты удивляешься тому, что Флакк не одобрил этого? А кто, скажи на милость, это одобрит? Ты совершил мнимые покупки, ты совершил проскрипции поместий путем открытого обмана жалких женщин; по греческим законам в записи надо было назвать опекуна; вот ты и вписал имя Полемократа, своего наймита и пособника в осуществлении твоих замыслов. Дион привлек Полемократа к суду, обвинив его в злом умысле и в обмане в связи с этой опекой. Каково было стечение людей из всех окрестных городов, каково было негодование, каковы были жалобы! Полемократ был осужден единогласно; продажа была признана недействительной, проскрипции — недействительными. Разве ты возвратил поместья? Ты предложил жителям Пергама внести твои пресловутые проскрипции и покупки в их официальные книги. Они отказались наотрез. А кто эти люди? Жители Пергама, предстатели за тебя. Ведь ты, как мне показалось, до такой степени возгордился, получив хвалебный отзыв жителей Пергама, словно удостоился почета, достигнутого твоими предками, и потому считал себя выше Лелия, что тебя прославляла пергамская гражданская община. Разве пер-

⁵³ Верхняя одежда иностранцев; от них римляне заимствовали обычай окрашивать пурпуром дорожные плащи (*lascerna*) и военные плащи (*sagum*). Тирийский темно-красный пурпур считался дорогим (ср. *Овидий*, *Фасты*, II, 107; *Ювенал*, *Сатиры*, I, 27).

⁵⁴ Смысл изречения Катона Старшего: недостаток денежных средств возмещается проворством и энергией.

⁵⁵ Каик — река в Мисии.

⁵⁶ Телеф, сын Геракла, был в Мисии, когда туда прибыли греки, выступившие в поход против Трои. Он оказал им сопротивление и был ранен Ахиллом. Узнав о происхождении Телефа, греки предложили ему участвовать в их походе, от чего тот отказался, и греки отплыли без него. Буря отбросила греков назад, и Телеф, после того как Ахилл вылечил нанесенную им Телефу рану, отплыл вместе с ними и привел их к берегам Трои.

гамская община пользуется бóльшим уважением, чем смирнская? Даже сами они этого не говорят.

XXXI. (75) Хотел бы я иметь достаточно свободного времени, чтобы прочитать вслух решение жителей Смирны, принятое ими о Кастриции после его смерти: во-первых, внести его тело в город, что не разрешается для других; затем, чтобы его несли юноши; наконец, чтобы на умершего надели золотой венок. Для Публия Сципиона⁵⁷, прославленного мужа, этого не сделали, когда он умер в Пергаме. Что касается Кастриция, — бессмертные боги! — с какими словами обращаются они к нему! «Гордость отечества, украшение римского народа, цвет юношества». Вот почему, если ты, Дециан, жаждешь славы, то я тебе советую добиваться иных похвал. Жители Пергама посмеялись над тобою. (76) Как? Ты не понимал, что над тобой издеваются, когда они читали тебе: «Прославленного мужа выдающейся мудрости, редкостного ума...»? Поверь мне, они издевались над тобой. Когда они, в записях своих, надевали на тебя золотой венок, а на деле доверяли тебе не больше золота, чем галке⁵⁸, то ты даже тогда не сумел оценить всей их тонкости и остроумия? Ведь именно эти жители Пергама отвергли проскрипции, которые ты пытался им подсунуть. Публий Орбий⁵⁹, проныцательный и неподкупный человек, выступил против тебя по всем вопросам.

XXXII. У Публия Глобула, моего близкого друга, ты нашел бóльшую поддержку. О, если бы ни ему, ни мне не пришлось в этом раскаиваться! (77) Ты говоришь, что Флакк вынес по твоему делу несправедливое решение. Ты указываешь также, как на причину враждебных отношений, на то, что твой отец, будучи плебейским трибуном, привлек отца Луция Флакка, тогда курульского эдила, к суду⁶⁰. Но это, по-видимому, не должно было доставить особых неприятностей даже отцу Флакка — тем более что он, который был привлечен к суду, впоследствии был избран в преторы и консулы, а тот, кто его привлек к суду, не смог оставаться в гражданской общине даже как частное лицо. Но если ты думал, что вапа неприязнь оправдана, то почему ты во время военного трибуната Флакка служил как солдат у него в легионе, когда по правилам военной службы ты мог избежать возможной несправедливости трибуна? И почему он как претор привлек для участия в своем совете тебя, сына недруга его отца? Как строго соблюдаются подобные правила, все вы знаете. (78) Нас⁶¹ теперь обвиняют те самые люди, которые участвовали в нашем совете. «Это постановил Флакк». — Разве он постановил не то, что надлежало? — «Но это было во вред гражданам независимой общины». — Разве их сенат решил иначе? — «Во вред отсутствовавшему». — Флакк постановил это, когда ты был на месте и отказывался явиться; это было постановлением не «во вред отсутствующему обвиняемому», а «во вред скрывающемуся». (Постановление сената и указ Флакка.) А если бы Флакк издал не указ, а эдикт, то кто мог бы по справедливости порицать его за это? Не намерен ли ты порицать и моего брата за его письмо, полное доброты и справедливости? Ведь оно касается той женщины; оно послано мне из... (лакуна) [Лелий] потребовал. Читай. (Письмо Квинта Цицерона.) (79) Что же? Не передали ли жители Аполлониды этого дела Флакку, когда им представился удобный случай? Не обсуждалось ли оно в присутствии Орбия? Не было ли оно передано на рассмотрение Глобулу? Не обратились ли во время моего консулата посланцы из Аполлониды к нашему сенату с многочисленными жалобами на беззакония одного только Дециана? Но об этих поместьях ты, по твоим словам, заявил для ценза. Не стану говорить, что это было чужое имущество, что ты завладел им насильственно, что жители Аполлониды тебя в этом изобличили, что жители Пергама отказались это записать, что наши магистраты⁶² возвратили поместья их прежним собственникам, что они не твои ни по какому праву: ни по праву собственности, ни по праву

⁵⁷ Публий Сципион Насика Серапион, консул 138 г., подавивший движение Тиберия Гракха. Осужденный на изгнание, он удалился в Пергам.

⁵⁸ Галке приписывали склонность красть предметы из золота и серебра.

⁵⁹ Пропретор Азии в 64 г. В 63 г. его сменил Публий Сервилий Глобул, которого в 62 г. сменил Луций Валерий Флакк.

⁶⁰ Эдилы как младшие магистраты могли быть привлечены к суду в год своих должностных полномочий. Флакк-отец был претором в 97 г.

⁶¹ Защитник объединяет себя со своим подзащитным — частый прием Цицерона в его судебных речах.

⁶² Это были Публий Орбий и Публий Сервилий Глобул (63 г.) и Флакк (62 г.).

владения⁶³. (80) Я спрашиваю вот о чем: подлежат ли эти поместья цензу, распространяется на них гражданское право, подлежат ли они манципации⁶⁴; можно ли внести их в списки в эрарии или у цензора? ⁶⁵ В какой, наконец, трибе ты внес их для ценза? Ты допустил, чтобы в случае, если настанут тяжелые времена, с одних и тех же поместий потребовали подать⁶⁶ и в Аполлониде, и в Риме. Но пусть будет по-твоему: ты был тщеславен, ты хотел подвергнуться цензу как собственник большого участка земли и притом такой земли, какую нельзя разделить между римским плебсом⁶⁷. Кроме того, ты был подвергнут цензу как обладатель 130 000 сестерциев наличными деньгами. Наличие эта, мне думается, была исчислена не на основании твоего собственного имущества. Но это я спускаю. Ты для ценза дал сведения о рабах Аминта, но этим не нанес ему ущерба; ведь Аминт действительно владеет этими рабами. Но вначале он перепугался, узнав, что ты дал для ценза сведения о его рабах; он обратился к правоведам. Все полагали, что если Дециан, внося в ценз чужое имущество, его сумеет присвоить, то он составит себе огромное состояние... (лакуна).

XXXIII. (81) Вот вам причина враждебного отношения к Флакку. Загоревшись этим желанием, Дециан и передал Лелию это обвинение, сулившее доход. Ведь Лелий, говоря о вероломстве Дециана, жаловался так: «Кто подбил меня на это, кто мне передал ведение дела в суде, за кем я последовал, тот был подкуплен Флакком, тот меня покинул и предал». Так это ты, Дециан, человека, у которого ты участвовал в совете, при котором ты сохранил все ступени своего достоинства, человека самого добросовестного, происходящего из знатнейшего рода, оказавшего государству величайшие услуги, подверг опасности потерять все свое имущество? Я, разумеется, буду защищать Дециана, которого ты, Лелий, заподозрил в том, чего он не совершал. Поверь мне, он не был подкуплен. (82) И право, что можно было бы выиграть, подкупив его? Чтобы он затягивал суд? Раз ему по закону было предоставлено всего шесть часов, то на сколько же часов смог бы он сократить свое выступление, если бы захотел тебе угодить? Дело, бесспорно, обстоит так, как подозревает сам Лелий. Ты позавидовал дарованию своего субскриптора; ведь он с легкостью приукрашивал общее положение, какое он выбрал, и тонко допрашивал свидетелей; он, быть может, достиг бы того, что в народе перестали бы говорить о тебе; поэтому ты и отправил Дециана в толпу слушателей. Но насколько правдоподобно это положение, настолько же неправдоподобно, что Дециан был подкуплен Флакком. (83) Знайте: все прочее столь же достоверно; например, то, что говорит Лукцей⁶⁸, — будто Луций Флакк был готов дать ему 2 000 000 сестерциев за то, чтобы он поступил бесчестно. И ты обвиняешь в алчности человека, который, по твоим же словам, хотел выбросить 2 000 000 сестерциев? Ибо что покупал он, покупая тебя? Твой переход на его сторону? А какую роль могли бы дать тебе в этом деле? Чтобы ты нам сообщал о замыслах Лелия? О том, какие свидетели выступают с его стороны? Разве мы сами не видели этого? Чтобы ты сообщил, что они живут вместе? Кто этого не знает? Что записи были в распоряжении Лелия? Кто в этом сомневается? Или же это было сделано для того, чтобы ты не обвинял настойчиво, не обвинял красноречиво? Вот теперь ты действительно внушаешь подозрения; ведь ты говорил так, что, пожалуй, могло показаться, будто от тебя кое-чего и добились.

XXXIV. (84) «А что, — скажешь ты, — по отношению к Андрону Секстилию⁶⁹

⁶³ Полное право собственности называлось *dominium*; владение и пользование — *possessio*; имеется в виду насильственный захват.

⁶⁴ Манципация: древний акт обычного права — передача, продажа, отчуждение собственности совершалось в присутствии пяти свидетелей и весовщика; покупающий ударял по чаше весов куском меди и произносил торжественную формулу; имущество разделялось на *res mancipi* и *res nec mancipi* (i).

⁶⁵ Незаконно приобретенное имущество нельзя было предъявить для ценза.

⁶⁶ *Tributum* — подать, налог в пользу государства; вначале подушная подать, затем с недвижимости, на основании ценза. Отменена в 167 г. после завоевания Македонии.

⁶⁷ Так как земля находилась в Аполлониде, независимом городе, и не входила в состав государственной земли (*ager publicus*), подлежащей распределению между плебсом на основании ряда аграрных законов.

⁶⁸ Этот Лукцей — не известно нам лицо.

⁶⁹ Это мог быть либо грек-вольноотпущенник, либо грек, получивший право римского гражданства при посредстве некоего Секстилия.

совершенно тяжкое, вопиющее беззаконие: когда умерла его жена ⁷⁰ Валерия, не оставив завещания ⁷¹, Флакк повел дело так, словно наследство должно было достаться ему сам-му». Что же ставишь ты ему в вину в этом деле, хотел бы я знать. Что его притязания не были обоснованы? Как докажешь ты это? — «Она была, — говорит обвинитель, — свободнорожденной». О, искушенный в праве человек! Что же? От свободнорожденной женщины наследство не достается по закону? — «Она поступила под власть мужа». — Теперь я понимаю, но спрашиваю: путем сожительства или путем коемпции? Путем сожительства это не могло произойти; ведь имущество, находящееся под законной опекой, может быть уменьшено только с согласия всех опекунов. Путем коемпции? И это — только с согласия всех опекунов, а ты, конечно, не скажешь, что Флакк был одним из них. (85) Остается то, о чем ее муж не переставал кричать, — что Флакк, будучи претором, не должен был вести дело, касавшееся его самого, и вообще упоминать о наследстве. Я знаю, что тебе, Луций Лукулл ⁷² (ведь ты должен будешь подать свой голос по делу Луция Флакка), за твою исключительную щедрость и величайшие милости, оказанные тобою близким, достались огромные наследства, когда ты управлял провинцией Азией, облеченный консульским империем. Если бы кто-нибудь сказал, что они принадлежат ему, уступил ли бы ты их? А ты, Тит Ветгий? Если тебе достанется какое-нибудь наследство в Африке, упустишь ли ты его в силу давности или оставишь за собой, не заслужив упрека в алчности, без ущерба для своего достоинства? Но ведь требование о вводе во владение этим наследством было заявлено от имени Флакка еще в год квестуры Глобула. Следовательно, он не прибегал ни к принуждению, ни к самоуправству; и ни случай, ни обстоятельства, ни империй, ни секиры ликторов не натолкнули Флакка на мысль совершить беззаконие. (86) Сюда же направил жало своих свидетельских показаний также и Марк Луркон, честнейший муж, мой близкий друг; он заявил, что в провинции претору не следует притязать на деньги частного лица. Почему не следует, Марк Луркон? Вымогать их, брать их противозаконно нельзя; но в том, что на них не следует притязать, ты никогда меня не убедишь, если не докажешь мне, что это не дозволено. А брать на себя, с целью взыскания денег, свободные легации ⁷³, как ты сам поступил недавно и как многие честные мужи делали не раз, законно? Я лично этого не порицаю, но наши союзники, как я вижу, на это жалуются. А претор? Если он не отказался от наследства в провинции, то он, по-твоему, заслуживает не только порицания, но даже осуждения по суду? XXXV. «Валерия, — говорит Луркон, — объявила все свое имущество своим приданым» ⁷⁴. Ни одного из этих доводов нельзя принять как объяснение, если ты не докажешь, что она не состояла под опекой Флакка. Если она была под его опекой, то никакое определение размеров приданого, произведенное без согласия

⁷⁰ В Риме существовали следующие формы заключения брака: А. Жена переходила под власть мужа «в качестве дочери» (*covenire viro in manum filiae loco*), принося ему свое имущество и получая права наследования в его роду и теряя их в своем роду. Способы заключения брака были следующие: 1) конфарреация — у патрициев — религиозный обряд, причем брачащиеся отведывали жертвенного пирога из полбы (*farrum libum confarreatio*); 2) коемпция, купля невесты женихом у ее отца, с совершением манципации, с ее согласия; 3) сожительство (*usus*) — если женщина проводила в доме мужа целый год, не покидая его на три дня подряд. Б. Женщина не переходила под власть мужа (*sine conventione in manum*) и становилась не *mater familias*, а ихог (жена), оставаясь под властью своего отца; этой формой было сожительство до истечения годичного срока. В данном случае Валерия как вольноотпущенница Флакка могла вступить в манус-брак только с его согласия как опекуна.

⁷¹ При отсутствии завещания вольноотпущенника был следующий порядок наследования: первыми были *sui heredes*, т. е. наследники, находившиеся под его властью (*potestas, manus*) — дети, дети сыновей и их вдовы; затем его патрон и его жена, их дети и родичи. Если вольноотпущенница состояла в формальном браке, то ее наследником был ее муж. Чтобы доказать законность притязаний Флакка на наследство, надо было доказать, что он как законный опекун не давал согласия на брак и что формального брака не было.

⁷² Луций Липций Лукулл Понтийский, консул 74 г.

⁷³ Поездка сенатора по его личным делам, под видом официального поручения, за счет казны.

⁷⁴ Приданое различалось: 1) данное отцом женщины (*dos profecticia*); 2) полученное от других лиц или приобретенное самой женщиной (*dos adventicia*); в собственности мужа после смерти жены переходил только второй вид приданого.

Флакка, недействительно. (87) Но вы все-таки видели, что Луркон, хотя он, в соответствии со своим высоким положением, давая свидетельские показания, сдерживался в выражениях, все же раздражен против Флакка. Он не скрыл причины своего раздражения и не считал нужным умолчать о ней. Луркон заявил жалобу, что во время претуры Флакка был осужден его вольноотпущенник. О, печальное положение правителей провинций, когда их добросовестность навлекает на них вражду, небрежность — порицание, когда строгость чревата опасностями, когда за щедрость платят неблагодарностью, речи коварны, снисходительность пагубна, когда у всех на лицах дружба, а у многих в сердце гнев, когда раздражение затаено, а лесть открыта! Преторов, когда они должны приехать, ждут; в их присутствии перед ними раболепствуют; от уезжающих отшатываются. Но оставим сетования, дабы не показалось, что я превозношу свое решение пренебрегать наместничеством⁷⁵. (88) Флакк послал письменный приказ об управителе усадьбой Публия Септимия, значительного человека; управитель этот совершил убийство. Септимий, как вы могли видеть, был вне себя от гнева. По делу вольноотпущенника Луркона Флакк своим эдиктом назначил суд; Луркон — враг ему. Итак, что же? Азию надо отдать во власть вольноотпущенникам влиятельных и блистательных людей? Или Флакк питает какую-то вражду к вашим вольноотпущенникам? Или суровость вам ненавистна, когда решаются дела ваши и ваших близких, и вы за нее же хвалите, вынося приговор, касающийся нас? XXXVI. Но этот Андрон, по вашим словам ограбленный, не приехал для дачи свидетельских показаний. (89) А если бы он приехал? Третьим судьей был Гай Цецилий, какой блистательный, какой честный, какой добросовестный человек! Дело скрепил своей печатью Гай Секстилий, сын сестры Луркона, человек добросовестный, твердых и строгих правил. Если было допущено самоуправство, если налицо был обман, если произошло заугивание, если налицо было мошенничество, то кто заставлял их заключать соглашение, кто заставлял их присутствовать? Что же? Если же эти деньги были вручены присутствующему здесь молодому Луцию Флакку⁷⁶, если они были истребованы, если они были собраны при посредстве присутствующего здесь вольноотпущенника, отца этого юноши, Антиоха, пользовавшегося особым доверием у старика Флакка, то не кажется ли вам, что мы не только не заслуживаем упреков в алчности, но даже достойны особенной похвалы за свое великодушие? Ведь обвиняемый уступил своему молодому родственнику их общее наследство, которое, по закону, причиталось им поровну; сам он ни к чему из имущества Валерии не прикоснулся; то, что он решил сделать из уважения к добросовестности этого юноши и ввиду его весьма ограниченного достатка, он не просто сделал, а сделал охотно и щедро. Из этого следует заключить, что человек, который был столь великодушен в своем отказе от наследства, в нарушение законов не присваивал себе чужого имущества.

(90) А вот обвинение со стороны Фальцидия тяжкое: он говорит, что дал Флакку 50 талантов. Выслушаем его. Его здесь нет. Как же в таком случае он говорит? Одно его письмо предъявляет его мать, другое — его сестра. По их словам, Фальцидий написал им, что дал Флакку такие большие деньги. Итак, тот, кому никто не поверил бы, если бы он стал клясться, касаясь рукой алтаря, убедит вас во всем, в чем захочет, при помощи письма, не дав клятвы? И какой человек! Как мало в нем дружбы к согражданам! Завидное отцовское состояние, которое он смог бы растратить здесь вместе с нами, он предпочел промотать на пирах у греков. (91) Зачем ему понадобилось оставлять наш Город, отказываться от такой прекрасной свободы, цускаться в опасное морское плавание? Словно нельзя было проесть свое имущество в Риме? Только теперь красавчик-сын оправдывается перед своей матушкой, старушкой, далекой от всяческого подозрения, дабы казалось, что деньги, с которыми он пересек море, он не растратил, а дал Флакку. XXXVII. «Но ведь сбор податей с жителей Тралл был сдан на откуп в претуру Глобула; Фальцидий откупил его за 900 000 сестерциев». Если он дает Флакку такие большие деньги, то он, очевидно, их для того и дает, чтобы

⁷⁵ Цицерон, уклонившийся от претуры в 65 г., в 62 г. должен был быть проконсулом Македонии; он сначала обменялся провинциями с коллегой Гаем Антонием, который должен был быть наместником Цисальпийской Галлии, а затем совсем отказался от наместничества.

⁷⁶ Неизвестное нам лицо. «Старик Флакк», возможно, его отец. Гай Валерий Флакк, дядя обвиняемого, был наместником Нарбонской Галлии.

покупка была утверждена. Следовательно, он купил нечто, несомненно, гораздо более ценное; он дает из дохода и ничего не берет из основного капитала; следовательно, только его доход уменьшается. (92) Но тогда почему он велит продать альбанскую усадьбу, почему, кроме того, льстит матери, почему он в своих письмах старается подловить сестру и мать на их простоте; наконец, почему мы не слышим его самого? Не сомневаюсь, он задержался в провинции. Его мать отрицает это. «Он приехал бы,— говорит она,— если бы его вызвали». Ты, Лелий, конечно, заставил бы его явиться, если бы ожидал какой-либо поддержки от этого свидетеля. Но ты не хотел отвлекать его от его занятия. Ему предстояла большая борьба, большое состязание с греками; но они, если не ошибаюсь, лежат побежденные; ведь он один превзошел всю Грецию размерами своих кубков и умением пить. Но кто же все-таки сообщил тебе, Лелий, об этих письмах? Эти женщины говорят, что они о них ничего не знают. Кто же в таком случае? Не сам ли он тебе рассказал, что писал матери и сестре? Или он даже написал по твоей просьбе? (93) Но почему же ты ни о чем не спрашиваешь, ни Марка Эбудия, весьма стойкого и весьма добросовестного человека, родственника Фальцидия, ни зятя его Гая Манилия, не менее честного человека? Они, конечно, не могли бы не слышать о таких больших деньгах, будь они даны. Итак, ты, Дециан, подумал, что ты, огласив эти письма, предоставив слово этим бабенкам, похвалив отсутствующего автора писем, докажешь такое тяжкое обвинение, особенно когда ты сам, не вызывая Фальцидия в суд, решил, что подложное письмо будет иметь больший вес, чем неискренность Фальцидия и его притворное негодование в случае его присутствия.

(94) Но почему о письмах Фальцидия, об Андроне Секстилии и о цензе Дециана я рассуждаю так долго и обвиняю их, а о нашем всеобщем благополучии, о достоинстве граждан, о высших интересах государства молчу? Ведь их при этом суде вы полностью поддерживаете своими, повторяю, своими плечами, судьи! Вы видите, в какое тревожное время мы живем, при каких глубоких переменах и потрясениях. XXXVIII. Некоторые люди стараются добиться, наряду со многим, также и того, чтобы ваши мысли, ваши приговоры, ваше голосование были роковыми для всех честнейших людей и весьма враждебными им. Заботясь о достоинстве государства, вы вынесли много суровых приговоров по делам о преступлении заговорщиков⁷⁷. Но они думают, что государство еще недостаточно потрясено, раз им не удалось такой же каре, какую понесли нечестивцы, подвергнуть граждан с величайшими заслугами. (95) Гай Антоний был осужден⁷⁸. Пусть будет так! Он в какой-то мере заслужил свое бесчестие. И все же (говорю это с полной ответственностью), будь вы судьями, не был бы осужден даже он, после осуждения которого на могиле Катилины, украсив ее цветами, в большом числе собрались для пиршества величайшие преступники и внутренние враги. Катилине воздали должные почести⁷⁹. Теперь Флакка при вашем посредстве стараются покарать за смерть Лентула⁸⁰. Какую более удобную жертву можете вы заклать Публию Лентулу, пытавшемуся при пожаре отечества похоронить вас, убитых в объятиях жен и детей, чем жертва, которой вы кровью Луция Флакка насытите его нечестивую ненависть ко всем нам.

(96) Итак, принесем искупительную жертву Лентулу, почтим манов Цетега, возвратим изгнанных, а за безграничную преданность и великую любовь к отечеству мы, со своей стороны, если это находят нужным, понесем кару. Нас уже называют доносчики, на нас возводят обвинения, против нас подготавливают судебное преследование. Если бы они действовали при посредстве других людей, наконец, если бы они именем народа подстрекали против нас толпы неискушенных граждан, то мы смогли

⁷⁷ После казни главных заговорщиков были осуждены и другие: Луций Варгунтей, Сервий Сулла, Марк Порций Лека, Гай Корнелий, Публий Автроний Пет. Публий Сулла был оправдан.

⁷⁸ Из дальнейших слов оратора следует, что Гай Антоний был осужден в отместку за его действия против Катилины.

⁷⁹ Катилина пал в январе 62 г. под Писторией; его голова была доставлена в Рим. Его «могила» могла быть только кенотафом. В день поминовения умерших (Паренталии, 13 февраля) на могиле совершали возлияния водой, вином, молоком, медом, маслом, кровью черных быков, овец и свиней; приносилась жертва, совершалась трапеза, могилу украшали цветами.

⁸⁰ Публий Корнелий Лентул Сура, один из казненных главарей заговора, был в 63 г. претором.

бы терпеть это более спокойно. Но совершенно нестерпимо, что они находят возможным при посредстве сенаторов и римских всадников, которые во имя всеобщего спасения, единые в своих взглядах и доблести, по общему решению, совершили все эти действия, вождей и зачинателей их, лишить всего их достоинства и изгнать из государства. И действительно, они хорошо понимают, что ни мысли, ни воля римского народа не изменились; римский народ всем, чем только может, дает понять, что он чувствует; люди едины в своем мнении, своих стремлениях, своих речах. (97) Итак, если кто-нибудь сюда меня призывает, я прихожу; участия римского народа как судьи в споре не только не отвергаю, но даже требую. Долой насилие, да будут отброшены мечи и камни, да сгинут шайки, да замолчат рабы! Никто, если это свободный человек и гражданин, не будет так несправедлив, чтобы, выслушав меня, не подумать скорее о моем награждении, чем о моем наказании. XXXIX. О, бессмертные боги! Возможно ли что-нибудь более печальное? Мы, выбившие меч и пламя из рук Публия Лентула, доверяемся суждению неискушенной толпы и страшимся приговора наиболее видных и наиболее именитых граждан!

(98) Мания Аквилія⁸¹, избалованного в корыстолюбии на основании многочисленных обвинений и свидетельских показаний, наши отцы за то, что он храбро воевал с беглыми рабами, по суду оправдали. В бытность свою консулом я недавно защищал Гая Писона⁸², и он, в свое время стойкий и храбрый консул, был сохранен для государства невредимым. Кроме того, будучи консулом, я защищал избранного консула Луция Мурену⁸³; несмотря на то, что его обвиняли прославленные мужи, ни один из тех судей не счел нужным слушать его дело о домогательстве, так как все по моему предложению — когда Катилина уже вел войну — признали нужным, чтобы в январские календы налицо было двое консулов. Неподкупный и честный муж, украшенный многими доблестями, Авл Ферм был дважды оправдан в этом году, причем защищал его я⁸⁴. Какое ликование римского народа, какое изъявление благодарности за благополучие государства последовало за этим! Достоинные и мудрые судьи, вынося приговор, всегда думали о том, чего требует польза граждан, чего требует всеобщее благополучие, чего требует положение государства. (99) Когда вам дадут табличку⁸⁵, судьи, ее вам дадут не только для решения о руководителях и вдохновителях дела спасения государства, для решения обо всех честных гражданах, для решения о вас самих, для решения о ваших детях, о жизни, отечестве, всеобщем благе. Вы в этом деле выносите приговор не о чужеземных народах, не о союзниках, о самих себе, о своем государстве выносите вы приговор.

XL. (100) Но если благополучие провинций волнует вас больше, чем ваше собственное, то я со своей стороны не только не противлюсь этому, но даже требую от вас руководствоваться волей провинций. И в самом деле, противопоставим провинции Азии прежде всего большую часть этой же провинции, которая ввиду опасностей, грозящих Флакку, прислала сюда своих посланцев и предстателей за него, затем провинцию Галлию, провинцию Киликию, провинцию Испанию, провинцию Крит; грекам из Лидии, Фригии и Мисии будут возражать массалийцы, родосцы, лакедемоняне, афиняне, вся Ахайя, Фессалия, Беотия. Свидетелям Септимию и Целию дадут отпор Публий Сервилий и Квинт Метелл⁸⁶ как свидетели добросовестности и бескорыстия Луция Флакка. Правосудию в Азии ответит правосудие в Риме. Обвинения, касающиеся одного года, будут опровергаться всей жизнью Луция Флакка и его деятельностью изо дня в день. (101) И если Луцию Флакку, судьи, должно помочь то, что

⁸¹ Консул Маний Аквиллий одержал в 101 г. победу над восставшими сицилийскими рабами. Он был обвинен Луцием Фуфием. Его защищал оратор Марк Антоний, показавший судьям рубцы от боевых ран, полученных Аквилием.

⁸² Гай Кальпурний Писон, консул 67 г., проконсул Нарбонской Галлии в 66—64 гг., был обвинен во взяточничестве. Речь Цицерона не дошла до нас.

⁸³ См. Цицерон, «В защиту Мурены».

⁸⁴ О процессах Авла Минуция Ферми (59 г.) сведений нет.

⁸⁵ Табличка для тайного голосования — наощенная дощечка с надписями *A* (*absolvo* «оправдываю») и *C* (*condemno* «осуждаю»); одну из надписей стирали и опускали табличку в урну. При голосовании в комициях на табличках было *UR* (*uti rogas* «согласие») и *A* (*antiquo* «по-старому, несогласие»); при выборах магистратов писали имя кандидата.

⁸⁶ Публий Сервилий Ватия Исаврийский и Квинт Цецилий Метелл Критский.

он как военный трибун, как квестор, как легат проявил себя перед прославленными императорами, перед доблестнейшими войсками, перед важнейшими провинциями достойным своих предков, то да поможет ему также и то, что при всеобщих опасностях, угрожавших всем нам ⁸⁷, он у вас на глазах шел на опасность рука об руку со мною; да помогут ему хвалебные отзывы муниципиев и колоний; да поможет ему и прекрасная и искренняя хвала сената и римского народа! (102) О, ночь ⁸⁸, едва не погрузившая этот Город в вечный мрак, когда галлов призывали к войне, Катилину — к походу на Город, заговорщиков — к оружию и поджогам, когда я, приводя в свидетели ночное небо, плача, заклинал тебя, Флакк, тоже лившего слезы, когда я препоручил твоей величайшей и глубоко испытанной верности благополучие Города и граждан! Это ты, Флакк, как претор тогда схватил вестников всеобщей гибели; это ты обнаружил таившуюся в письмах гибель государства; это ты доставил мне и сенату улики об угрожавших нам опасностях, как и средства для спасения. Какую благодарность выразил тебе тогда я, какую тебе выразил сенат, какую тебе выразили все честные люди! Кто мог подумать, что кто-либо из честных людей когда-нибудь откажет тебе, откажет Гаю Помпигину, храбрейшему мужу, уже не говорю — в спасении, но и в любой почетной должности? О, декабрьские ноны, что были в год моего консулата! День этот я справедливо могу назвать днем рождения нашего Города или, во всяком случае, спасительным днем. ХLI. (103) О, ночь, после которой наступил этот день, ночь, счастливая для нашего Города, но — горе мне, — быть может, зловещая для нас! Какое присутствие духа проявил тогда Луций Флакк (о себе я не говорю), какую любовь к отечеству, какую доблесть, какое достоинство! Но зачем упоминать мне о тех событиях, которые тогда, когда они происходили, до небес превозносились в похвалах единодушным согласием всех людей, единым голосом римского народа, единым свидетельством всего мира? Теперь они, пожалуй, не только не принесут нам пользы, но даже повредят. Ведь у бесчестных людей память, чувствую я, иногда гораздо прочнее, чем у честных. Именно я, если с тобою случится какое-нибудь несчастье, именно я, повторяю, окажусь по отношению к тебе предателем, Флакк! Это была моя рука, мои заверения, мои обещания, когда я сулил тебе, что ты, если мы спасем государство, будешь в течение всей своей жизни не только огражден заслоном всех честных людей, но и возведен ими. Я думал, я надеялся, что даже в случае, если почести, оказанные нам, не будут иметь большого значения в ваших глазах, то благополучие наше, во всяком случае, будет вам дорого. (104) Но даже если Луция Флакка, судьи, — да предотвратят бессмертные боги исполнение такого предсказания! — постигнет тяжкая несправедливость, то он все же никогда не станет раскаиваться в том, что стоял на страже вашего благополучия, заботился о вас, о ваших детях, женах, о вашем достоянии. Он всегда будет полагать, что такое отношение было его долгом и перед своим высоким происхождением, и перед своим благочестием, и перед отечеством. Во имя бессмертных богов, судьи! — смотрите, как бы вам не пришлось раскаиваться в том, что вы не пощадили такого гражданина! Много ли найдется людей, в своей государственной деятельности готовых идти по этому пути, людей, которые желают быть угодными вам, быть угодными людям, подобным вам, людей, которые высоко ставят авторитет всех честнейших и именитейших граждан и сословий, хотя и видят, что на том, другом пути достигнуть почетных должностей и всего того, чем они так сильно пожелали, легче. ХLII. Но пусть все остальное принадлежит им! Пусть в их руках будет могущество, в их руках — магистратуры, в их руках — наибольшие возможности получать другие преимущества. Да будет дозволено тем, кто хотел все это вот ⁸⁹ сохранить неприкосновенным, самим оставаться неприкосновенными! (105) Не думайте, судьи, что те, которые еще не сделали выбора и еще не вступили на путь почестей, не ждут исхода этого суда. Если столь великая любовь ко всем честным людям, столь великая преданность государству принесут Луцию Флакку несчастье, то кто, по вашему мнению, будет впредь так безумен, что предпочтет тот жизненный путь, который он ранее считал опасным и скользким, этому гладкому и на-

⁸⁷ Имеется в виду заговор Катилины.

⁸⁸ Ночь со 2 на 3 декабря 63 г., когда Флакк и Помпигин задержали на Мульвиевом мосту послов аллоброгов и добыли прямые улики.

⁸⁹ То есть римское государство, все, находящееся перед взором оратора.

дежному? И если вы, судьи, чувствуете отвращение к таким гражданам, то покажите это. Кто сможет, мнение свое переменит; свободные в своем выборе решат, что им делать. Мы, которые зашли уже далеко, будем переносить все последствия своего безрассудства. Но если вы хотите, чтобы так думало большинство людей, то покажите своим приговором, каково ваше мнение.

(106) Этому вот несчастному мальчику ⁹⁰, умоляющему вас и ваших детей, судьи, вы укажете правила жизни своим приговором. Если вы ему сохраните отца, то вы предпишете ему, каким гражданином должен быть он сам. Но если вы отнимете отца у сына, то вы покажете, что за честный, стойкий и строгий образ действий вы не предвидите никаких наград. Так как он еще в таком возрасте, что почувствовать горе отца он может, но помочь отцу еще не может, то он молит вас не усугублять его страданий слезами отца, не усугублять горя отца его плачем. Он смотрит и на меня, призывает меня своим взглядом; плача, он как бы умоляет меня о покровительстве и притязает на высокое положение, которое я когда-то обещал отцу в награду за спасение отечества. Сжальтесь над семьей, судьи, сжальтесь над храбрейшим отцом, сжальтесь над несчастнейшим сыном. Сохраните для нашего государства его прославленное и храброе имя и ради его рода, и ради его не сителя.

---

⁹⁰ Сын обвиняемого. Коммизерация — заключительная часть речи, рассчитанная на то, чтобы вызвать сострадание судей.

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Владимир Георгиев (1908—1986) — крупный болгарский ученый, ведущий специалист по древним языкам Эгейского мира и Средиземноморья, профессор Софийского и Венского университетов, академик Болгарской Академии наук, почетный член-корреспондент Французской, Финской, Саксонской (Лейпциг), Афинской академий наук, лауреат премии им. Димитрова 1951 и 1969 гг.

С первых публикаций В. Георгиева, относящихся к концу 30-х и началу 40-х годов, обозначился основной круг его интересов: исследование недешифрованных крито-микенских текстов — ценнейшего источника по социально-экономической истории архаической Греции. Если его учитель по Венскому университету П. Кречмер (как несколько позднее Н. Я. Марр) стремился вскрыть прежде всего неиндоевропейское наследие в греческом и других языках Восточного Средиземноморья, то Георгиев начал работы в противоположном направлении. Он выявил в древнегреческом языке целый пласт слов, которые несомненно имеют индоевропейские этимологии, но при этом обнаруживают особые звуковые соответствия, отличные от тех, которые находят в собственно греческой лексике индоевропейского происхождения. Эти особые слова Георгиев признал заимствованными из ранее неизвестного «догреческого» (или «целасгского») индоевропейского языка, с которым древнегреческий находился в контакте еще до появления письменных текстов. Самый метод обнаружения ранее неизвестного индоевропейского языка по заимствованиям из него в другом известном языке является весьма продуктивным (аналогичным образом изучались, например, лидийские слова в древнеперсидском, куршские — в латышском и т. п.). Его обоснованно сравнивают с тем, как астроном вычисляет существование планеты или звезды по ее возмущающему воздействию на орбиту другого небесного тела. После работ самого Георгиева по «догреческому» индоевропейскому языку, выполненных и опубликованных в 40-х и 50-х годах, целый ряд известных ученых — таких, как А. Ван Виндекенс в Бельгии, В. Мерлинген в Австрии, продолжили это направление исследований, выявили особый («западный» в диалектном смысле, отличный от «восточного» греческого) характер лексики «догреческого» или «целасгского» языка. Открытие этого языка остается важнейшим научным достижением Георгиева; этому не противоречит смещение интересов исследователей (Фюрке, Николаева и ряда других молодых ученых) в последнее десятилетие к изучению неиндоевропейских (северокавказских и картвельских) элементов в греческой лексике. Однако выявление этих элементов показывает, что в полемике Георгиева с Кречмером и его последователями правда была, видимо, за обеими сторонами; сейчас цикл развития сместился в направлении интересов Кречмера и Марра, но это не должно мешать видеть и оправданность подхода Георгиева к «догреческому».

С первых своих публикаций Георгиев приступает к решению смелой задачи — дешифровке крито-микенских текстов. Он полагал, что они написаны на догреческом языке. После дешифровки текстов линейного письма *В* М. Вентрисом Георгиев публикует сводные работы по крито-микенскому словарю и участвует в первых микенологических встречах. В апреле 1956 г. на Международном коллоквиуме в Жиф-сюр-Иветт Георгиев дал характеристику крито-микенского диалекта древнегреческого языка, что стало тогда одним из важнейших направлений греческого языкознания. Вместе с тем Георгиев продолжает свои опыты дешифровки текстов линейного письма *А*, которое (как в самых последних своих работах — и надпись на Фестском диске) он пытается интерпретировать как написанные на одном из хетто-лувийских языков. С аналогичной точки зрения он подходит и к этрусскому языку. Хотя эти гипотезы не получили признания, их обсуждение стимулировало исследование проблем древне-средиземноморских культурно-языковых связей; если и будет признан неиндоевропейский характер этрусского, наличие в нем отдельных элементов индоевропейского (в том числе и возможного хетто-лувийского происхождения) вполне вероятно.

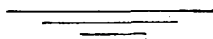
В последние несколько десятилетий Георгиев напряженно занимался палеобалканскими языками, пробуя выделить ряд языков в общей массе античных глосс и эпиграфических данных, обычно суммируемых терминами «фракийский» и «фригийский». Советскому читателю краткое изложение его взглядов известно по книге «Исследования по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию», изданной на русском языке в 1958 г. под редакцией видного лингвиста В. А. Дыбо. Несомненно, что внимание к палеобалканистике, возросшее в последнее время в нашей и мировой науке, в большой мере было пробуждено оригинальными гипотезами В. Георгиева.

В. Георгиев в своих трудах по индоевропейскому языкознанию постоянно стремился учесть новые данные, интересовался как хетто-лувийскими языками, так и тохарскими; среди статей, напечатанных им в 50-х годах в «Вопросах языкознания» АН СССР, одна посвящена связям тохарских языков с балто-славянскими (что впоследствии было подтверждено более детальными исследованиями). Оригинальны и его работы по славистике. В них, как и во всех его трудах, сказываются широта научной фантазии и смелость ученого. Георгиев был одним из деятельных членов Международного комитета славистов, участвовал в организации и проведении Международного конгресса славистов в Москве в 1958 г. и в последующих съездах славистов.

В 50-х и 60-х годах он не раз посещал Москву, много печатался в советских научных изданиях, в том числе и в «Вестнике древней истории», прочел цикл лекций по сравнительному языкознанию в Московском университете. В 1976 г. Георгиев выступил с докладом на пленарном заседании конференции «Эйрене» в Ереване. Он поддерживал тесные связи со многими советскими учеными.

Широта, нетривиальность и нестандартность подхода к трудным задачам, смелость и научная увлеченность В. Георгиева передавались всем, с кем он сотрудничал и чьим научным занятиям помогал.

Вяч. Вс. Иванов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ — Археологічні дослідження на Україні
 АИУ — Археологические исследования на Украине
 АО — Археологические открытия
 АП — Археологічні пам'ятки
 АС — Археологический сборник
 ВВ — Византийский Временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВЛ — Вопросы литературы
 ВФ — Вопросы философии
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
 ЗРАО — Записки Русского Археологического Общества
 ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 НДВШ — Научные доклады высшей школы
 НС — Нумизматический сборник
 НСф — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 СА — Советская археология
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 Тр. АС — Труды Археологического съезда
 УІЖ — Український Історичний журнал
 AfO — Archiv für Orientforschung
 AJPh — American Journal of Philology
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 АРАМNH — Anthropological Papers of American Museum of Natural History, New York
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BSOAS — The Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London
 CAH — Cambridge Ancient History
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum
 GHA — Göteborgs Högskolas Arrsskrifter
 GK — *Gerhard E., Körte G.* Etruskische Spiegel. I—V. Berlin, 1840—1897
 HSClPh — Harvard Studies in Classical Philology
 IOSPE — *B. Latyshev.* Inscriptiones antiquae, graecae et latinae, orae septentrionalis
 Ponti Euxini
 ISM — Inscriptiili din Scythia Minor
 Jacoby, FGrH — *F. Jacoby.* Die Fragmente der griechischen Historiker, Berlin, 1923 —
 1958
 JAOS — Journal of the American Oriental Society
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 JRS — Journal of Roman Studies
 KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
 MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
 MSI — Memorie della Società di Storia Patria
 NRIE — *M. Buffa.* Nuova raccolta di iscrizioni etrusche. Firenze, 1935
 OGIS — *W. Dittenberger.* Orientis Graeci inscriptiones selectae

PCPhS — Proceedings of Cambridge Philological Society
Prudentia — Prudentia. A Journal devoted to the Intellectual History of the Hellenistic and Roman Periods. Auckland
PZ — Prähistorische Zeitschrift
RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
RSA — Rivista storica dell'Antichità, Bologna
RSO — Rivista degli studi orientali
SC — Scythica et Caucasica
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
SE — Studi Etruschi, Firenze
StBoT — Studien zu den Boghazköy-Texten
TLE — *M. Pallottino*. Testimonia Linguae Etruscae. Firenze, 1968
WO — Die Welt des Orients

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» АН СССР ЗА 1986 г.

<i>Бонгард-Левин Г. М.</i> (Москва), <i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Советская наука о древнем Востоке в 1981—1985 гг.	1	3
<i>Голубцова Е. С.</i> (Москва) — Историки античности к XXVII съезду КПСС (Об исследовании истории античного мира в 1981—1985 гг.)	2	3
О перспективном плане работы «Вестника древней истории» в свете решений XXVII съезда КПСС	3	3

<i>Андреев В. Н.</i> (Ленинград) — Проблема стабильности крупных афинских состояний V—IV вв. до н. э.	3	68
<i>Карпюк С. Г.</i> (Москва) — Клизфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах	1	17
<i>Кошурников С. Г.</i> (Ленинград) — Социально-политическая история Дильбата в правление I Вавилонской династии	4	3
<i>Моисеева Т. А.</i> (Воронеж) — К вопросу о характере Фригийского государства в VIII — начале VII в. до н. э.	3	9
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. IV	3	33
<i>Рубан В. В., Урсалов В. Н.</i> (Николаев) — История денежного обращения на сельской территории Борисфены и Ольвии догетского времени	4	31
<i>Русяева А. С.</i> (Киев) — Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья	2	25
<i>Самозванцев А. М.</i> (Москва) — О правовом тексте дхармасутр	4	15
<i>Строгецкий В. М.</i> (Горький) — Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание	2	65
<i>Шелов Д. Б.</i> (Москва) — Идея всепонтийского единства в древности	1	36
<i>Янковская Н. Б.</i> (Ленинград) — К проблеме оптовой торговли Каниша (XIX в. до н. э.) Uttātu — мельчайшая денежная единица	2	17

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Богословский Е. С.</i> (Ленинград) — Статуя современника Тхутмосе IV в Музее зарубежного искусства Латвийской ССР	3	94
<i>Болтунова А. И.</i> (Москва) — Надписи Горгиппии (Из находок 1971—1981 гг.)	1	43
<i>Борисковская С. П.</i> (Ленинград) — Аттическая геометрическая керамика в Эрмитаже	3	110
<i>Золотарев М. И.</i> (Севастополь) — Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI—V вв. до н. э.	2	88
<i>Кутайсов В. А.</i> (Симферополь) — К нумизматике Керкинитиды V в. до н. э.	2	94
<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — Из эпиграфики Горгиппии	1	62
<i>Сон Н. А.</i> (Киев) — Новая латинская надпись из Тире	4	60
<i>Фролова Н. А.</i> (Москва) — Золотая монета 338 г. боспорской эры =41 г. н. э. Митридата III из собрания ГИМ	4	54

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Амусин И. Д.</i> (Ленинград) — Кумранский антифарисейский памфлет	3	133
<i>Бадальянц Ю. С.</i> (Рязань) — Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма (По материалам керамической эпиграфики)	1	87
<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Системный анализ староегипетских гробничных комплексов	2	98

<i>Вальченко В. В.</i> (Калининград) — К вопросу о родовой принадлежности «Характеров» Феофраста	2	156
<i>Варданян Р. Е.</i> (Ереван) — Эллимайдские монеты: к хронологической систематизации бронзовых эмиссий II в. н. э.	1	99
<i>Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.</i> (Симферополь) — Древние укрепления Северного Крыма (По данным античных письменных источников)	2	145
<i>Воробьев В. А.</i> (Ленинград) — Поті у Гипократа	3	117
<i>Герцман Е. В.</i> (Ленинград) — «Каталог песен» из Ашшура (KAR 158 col. VIII) и положения античного музыковедения	2	175
<i>Гимадеев Р. А.</i> (Ленинград) — 'HPΩΣ 'HPOΔOTOΣ?	4	77
<i>Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.</i> (Москва) — Античная версия исторического события, отраженного в КУВ XXIII, 13	1	81
<i>Джаукян Г. Б.</i> (Ереван) — О так называемой «глоттальной теории» в индоевропеистике	3	160
<i>Климов Г. А.</i> (Москва) — Об ареальной конфигурации протоиндоевропейского в свете данных картвельских языков	3	150
<i>Климов О. Ю.</i> (Мурманск) — Коллегия атталистов в Пергаме	4	102
<i>Козырева Н. В.</i> (Ленинград) — Серебро как одно из средств выплаты налога и эквивалент трудовой повинности в старовавилонской Месопотамии	1	76
<i>Мавлеев Е. В.</i> (Ленинград) — Вольсинии в Самнитских войнах	3	120
<i>Мартемьянов А. П.</i> (Харьков) — Римская вилла на территории Фракии и Нижней Мезии в I—V вв. н. э. (<i>Обзор исследований</i>)	2	162
<i>Немировский А. И.</i> (Москва) — Бронзовая модель печени из Пьяченцы как календарная система	4	109
<i>Орел В. Э.</i> (Москва) — Об одном институте индоевропейского права. Опыт лингвистического комментария	1	130
<i>Самохина Г. С.</i> (Петрозаводск) — Проблема науки истории в эллинистической историографии III—II вв. до н. э.	4	95
<i>Скрябинская М. В.</i> (Киев) — Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII—VI вв. до н. э.	4	84
<i>Тохтаев С. Р.</i> (Ленинград) — Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании	2	138
<i>Хачатрян Ж. Д., Тоникян А. В.</i> (Ереван) — Античная баня в Гарни	3	141
<i>Чернышева А. З.</i> (Иваново) — Пленные в государстве хеттов	4	69
<i>Шичалин Ю. А.</i> (Москва) — По поводу названия трактата Плотина ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΥΠΟΣΤΑΣΕΩΝ (Enn. V, 1.)	4	118
<i>Шопина Н. Р.</i> (Москва) — Папирусное «содержание» трагедии «Александр» и ее место в творчестве Еврипида	1	117

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Аветисян К. А.</i> (Выборг), <i>Симонов В. В.</i> (Москва) — Источниковедение истории древнего Востока. Учебник для студентов исторических факультетов вузов. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1984	3	186
<i>Баюн Л. С., Орел В. Э.</i> (Москва) — C. B r i x h e, M. Lejeune. Corpus des inscriptions paléophrugiennes. T. I—II. Paris, 1984	3	202
<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — S. H o d j a s h, O. B e r l e v. The Egyptian Relief and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. L., 1982; F. W. H i n k e l. Exodus from Nubia. B., 1978	1	163
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1984 г.	4	160
<i>Виноградов Ю. А.</i> (Ленинград) — P. S. W e l l s. Culture contact and culture change. Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean world. London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1980	2	194
<i>Глушкина Л. М.</i> (Ленинград) — M. J. O s b o r n e. V. I. Naturalization in Athens; V. II. Commentaries on the Decrees Granting Citizenship; V. III—IV. The Testimonia for the Grant of Citizenship. Brussel, 1981—1983	2	199
<i>Исаева В. И.</i> (Москва), <i>Межеричук Я. Ю.</i> (Калуга) — Античный полис. Л., 1979; Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982; Проблемы античной государственности. Л., 1982; Проблемы социальной и политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984	2	183
<i>Козловская В. И., Согомонов А. Ю.</i> (Владимир) — «Финикийская экспансия в Средиземноморье». Международный симпозиум в Кельне	3	192
<i>Кудрявцев М. К.</i> (Ленинград) — Еще раз о кармакарах в «Артхашастре» (В связи с книгой: А. А. В и г а с и н, А. М. С а м о з в а н ц е в. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984)	4	127
<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Новое исследование древнегреческого рабства	4	140
<i>Массон В. М.</i> (Ленинград) — Новый этап в изучении древнеиндийской цивилизации Харашпи	4	130
<i>Михайлова Т. А.</i> (Москва) — F. L e R o u x, Ch.-J. G u y o n v a r g e s ' h. La Civilization Celtique. Rennes, Ogam — Celticum, 1982	3	210

<i>Моисеева Т. А.</i> (Воронеж) — <i>G. M. A. Hanfmann. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958—1975.</i> Cambr., 1983	1	165
<i>Молчанов А. А., Цымбурский В. Л.</i> (Москва) — <i>А. И. Немировский и Й. Этруски: от мифа к истории.</i> М., 1983	3	167
<i>Смышляев А. Л.</i> (Москва) — <i>Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. Перевод и примечания И. С. Перетерского.</i> М., 1984	1	145
<i>Ткаченко Г. А.</i> (Москва) — <i>Э. М. Яншина. Формирование и развитие древнекитайской мифологии.</i> М., 1984	1	151
<i>Хайт В. Л.</i> (Москва) — <i>В. И. Гуляев. Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры.</i> М., 1984	3	214
<i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — <i>Studia Phoenicia. Bijdragen van de Interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (Orientalia Lovaniensia Analecta. V. 15).</i> Leuven, 1983	4	155
<i>Шохин В. К.</i> (Москва) — <i>Essays on Gupta Culture.</i> Ed. by <i>B. L. Smith.</i> Delhi etc., 1983	1	170
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — <i>Новое издание фрагментов Гиппонакта</i>	1	180

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Левинская И. А.</i> (Ленинград) — <i>I и II Доватуровские чтения в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР</i>	2	213
<i>Памяти Г. Ф. Ильина (1914—1985)</i>	2	218
<i>Панченко Д. В.</i> (Ленинград), <i>Гроссман Ю. М., Лисовой И. А.</i> (Львов) — <i>Научные заседания памяти С. Я. Лурье (1891—1964)</i>	4	185
<i>Чекалова А. А.</i> (Москва) — <i>Международная конференция «Кризис III века, его последствия и отображение в идеологии и культуре» (6—9 ноября 1984 г., Галле, ГДР)</i>	3	219
<i>«Четвертые Сергеевские чтения» на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова</i>	1	185
<i>Чтения памяти С. Л. Утченко.</i>	3	216
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — <i>Возможно ли единообразие в транслитерации древнегреческих имен?</i>	3	221
<i>Владимир Георгиев и сравнительно-историческое языкознание</i>	4	216

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Домиций Ульпиан.</i> <i>Об обязанностях проконсула.</i> Перевод с латинского и комментарии <i>А. Л. Смышляева</i> (Москва)	1	194
<i>Цымбурский В. Л.</i> (Москва) — <i>Книга Цензорина и ее значение для истории античной культуры</i>	2	221
<i>Цензорин.</i> <i>Книга о дне рождения.</i> Перевод с латинского и комментарии <i>В. Л. Цымбурского</i>	2	230
<i>Окончание</i>	3	224
<i>М. Туллий Цицерон.</i> <i>Речь в защиту Л. Валерия Флакка.</i> Перевод с латинского и комментарии <i>В. О. Горенштейна</i> (Москва)	4	188

<i>Систематический указатель журнала «Вестник древней истории» за 1981—1985 гг.</i>	1	219
---	---	-----

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Кошурников С. Г.</i> (Ленинград) — Социально-политическая история Дильбата в правление I Вавилонской династии.	3
<i>Самозванцев А. М.</i> (Москва). — О правовом тексте дхармасутр	15
<i>Рубан В. В., Урсалов В. Н.</i> (Николаев) — История денежного обращения на сельской территории Борисфены и Ольвии догетского времени	31

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Фролова Н. А.</i> (Москва) — Золотая монета 338 г. б. э. = 41 г. н. э. Митридата III из собрания ГИМ	54
<i>Сон Н. А.</i> (Киев) — Новая латинская надпись из Тире	60

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Чернышова А. Э.</i> (Иваново) — Пленные в государстве хеттов	69
<i>Гимадеев Р. А.</i> (Ленинград) — 'HPΩΣ 'HPPOΔOTOΣ?	77
<i>Скрябинская М. В.</i> (Киев) — Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII—VI вв. до н. э.	84
<i>Самохина Г. С.</i> (Петрозаводск) — Ροϋβiana: история как наука в эллинистической историографии III—II вв. до н. э.	95
<i>Климов О. Ю.</i> (Мурманск) — Коллегия атталистов в Пергаме	102
<i>Немировский А. И.</i> (Москва) — Бронзовая модель печени из Пьяченцы как календарная система	109
<i>Шичалин Ю. А.</i> (Москва) — По поводу названия трактата Плотина ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΥΠΟΣΤΑΣΕΩΝ (Еп. V, 1)	118

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Кудрявцев М. К.</i> (Ленинград) — Еще раз о кармакарах в «Артхашастре» (В связи с книгой: А. А. В и г а с и н, А. М. С а м о з в а н ц е в. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984)	127
<i>Массон В. М.</i> (Ленинград) — Новый этап в изучении древнеиндийской цивилизации Харашпы	130
<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Новое исследование древнегреческого рабства	140
<i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — Studia Phoenicia. Bijdragen van de Interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (Orientalia Lovaniensia Analecta. V. 15). Leuven, 1983	155
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1984 г.	160

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Панченко Д. В.</i> (Ленинград), <i>Гроссман Ю. М., Лисовой И. А.</i> (Львов) — Научные заседания памяти С. Я. Лурье (1894—1964)	185
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Т у л л и й Ц и ц е р о н. Речь в защиту Л. Валерия Флакка. Перевод с латинского и комментарии <i>В. О. Горенштейна</i> (Москва)	188
Владимир Георгиев и сравнительно-историческое языкознание	216

Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» АН СССР в 1986 г.	220
---	-----

CONTENTS

<i>S. G. Koshurnikov</i> (Leningrad) — Social and Political History of Dilbat in the Riegn of the First Dynasty of Babilon	3
<i>A. M. Samozvantsev</i> (Moscow) — On the Law Text of the dharmasūtras	15
<i>V. V. Ruban, V. N. Ursalov</i> (Nikolaev) — A History of Money Circulation in the Rural Territory of Borysthenis and Olbia	31

PUBLICATIONS

<i>N. A. Frolova</i> (Moscow) — A Gold Coin of Mitridates VIII 338 B. C. = 41 A. D. from the Collection of the State Historical Museum	54
<i>N. A. Son</i> (Kiev) — A New Latin Inscription from Tyras	60

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A. Z. Chernysheva</i> (Ivanovo) — The Captives of the Hittites	69
<i>R. A. Ghimadeyev</i> (Leningrad) — ἩΡΩΣ ἩΡΟΔΟΤΟΣ?	77
<i>M. V. Scrzhinskaya</i> (Kiev) — Heroes of Cimmerician and Scythian Legends in Greek Poetry and Vase Paintings, Seventh and Sixth Centuries B. C.	84
<i>G. S. Samokhina</i> (Petrozavodsk) — <i>Polybiana</i> : Historia as a Science in Hellenistic Historiography in the Third and Second Centuries B. C.	95
<i>O. Yu. Klimov</i> (Murmansk) — Attalid's Assosiation in the Kingdom of Pergamum	102
<i>A. I. Nemirovsky</i> (Moscow) — A Bronze Liver from Piacenza as a Calendar System	109
<i>Yu. A. Shichalin</i> (Moscow) — From the Enneads of Plotinnus ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΤΡΙΩΝ ΑΡΧΙΚΩΝ ΓΠΟΣΤΑΣΕΩΝ (Enn. V, 1)	118

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>M. K. Kudryavtsev</i> (Leningrad) — A. A. V i g a s i n, A. M. S a m o z v a n t s e v. «Artkhashastra». Problemy sotsialnoi struktury i prava. M., 1984	127
<i>V. M. Masson</i> , (Leningrad) — New Stage in Harappa Civilization Studing	130
<i>Martynovich L. P.</i> (Moscow) — New Work on the Problem of Slavery in Ancient Greece.	140
<i>I. Sh. Shifman</i> (Leningrad) — Studia Phoenicia. Bijdragen van de interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (Orientalia Lovanien-sia Analecta. V. 15). Leuven, 1983	155
<i>I. Ye. Borsch</i> (Moscow) — Index of the Literature on Ancient History Published in 1984	160

SCIENTIFIC EVENTS

<i>D. V. Panchenko</i> (Leningrad), <i>Grossman Yu. M., Lisovoi I. A.</i> (L'vov) — Memorial Meetings for S. Ya. Lurie (1891—1964)	185
--	-----

SUPPLEMENT

<i>M. Tullu C i c e r o.</i> The Speech in Defence of L. V. Flakk. Translation from the Latin and Commentary by <i>V. O. Gorenshtein</i> (Moscow)	188
Vladimir Georgiev and Comparative Linguistics	216

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.08.86	Подписано к печати 18.11.86	Формат бумаги 70 × 108 ^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 19,6 + вкл.	Усл. кр. отт. 123,0 тыс.	Уч.-изд. л. 25,4 Бум. л. 7,0
Тираж 6165 экз. Зак. 2866		

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6